ДБ
350
Ф24
Фаресов, А.
Семидесятни-
ки.
Спб, 1905

1701
Фб
350
Ф24

А. И. Фаресовъ.

СЕМИДЕСЯТНИКИ.

ОЧЕРКИ
УМСТВЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ. — Порфирій Ивановичъ Войнаральскій. — «Мерзлый русскій». — Изъ тайговой жизни. — Въ народѣ. — Карійка. — Наша Вандея. — Первый въ Россіи санкюлотъ. — Предшественники Льва Николаевича Толстого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій, 8.
1905.

DB
350
d924.

А. И. Фаресовъ.

СЕМИДЕСЯТНИКИ.

ОЧЕРКИ
УМСТВЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ
ВЪ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій, 8.
1905.

ИСКЛЮЧЕНИЙ
из
Б-ки И М Э Л
ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
566327

Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ.

I.

Вступительное слово. – Родословная А. Н. Энгельгардта. — Его образованіе. — Начальникъ литейной мастерской въ военномъ арсеналѣ и профессоръ химіи въ С.-Петербургскомъ земледѣльческомъ Институтѣ. — Переѣздъ А. Н. въ Смоленскую губернію. — Поднадзорная жизнь въ имѣніи. — Призывъ молодежи къ земледѣльческому труду.

При составленіи очерка объ А. Н. Энгельгардтѣ я пользовался, помимо его литературныхъ трудовъ и личныхъ съ нимъ бесѣдъ, также его письмами къ близкимъ ему людямъ, а именно: къ А. С. Ермолову, проф. П. А. Костычеву, къ А. П. Мертвагѣ, В. А. Анзимірову и т. д. Означенныя лица были такъ любезны, что предоставили въ мое распоряженіе адресованныя къ нимъ Энгельгардтовскія письма для составленія о немъ посмертной статьи, которая и была мною напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» за 1893 г., въ №№ 7 и 8. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что я пользовался помянутыми письмами, конечно, большею частью доподлинно, въ цѣломъ ихъ видѣ; но иногда вносилъ часть оныхъ въ текстъ живой рѣчи А. Н. Энгельгардта въ бесѣдахъ со мною. Это вызывалось тѣмъ соображеніемъ, что рѣчи А. Н., его письма и даже статьи, вслѣдствіе частаго ихъ повторенія и пропаганды, до того стали схожи между собою и по внутреннему содержанію, и по выраженіямъ, что я, ради документальности и лучшей аргументаціи, весьма часто цитировалъ прямо изъ писемъ взгляды А. Н. на тѣ или другіе вопросы жизни, которыхъ въ бесѣдѣ между собой мы касались. Замѣчу кстати, что при воспоминаніяхъ о крупныхъ лицахъ изъ русской жизни и литературы, съ которыми судьба

сталкивала меня (А. Н. Энгельгардтомъ, Н. С. Лѣсковымъ, А. К. Шеллеромъ, П. И. Войнаральскимъ, А. К. Маликовымъ и т. д.), я часто иллюстрировалъ ихъ разговоры со мною текстомъ изъ ихъ писемъ ко мнѣ или къ другимъ лицамъ, такъ какъ въ этихъ письмахъ именно повторялось то самое, что я слышалъ отъ нихъ устно, въ менѣе можетъ быть связной рѣчи, но съ однимъ и тѣмъ по существу содержаніемъ. Этимъ отчасти объясняется и то, что я могу на разстояніи иногда десятка лѣтъ воспроизвести цѣлую картину частной жизни человѣка, съ его живой рѣчью и дѣятельностью.

По времени и убѣжденіямъ, А. Н. Энгельгардтъ принадлежитъ къ лучшимъ людямъ эпохи 60-хъ годовъ, но наибольшую популярность онъ пріобрѣлъ все-таки въ 70-хъ годахъ, являясь съ одной стороны яркимъ пропагандистомъ такъ называемаго «сліянія съ народомъ», съ другой—создателемъ новаго типа хозяйствованія (фосфоритъ и сидерація) для нечерноземной полосы Россіи.

Александръ Николаевичъ Энгельгардъ родился въ Смоленской губерніи 21 іюля 1832 г. и дѣтство провелъ въ имѣніи Климово, Духовщинскаго уѣзда. Въ Смоленской губерніи фамилія Энгельгардтовъ чрезвычайно распространена, начиная отъ предводителя дворянства и кончая урядникомъ.

— Мнѣ нужно было,—говорилъ Ал. Ник.:—ѣхать однажды вмѣстѣ съ губернаторомъ и въ то время, какъ я, одинъ изъ Энгельгардтовъ, садился въ карету, другой Энгельгардтъ рядомъ держалъ руку подъ козырекъ... Насъ, Энгельгардтовъ, много, но никто изъ насъ не похожъ другъ на друга.

А Александръ Николаевичъ не похожъ и на прочихъ людей. Онъ даже своей величественной наружностью выдѣлялся изъ толпы и на различныхъ поприщахъ проявилъ свои исключительныя способности. Не смотря на нѣмецкую фамилію, предки Энгельгардта были романской крови, а не германской. Первоначальная ихъ фамилія французскаго происхожденія—Dur-ange—была впослѣдствіи переведена на нѣмецкій и получилась фамилія Engelhardt. Въ 1848 г. А. Н. поступилъ юнкеромъ въ Михайловское артиллерійское училище и окончилъ въ 1853 г. офицерскіе курсы въ той-же артиллерійской академіи. Въ 1853 году онъ назначенъ въ гвардейскую конную артиллерію и прикомандировывается

къ арсеналу литейщикомъ. Въ 1855 г. онъ назначается въ новый арсеналъ начальникомъ литейной мастерской, гдѣ руководилъ отливкой мѣдныхъ полевыхъ орудій. Способность примѣнять къ практической жизни научныя познанія обнаружилась у Энгельгардта также и въ военномъ дѣлѣ. Пушки съ его вензелемъ были образцовыми и начальство было имъ довольно.

Приблизительно въ этихъ годахъ онъ ѣздилъ съ проф. Шишковымъ на Уралъ съ геологическими и металлургическими цѣлями, а по возвращеніи они устроили себѣ частную лабораторію на Шпалерной улицѣ и усердно занимались химіей—тогда еще совершенно у насъ новой наукой. Вскорѣ Шишковъ былъ командированъ за границу и все время, пока онъ занимался у Либиха, Энгельгардтъ преподавалъ за него химію въ Александровскомъ лицеѣ. Химія въ лицеѣ была полуобязательнымъ предметомъ, т. е. ученики манкировали лекціями, экзаменъ былъ самый поверхностный и т. д. Энгельгардтъ старался пріохотить къ ней своихъ слушателей. Зная, что въ короткій срокъ нельзя ознакомить слушателей съ химіей основательно, онъ задался мыслью популяризовать ее, попутно захватывая свѣдѣнія изъ области физики, геологіи и другихъ естественныхъ наукъ и давая такимъ образомъ слушателямъ все, что необходимо для общаго образованія человѣка. Молодые люди очень скоро подчинились его творческому уму съ художественнымъ талантомъ, увлекательной склонностью къ парадоксамъ и природной веселости. Вліять на молодые умы Энгельгардтъ былъ большой мастеръ и самъ не былъ чуждъ стремленія къ популярности. Но готовый даже польстить слушателямъ и раздуть значеніе какой-нибудь ихъ работы, онъ никогда не имѣлъ въ виду своихъ интересовъ. Чтобы пріохотить къ химіи молодыхъ людей и завербовать ихъ въ научную армію, онъ вліялъ на ихъ самолюбіе, хвалилъ ихъ отвѣты, поддавалъ имъ жару и они воображали себя будущими знаменитостями. Стараясь, чтобы его лекціи были содержательными, онъ добивался и популярности ихъ, и къ научной сторонѣ всегда умѣлъ ввернуть либеральное словцо или острый анекдотъ. Оттого его лекціи могли казаться демонстративными. Такими онѣ были и въ арсеналѣ, гдѣ рабочіе крайне любили своего ученаго литейщика за его

познанія, веселость и острое словцо въ народномъ духѣ. Его давно уже тянуло оставить учено-военную карьеру и всецѣло отдаться кабинетной наукѣ. Въ то время химія дѣлала у насъ первые шаги и преподаваніе ея выражалось въ теоретическомъ чтеніи съ каѳедры. Энгельгардтъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Н. Соколовымъ, стали издавать химическій журналъ и устроили въ 1865 году публичную лабораторію на Галерной улицѣ, на манеръ Гиссенской лабораторіи Либиха, въ которой выработался тотъ типъ ученой лабораторіи, гдѣ экспериментальное изученіе химіи было обстановлено опытами и велось самими учащимися и т. д. Журналъ и лабораторія способствовали ознакомленію заинтересованныхъ лицъ съ движеніемъ химическаго дѣла и руководили распространеніемъ въ Россіи тогда новыхъ воззрѣній—Лорана и Герара. Лабораторія Энгельгардта кипѣла практикантами и онъ неоднократно въ шутку говорилъ:

— Секретъ моего вліянія въ томъ, что я вѣрю въ себя и никогда не сомнѣваюсь въ томъ, что говорю. Когда я утверждалъ на публичныхъ лекціяхъ въ сельско-хозяйственнѣмъ музеѣ, что наука побѣдила тяготѣвшее надъ человѣкомъ проклятіе и онъ уже не добываетъ себѣ хлѣбъ въ потѣ лица, а жена не родитъ дѣтей въ болѣхъ, то никто не сомнѣвался въ могуществѣ науки... Я ссылался на безболѣзненное рожденіе собственнаго сына подъ хлороформомъ и на Америку, гдѣ машины облегчаютъ человѣку его трудъ.

Иллюстрируя такимъ образомъ научныя положенія, онъ дѣлалъ свой предметъ крайне популярнымъ и увлекательнымъ. Его публичныя лекціи въ сельско-хозяйственномъ музеѣ до сихъ поръ памятны петербуржцамъ. Разставшись по независящимъ обстоятельствамъ въ 1866 г. съ военной службой, онъ въ томъ-же 66 г. получаетъ каѳедру по химіи въ С.-Петербургскомъ земледѣльческомъ институтѣ и дѣлается его деканомъ. Здѣсь онъ имѣлъ полную возможность расширить программу преподаванія, съ демонстративнымъ методомъ, съ практическими занятіями и т. д. Институтъ при немъ дѣлается не только учебнымъ учрежденіемъ, выпускающимъ образованныхъ агрономовъ, но и ученымъ, съ авторитетнымъ голосомъ по вопросамъ хозяйства и промышленности. Одинъ изъ учениковъ Энгельгардта, нынѣ

проф. химіи М. Кучеровъ, послѣ смерти А. Н. писалъ въ журналѣ физико-химическаго общества, что «люди, призванные осуществить идею этого заведенія, были на высотѣ своей задачи. Но самая выдающаяся роль въ этомъ отношеніи принадлежала, безъ сомнѣнія, А. Н. Энгельгардту. Его талантъ, энергія, организаторскія способности, мы увѣрены, достаточно извѣстны. Если прибавить къ этому, что онъ былъ уже химикомъ съ именемъ, обладалъ значительной опытностью въ дѣлахъ каѳедры, учебной лабораторіи и ученаго кабинета, находился въ возрастѣ полнаго разцвѣта силъ, то легко представить себѣ вѣроятный результатъ столь хорошо вооруженной иниціативы. Постановка химическаго дѣла въ институтѣ вышла образцовой. Отстроенная по плану и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ А. Н., лабораторія сразу сдѣлалась гордостью института. Ею любовались не только тѣ изъ русскихъ химиковъ, которымъ случалось видѣть ее въ первые годы ея существованія, но и случайные гости изъ иностранцевъ, въ этомъ отношеніи, напротивъ, достаточно избалованные. При лабораторіи составилась хорошая спеціально-химическая библіотека изъ необходимыхъ журналовъ и справочныхъ книгъ. Шкафы кладовой наполнились обильными запасами всего, что нужно въ лабораторномъ хозяйствѣ,—съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы ни широко намѣченный демонстративный характеръ лекцій и никто изъ занимающихся учебно-практическими или научными работами не терпѣлъ недостатка ни въ чемъ».

Не маловажной заслугой Энгельгардта является и то, что онъ умѣлъ остановиться на такихъ помощникахъ и привязать ихъ къ себѣ, которые могли продолжить его дѣло и послѣ того, когда не стало Энгельгардта въ стѣнахъ института; такихъ помощниковъ, какъ химикъ Павелъ Александровичъ Лачиновъ. На это обстоятельство М. Кучеровъ указываетъ въ трогательныхъ словахъ: «Во главѣ химическаго дѣла въ этомъ заведеніи стоялъ человѣкъ, исполненный огня, таланта, иниціативы, экспансивности и множества личныхъ связей въ мірѣ науки, и этотъ человѣкъ полюбилъ Павла Александровича сразу».

Этотъ человѣкъ былъ А. Н. Энгельгардтъ. Дѣйствительно надо цѣнить эту черту въ общественномъ дѣятелѣ: это от-

сутствіе зависти. Не смотря на свою огромную самоувѣренность и славолюбіе, Энгельгардтъ, не былъ слѣпъ къ достоинствамъ другихъ лицъ, радовался имъ и рѣшительно не понималъ соперничества въ одномъ съ собой направленіи. Напротивъ, здѣсь-то Энгельгардтъ и проявилъ себя необыкновенно опытнымъ педагогомъ и всякаго трудолюбиваго и выдающагося человѣка поддерживалъ, хвалилъ, носился съ нимъ въ разныхъ обществахъ и всячески популяризировалъ его.

Такимъ образомъ еще въ институтѣ Энгельгардтъ заботился о томъ, чтобы люди вели общественное дѣло общественными, а не единичными силами, — это то, что онъ впослѣдствіи пропагандировалъ и изъ сельца Батищева частнымъ землевладѣльцамъ, рекомендуя имъ ввести у себя артельное хозяйство. Находясь въ институтѣ, Энгельгардтъ торопился упроченіемъ лабораторіи и образованіемъ около себя школы. Изъ его учениковъ впослѣдствіи вышелъ рядъ профессоровъ и ученыхъ на общественномъ поприщѣ: А. Ермоловъ, В. Ковалевскій, П. Костычевъ, П. Лачиновъ, Маркграфъ, В. Котельниковъ, Заломановъ, Червинскій, Краузе и др.; его помощники и замѣстители, по мѣрѣ силъ, хранили въ стѣнахъ института «традиціи Энгельгардта» и послѣ его удаленія. А онъ весь былъ не только строго-ученымъ лекторомъ среди студентовъ, но всегда находилъ свободную минуту развлечь ихъ и самому увлечься веселымъ разсказомъ, анекдотомъ, не всегда даже скромнаго характера. Около стклянокъ и ретортъ часто раздавался взрывъ хохота, когда профессоръ вспоминалъ свои юнкерскіе годы и учился тому, какъ съ женщиной какого круга надо обращаться; какъ и почему онъ любилъ и разлюбилъ и какое значеніе это имѣетъ на характеръ мужчины и т. д. Но даже и въ этихъ мелочахъ сказывалась натура крупнаго человѣка, всегда занятаго идеей и образомъ. Изъ вопроса о брюнеткахъ и блондинкахъ онъ создавалъ поучительную бесѣду, увлекалъ слушателей въ горячіе споры, находя во всемъ живое, общественное дѣло и аудиторію для своихъ мнѣній и парадоксовъ. Говоря о пустомъ женскомъ характерѣ, онъ всегда умѣлъ доказать слушателямъ, что эти фарфоровыя куклы — ихъ будущія очаровательныя невѣсты; говоря о продажности крестьянскихъ бабъ, онъ

вдругъ заявлялъ, что тотъ не знаетъ настоящей любви, кого не любила крестьянка, готовая на необыкновенныя жертвы для любимаго человѣка; разсказывая анекдоты о фатахъ и набитыхъ дуракахъ, онъ совѣтовалъ не смѣяться и не шутить надъ ними, такъ какъ они могутъ дать тонъ обществу и т. д. Во всемъ и всюду онъ не забывалъ того, что призванъ учить другихъ и увлекать ихъ удивительной игрой своего воображенія и ума. Этотъ умъ былъ прямолинейнымъ въ томъ смыслѣ, что шелъ къ рѣшенію вопроса напрямикъ, не заботясь о послѣдствіяхъ и житейскихъ соображеніяхъ, которыхъ онъ не то что не понималъ, а не хотѣлъ стѣсняться ими, думать о нихъ или дорожить ими. Огромная находчивость и громовый голосъ дѣлали споръ съ нимъ очень затруднительнымъ. Онъ всегда былъ наверху и замучивалъ своего противника. Это былъ трибунъ по призванію. Ужъ на какой бы дачѣ вечеркомъ онъ ни замѣтилъ огонекъ, онъ былъ тамъ и, окруженный студентами, давалъ свои удивительные концерты изъ остроумныхъ парадоксовъ и типичныхъ наблюденій. Его мысли по разнымъ вопросамъ русской жизни и морали до сихъ поръ не изъяты изъ обращенія въ воспоминаніяхъ его слушателей. Но жестоко ошибается тотъ, кто думаетъ, что, при такомъ пестромъ характерѣ своего дарованія, Энгельгардтъ не вносилъ въ научныя занятія порядка, изящества и солидности. При пословицѣ: дѣлу—время, а потѣхѣ—часъ, Энгельгардтъ тщательно слѣдилъ за успѣхами знанія среди студентовъ. Самъ онъ, по своимъ привычкамъ, былъ крайне дисциплинированнымъ и, если такъ можно выразиться, удивительно порядочнымъ человѣкомъ. «Аккуратность — это привиллегія королей», говоритъ Шекспиръ. Такой точно аккуратностью и систематичностью отличался и Энгельгардтъ. Не надѣясь на память, онъ все записывалъ; все было у него уложено въ ячейки, высчитано на шарики, обо всемъ собранъ матеріалъ, записанъ въ справочныя книги, и все, что нужно, онъ могъ сейчасъ же розыскать и дать собственное мнѣніе. Даже во внѣшней обстановкѣ у него было все красиво и солидно: книги въ хорошихъ переплетахъ, мебель—прочная, письменный столъ уставленъ баночками и стклянками съ красивыми, симетрично подобранными жидкостями, которыхъ такъ много въ химіи. Каждому приходу-расходу имѣ-

лись реестръ и учетъ; все выдающееся изъ жизни находило мѣсто въ его много лѣтъ веденномъ дневникѣ. Энгельгардтъ въ этомъ отношеніи благотворно вліялъ на характеръ и привычки студентовъ. Каждый добивался у Энгельгардта въ лабораторіи мѣста и, какъ говоритъ проф. Кучеровъ, кто съ серьезной цѣлью, чувствуя себя вполнѣ созрѣвшимъ сочетаться съ наукой, а кто, случалось, и такъ, потому что не имѣлъ силъ противиться обаянію живого увлекательнаго слова талантливаго профессора и того соблазнительно блестящаго искусства, съ которымъ достойный помощникъ его сопровождалъ это слово экспериментами. Каждый день отъ утра до глубокой ночи можно было слышать не въ томъ, такъ въ другомъ отдѣленіи, среди группъ занимающихся, звучный, слегка картавый басъ хозяина, щедро на всѣ стороны расточавшаго свою помощь, остроуміе и веселость. Въ 1868 г. каѳедра раздѣляется. А. Н. уступаетъ своему помощнику (П. А. Лачинову) чтеніе лекцій на I курсѣ и отчасти сдаетъ ему завѣдываніе практическими занятіями студентовъ. Между старымъ и новымъ преподавателями устанавливаются отношенія вполнѣ уже товарищескія, болѣе этого—настоящая дружба, самымъ выгоднымъ образомъ отражающаяся на всѣхъ дѣлахъ лабораторіи. Ничто ужъ не производится, ничто не предпринимается иначе, какъ сообща. Успѣхъ ростетъ быстрѣе, чѣмъ по днямъ. Изъ среды учащихся стали выдѣляться нѣкоторые ученики, настолько уже подготовленные, что могли принимать участіе въ работахъ своихъ учителей. Какое множество вопросовъ поднято въ лабораторіи Земледѣльческаго института, — въ этомъ можно убѣдиться, просматривая за соотвѣтствующіе годы «Журналъ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства», «Земледѣльческую Газету», отчасти «Bulletns» Петербургской Академіи Наукъ и нѣкоторыя изъ общихъ повременныхъ изданій, Цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдованій доставилъ Энгельгардту извѣстность заграницей, и многія европейскія ученыя общества признали его почетнымъ членомъ, прославъ ему внѣшніе знаки отличія, а у насъ отъ харьковскаго университета въ 1870 г. прислано было ему званіе почетнаго доктора химіи, которыхъ тогда было очень немного; за изслѣдованія о креозолахъ и нитросоединеніяхъ Академія Наукъ присудила Энгельгардту Ломоносовскую премію.

Вообще лабораторія была любимымъ дѣтищемъ Энгельгардта и, ради нея, онъ имѣлъ даже маленькую непріятность съ не менѣе любимыми имъ слушателями. Онъ зналъ, что противъ него готовится демонстрація въ Земледѣльческомъ Институтѣ, и тотчасъ-же явился въ собраніе студентовъ. Начались крики и топанье ногъ.

— Это вы что-же, воскликнулъ Энгельгардтъ въ благородномъ гнѣвѣ: — потеряли даръ слова и выражаете свои мысли ногами и звѣринымъ ревомъ? Развѣ такъ объясняются студенты со своими профессорами? Вы недовольны тѣмъ, что собранныя съ концерта деньги я большею частью употребилъ на лабораторію, а не на пособіе бѣднымъ студентамъ такимъ-то и такимъ-то... Да? Ну, такъ посмотримъ въ журналахъ ихъ права на общественную благотворительность. Вотъ ихъ успѣхи въ научныхъ занятіяхъ: они менѣе, чѣмъ удовлетворительны. Будьте же справедливы: обязанъ-ли я болѣе думать объ этихъ неучахъ, чѣмъ о лабораторіи, и и поддерживать болѣе этихъ будущихъ пенсіонеровъ государства, чѣмъ самое дѣло науки? Будьте справедливы не только къ чужимъ, но и къ своимъ...

Ему все-таки не дали кончить рѣчи, но уже отъ восторга, Начались извиненія и т. п. выраженія признательности.

Въ 1866 г. Энгельгардтъ (вмѣстѣ съ А. Ермоловымъ) былъ командированъ департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности для изученія залежей фосфоритовъ въ средней Россіи (орловской, курской и воронежской губерніяхъ) и примѣненія ихъ для удобренія истощенныхъ пахатныхъ земель, взамѣнъ навоза или правильнѣе сдабриванія его, особенно, если онъ не зерновой (не хлѣбный), а соломистый и потому бѣдный фосфоромъ. Изъ этой ученой экскурсіи онъ вынесъ убѣжденіе, что всѣ юрскіе фосфориты, залегающіе на огромныхъ пространствахъ Россіи и пропадающіе даромъ, отличаются высокимъ (до 30%) содержаніемъ фосфорной кислоты и могутъ оживить хозяйства сѣверной и восточной полосъ Россіи, если заняться добычей и обработкой ихъ. Обстоятельства помѣшали Энгельгардту тотчасъ-же заняться разработкой теоріи о минеральномъ удобреніи. Наступила зима 1870 года, и въ земледѣльческомъ институтѣ тоже стало непокойно. Энгельгардтъ смотрѣлъ сквозь пальцы на студенческія сходки, чтенія и горячіе

споры. Кончилось тѣмъ, что, какъ говоритъ профессоръ Кучеровъ: «настали иные дни. Обычный свѣтъ въ лабораторіи погасъ. Она потеряла своего хозяина». Правда, на мѣсто Энгельгардта, въ Институтъ поступилъ заслуженный химикъ, но уже съ надорваннымъ здоровьемъ Н. Н. Соколовъ; тотъ же очевидецъ говоритъ: «Уже тогда ясно стало, какъ должна сложиться въ этихъ стѣнахъ жизнь въ ближайшемъ будущемъ; ясно стало, что того молодого, жизнерадостнаго, ликующаго характера, какой былъ раньше, у нея больше не будетъ. Дѣйствительно здоровье не позволило Н. Н—вичу такъ обильно развивать свою дѣятельность, такъ всѣмъ заправлять, во все входить, какъ это дѣлалъ его предшественникъ, и онъ отклонилъ отъ себя фактически все, кромѣ чтенія лекцій».

Такимъ образомъ имя А. Н. Энгельгардта тѣсно связано съ лучшимъ періодомъ процвѣтанія земледѣльческаго института, преобразованнаго въ концѣ 70-хъ годовъ въ лѣсной институтъ, уже съ болѣе ограниченной программой, а послѣ смерти П. А. Лачинова, съ сокращеніемъ даже кредита на лабораторію съ 3,000 на 600 рублей.

Послѣ учено-военной карьеры и профессуры въ Петербургѣ, Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ долженъ былъ въ 1871 году уѣхать въ свое имѣніе, сельцо Батищево, находящееся въ глухой мѣстности Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губерніи и окруженное помѣстьями раззоряющихся господъ. Но и въ глуши Смоленской губерніи А. Н—чъ усиленно ищетъ дѣла, которое могло бы поглотить его выдающіяся способности. Отъ 20 февраля онъ пишетъ А. С. Ермолову (нынѣ Министръ Государственныхъ Имуществъ и Земледѣлія):

«Вотъ я, наконецъ, сдѣлался сельскимъ хозяиномъ. Уже три недѣли, что я живу въ Батищевѣ и занимаюсь хозяйствомъ. Дѣла теперь еще мало. Однако, все-таки, день проходитъ какъ-то незамѣтно: хлопочу около дому, дѣлаю условія съ крестьянами на лѣтнія работы, разспрашиваю о томъ, другомъ, пишу письма, а больше соображаю, какъ придется хозяйничать. Имѣніе у меня славное, есть гдѣ развернуться; а что касается мѣстоположенія, то — чудо просто. У меня паркъ въ 200 десятинъ, разумѣется, паркъ безъ дорожекъ, но превосходные рощицы и лужки, все очень

живописно. Впрочемъ, я уже разрѣшилъ сегодня рубку дровъ въ паркѣ. Одна рощица пойдетъ на дрова, а за эти дрова крестьяне мнѣ обязались сдѣлать кое-какія работы. Знаете ли, къ какому я пришелъ выводу. Безъ искусственныхъ удобреній у насъ ничего не подѣлаешь. Иначе мы не можемъ увеличить производительность нашихъ полей (я уже познакомился съ нѣсколькими хозяйствами, и вездѣ одно и тоже), а увеличивать ее намъ выгодно (рожь 7 р., овесъ 3 р., ленъ 11 р.). Урожай въ три зерна уже все окупаетъ. Представьте же себѣ, какой доходъ получится при урожаѣ самъ 10. Хозяйничать, значитъ, можно, но, спрашивается,— какъ? Мыслимы только четыре способа для увеличенія количества удобреній. 1) Улучшить луга; но тутъ первая загвоздка. У меня, напр., луговъ много. Крестьяне косятъ ихъ съ-половины. Очень, казалось бы, просто: скосить лугъ весь въ свою пользу и заплатить за работу деньги, но крестьяне нуждаются въ сѣнѣ, они ни за какія деньги не пойдутъ косить ваши луга (я уже это пробовалъ), а съ-половины пойдутъ косить сколько угодно. Это совершенно понятно. Крестьянамъ нужно сѣно (на своихъ надѣлахъ они сѣютъ хлѣбъ, да и того не хватаетъ); если они будутъ косить вамъ за деньги луга, то откуда же имъ взять сѣна для себя? Сѣно — такой продуктъ, что его невозможно возить издалека. 2) Можно увеличить кормовыя средства, устроивъ какое-нибудь техническое производство. Но на это нуженъ большой капиталъ. Притомъ же самое важное изъ хозяйственныхъ производствъ—винокуреніе—такъ обставлено, что если не мошенничать, то будетъ въ убытокъ. 3) Травосѣяніе—но оно возможно только при батрачномъ хозяйствѣ, а постояннаго батрака у насъ нѣтъ. 4) Остаются только искусственныя удобренія. Это просто, не требуетъ измѣненій въ системѣ работъ, совершенно практично. Весь вопросъ въ томъ, какъ употреблять искусственныя удобренія. Съ хозяйственно-практичной стороны по этой части ничего не сдѣлано. Нужно произвести цѣлые ряды опытовъ для того, чтобы практически рѣшить множество вопросовъ. Ужасно мнѣ хочется взяться за это дѣло, но трудно—очень трудно. Я обладаю необходимыми знаніями, энергіей, настойчивостью, и черезъ годъ всю практику такъ произойду, что любо будетъ. Капитала только не хватаетъ. Опыты требуютъ расхо-

довъ. Опыты нельзя дѣлать, разсчитывая на выгоду. Сегодня я написалъ письмо министру государственныхъ имуществъ, въ которомъ предлагаю ему поручить мнѣ производство опытовъ надъ употребленіемъ костей и фосфоритовъ въ хозяйствѣ, но, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы мнѣ дана была субсидія отъ правительства. Вотъ еслибы дали мнѣ (хотя бы даже во вниманіе къ моимъ прежнимъ заслугамъ) тысячъ 10, тогда я все бы сдѣлалъ. А почему не дать? Давали же Гаврилову за разведеніе романовскихъ овецъ (3,000 р.), давали и другимъ. Казалось бы такъ *по теоріи*, что слѣдовало бы имъ дать мнѣ денегъ на опыты... Я не прошу, но предлагаю, потому что взамѣнъ денегъ даю свой трудъ. Вотъ тогда дѣло у меня пойдетъ на ладъ, и мои труды въ деревнѣ не пропадутъ безплодно для другихъ. А безъ того что? Мое имѣніе слишкомъ мало для того, чтобы прилагать къ нему трудъ человѣка, обладающаго такими знаніями, какъ я. Положимъ, что черезъ мое управленіе имѣніе дастъ мнѣ черезъ нѣсколько лѣтъ 1.000 р. дохода болѣе, чѣмъ теперь. Вотъ и вся плата за мой трудъ. Положимъ, дастъ 2.000, и трудъ мой будетъ оплаченъ, но кому же будетъ отъ этого польза? Между тѣмъ если я сдѣлаю рядъ опытовъ съ костями и фосфоритами—польза будетъ громадная всѣмъ. Если въ министерствѣ не удастся мнѣ, буду искать другихъ источниковъ. Если вамъ не скучно слушать о хозяйствѣ, будемъ переписываться,—я радъ изливаться».

Такимъ образомъ Энгельгардтъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ деревню умѣлъ представить себѣ полную картину своей будущей жизни на подзолѣ. Онъ тогда еще предвидѣлъ, со свойственной ему увѣренностью, широкое приложеніе минеральнаго удобренія на подзолотистыхъ почвахъ, въ то время, какъ объ этомъ въ Россіи еще никто не думалъ. Въ то время онъ не встрѣтилъ поддержки своимъ опытамъ и съ грустью видѣлъ, что обстоятельства принуждаютъ его довольствоваться интересами мелкаго помѣщика. Этого было чрезвычайно мало для Энгельгардта и одиночество въ деревнѣ сильно тяготило его.

Вмѣсто обычныхъ занятій съ креозоломъ, нитрофеноломъ и антроценомъ, Александру Николаевичу пришлось теперь сосредоточиться на дровахъ, хлѣбѣ, скотѣ и навозѣ; вмѣсто студентовъ, единственными слушателями его были староста

Иванъ, приказчикъ Сидоръ, домашній слуга Савельичъ и кухарка Авдотья; иногда къ публикѣ присоединялись сеттеръ «Мильтонъ» и кошка... Одиночество и непріятности поднадзорной жизнь разрѣшились тѣмъ, что А. Н—чъ запилъ...

Этотъ эпизодъ о пьянствѣ его въ деревнѣ исполненъ драматизма—тѣмъ болѣе трогательнаго,—что самъ Энгельгардтъ говоритъ о немъ въ спокойномъ и игривомъ тонѣ. Конецъ 79 года въ Россіи былъ тревожный и мѣстное начальство безпокоило А. Н—ча вѣчными справками объ его образѣ жизни.

«Разумѣется, говоритъ онъ про одинъ изъ подобныхъ случаевъ: я, какъ заслышалъ колокольчикъ, сейчасъ хватилъ. Взглянулъ въ окно, вижу начальническія лошади—еще хватилъ. Повеселѣлъ. Думалъ за сборомъ—нѣтъ. Такъ пустыя бумаженки. Сидитъ, разговариваетъ, смотритъ какъ-то странно, разспрашиваетъ, кто у меня бываетъ, на счетъ постороннихъ лицъ, что хозяйству учиться пріѣзжаютъ, справляется.

Узнаю потомъ, что въ деревнѣ какой-то былъ, распрашивалъ, и все больше у бабъ, кто у меня бываетъ, что дѣлаютъ, какъ я живу, какого я поведенія, «то есть, какъ вы на счетъ женскаго пола», пояснили мнѣ мужики.

Черезъ нѣсколько дней, опять начальникъ изъ нисшихъ, изъ новыхъ, заѣхалъ. Попъ завернулъ, вижу, странно какъ-то себя держитъ, говоритъ обиняками, намеками, точно оправдывается въ чемъ. Стало меня «мнѣніе» брать, а ужъ это послѣднее дѣло. Мужики говорятъ, что даже «поносныя» болѣзни больше отъ «мнѣнія» пристаютъ. Сталъ я больше и больше пить. Дальше, больше. Вижу, навѣщаютъ то и дѣло. А я всякій разъ выпью, да выпью; и все въ разное время: то днемъ, то утромъ, придется, выпьешь и на тощакъ. Чтобы не бѣгать за водкой, поставилъ бутылку въ комнату на письменный столъ. Въ ожиданіи наѣздовъ сталъ потягивать и безъ колокольчика. Слышу и между мужиками толки, подстроиваютъ ихъ: «будете вы, говорятъ, съ бариномъ своимъ въ отвѣтѣ. Что у него тамъ дѣлается? Какіе къ нему тамъ люди наѣзжаютъ? Видано-ли дѣло, чтобы баре сами работали?» Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще стали наѣзжать начальники. И мнѣ кажется, что разспрашиваютъ, шпигуютъ мужиковъ: противъ меня подбиваютъ. Сталъ я

сильно пить, безъ перемежки. Заболѣлъ, ходить не могъ;— страшная одышка, грудь давитъ, сердцебіеніе, руки трясутся, выпьешь — на минутку какъ будто легче, а потомъ еще хуже. Отъ дѣла отбился, явилась страшная раздражительность, всякій пустякъ раздражаетъ, безпокоитъ. Пойдешь въ поле — нѣтъ силы идти, потомъ обливаешься, вернешься домой, возьмешь газетину, еще болѣе раздражаешься, буквы сливаются въ какой-то туманъ, и вдругъ сквозь туманъ лѣзетъ лицо начальника въ кепкѣ... Самъ понимаю, что ужь до чертиковъ допился, самъ знаю, что не нужно пить зелье, и не могу бросить, воли нѣтъ...» (Письма изъ деревни, стр. 468 и 470. Изд. третье).

Отъ полнаго паденія Энгельгардта спасло то, что онъ успѣлъ проникнуться серьезными интересами окружавшей его среды и найти себѣ, наконецъ, живое дѣло.

— Мнѣ хотѣлось знать, говоритъ онъ,—и отношеніе мужика къ его женѣ и дѣтямъ, и отношенія одного двора къ другому, и экономическое положеніе мужика, его религіозныя и нравственныя воззрѣнія, словомъ — все. Я ходилъ всюду, гулялъ на свадьбѣ у мужика, высиживалъ безконечный обѣдъ у дьячка на поминкахъ, прощался на масляной съ кумой-солдаткой, пилъ шампанское на именинномъ обѣдѣ у богатаго помѣщика, распивалъ полштофъ съ волостнымъ писаремъ, видѣлъ, какъ составляются приговоры, какъ выбираются гласные въ земство. Часто мнѣ приходило въ голову, не помѣшался-ли я?.. До такой степени великъ былъ разладъ между дѣйствительностью и тѣмъ, что я представлялъ себѣ въ Петербургѣ. Я положительно думалъ, что я схожу съ ума, и тогда только сталъ нѣсколько спокойнѣе, когда познакомился съ такими людьми, которые знаютъ дѣйствительность, когда узналъ попа, станового и волостного писаря.

Онъ чувствовалъ свой дальнѣйшій ростъ въ деревнѣ и еще глубже сталъ вникать въ ея интересы. Прежде всего онъ усмотрѣлъ противоположность интересовъ въ хозяйствѣ помѣщика и крестьянина: одному нужно продать рожь подороже и купить мясо, другому—нужно, чтобы рожь была дешева и можно было прикупить ее; первый — хлопочетъ, чтобы въ страдную пору мужикъ работалъ на него въ усадьбѣ, а мужикъ хочетъ въ это время обрабатывать свое собствен-

ное поле; помѣщикъ вывозитъ хлѣбъ и тѣмъ истощаетъ имѣніе, а крестьянинъ прикупаетъ хлѣбъ и сѣно извнѣ и способствуетъ дальнѣйшему хозяйствованію на своемъ надѣлѣ и т. д. Въ этой борьбѣ капиталистическаго и кабальнаго землевладѣнія съ крестьянскимъ Энгельгардтъ, вопреки мнѣнію А. Головачева: «Капитализмъ и крестьянское хозяйство», предсказываетъ полную побѣду послѣднему, особенно если крестьяне додумаются сообща обрабатывать землю, сообща вести хозяйство цѣлыми деревнями, сообща арендовать барскія усадьбы и т. д.

Не придавая сокращенію податей, выкупныхъ платежей и увеличенію крестьянскихъ надѣловъ такого рѣшающаго значенія, какъ покойный профессоръ Янсонъ («О крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ»), Энгельгардтъ справедливо полагалъ, что многоземеліе и большіе заработки Америки не спасли ее отъ пролетаріата. «Конечно, говоритъ онъ, будь крестьяне надѣлены землей въ достаточномъ количествѣ, производительность громадно увеличится, государство станетъ очень богато. Но скажу все-таки, что если крестьяне не перейдутъ къ артельному хозяйству и будутъ хозяйничать каждый дворъ въ одиночку, то и при обиліи земли между земледѣльцами-крестьянами будутъ и безземельные, и батраки. Скажу болѣе, полагаю, что разница въ состояніяхъ крестьянъ будетъ еще значительнѣе, чѣмъ теперь. Несмотря на общинное владѣніе землей, рядомъ съ «богачами», будетъ много обезземеленныхъ фактически батраковъ. Что же мнѣ или моимъ дѣтямъ въ томъ, что я имѣю право на землю, когда у меня нѣтъ ни капитала, ни орудій для обработки?»

Общественный идеалъ Энгельгардта увлекалъ собою молодежь семидесятыхъ годовъ. Онъ призывалъ ее къ артельному земледѣльческому труду, говоря:

«Нужна медицинская помощь народу; но помощь, какую устраиваетъ земство,—недостаточна. Доктора-баре не могутъ удовлетворить и стоютъ дорого. Народъ обращается къ своимъ знахарямъ, которые тѣ-же мужики-земледѣльцы. Я желалъ-бы, чтобы на мѣсто мужика-знахаря былъ мужикъ-докторъ, занимающійся земледѣліемъ и въ то же время подающій медицинскую помощь въ округѣ, т. е. чтобы былъ знахарь интеллигентный, учившійся и въ то же время земледѣлецъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

566327

«Нужны ветеринары. Есть мужики коновалы-земледѣльцы. Желаю, чтобы эти коновалы были интеллигентные, учившіеся люди, а не сидящіе по городамъ чиновники-ветеринары.

«Нужны учителя. Желаю, чтобы были учителя-земледѣльцы, которые работали бы свою землю, и зимою, когда свободно, учили ребятъ своей деревни.

«Мы видимъ и теперь, что попы, напр., исполняютъ требы и въ то же время занимаются земледѣліемъ—пашутъ, сѣютъ, косятъ. Послѣднее время попы стали барствовать, менѣе занимаются земледѣліемъ; молодые попы часто вовсе не умѣютъ работать, дѣти ихъ держатъ себя панычами. Это худо, по-моему. Лучше было, когда попъ былъ, какъ прежде, земледѣльцемъ и пріучалъ къ тому же дѣтей.

«Я хочу, чтобы въ массѣ земледѣльцевъ были работающіе лично интеллигентные люди, научно-развитые, которые прилагали бы науку къ практикѣ, изыскивали способы увеличить производительность земли, т. е., чтобы были интеллигентные мужики, земледѣльцы-агрономы.

«Нужно, чтобы были мужики-механики, мужики-инженеры, мужики-архитекторы, т. е. интеллигентные дѣятели, умѣющіе работать какъ мужики».

II.

Исторія Энгельгардтовскихъ колоній. — Возрожденіе «опрощенія» въ «Криницѣ» и въ толстовскихъ колоніяхъ.—«Новый скитъ» Гнѣдича.—Л. Н. Толстой объ интеллигентныхъ колоніяхъ.

Призывъ Энгельгардтомъ русской молодежи къ земледѣльческому труду не остался гласомъ въ пустынѣ. Энгельгардтъ нашелъ себѣ горячихъ послѣдователей среди интеллигенціи, пытавшихся въ цѣломъ рядѣ земледѣльческихъ колоній «опроститься».

Исторія этихъ колоній чрезвычайно любопытна. Свѣдѣнія о нихъ собраны сыномъ Энгельгардта, Николаемъ Александровичемъ, и напечатаны имъ въ біографіи отца, приложенной къ третьяму изданію «Писемъ изъ деревни».

Изъ этой біографіи мы узнаемъ, что когда «первый сѣвшій на землю» Зотъ С. оказался въ Батищевѣ образцовымъ работникомъ, то Энгельгардтъ подбилъ его устроить на сторонѣ интеллигентный поселокъ. Такой поселокъ

«Красная Горка» устраивается Зотомъ въ 1878 г. въ Уфимской губерніи и Энгельгардтъ принимаетъ самое живое участіе въ его судьбѣ. Зотъ на первыхъ порахъ писалъ Энгельгардту о своихъ товарищахъ самымъ восторженнымъ образомъ:

«Семенъ—человѣкъ хорошій, честный, гуманный, умный. Братъ его Ельпидифоръ — юноша, 17-ти лѣтъ, атлетъ по тѣлосложенію, задорный работникъ, горячій, вспыльчивый. Алеша, малый 15-ти лѣтъ, столяръ, земляная работа не для него. Вася, мальчуганъ годовъ 12-ти, ужасно симпатичный парень, замысловатый въ работахъ около дома: то скамеечку передъ крыльцомъ сдѣлаетъ, то лѣстницу, на рѣку за водой ходитъ. Сестра Алеши—работница и хозяйка».

Но практика разочаровала Зота. Семенъ очень скоро возненавидѣлъ физическій трудъ и сталъ ссориться съ Зотомъ. Поселокъ распадался. «Энергія Зота была подорвана. Разочарованіе въ своей семьѣ, какъ онъ смотрѣлъ на семью Семена, подавляло его. Онъ упалъ духомъ. Энгельгардтъ видитъ, что пора выслать подкрѣпленіе. Въ это время въ Батищевѣ открылся новый рой «тонконогихъ». Лучшаго работника, нѣкоего Виктора, посылаетъ 1880 г. А. Н. на помощь Зоту. Миссія его—вернуть Зота на старый, прямой путь, соединиться съ нимъ и основать новый интеллигентный поселокъ».

Викторъ «съ товарищами» поступили къ Энгельгардту въ 1879 году уже второй партіей. По прибытіи въ «Красную Горку», Викторъ прислалъ А. Н—чу въ письмѣ чрезвычайно вѣрную картину нравовъ русскихъ идеалистовъ:

«Подхожу къ поселку, пишетъ онъ,—оврагъ на оврагѣ, гора на горѣ. Встрѣтилась баба и объяснила, что Зотъ уѣхалъ совсѣмъ, а хозяйка скоро за нимъ будетъ. — Какая хозяйка? Оказалось, что Зотъ успѣлъ жениться... Подхожу къ дому, черезъ невозможные овраги,—маленькій, невзрачный домикъ одинъ-одинешенекъ, какъ рекрутъ на часахъ,—къ нему, какъ говорится, ни кола, ни двора; вмѣсто забора еле замѣтная загородка... Справа — маленькій амбаръ, прямо что-то вродѣ навѣса, раздѣленнаго на хлѣвушки для коровъ и лошадей. Вѣтеръ насквозь свищетъ, на дворѣ не пролазная грязь. По двору разбросаны тамъ и сямъ хозяйственныя орудія на жертву

непогоды. По другую сторону дома, прямо къ лѣсу, около входа, стоитъ верстакъ, на немъ лежитъ пила, пострyгъ и еще что-то, и все это немилосердно мочится дождемъ. Подхожу къ окну—ткетъ какая-то женщина. Думаю какая-нибудь батрачка или сосѣдка. Спрашиваю Зота—нѣтъ его. Спрашиваю другихъ—«здѣсь, пожалуйте». Низкая, грязная, настоящая деревенская изба. За столомъ сидитъ и читаетъ газету братъ Семена — солдатъ Александръ. Съ виду дѣйствительно смахиваетъ на оборваннаго солдата. Женщина за столомъ оказалась жена Зота... На палатяхъ валяется съ голыми по колѣни ногами четвертый братъ, здоровенный парнище въ ветхой рубашкѣ... Потомъ входитъ пятый братишка лѣтъ 12, — въ лаптяхъ, въ худомъ зипунишкѣ, грязный... Все это черно и грязно, нечесано, неумыто, грубо, все это хуже мало-мальски зажиточнаго крестьянина... Въ лицахъ и обстановкѣ нѣтъ и намека на интеллигентность, на всѣхъ лицахъ лежитъ какая-то черта апатіи къ окружающему и другъ къ другу, отношенія грубыя, безучастныя... Все это произвело на меня такое подавляющее впечатлѣніе, какого, честное слово, я еще никогда не испытывалъ. Я долго не могъ заснуть и думалъ: «Господи! неужели честнымъ трудомъ нельзя лучше жить, неужели эта бѣдность, во всемъ подавляющая бѣдность, — необходимая спутница въ жизни земледѣльца? Неужели и я такъ буду жить? О, ужасъ! Морозъ по кожѣ деретъ... Нѣтъ, я такъ не буду жить, лучше умереть, чѣмъ такъ жить. Какъ же въ такой обстановкѣ жилъ Зотъ? Да еще жинился»... Такъ думалось мнѣ, а въ это время по избѣ ходитъ сумасшедшая мать Семена, хлопаетъ дверями, окнами, шепчетъ, плачетъ, стонетъ — и это каждую ночь... Наконецъ усталость взяла свое и я заснулъ. Утромъ угостили опять чаемъ (вечеромъ ради моего пріѣзда былъ чай). Дурное впечатлѣніе прошло. Съ бѣдностью и грязью я началъ свыкаться, но съ людьми невозможно примириться: во всѣхъ и на всемъ высшая степень разгильдяйства, крайняя небрежность, нерадѣніе. Напившись чаю, я съ Александромъ отправился въ городъ розыскивать Зота. Увидались мы на постояломъ дворѣ. Онъ пришелъ уже возбужденный не менѣе меня... Александръ улегся спать, а мы вышли за ворота и проговорили до свѣту... Понимали мы другъ друга сразу. Все

забытое или подавленное его некрасивою жизнью, все батишевское я возобновилъ, дополнилъ и разъяснилъ... Въ ту же ночь мы съ нимъ спѣлись: бросить его хозяйство и направиться подъ Стерлитамакъ».

Но новыя мѣста оказались такъ неудобны для земледѣлія, что Викторъ плакалъ отъ неудачъ и досаждалъ Энгельгардту фантастическими планами. Энгельгардтъ писалъ ему: «Я васъ просто не узнаю, читаю и перечитываю ваши уфимскія письма и не узнаю того Виктора, который писалъ мнѣ: «буду питаться чѣмъ попало, акридами, буду валить дерево за деревомъ, корчевать пень за пнемъ... добьюсь своего или паду на мѣстѣ». Просто не узнаю. Это не тотъ Викторъ, котораго я привыкъ считать человѣкомъ дѣла, а какой-то мечтатель! Сидитъ въ обществѣ благодушествующихъ барынекъ и уносится въ міръ фантазій, строитъ испанскіе замки! Люди дѣло дѣлаютъ, косятъ, жнутъ, а онъ игрушками дѣтскими занимается! Что же это такое?. Предположеніе о покупкѣ большого въ 1,000 десятинъ участка земли цѣною тысячъ въ 20 на занятыя у какого нибудь благодѣтеля (да во имя чего же тутъ дать денегъ?) деньги для поселенія какихъ то еще несуществующихъ тонконогихъ—развѣ это не фантазія, не мечта? Что же вы вдвоемъ съ Зотомъ будете дѣлать съ такой уймой земли? На хорошемъ участкѣ въ 1000 дес. можетъ поселиться 50 семействъ, мало 25. Гдѣ же вы возьмете хоть 10 семействъ дѣльныхъ тонконогихъ, которые бы могли работать какъ переселенцы-крестьяне? На кого вы разсчитываете?.. Я знаю васъ и Зота, что можете настояще работать. Не сомнѣваюсь, что есть еще и другіе дѣятельные, способные работать люди (у меня нынче прекрасные ребята есть), но почему же вы думаете, что все это поѣдетъ въ Уфимскую губ.? Когда то еще будетъ, что наберутся люди въ достаточномъ количествѣ для 1000 десятинъ? Конечно, если кликнуть кличъ, сейчасъ же наберется толпа неспособной къ работѣ шушеры, полагающей, что мужицкая работа это такъ себѣ — фукъ — что въ два мѣсяца можно научиться всему, а тамъ завести машины, которыя будутъ сами работать, пока мы будемъ чаи распивать. Вы знаете такой народъ и сами понимаете, что не такому народу вести хозяйство».

Дальнѣйшую переписку Энгельгардта съ піонерами «батищевскаго дѣла» почти невозможно читать безъ слезъ: до того трогательно Энгельгардтъ отзывается на всѣ неудачи своихъ учениковъ, до того нѣжно руководитъ ими...

«На васъ и Виктора,—пишетъ онъ Зоту,—обращены всѣ глаза. Всѣ ждутъ, какъ вы устроитесь на землѣ, какъ осуществите батищевскіе идеалы. Викторъ помнитъ, конечно, какъ ждали мы въ прошломъ году писемъ отъ Зота, какъ радовались мы его успѣхамъ въ хозяйствѣ, какъ горевали, какъ были поражены, когда Зотъ написалъ, что его хозяйство разстроилось, какъ опять радовались, что Зотъ нашелъ мѣсто возчика пива»...

«Викторъ пишетъ, что занятія ваши неопредѣленны, ждетъ весны и отраднаго въ будущемъ. Почему же не отрадно настоящее? Когда то вы не такъ писали о вашемъ хозяйствѣ изъ подъ Уфы! Я помню и вашу телочку, и вашего лѣниваго коня, и вашу радость, когда показались всходы, и вашу уборку сѣна, и васъ—счастливаго, продающаго рѣпу... Какъ я тогда радовался, читая ваши письма,—думалъ, вотъ оно, настоящее-то... вотъ кому счастливо живется на Руси. Теперь не то: все неясно, смутно, неопредѣленно, вяло, безжизненно,—ваши письма не тѣ, точно вы разочаровались»...

«А знаете что, Зотъ и Викторъ? Если вамъ не повезетъ въ Уфимскомъ краѣ, такъ подумайте вы о Батищевѣ. У меня земли много. Подъ Дѣдовымъ отлично было бы устроить хуторокъ—Новое Батищево. Вычистить, выкорчевать подъ Дѣдовымъ—что бы за хозяйство было, хлѣба то какіе буйные пошли, клевера... Жить бы могли сначала въ Батищевѣ, пока не раздѣлается исподволь земля, работали бы да работали, прикопили деньжонокъ и устроились бы. По моему все это можно, не знаю какъ по вашему. Главное дѣло, что тутъ въ Батищевѣ можно было бы устраиваться исподволь, не спѣша, да и товарищи скорѣе бы нашлись. А я бы организаціонный планъ хозяйства составилъ — и вышло бы дѣло».

Викторовскій поселокъ однако хотѣлъ держаться собственными силами, какъ вдругъ внезапная смерть Виктора разстроила всѣ планы общинниковъ и безъ него они разошлись...

У Энгельгардта въ то время, по сосѣдству съ нимъ, при деревнѣ Буково, возникъ третій интеллигентный поселокъ, основанный его ученикомъ, носившимъ прозвище «капитана».

О судьбѣ Буковскаго поселка Ник. Алек. Энгельгардтъ замѣчаетъ:

«Не будетъ вдаваться въ подробности внутренней жизни общины, такъ какъ она повторила тѣ же ошибки и такіе же успѣхи, какіе выпали на долю двухъ первыхъ. Успѣхи Буковской общины шли объ руку съ ея разложеніемъ. Часъ ея красоты былъ часомъ ея паденія. Но не матеріальныя потери огорчали товарищей, а ясно выразившаяся недостаточная «зрѣлость» интеллигенціи для общинной, трудовой, братской жизни».

Намъ хочется сказать, однако, нѣсколько подробнѣе о буковской общинѣ и мы сдѣлаемъ извлеченіе о ней изъ книги А. П. Мертваго: «Не по торному пути».

Онъ пишетъ:

«Основой поселенія была жизнь собственной работой; дальнѣйшихъ цѣлей не имѣлось и объ устройствѣ своей общей внутренней жизни никто не думалъ—все сводилось на экономическіе вопросы поселка. Вслѣдствіе такого направленія первый годъ все шло согласно, но такъ какъ и при четырехъ членахъ надо организовать дѣло и такъ какъ никто не интересовался хозяйствомъ самимъ по себѣ, а всѣ интересовались только созданіемъ жизни «трудами рукъ своихъ», то естестественно, что организація хозяйственнаго предпріятія пала на того изъ членовъ, который болѣе понималъ и детальнѣе зналъ условія веденія хозяйства въ этой мѣстности.

Такимъ оказался Иванъ, уроженецъ Смоленской губерніи, отличный работникъ, знакомый со всѣмъ строемъ здѣшней сельскохозяйственной жизни, человѣкъ довольно энергичный и въ высшей степени самолюбивый. Съ самаго основанія поселка Ивану не нравилось то, что все дѣло развивалось на средства одного изъ членовъ, который въ его глазахъ являлся какъ бы хозяиномъ всего дѣла. Иванъ хотѣлъ, чтобы посёлокъ развивался въ духѣ общины, между тѣмъ какъ «капитаны» стояли за типъ артели; въ этомъ разногласіи уже крылся зачатокъ будущаго разлада. Для Ивана

было важно сохранить основаніе жизни «трудами рукъ своихъ», а для капитанши оказалось невозможнымъ, вслѣдствіе ея слабости и болѣзни, нести громадный трудъ хозяйки двора и пришлось сперва нанять крестьянскую бабу для печенія хлѣба, а затѣмъ нанять для всѣхъ домашнихъ работъ постоянную работницу. Этимъ наймомъ рушилась единственная искусственная связь, которая была въ поселкѣ. Но все это было не замѣтно первое лѣто, такъ какъ работы занимали все время, а въ работахъ все шло согласно, да и большинство голосовъ скорѣе было за «капитановъ», чѣмъ за Ивана. Рознь въ поселкѣ почувствовалась только съ осени 1882 года, когда мужъ и жена Ш. («капитаны») поѣхали въ Петербургъ на зиму, вслѣдствіе необходимости пользоваться помощью доктора.

Теперь Иванъ представлялъ большинство и былъ единственнымъ изъ основателей поселка, а потому считалъ себя въ правѣ принимать новыхъ членовъ. Зимою, какъ я уже говорилъ, поселокъ быстро увеличился и въ него прибавились новые члены, не знакомые съ «капитанами» и уже за зиму привыкшіе на нихъ смотрѣть, какъ на людей, отъ которыхъ будущность поселка зависитъ матерьяльно. Новая молодежь желала работать и вѣрила въ то, что заработаетъ свое существованіе, но то не принималось въ разсчетъ, что хозяйство живетъ работою прошлаго года и что результатами трехъ работниковъ надо будетъ содержать 11 человѣкъ, какъ было лѣтомъ 1883 года.

Пока имѣлись деньги, капитанъ ихъ предоставлялъ на потребности поселка, но наконецъ деньги изсякли и насталъ моментъ, когда стало необходимымъ выяснить дальнѣйшую будущность поселенія. Этотъ моментъ была осень 1883 г.

Очевидно было, что поселокъ съ такимъ количествомъ членовъ не можетъ просуществовать въ теченіе года на работу, сдѣланную при тѣхъ рабочихъ силахъ, которыя имѣлись лѣтомъ 1882 года.

Обсужденіе положенія поселка сосредоточилось не на настоящемъ, а на будущемъ его. Дебатировался вопросъ: быть-ли ему общиной или артелью, и большинство холостыхъ было за первую форму. Ставились предположенія возможности удовлетворенія тѣхъ или другихъ будущихъ

потребностей и рѣшенія сводились къ такому ригоризму въ жизни, что семейнымъ приходилось оставаться въ меньшинствѣ, такъ какъ они не могли допустить мысли объ обязательности постановленій общины для своихъ дѣтей.

Результатомъ этихъ обсужденій положенія дѣлъ и будущности поселка было то, что двое семейныхъ: капитанъ и Владиміръ, въ концѣ 1883 года вышли изъ членовъ. Послѣ выхода четырехъ членовъ положеніе Буковскаго поселенія, повидимому, должно было упрочиться, такъ какъ, во-первахъ, меньшему числу членовъ легче было просуществовать на доходы съ хозяйства, а во-вторыхъ и самолюбіе Ивана было удовлетворено, такъ какъ онъ становился de facto хозяиномъ всего дѣла. Но на самомъ дѣлѣ вышло обратно, такъ какъ съ уходомъ капитана уничтожился единственный противовѣсъ для Ивана, который теперь, не смотря на новый титулъ «члена общины», распоряжался безконтрольно всѣмъ хозяйствомъ и заработками по возкѣ лѣса и дровъ, которой занималась зимою буковская община. Теперь протесты членовъ общины не обсуждались на общихъ собраніяхъ, какъ было въ первоначальномъ поселкѣ, а выражались молчаливымъ уходомъ въ батраки къ Александру Николаевичу, или отъѣздомъ совсѣмъ изъ нашей мѣстности.

Члены новой общины выходили одинъ за другимъ и къ 10 января 1884 г. оставалось два: Иванъ и В-ій, да одинъ изъ вышедшихъ членовъ остался въ качествѣ батрака, надѣясь на возможность въ будущемъ поступленія новыхъ членовъ и болѣе справедливаго устройства жизни.

Въ эту зиму потеряно было все, что было цѣннаго въ прежнемъ буковскомъ поселкѣ, такъ какъ того благотворнаго вліянія интеллигента на сосѣднее населеніе, которое было въ первый годъ, теперь уже не существовало; члены общины не стали замѣтны въ деревенской средѣ и ничѣмъ высшимъ отъ нея не отличались. Лѣсные заработки шли при помощи наемныхъ поденщиковъ и все дальнѣйшее хозяйство велось наймомъ, противъ котораго годъ тому назадъ былъ Иванъ, и что послужило главнымъ образомъ къ тому, что перевѣсъ оказался на его сторонѣ.

Въ началѣ мая вышелъ изъ членовъ «общины» В-ій и теперь Иванъ воплощалъ въ себѣ одномъ «общину»; съ этихъ поръ въ Буковѣ воцарились миръ и согласіе членовъ.

Въ концѣ сентября 1884 года пріѣхалъ капитанъ по вызову Ивана, который предлагалъ предоставить Буковское хозяйство въ распоряженіе Ш. съ тѣмъ, что они уплатятъ ему за наличный хлѣбъ и приплодъ скота, всего на 300 р. Соглашеніе, конечно, состоялось, такъ какъ всѣ постройки и инвертарь, заведенныя на средства Ш., находились на арендованной землѣ, а контрактъ аренды былъ на имя Ивана; слѣдовательно, разсуждать было нечего. Такимъ печальнымъ образомъ окончилась Буковская «община» и на ея мѣстѣ оставалось батрацкое хозяйство «капитана».

Между тѣмъ въ жизни Буковскаго поселка былъ временный прогрессъ и самъ А. Н. Энгельгардтъ хотѣлъ сдѣлаться его членомъ съ тѣмъ, «чтобы никакого имущества внѣ общины не имѣть».

Въ письмѣ къ одному изъ учениковъ практикантовъ отъ 8 февраля 1884 г. онъ очень трогательно говоритъ о своей готовности слить свою личную судьбу съ судьбой общины. Онъ пишетъ: «Эксплуататорское хозяйство, которое я веду въ Батищевѣ, давно уже перестало меня интересовать. Когда я сѣлъ на хозяйство, то Батищевское хозяйство представляло для меня агрономическій интересъ, и этотъ-то агрономическій интересъ поддерживалъ энергію и давалъ жизнь. Получивъ совершенно запущенное и разоренное хозяйство, я быстро довелъ его до того состоянія, въ которомъ вы его видѣли. Организація хозяйства на ново, измѣненіе системы полеводства, введеніе новыхъ культуръ, выводка скота и пр. и пр. — все это представляло интересъ, занимало голову, давало жизнь. Къ этому прибавлялся еще интересъ наблюденія новой для меня деревенской жизни, результатомъ котораго были мои «Письма изъ деревни». Какъ ни великъ былъ однако интересъ агрономическій, какъ ни интересовала меня научно-агрономическая сторона дѣла, — но все-таки меня всегда угнетала экономически-соціальная сторона. Радость агронома всегда отравлялась скорбью человѣческой. Радостно было смотрѣть на роскошный клеверъ, выросшій на батищевскихъ поляхъ, но радость отравлялась, когда я видѣлъ мужика, обязавшагося скосить этотъ клеверъ за деньги, взятыя зимою, когда у него не было хлѣба. Я любовался на тучную корову, дающую по ведру молока, но не могъ въ то же время не думать о горькой судьбѣ

дoящей эту корову подойщицы. Такъ на каждомъ шагу радость, интересъ агрономическій отравлялись. Очень тяжело заниматься выэксплуатированіемъ, когда, эксплуатируя непосредственно соприкасаешься съ эксплуатируемымъ, когда ежедневно, ежечасно долженъ насиловать себя. Знаю, что у человѣка нужда, знаю, что ему нечего ѣсть, даю ему хлѣба, — изволь, только ты мнѣ скоси или сожни то-то и то-то. Иначе-же, какъ въ самой грубой кабальной формѣ, эксплуататорское хозяйство у насъ вести нельзя. Занимаясь въ Петербургѣ наукой, я былъ погруженъ въ научные интересы, и эти интересы непосредственно не отравлялись. Получая жалованье отъ казначея, я и не думалъ, какимъ образомъ деньги попали въ казначейство, какую массу страданій вынесли тѣ люди, которые добыли эти деньги. Я спокойно бралъ заслуженное, заработанное моими научными трудами жалованье. Громадная это разница, когда получаемыя за свой интеллигентный трудъ деньги нужно самолично выэксплуатировать! Чѣмъ менѣе агрономическихъ интересовъ представляло мнѣ хозяйство, тѣмъ тяжелѣе становилось жить. Когда ко мнѣ впервые попросились интеллигенты учиться хозяйству, интересъ агрономическій уже начиналъ ослабѣвать, и я съ жаромъ бросился на новое дѣло. У меня явилась мысль создать въ Батищевѣ практическую академію, въ которой интеллигенты, жаждущіе деревенскаго дѣла, могли бы научиться прежде всего работать такъ, какъ работаетъ мужикъ, научиться агрономіи и, наконецъ, восполнять свое общее образованіе. Когда зимою 81—82 года капитанъ... пріѣхалъ въ Батищево, то я предлагалъ ему и еще нѣкоторымъ другимъ лицамъ... соединиться въ Батищевѣ. Не согласились и главнымъ аргументомъ противъ ставили то, что въ Батищевѣ придется, по недостаточности артели для такого большого хозяйства, все таки вести эксплуататорское хозяйство. Возраженіе — по существу пустое, ибо такое эксплуататорское хозяйство было бы только вначалѣ какъ переходная форма. Я думаю что главною причиною несогласія было то, что боялись — въ Батищевѣ хозяйство будетъ идти подъ моимъ управленіемъ и нельзя будетъ каждому продуцировать свое я,—въ смыслѣ, я, дескать, хозяинъ, я распорядитель, мною держится все. Дальнѣйшій ходъ показалъ, что это именно такъ. Очевидно, что для

многихъ важно было не дѣло, а личное самолюбьишко. Люди были слишкомъ мелки и не доросли до того, чтобы дѣлать такое великое дѣло. Не согласились на мое предложеніе. Пусть такъ. Будемъ производить опыты. Былъ опытъ уфимцевъ, которые именно и уѣхали въ Уфу, не остались въ Батищевѣ, хотя я предлагалъ имъ это въ 1879 году, — прямо объяснивъ мнѣ, что опасаются въ Батищевѣ искусственности дѣла подъ моимъ вліяніемъ. Произведемъ опытъ въ другомъ мѣстѣ... Задумали основать новое хозяйство и основали Буково. Все мое сочувствіе было Букову. Съ основаніемъ Букова я совсѣмъ пересталъ интересоваться моимъ хозяйствомъ и весь отдался Букову. Содѣйствуя буковцамъ матеріально по мѣрѣ силъ, я въ то же время отдался имъ и всею душою. Интересы буковскаго хозяйства для меня были выше интересовъ моего хозяйства. Я жилъ Буковымъ. Первый опытъ въ Буковѣ не удался. Первый контингентъ буковцевъ разошелся. Подождемъ и посмотримъ, что будетъ далѣе. Можетъ быть явится новый контингентъ».

Но, говоритъ сынъ—Энгельгардта, Н. А.: «новаго контингента не явилось». Направленіе, вызванное съ одной стороны «Письмами изъ деревни», а съ другой нашими народниками-беллетристами, смѣнилось инымъ движеніемъ, начало котораго лежало въ Ясной Полянѣ. Въ Батищево начинаютъ являться толстовцы, и хотя между толстовцами и батищевцами было то общее, что мозольный, мужицкій трудъ и простая жизнь обоими ученіями признавались необходимыми для нравственной жизни, но въ остальномъ общаго было слишкомъ мало».

Таблица о пребываніи «тонконогихъ» въ Батищевѣ, составленная тѣмъ же сыномъ Энгельгардта, показываетъ въ живыхъ цифрахъ значеніе Батищевскаго дѣла:

Годы.	Было практикант. Муж.	Жен.	Выданы аттестаты.	Работавшихъ: удовл.	плохо.
1877	2	—	1	1	—
1878	2	1	—	3	—
1879	14	2	5	9	2
1880	7	1	4	3	1
1881	15	6	4	11	6
1882	8	6	—	12	2
1883	7	8	—	12	3
Итого.	55	24	14	51	14

Приведенныя цифры Н. А. Энгельгардъ считаетъ достаточно значительными, «потому-что въ означенный періодъ хотя-бы толстовскія «классическія» гимназіи выпускали ежегодно по 10, 5, а то и по 2 человѣка». По нашему, однако, разумѣнію, ссылка на подобныя гимназіи весьма неудачна. Она скорѣе доказываетъ, какъ былъ ничтоженъ частный починъ человѣка въ дѣлѣ воспитанія русской молодежи.

Распались энгельгардтовскіе «скиты» въ Смоленской и Уфимской губерніяхъ, и поселенцы ихъ разбрелись въ разныя стороны, кто-куда. Но нѣкоторые изъ нихъ перекочевали на черноморское побережье, гдѣ, въ сорока верстахъ отъ Геленджика, находится и теперь интеллигентная колонія «Криница». С. И. Васюковъ въ книгѣ «Край гордой красоты», давая этому «новому скиту» прекрасную рекомендацію, открываетъ однако и отрицательную его сторону. Онъ ничего не говоритъ о нервностяхъ характеровъ его членовъ и очевидно не предвидитъ съ этой стороны опасности для общежитія, но заявляетъ о томъ, что «юридически участокъ колоніи принадлежитъ В. В. Еропкину, фактически же находится въ полномъ пользованіи и владѣніи колоніи «Криницы». Земельныя и имущественныя отношенія между членами колоніи основаны исключительно на взаимномъ довѣріи. Оформить юридически эти отношенія колонисты считаютъ необходимымъ». Несомнѣнно, что безъ этого ихъ существованіе въ скитѣ зависитъ вполнѣ отъ г. Еропкина, и ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что онъ можетъ, какъ и каждый изъ насъ, не во-время умереть или даже просто, для какого-либо весьма полезнаго предпріятія, заложить земельный участокъ, въ разсчетѣ выкупить его, и, сверхъ ожиданія, разориться... Да мало-ли какія могутъ быть случайности изъ самыхъ благородныхъ побужденій частнаго лица, когда ко взаимному довѣрію дѣйствительныхъ членовъ колоніи не приходитъ на помощь и обязательная сила закона. Эта мысль, несомнѣнно, должна угнетающимъ образомъ дѣйствовать на участниковъ колоніи, если только они, при всемъ довѣріи другъ къ другу, понимаютъ, что такое русскій интеллигентъ и его характеръ... Объ этомъ то «русскомъ интеллигентѣ и его характерѣ» пытается дать понятіе и пьеса г. Гнѣдича—«Новый скитъ». Жизнь въ немъ изображена болѣе сложной, чѣмъ въ эн-

гельгардтовскихъ скитахъ. Это вполнѣ понятно, если вспомнить, что вліяніе А. Н. Энгельгардта на русскую молодежь смѣнилось вскорѣ болѣе одухотворенныхъ вліяніемъ Л. Н. Толстого. Существованіе толстовскихъ «скитовъ» обусловлено уже не только работоспособностью и уживчивостью ихъ членовъ между собою, но и высокимъ ихъ альтруизмомъ и подвижничествомъ въ личной жизни и въ борьбѣ со зломъ; они употребляютъ на борьбу исключительно евангельскія мѣры: отдай «послѣднюю рубаху», подставь «лѣвую щеку», не ищи «своего» и т. д. Энгельгардтовскіе колонисты считаютъ необходимымъ оформить юридически взаимныя свои отношенія, въ дополненіе къ довѣрію; а толстовцы не ищутъ «своего»... Это совсѣмъ другое настроеніе, но изобразить его не удалось г. Гнѣдичу.

Онъ исключительно отмѣтилъ черту неуживчивости русскихъ людей и тупое менторство болѣе энергичныхъ членовъ колоніи надъ болѣе деликатными.

Онъ не скрылъ отталкивающихъ сторонъ ихъ характеровъ, вслѣдствіе которыхъ въ «скитѣ» царствовало не святое, а какое-то каторжное равенство. «Скитъ» распадался изъ-за узости и односторонности его членовъ.

Они пристегиваются къ имени Л. Н. Толстого и компрометируетъ собою «новые скиты». Я самъ вспоминаю изъ исторіи интеллигентныхъ колоній одного изъ толстовцевъ, самолюбіе котораго побуждало его играть роль среди молодежи, а неожиданно полученное отцовское наслѣдство— потянуло назадъ, и онъ бросилъ колонію. Другой, совсѣмъ нищій и сумасшедшій, призрѣваемый изъ жалости, выдѣлялся скандалами и шантажемъ, пока его не разглядѣли и не отвернулись отъ него. Третьи и четвертые сознали искренно свои слабыя силы и возвратились на проторенныя дороги. Этого всего много, гдѣ много людей хотятъ жить вмѣстѣ и не привыкли къ братскому сближенію. Тѣмъ не менѣе, ихъ неудачи не заслуживаютъ насмѣшки... Онѣ скорѣе побуждаютъ насъ оглянуться на самихъ себя и провѣрить, въ какой мѣрѣ лучше тѣ изъ насъ, которымъ все удается въ жизни...

Помню, я былъ однажды въ 1898 г. у Л. Н. Толстого и сообщилъ ему о повѣсти М. Ермолиной: «Въ интелли-

гентной колоніи», напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1898 г. № 12.

— Разскажите содержаніе,—произнесъ Толстой.—Меня это интересуетъ.

— Оно заключается въ томъ,—началъ я,—что молодая барышня свободнаго и веселаго характера ѣдетъ въ скитъ къ толстовцамъ. Навстрѣчу ей выѣзжаетъ одинъ изъ колонистовъ и всю дорогу они смѣются, острятъ и мечтаютъ. Но, по пріѣздѣ, кавалеръ совершенно измѣнился и, видимо, конфузится и избѣгаетъ ее. Она сама чувствуетъ въ колоніи такую принужденность, точно она попала въ пансіонъ или ей надѣли нравственные кандалы. Она даже засмѣяться боится въ строгомъ обществѣ колонистовъ. Въ слѣдующіе дни она поражается еще болѣе придавленностью всѣхъ членовъ колоніи: ей хочется послѣ работы отдыхать или гулять по горамъ, а ея кавалеръ уговариваетъ ее итти на чтеніе и томиться тамъ допросами и укорами въ имя личнаго самоусовершенствованія. Авторъ повѣсти, рисуя тяжелую атмосферу колоніи, очевидно, не сочувствуетъ колоніи.

— А я автору не сочувствую,—произнесъ грустно Толстой.—Такое большое дѣло въ колоніи... Среди серьезныхъ людей нельзя, конечно, не къ мѣсту смѣяться и не во время спать... Это само собой нельзя... Вѣдь, какъ это серьезно: собрались люди въ общину, чтобы не заставлять себя дѣлать какую-нибудь унизительную или вредную работу и кормиться этимъ. Они хотятъ сблизить людей во имя христіанскаго идеала, и ихъ промахи и ошибки нисколько не удивительны. Дѣло такое трудное, за которое они взялись. Смѣяться легче надъ нимъ, чѣмъ поправить его. Вѣдь, южную колонію я знаю... Устраиваетъ ее человѣкъ уже пожилой... Старикъ... Сѣдой... Больной... Къ такимъ-то людямъ пріѣзжаетъ молодая дѣвушка и не понимаетъ, что «не къ мѣсту смѣхъ и не во время сонъ» — оттолкнетъ ихъ отъ нея. Вотъ она и высмѣиваетъ такія колоніи. Легко такъ смѣяться. Авторъ приводитъ факты и торжествуетъ вмѣстѣ съ ними надъ «неудачниками». Но надо разобраться, что въ этихъ фактахъ благороднаго и что — нѣтъ... Кому не нужно благородство человѣка—тотъ всегда будетъ преклоняться передъ торжествующими фактами паденія человѣка. А между тѣмъ, какъ

ни мало подготовлены люди къ праведной жизни въ «колоніяхъ», они несомнѣнно исполнены искренности и идейнаго превосходства... Неудачи ихъ легко изобразить, а нравственную силу труднѣе.

Тоже самое и намъ хочется сказать объ Энгельгардтовскихъ колоніяхъ.

III.

Новый типъ хозяйствованія въ нечерноземной полосѣ Россіи.

Наиболѣе важная заслуга Энгельгардта заключается въ новой организаціи хозяйства, могущей служить наилучшимъ типомъ для хозяйствъ нечерноземной полосы Россіи. До Энгельгардта въ Смоленской губерніи помѣщики и крестьяне сѣяли по старо-пахотнымъ полямъ все тѣ же рожь и овесъ, удобряя старыя пашни навозомъ, сокращая запашки и допуская одичать послѣднимъ подъ кустарникомъ или выгономъ. Кромѣ того, вслѣдствіе постоянной культуры хлѣбовъ, которые къ тому-же вывозились изъ имѣній, земли чрезвычайно были истощены извлеченіемъ изъ нихъ фосфорной кислоты и азота. Энгельгардтъ сначала также возился на ограниченномъ клочкѣ пахотной земли, углубляясь въ нее, удобряя ее дорого стоющимъ навозомъ, сдабривая навозъ костной мукой—и не обращая вниманія на одичаніе прочихъ земель; но эта интенсивная система была и дорога, и не имѣла значенія для цѣлой территоріи. Онъ, наконецъ, вылѣзъ изъ навоза и спросилъ себя: какой смыслъ въ томъ, что необозримыя пространства земли будутъ пустовать, принося ничтожную пользу тою скудною растительностью, которую производятъ сами собою, безъ всякой культуры одичавшія земли, а на маленькихъ клочкахъ земли будетъ вестись интенсивная культура? Неужели не ясна вся нелѣпость подобной хозяйственной системы? Поэтому Энгельгардтъ сталъ распахивать «облоги»—запущенныя послѣ «Положенія» пахатныя земли и отрѣзанныя отъ крестьянъ полевыя земли — и, поднявши всѣ облоги, посѣялъ ленъ, послѣ льна, по перелому отлично родилася рожь, а послѣ ржи засѣялъ на нѣсколько лѣтъ пашню клеверомъ и тимофѣевкой, чередуя такимъ образомъ хлѣбъ съ травой.

— Спросятъ, что-же вы будете дѣлать, когда подымите всѣ облоги? Буду продолжать то же самое. Ежегодно я подымаю 8 десятинъ облогъ и на то мѣсто засѣваю 8 десятинъ старопахотной земли клеверомъ съ тимофѣевкой, которыя и запускаю. Черезъ шесть лѣтъ эти десятины будутъ представлять чистые облоги, которые опять пойдутъ подъ ленъ. Обработка этихъ десятинъ будетъ уже легка, потому что корчевать не будетъ надобности и подымать чистые облоги безъ кореньевъ легко.

Такимъ образомъ Энгельгардтъ расширялся по землѣ, заведя у себя 15-полный сѣвооборотъ: 1) паръ, 2) рожь, 3) яровое, 4) паръ, 5) рожь, 6) яровое, 7) паръ, 8) рожь, 9) трава, клеверъ съ тимофѣевкой, 10) трава, 11) трава, 12) трава, 13) трава, 14) трава (первые года на укосъ, потомъ на выгонъ), 15) ленъ.

— Распахивая новыя земли, говоритъ Энгельгардтъ, я ихъ присоединяю къ старопахотнымъ землямъ, привожу въ культурное состояніе, ввожу въ общую систему и, засѣвая новыя земли льномъ и хлѣбами, въ то же время засѣваю старыя земли травами, чтобы онѣ, оставаясь подъ травой, отдохнули и потомъ смѣнили новыя земли, когда тѣ, пробывъ извѣстное время подъ хлѣбами, поступятъ подъ травы. На остальной-же территоріи дѣлается не такъ. Крестьяне, снявъ въ аренду новыя земли, распахиваютъ ихъ и засѣваютъ льномъ, хлѣбомъ до тѣхъ поръ, пока не истощатъ, а затѣмъ бросаютъ. Слѣдовательно, распахиваемыя нови не поступаютъ въ культуру и, разъ выпаханныя, забрасываются, послѣ чего надолго остаются непроизводительными, пока не придутъ въ такое состояніе, чтобы быть годными для новой распашки, старыя-же земли, хотя и удобряются на счетъ распахиваемыхъ новей, но не приносятъ того, что онѣ могли-бы дать, не даютъ того, что даютъ у меня старыя земли, оставаясь извѣстное время подъ травами, пока распахиваются нови.

Эта форма экстензивной системы у Энгельгардта является совершенно новой для нечерноземной полосы Россіи и заслуга Энгельгардта въ томъ, что онъ показалъ, какъ на плохихъ земляхъ возможно вести хозяйство и какъ культивировать одичалую землю, не прибѣгая къ дорогимъ виллевскимъ тукамъ и не проклиная земледѣльческаго труда.

До него всѣ говорили о хозяйствахъ на черноземной полосѣ Россіи и отрицали его въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ. Энгельгардтъ разувѣрилъ насъ въ этомъ и, по справедливости, можетъ считаться «мѣднымъ зміемъ» для хозяйствъ на подзолистыхъ почвахъ.

Но было-бы недостаточнымъ сказать объ его улучшенной системѣ хозяйства, не упомянувъ о томъ, какую роль играютъ фосфоритъ и сидерація въ его 15 польномъ сѣвооборотѣ. Вслѣдствіе исключительной культуры хлѣбовъ и отсутствія травосѣянія, наши земли испытываютъ недостатокъ азота, а черезъ произрастаніе зерна, вывозимаго заграницу и закрѣпляемаго въ животныхъ организмахъ питаніемъ, земля также не получаетъ обратно извлеченную изъ нея фосфорную кислоту. Отсюда является необходимость удобрять землю: тамъ, гдѣ не достаетъ азота—(гдѣ не было навоза и залуженія выпаханныхъ земель) надо употреблять «универсальное удобреніе» (навозъ), какъ наиболѣе азотированное вещество; тамъ, гдѣ, по сравнительнымъ урожаямъ, ощущается недостатокъ фосфорной кислоты, — удобрять почву фосфоритами, суперфосфатами, костями и т. д. Костяное и азотное (навозъ) удобренія весьма ограничены въ природѣ. Между тѣмъ у насъ имѣются огромные природные запасы хлѣбныхъ силъ, на которые до Энгельгардта въ Россіи никто не обращалъ вниманія: это накопленное богатство азота (перегной пустошей и облогъ) и залежи фосфорита.

Командированный (вмѣстѣ съ А. С. Ермоловымъ) въ 1866 г. департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности для изслѣдованія залежей фосфорита въ воронежской, курской и орловской губерніяхъ, Энгельгардтъ первый заговорилъ о неистощимыхъ запасахъ фосфоритовъ Сѣверной и Средней Россіи и значеніи ихъ для удобренія почвъ. Тотъ-же департаментъ ассигновалъ ему на 1887, 1888 и 1889 гг. по 500 руб. на пріобрѣтеніе фосфоритной муки для производства опытовъ удобренія. Дѣятельность Энгельгардта по этому предмету выразилась въ томъ, что онъ точно опредѣлилъ: a) гдѣ хозяину нуженъ навозъ, b) гдѣ фосфоритная мука, c) гдѣ они нужны вмѣстѣ и d) гдѣ совсѣмъ можно обойтись безъ навоза, замѣнивъ его фосфоритной мукой и сидераціей (оставленіемъ выпаханныхъ земель подъ травами, чтобы почва азотировалась). Система

Энгельгардта, заключающаяся въ чередованіи хлѣбовъ на травы и травъ на хлѣбы — имѣетъ то преимущество, что какъ говоритъ одинъ изъ учениковъ Энгельгардта (А. Мертваго): «для раздѣлки пустошей навоза не надо; въ ихъ дернинѣ вѣками накоплено много «Божьяго навоза» съ такимъ содержаніемъ азота, что задача раздѣлывателя должна заключаться только въ томъ, чтобы стараться какъ-нибудь задержать и растянуть на болѣе долгое время разложеніе дернины и не дать возможности азоту, благодаря тщательной обработкѣ, теряться безъ пользы для хозяйства. Но чтобы утилизировать эти богатѣйшія залежи азота, составляющія семь восьмыхъ площади нечерноземной Россіи, намъ надо имѣть въ своемъ распоряженіи фосфорную кислоту и известь, въ союзѣ съ которыми мы только и можемъ утилизировать накопленный вѣками азотъ. Мы знаемъ, что до сихъ поръ удобряли навозомъ ради внесенія въ почву фосфорной кислоты и вслѣдствіе этого растрачивали азотъ, находящійся въ навозѣ, непроизводительно; мы знаемъ теперь, что можемъ заправить свои земли дешево фосфоритной мукой».

Работая на облогахъ и пустошахъ (безъ навоза и скота) при помощи одной фосфоритной муки, распахавъ и истощивъ дернину, снявъ нѣсколько богатыхъ урожаевъ льна и хлѣба и, замѣчая, наконецъ, уменьшеніе оныхъ, вслѣдствіе изъятія изъ земли азота, слѣдуетъ прибѣгнуть къ сидераціи (зеленое удобреніе), т. е. обратить выпаханныя земли подъ луга, выгоны, лѣса и навозныя пашни. Такимъ образомъ является система хозяйствованья безъ навоза, при помощи фосфорита и сидераціи. За-то не слѣдуетъ примѣнять фосфоритную муку на изстари удобряемыхъ навозомъ почвахъ, богатыхъ поэтому перегноемъ, азотистыми и минеральными питательными веществами. Такія почвы богаты и безъ того фосфорной кислотой и фосфоритъ на нихъ не дѣйствуетъ. Вообще фосфоритная мука вноситъ только фосфорно-кислую известь и будетъ дѣйствовать въ такомъ только случаѣ, если въ почвѣ есть достаточно азота, поэтому: а) примѣнять фосфоритную муку лучше всего на почвахъ болѣе богатыхъ азотомъ на переломахъ послѣ клевера или травъ, на переломахъ послѣ облогъ или даже просто на отдохнувшихъ (наазотировавшихся) сколько нибудь почвахъ; б) въ равной степени фосфоритъ имѣетъ мѣсто на подзо-

листыхъ и истощенныхъ почвахъ, гдѣ черезъ прибавленіе фосфора возстановляется правильный составъ всѣхъ элементовъ почвы, нужныхъ для ея плодородія. Такимъ образомъ фосфоритъ оказываетъ временное вспомоществованіе почвѣ; но когда другіе ея элементы (азотъ, кали и т. п.) истощаются, тогда уже фосфоритъ не поможетъ плодородію земли. Энгельгардтъ не упускаетъ этого важнаго обстоятельства изъ виду, говоря на этотъ случай объ обогащеніи азотомъ выпаханныхъ земель при помощи «зеленаго удобренія» (травъ) или универсальнаго удобренія (навоза). Когда при помощи навоза или травъ возстановится правильный составъ почвы и послѣ нѣсколькихъ урожаевъ послѣдніе станутъ уменьшаться, тогда слѣдуетъ вновь прибѣгнуть къ фосфориту до тѣхъ поръ, пока временное его вспомоществованіе будетъ полезно почвѣ, а потомъ опять навозъ или травы. Словомъ, послѣ плуга должна идти коса, послѣ косы опять плугъ. Кромѣ временнаго и важнаго значенія фосфорита на подзолистыхъ и азотированныхъ почвахъ, фосфоритъ, по мнѣнію химика Л. Шишкова, имѣетъ значеніе и въ черноземныхъ губерніяхъ для улучшенія качества навоза тамъ, гдѣ нѣтъ винокуренія и гдѣ навозъ не зерновой (не хлѣбный), а соломистый. Разсыпанный по такому навозу, фосфоритъ сообщаетъ ему тѣ самыя минеральныя части, которыя заключаются и въ корму для скота. Открытіе столь важнаго значенія фосфорита для хозяйствъ принадлежитъ всецѣло А. Н. Энгельгардту. Какъ баронъ Клейфельдтъ со своимъ клеверомъ былъ важенъ для Германіи, такъ для насъ дорогъ Энгельгардтъ со своимъ фосфоритомъ.

IV.

Мое знакомство съ А. Н. Энгельгардтомъ въ 1878—79 г. и пребываніе въ с. Батищевѣ.

Мое личное знакомство съ Энгельгардтомъ началось въ то время, когда онъ устроилъ у себя въ Батищевѣ сельскохозяйственную станцію, куда русская молодежь съѣзжалась съ разныхъ концовъ Россіи учиться на практикѣ земледѣльческому труду.

Я пріѣхалъ въ первый разъ къ А. Н. Энгельгардту около 9 ч. утра—если память не измѣняетъ мнѣ—зимой 1878—

79 гг. Онъ уже окончилъ пить чай, и на столѣ у него лежала развернутая записная книга. Онъ, очевидно, работалъ надъ ней, но встрѣтилъ меня, стоя по серединѣ своего кабинета. Мощная его фигура производила цѣльное впечатлѣніе: онъ былъ высокаго роста, широкоплечій и прекрасно сложенъ. Большая голова была украшена длинными и посеребренными волосами, съ небольшой бородой, а глаза, съ сѣрымъ и стальнымъ блескомъ, имѣли неподвижный и слегка величавый взглядъ. Полушубокъ его лежалъ на креслѣ, а самъ онъ одѣтъ былъ въ простую фланелевую рубашку и широкія шаровары, засунутыя въ сапоги чернаго товара. Красный цвѣтъ рубащки въ деревнѣ, какъ онъ говорилъ, составляетъ пріятное разнообразіе въ сопоставленіи съ сѣрымъ небомъ, сѣрою погодою, сѣрыми постройками и сѣрыми пашнями. Слѣдуетъ прибавить, что просторный кабинетъ хозяина не былъ оклеенъ обоями и бревенчатыя его стѣны напоминали опрятную избу крестьянина. Онъ былъ эффектенъ въ своемъ народномъ костюмѣ. Я отрекомендовался *).

— Очень радъ! Садитесь. Рѣдко уже кто ѣздитъ ко мнѣ. Больше лѣтомъ, а зимой рѣдко. Одинъ все. Хотите закусить? Нѣтъ? Ну, въ такомъ случаѣ Савельичъ поставитъ намъ самоваръ.

Онъ пошелъ отдать приказаніе на кухню, а я сталъ осматривать его помѣщеніе. На большомъ письменномъ столѣ лежали книжки «Отечественныхъ Записокъ», спеціальныя книги, счеты и банки съ шариками изъ тѣста, по которымъ онъ считалъ дни, когда новорожденнымъ телочкамъ должно исполниться шесть недѣль и нужно перемѣнить режимъ ихъ жизни. Несмотря на обиліе предметовъ, каждая вещь лежала на своемъ мѣстѣ. Широкія кресла и диванъ были обиты телячьей кожей, невольно обращая на себя вниманіе красотой и солидностью. Въ комнатѣ не было ни портретовъ, ни бюстовъ, ни картинъ. Нѣсколько сухихъ овощей и какія-то склянки съ химическими жидкостями стояли на окнахъ.

*) Нужно при этомъ сказать, что въ то время обстоятельства моей жизни такъ сложились, что я не имѣлъ собственныхъ документовъ и жилъ подъ чужимъ именемъ. Тѣмъ не менѣе, въ первый же визитъ къ Энгельгардту мы такъ оба разоткровенничались къ концу дня, что я признался ему въ своей нелегальности и былъ очень обрадованъ тѣмъ, что онъ просилъ меня не бояться за него лично и пріѣзжать къ нему во всякое время.

— Спартанская у васъ обстановка,—произнесъ я, когда А. Н. возвратился въ кабинетъ.

— Это вамъ такъ кажется послѣ Питера, — отвѣтилъ онъ. — Впрочемъ и мѣстные помѣщики удивлялись первое время моему образу жизни: думали—возьму экономку, куплю прежде всего лошадей, парадную сбрую, экипажъ, а вмѣсто этого я только увеличилъ количество скота, и сталъ расчищать луга, сѣять ленъ. Въ деревнѣ, — пояснилъ онъ, — прежде всего надо жить проще, беречь деньги для разсчета съ рабочими и порѣже ѣздить въ городъ. Прежде всего сократить расходы на себя самого и ограничить себя въ своихъ потребностяхъ. А то мы живемъ въ деревнѣ по городски, и наше разореніе начинается съ этого пункта. А между тѣмъ можно жить и ѣсть дешево, если дѣлать *русскій* обѣдъ. Посмотрите, какъ дешево живутъ даже въ Петербургѣ *русскіе*, т.-е. купцы, мѣщане, крестьяне, дворники. Щи и каша—вполнѣ удовлетворительная ѣда, пожирнѣе только нужно дѣлать. Щи — такія, что не продуешь, на сонъ бросаетъ (свинины подбавлять). Впрочемъ интеллигентные люди не любятъ жирнаго варева и предпочитаютъ нѣмецкій столъ. Ну да нужда, дороговизна, научатъ ѣсть по-русски.

Вскорѣ Савельичъ принесъ намъ на столъ самоваръ и тарелку съ чернымъ хлѣбомъ.

— А маслица-то, Савельичъ... Маслица-то принеси! Надо ужъ и обѣдъ приготовить гостю. Себѣ я не заказываю, — пояснилъ онъ. — Я уже закусилъ... Теперь я одинъ... Дочь гоститъ въ Петербургѣ у матери, и одному ѣсть не хочется. А вдвоемъ я охотно пообѣдаю. Теперь у меня телячій сезонъ: всюду телятина. Вы любите? А бываютъ еще курячій и свинячій сезоны. И въ щахъ, и въ жаркихъ ѣдимъ свинину, а потомъ куръ. Въ деревнѣ все такъ. Это не у Эрбера въ Петербургѣ.

— А вы нѣтъ-нѣтъ, да и вспомните его въ своихъ «Письмахъ».

— А-а... Многое вспомнишь здѣсь! Многое! Потерявши—плачемъ... Письмо пріятеля изъ Петербурга по десяти разъ перечитываешь; все-же лучше, чѣмъ сидѣть одиноко въ этомъ креслѣ съ сеттеромъ «Мильтономъ» и кошками... Староста Иванъ, бывало, глядитъ, глядитъ на меня и не выдержитъ: начнетъ предлагать вновь чайку попить или къ

господамъ съѣздить познакомиться, — барыни тоже есть. Съ тоски въ городъ ѣздилъ смотрѣть людей, которые носятъ сюртуки, пьютъ шампанское, а не водку, получаютъ жалованье и не платятъ податей, — бываютъ въ театрѣ, имѣютъ женъ, которыя носятъ красивыя ботинки, и отъ которыхъ не пахнетъ навозомъ, ни кислымъ молокомъ. Петербурга захотѣлось!

Въ голосѣ профессора звучала нѣжность при перечисленіи столь обыкновенныхъ, но для него запретныхъ предметовъ. Чувствовалось, какъ тяжело этому истому питерцу сосредоточиться исключительно на дровахъ, хлѣбѣ, скотѣ и навозѣ. Самоваръ у насъ давно кипѣлъ, чай перестоялся, а А. Н. говорилъ все о своей деревенской жизни, обращаясь иногда въ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ».

— Самое большое мое несчастье въ томъ, что я общественный человѣкъ,— говорилъ онъ.—Ужъ, бывало, на какой дачѣ въ «Земледѣльческомъ Институтѣ» увижу огонекъ—я тамъ. Цѣлую ночь съ молодежью — и отводишь душу, а утромъ въ лабораторіи, все съ ними же... Наукой мы занимались серьезно... По ночамъ даже занимались въ лабораторіи. Я не могъ быть ни одной минуты безъ аудиторіи... Я родился профессоромъ, и мнѣ вынь да подай каѳедру. Я и здѣсь читаю лекціи кухаркѣ Авдотьѣ о томъ, какъ по химіи слѣдуетъ приготовлять сиропъ изъ ягодъ, предохранять консервы отъ гніенія и плесени, о вліяніи высокой температуры на зародыши и т. д.

А. Н. смѣялся и заражалъ меня своимъ весельемъ. А между тѣмъ здѣсь было много горя, если подумать о томъ, что научными бесѣдами со своей Авдотьей профессоръ думалъ замѣнить себѣ своихъ петербургскихъ слушателей.

— Среди моихъ учениковъ, — продолжалъ онъ, — были нынѣ извѣстные люди: А. Ермоловъ, В. Ковалевскій, П. Лачиновъ, П. Костычевъ, М. Кучеровъ, Н. Золомоновъ, Маркграфъ, Краузе и другіе. Мое мѣсто — тамъ, среди нихъ, а не здѣсь...

— Это цѣлая школа образованныхъ людей...

— Я всегда думалъ, что ни одно дѣло нельзя окончить личными силами. Я бы хотѣлъ и здѣсь изъ пріѣзжающихъ ко мнѣ «тонконогихъ» создать интеллигентную деревню и, умирая, передать имъ свое Батищево въ артель-

ное хозяйствованіе. Главное, надо развить въ народѣ артельную организацію труда. Иначе—будетъ ли новое «Положеніе», по которому крестьянамъ прибавятъ земли и уменьшатъ платежи,—все равно преимуществами воспользуется одинъ Егоренокъ... Кулакъ такой у насъ есть! Это мы видимъ въ Америкѣ, гдѣ и земли было вволю, и заработки большіе, но не было артельнаго хозяйства—и образовался пролетаріатъ. Можетъ быть, мои «тонконогіе» и сдѣлаются артельными мужиками. Неужели же всѣ они попадутъ въ геніи, чиновники или болтуны?

— Это что же—новыя сословія?

— Да, пусть каждый спроситъ себя: если онъ не геній, не мужикъ и по натурѣ не чиновникъ, то кто же онъ такой, какъ не болтунъ? Признаете ли вы правильнымъ это дѣленіе?

— Похоже на правду...

— Я и самъ былъ бы болтуномъ, еслибъ не химія... За что-нибудь с.-петербургская академія наукъ присудила мнѣ ломоносовскую премію, а харьковскій университетъ—почетное званіе доктора химіи. Однако, хвастаться уже начинаю... Я послѣ покажу вамъ мои ученые дипломы и награды. Пусть каждый интеллигентъ опредѣлитъ себя по моимъ примѣтамъ. Сама жизнь сортируетъ людей въ такомъ порядкѣ, и скажу смѣло: геній или талантъ можетъ жить въ наше время болѣе или менѣе счастливо, мужикъ—тоже, и чиновникъ, карьерный человѣкъ—тоже... Но горе болтуну: онъ не мужикъ и не чиновникъ. Болтунъ въ наукѣ, болтунъ на государственной службѣ—самые несчастные люди и самые распространенные въ нашъ вѣкъ. Они могутъ спастись въ томъ случаѣ, если обучатся мужицкому труду и образуютъ изъ себя интеллигентную деревню.

Напавъ на свою любимую тему, Энгельгардтъ долго распространялся о ней, нисколько не смущаясь тѣмъ, что находясь подъ надзоромъ и видя меня въ первый разъ, онъ посвящаетъ меня въ подробности своей жизни и что его деревенская жизнь съ «тонконогими» обращаетъ на себя вниманіе и безъ собственныхъ его усиленныхъ комментаріевъ. Но для него не существовало этихъ житейскихъ соображеній, разъ онъ увлеченъ образомъ или идеей. Мое имя и имя всякаго другого не занимало его мысли

ни одной минуты—оттого онъ былъ сразу съ вами на короткой ногѣ и въ то же время могъ спросить завтра: какъ васъ зовутъ... Онъ успѣлъ только сказать мнѣ, чтобы я пилъ чай, и опять продолжалъ говорить:

— Я цѣню интеллигентнаго человѣка постольку, насколько онъ мужикъ. Познанія его мнѣ не нужны; достаточно и того, что уже сдѣлано интеллигенціей. Необходимо, чтобы онъ подѣлился съ народомъ своимъ умственнымъ богатствомъ, а для этого ему самому нужно выработать себя такъ, чтобы хозяинъ-мужикъ согласился его нанять въ батраки и далъ бы ту цѣну, какую онъ даетъ батраку изъ мужиковъ. Несутъ же интеллигентные люди солдатскую службу наравнѣ съ мужикомъ. Не миловали же ихъ въ траншеяхъ подъ Плевной!

— Это вѣдь противъ васъ доводъ, А. Н. Васъ никакія соображенія не останавливаютъ, разъ вы надумали что-нибудь... Даже траншеи подъ Плевной ни по чемъ! Солдатъ надѣется послѣ войны обрѣсти миръ и покой, но если сліяніе съ народомъ—безконечныя траншеи подъ Плевной, то кто же согласится влачить такое существованіе?

— А? Вонъ!.. вонъ вы что говорите! Я круто поворачиваю. Думаете: кишка—тонка, не выдержитъ?

— Полагаю.

— А не полагаете того, что вашъ Лассаль и Марксъ также крутъ для русскихъ людей? Я не то, чтобы не понималъ ваши соображенія, а просто не хочу руководиться ими. У кого кишка тонка для жизни съ простымъ народомъ, тотъ пусть идетъ въ чиновники или болтуны.

— Вы меня препираете къ стѣнѣ, А. Н. Между тѣмъ все, что вы говорите, парадоксы...

— А сбейте меня съ этого парадокса... Для практическихъ цѣлей нужны и парадоксы. Вы хотите сказать, что у меня логика слаба?

— Напротивъ! Она у насъ неотразима. Съ логической стороны вамъ нечего возразить, но наши чувства возмущаются... У васъ одна логика, одна идея, вы не берете въ разсчетъ ни привычки людей, ни житейскія условія... Въ этомъ секретъ обаянія всѣхъ прямолинейныхъ умовъ.

— Для моего дѣла не нужны гг. Виляевы...

— Но и въ земледѣльцы трудно идти...

— Піонерами всегда будутъ лучшіе люди, а люди съ тонкой кишкой сами не пойдутъ ко мнѣ... Наливайте себѣ чаю. Я не зову баловаться мужицкимъ трудомъ. Пріѣдетъ ко мнѣ тонконогій и сейчасъ поступаетъ въ распоряженіе старосты, простого мужика... А мой староста не отойдетъ отъ вашей кровати поутру, пока вы не станете на работу. Ну, правда, животы болятъ у тонконогихъ первыя двѣ недѣли, а потомъ ничего, работаютъ по настоящему. Вотъ, кто остается у меня — все больше изъ провинціи. Питерскіе скоро бросаютъ меня и называютъ меня кулакомъ. Думали, что мнѣ нужны ихъ умные разговоры, а я плевать хочу на ихъ нѣмецкія мысли. У меня своихъ достаточно! Я уже составилъ себѣ планъ дѣйствій съ ними. Чѣмъ болѣе я обдумываю въ настоящее время вопросъ относительно тонконогихъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что самое лучшее будетъ въ будущемъ году поставить ихъ совершенно въ рядъ съ рабочими — ни избы особой, никакихъ поблажекъ въ работѣ и пр. Слѣдовало бы даже говорить, какъ рабочимъ «ты»... Вотъ единственное, къ чему я не могу пріучить себя въ деревнѣ. И у меня есть привычки сильнѣе разума. Что же касается тѣхъ, которые не могутъ питаться въ застольной, не могутъ работать наравнѣ съ другими, которые хотятъ исподволь пріучаться къ работѣ и могутъ прожить только вакаціонное время — я совершенно понимаю, что и для такихъ нужно мѣсто, что и это дѣло полезное,—то для такихъ самое лучшее *жить въ деревнѣ на своемъ иждивеніи* и ходить на работу поденно. Тогда питайся хоть рябчиками и устрицами, балуй сколько хочешь, работай или не работай. Это будетъ совершенно возможно въ будущемъ году, такъ какъ всѣ уже привыкли къ тому, что въ Батищевѣ бываютъ тонконогіе. Да и притомъ въ деревнѣ каждый за себя отвѣтчикъ. Я такъ въ будущемъ году и сдѣлаю. Работникъ такъ работникъ, а неудобно тебѣ это — поселяйся въ деревнѣ. А тамъ работай хоть у меня съ поденщины, хоть у мужика, но къ себѣ въ Батищево я буду принимать только работниками. По моему, только одно это и имѣетъ смыслъ, и въ сущности меня только тѣ и интересуютъ, которые будутъ работать и жить какъ мужики. Баловство же работой для меня просто невыносимо, и я никакой особенной пользы изъ того не вижу,

что человѣкъ въ каникулярное время побалуется работой. Конечно, оно все-таки имѣетъ значеніе, что человѣкъ узнаетъ хозяйственныя работы, ознакомиться нѣсколько съ бытомъ земледѣльца, укрѣпитъ здоровье, но пусть для этого лучше ищутъ другого мѣста внѣ Батищева. Я того мнѣнія, что для прогресса, для нашего развитія, для того, чтобы Россія возвысилась на ту степень, на которой она должна стоять, нужно, чтобы во всѣхъ сферахъ дѣятельности интеллектуальное развитіе соединилось въ однихъ и тѣхъ же лицахъ съ способностью работать. У насъ именно нѣтъ этого соединенія: съ одной стороны—люди, умѣющіе работать, но интеллектуально неразвитые; съ другой стороны—люди развитые, научно образованные, но не умѣющіе работать. Это все равно—если вы представите себѣ химика, который теоретически постигъ науку, химически развитъ, все понимаетъ, и потому ему приходятъ мысли для новыхъ открытій, — но этотъ химикъ не прошелъ лабораторную школу, не умѣетъ работать, не можетъ сдѣлать анализа. Что же будетъ? Я видѣлъ такихъ химиковъ, да и самъ на себѣ испыталъ тоже, потому что какъ диллетантъ занимался химіею, не пройдя лабораторную школу. Вотъ почему, когда я былъ профессоромъ химіи, я обращалъ все вниманіе на лабораторію и требовалъ отъ каждаго желающаго изучить химію, чтобы онъ прошелъ школу качественнаго и количественнаго анализа и поработалъ по органической химіи. Думаю, что изъ этого была польза и люди выходили не только вооруженные знаніемъ, но и способные приложить оныя. Думаю, что тоже требуется и во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Думаю, что намъ нужны интеллигентные земледѣльцы больше всего,—умственно развитые, научно образованные, земледѣльцы, умѣющіе работать. Думаю, что нужны такіе люди, какъ американскіе фермеры-земледѣльцы. Ни сельско-хозяйственныя академіи и школы, ни сельско-хозяйственныя общества, ни ученые агрономы-хозяева не подымутъ такъ нашего земледѣлія, сельскаго хозяйства и пр., какъ интеллигентные люди, превратившіеся въ интеллигентныхъ мужиковъ. Тутъ не спеціальныя знанія важны—умѣющій работать, сѣвшій на землю интеллигентный человѣкъ тотчасъ пріобрѣтаетъ эти знанія изъ книгъ,—а важно то, чтобы интеллигентный человѣкъ умѣлъ рабо-

тать, какъ мужикъ. Мы всѣ знаемъ очень много, но что же въ этомъ толку, когда мы не можемъ, не умѣемъ прилагать этихъ знаній и всю жизнь остаемся какими-то недоносками? Чуть только нужно дѣлать—сейчасъ нѣмецъ требуется. Мнѣ часто думается, что профессоръ, который самъ никогда не хозяйничалъ, который съ первыхъ дней своей научной карьеры засѣлъ за книги и много если видѣлъ, какъ другіе хозяйничаютъ на образцовыхъ фермахъ, который не жилъ хозяйственными интересами, *не волновался,* видя находящую въ разгаръ покоса тучу, *не страдалъ,* видя, какъ забило дождемъ его посѣвъ, который *не несъ* матеріальной и нравственной *отвѣтственности* за свои хозяйственныя распоряженія—мнѣ кажется, что такой профессоръ, хотя бы онъ прочелъ всѣ книги, написанныя Шварцами и Шмальцами, никогда не будетъ чувствовать живого интереса къ хозяйству, не будетъ имѣть хозяйственныхъ убѣжденій, смѣлости, увѣренности въ непреложности своихъ мнѣній, всего того, что̀ дается только «дѣломъ». Знать *ощущенія* хозяина, когда на ленъ напала земляная блоха, когда заходитъ градовая туча, въ уборку льетъ дождь и т. д.—гораздо полезнѣе, чѣмъ изучить агрономію по книгамъ. Вы скажете, что никто не пойдетъ ко мнѣ въ работники. И не нужно. Значитъ, еще не созрѣло. Когда я началъ заниматься химіей, бо̀льшая часть профессоровъ у насъ еще были нѣмцы и всѣ лаборанты работающіе были нѣмцы. Профессора читали, студенты слушали, лаборанты работали, т. е. готовили опыты, дѣлали казенные анализы. Когда я завелъ первую публичную лабораторію въ Петербургѣ, было очень мало охотниковъ поступать въ нее, въ особенности мало было желающихъ проходить трудную школу лабораторной практики въ анализѣ. Но потомъ устроились лабораторіи повсюду, и дѣло пошло. Теперь и профессора есть, и лаборанты русскіе, и работы дѣлаются. То же, полагаю, будетъ и относительно земледѣльческой практики, но тутъ дѣло еще важнѣе. Я думаю, что если бы ежегодно хотя 1.000 человѣкъ молодыхъ людей, получившихъ образованіе, вмѣсто того, чтобы идти въ чиновники, шли въ земледѣльцы, то дѣло было бы лучше. Да оно такъ и должно быть, *такъ* и *будетъ,* потому что уже теперь мѣстовъ не хватаетъ. Не Богъ знаетъ что̀ за важная должность урядника,

а между тѣмъ и на эту должность идутъ дѣти помѣщиковъ, потомственные дворяне, получившіе значительное образованіе. Напримѣръ, мой племянникъ лѣтомъ поступилъ въ урядники. А это очень любопытно, если будутъ ко мнѣ поступать еще и барышни. Уже просилась одна изъ Ставрополя-Кавказскаго. Я написалъ условія, старался выяснить всю трудность положенія работницы. Писалъ, что и щи у насъ сѣрыя, невкусныя, и клецки яичныя въ видѣ ёжиковъ, и помѣщеніе скверное, и работать заставляютъ отъ зари до зари; что даже и при такой пищѣ тонконогіе, именно тѣ, которые не замѣняютъ работниковъ и не могутъ настояще, какъ работники, всякую работу дѣлать, замѣняютъ только поденщицъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ, *хозяйству въ убытокъ*. Поденщица стоитъ 20 к., въ страду—25—30 к. А рабочій день тонконогаго, при 3 р. жалованья, всегда стоитъ 30 к.; что питье чая, молока и т. п. считаю баловствомъ, и такое баловство мнѣ непріятно; что и самъ живу болѣе чѣмъ скромно, не имѣю каждый день бѣлаго хлѣба, не имѣю говядины, ношу еще то платье, которое 10 лѣтъ тому назадъ, еще будучи профессоромъ, имѣлъ въ Петербургѣ. Да и при всемъ томъ, я и такъ не могъ бы жить, если бы не писалъ статей, которыми и окупаю свое содержаніе. Ничего—хочетъ пріѣхать!.. Желающихъ много, и мѣстовъ не хватаетъ для всѣхъ! Нынче просится пропасть народу. Есть масса людей, которымъ другого исхода не остается, какъ обратиться къ земледѣлію, — мѣстъ уже въ чиновничествѣ нѣтъ. Для развитія нашего хозяйства необходимы интеллигенты-земледѣльцы, а то, съ одной стороны, мужикъ, который умѣетъ отлично работать, но ничего *не знаетъ*, т. е. *не обладаетъ способностью анализировать*, относиться къ дѣлу *критически*, а съ другой — интеллигентъ, который не умѣетъ работать. Ну, какое значеніе имѣютъ для хозяйства окончившіе курсъ въ петровской академіи? Кто изъ нихъ идетъ въ хозяйство? *А между тѣмъ, каждый интеллигентный человѣкъ, разъ онъ научится работать, можетъ быть полезнымъ хозяиномъ*. «Grande culture» у насъ не привилась. Землевладѣльцы въ массѣ хозяйствомъ не занимаются—занимающихся капля въ морѣ, на одну «Земледѣльческую Газету» еле хватаетъ—и ограничиваются сдачей земель подъ посѣвы. Развѣ это можетъ такъ продол-

жаться! Интеллигентныхъ земледѣльцевъ нѣтъ, а между тѣмъ они-то и *необходимы* для развитія хозяйства, для внесенія въ него *свѣта*. Пролетаріевъ-же интеллигентныхъ масса. Болтаются, толкутся, сидятъ по канцеляріямъ за 10 р. въ мѣсяцъ. *На землю ихъ, вотъ гдѣ имъ мѣсто.* И земля требуетъ интеллигентовъ.

— Все-таки, А. Н., вы круто поворачиваете, — сказалъ я.—За вами трудно идти и прямо не по силамъ... Не лучше ли каждому изъ насъ быть «маленькимъ Энгельгардтомъ», мелкими хуторянами съ батраками и добрыми къ нимъ отношеніями?

— Что за вздоръ: «маленькій Энгельгардтъ!» Маленькій эксплуататоръ! Въ петербургскихъ журналахъ такъ прямо и называютъ меня «эксплуататоромъ»... А вѣдь это, согласитесь, не интересно. Надо было сказать, что при противоположности интересовъ мужицкаго и барскаго хозяйства, когда мужикъ молитъ Бога объ удешевленіи ржи, а я о дороговизнѣ, даже Энгельгардтъ долженъ вести кабальное хозяйство. Вотъ это интересно. Пока не образуется артельнаго хозяйства—даже я долженъ быть кулакомъ! Вотъ какъ надо было писать обо мнѣ, а то, вишь, батраки, да сторожъ Савельичъ, убирающій мою комнату, смущаютъ совѣсть петербургскаго публициста! А твой-то журналъ, г. Шелгуновъ *), кто набираетъ, какъ не тѣ же батраки; а кто за тебя по ночамъ очищаетъ городъ, какъ не тотъ же Савельичъ? Только ты въ это время спишь и не видишь ихъ, а мы видимъ, и я первый говорю барину-помѣщику объ артельномъ хозяйствѣ съ этими Савельичами. Ничего не понимаетъ петербургскій человѣкъ въ моей дѣятельности! Итакъ: если я эксплуататоръ, то и вашъ, «маленькій Энгельгардтъ»— тоже эксплуататоръ и кулакъ. Поэтому въ принципѣ я говорю: иди и паши землю. Если найдешь другого—соединись съ нимъ, потому что двое, работая вмѣстѣ, сдѣлаютъ больше, чѣмъ работая каждый въ одиночку; найдешь третьяго—еще того лучше... Но для практическихъ цѣлей я допускаю и одинокаго американскаго фермера съ батракомъ. Съ этой практической точки зрѣнія для меня безраз-

*) Н. В. Шелгуновъ написалъ въ „Дѣлѣ“ противъ А. Н. Энгельгардта статью: „Хозяйственная дѣловитость“, съ указаніемъ въ ней на эксплуататорски-батрацкія начала въ хозяйствѣ Энгельгардта.

лично, будутъ ли они потомъ селиться общинами или одиночками. Я считаю важнымъ только то, чтобы они потомъ были деревенскими жителями. Во имя этой-то идеи я и принимаю къ себѣ въ работники тонконогихъ для того, чтобы дать имъ возможность сдѣлаться мужиками. Во имя этой-то идеи и я согласенъ переносить нѣкоторыя неудобства. Вы думаете, весело возиться изъ-за нихъ съ нашей полиціей?

— Съ вами трудно спорить, А. Н. Вы всегда будете на верху. Неужели вы вѣрите, что интеллигентъ вынесетъ мужицкую жизнь въ общинѣ или однодворцемъ?

— Вѣрю! Я вѣрю, что при существующемъ переполненіи департаментовъ и канцеляріи предложеніемъ услугъ, интеллигентные люди должны искать себѣ новыхъ путей и обратиться къ общей съ народомъ жизни. Некрасовскіе мужики, ищущіе тѣхъ, кому живется хорощо на Руси, найдутъ такихъ счастливыхъ людей въ интеллигентной деревнѣ. У меня самого лѣтомъ образовалась такая практическая земледѣльческая академія. Только я не могу дать этому дѣлу достаточно развитія: на зиму нужно бы имѣть лабораторію, библіотеку, читать лекціи, а средствъ нѣтъ; но главное потому, что не вѣрятъ, чтобы это было не спроста. А между тѣмъ дѣло это серьезное. Я увѣренъ, что петровскіе студенты, которые побыли у меня лѣтомъ и поработали, иначе и лекціи будутъ слушать.

Чѣмъ больше А. Н. говорилъ, тѣмъ болѣе я плѣнялся каждымъ его словомъ. Я тогда былъ еще очень молодъ и, разумѣется, готовъ былъ вѣрить, что одна тысяча молодыхъ людей изъ интеллигентнаго класса ежегодно пойдутъ хозяйничать совмѣстно съ мужиками; я не умѣлъ еще тогда поставить прямѣе и проще свои сомнѣнія насчетъ этой самой молодежи, вѣрилъ также въ ея силы и тотчасъ же призналъ А. Н. правымъ.

— Надо въ такомъ случаѣ выпить!—радостно произнесъ онъ:—за тонконогихъ пахарей! Ахъ, если бы у насъ раздавали землю тѣмъ тонконогимъ, которые получаютъ отъ меня свидѣтельство въ томъ, что они учились работать въ Батищевѣ. Свидѣтельства эти не даютъ никакихъ правъ, но указываютъ, что владѣлецъ онаго годенъ къ труду. Вѣдь лучше давать землю моимъ ученикамъ, чѣмъ чиновникамъ въ награду. Мой проектъ находитъ сочувствіе въ Петербургѣ.

Мои ученики, конечно, разнесутъ новые способы хозяйствованія, а чиновники никогда... Эхъ, скучно одному жить! Я вѣдь первое время совсѣмъ погибалъ въ здѣшней глуши: нѣтъ ни доктора вблизи, ни человѣка по мыслямъ. Позже я сошелся съ простымъ мужикомъ, попомъ, становымъ, волостнымъ писаремъ, я узналъ совершенно новыя явленія въ русской жизни. Раньше я думалъ, что нашъ народъ значительно ушелъ впередъ послѣ реформъ, что онъ можетъ сознательно выбрать себѣ въ гласные лицо, забаллотированное дворянами, что, сознавая пользу просвѣщенія, онъ пошлетъ даже дѣтей въ наши классическія гимназіи и университеты, что онъ добровольно закрываетъ кабаки и открываетъ школы и т. д. Сколько я читалъ на эту тему книгъ, статей и корреспонденцій! Всему вѣрилъ, а теперь не вѣрю... Теперь вижу, что народъ не знаетъ и разницы-то между гласнымъ и присяжнымъ засѣдателемъ; что слова: педагогъ, университетъ, гимназія — ему совершенно незнакомы; что нѣтъ крестьянина, который бы не боялся идти въ больницу или свидѣтелемъ въ судъ и былъ бы увѣренъ, что предсѣдатель суда не можетъ его выпороть; что если начальство захочетъ, то крестьяне какой угодно составятъ приговоръ... это все равно: посредникъ или будетъ другое начальство. Прежде само начальство все заводило: и больницы, и школы, и суды; а теперь черезъ приговоры то же самое дѣлаетъ... Нѣтъ, народъ еще не начиналъ жить, и ввести его въ оглобли возможно вновь безъ всякаго труда и опасности. Я просто съума сходилъ, когда пришелъ къ такому заключенію. Особенно тяжелое впечатлѣніе производятъ на меня гласные крестьяне. Ничего другого они придумать не могутъ, какъ: «пороть нужно». Кругомъ идутъ поджоги, обманы и т. п. неурядица, или «слабость», какъ выражаются мужики. Это сознаютъ всѣ. Чуть что не такъ (обнесли водкой на свадьбѣ)— сосѣдъ сжегъ сосѣда и выгораетъ деревня. Нынче «слабо» стало. Нынче «спички дешевы». Не правда ли, характерное выраженіе: «спички дешевы?» И вслѣдъ за тѣмъ—«строгость» видятъ только въ палкѣ, розгѣ. А я-то идеализировалъ ихъ! Воображалъ, что они сознаютъ собственныя силы, пока не услышалъ, что безъ розогъ имъ жить нельзя; что каждый изъ нихъ работаетъ, и потому эгоистъ и обидчикъ; одинъ царь не работаетъ, и потому печалится о всѣхъ.

— Въ этомъ направленіи, — продолжалъ онъ: — я много думалъ, послѣ того, какъ сошелся со средой, окружающей меня.

— Какъ же можете вы любить народъ, если вы такъ думаете о немъ, А. Н.?

— Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ! — съ чувствомъ произнесъ Энгельгардтъ. — Ну, гадокъ мужикъ! Гадокъ, такъ что жъ изъ того? Вы, какъ петербургскій человѣкъ, сейчасъ и возноситесь передъ нимъ своей «выучкой» и культурой! Либо приглашаете его преклоняться передъ нѣмцами и французами! А французъ-то тремъ прусскимъ уланамъ деревни сдавалъ, а у насъ въ Батищевѣ три улана шишъ возьмутъ!

Вспомнивъ, что «питерскіе» люди хвастаются еще культурой передъ народомъ, онъ набросился по ихъ адресу:

— Одни изъ васъ рвутъ жирные оклады на службѣ—и все мало; другіе вывозятъ за границу и перекуриваютъ на вино лучшій хлѣбъ, въ то время, какъ мужикъ ѣстъ его съ мякиной, костынемъ и сипухой. Что ужъ тутъ хорошаго, и чѣмъ это лучше такого и разсякого мужика? А главное, черезъ народъ я узналъ силы нашей страны гораздо лучше, чѣмъ у васъ въ петербургскихъ ученыхъ обществахъ и редакціяхъ.

— Да какія же это силы, А. Н.?

— Страшныя силы! Узнать мужика, который можетъ питаться дубовой корой, вмѣсто хлѣба, и котораго можно заставить подписать любой приговоръ,—значитъ узнать все и перестать идеализировать свои силы въ борьбѣ съ врагами. Учитесь у этого мужика не только физическому труду, но и разумѣнію нашей исторіи.

— Хотите посмотрѣть мой скотный дворъ? — перебилъ онъ себя.—Я еще не былъ тамъ сегодня.

Пока онъ одѣвался въ полушубокъ, я всматривался въ этого необыкновеннаго человѣка, очарованный неутомимостью его умственнаго напряженія. Въ пяти-шести словахъ онъ передавалъ результаты своихъ многолѣтнихъ сельско-хозяйственныхъ опытовъ и кабинетныхъ трудовъ. Онъ касался самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и, господствуя надъ каждымъ изъ нихъ, невольно останавливалъ мое вниманіе надъ ними съ той именно стороны, къ которой я всего ме-

нѣе былъ подготовленъ. Въ то время, какъ у меня удивленіе смѣнялось усталостью, эксъ-профессоръ все болѣе и болѣе разгорался собственными мыслями и воспоминаніями. Я могъ сравнить его бесѣду съ обходомъ с.-петербургскаго Эрмитажа: рѣдкіе образцы искусства, смѣняясь одни за другими, затушевываютъ сами себя въ вашей памяти, если обойти заразъ всѣ галереи картинъ. Болѣе слабыя головы испытываютъ даже головную боль отъ обилія впечатлѣній. Но, послѣ отдыха, въ памяти выплываетъ каждая изъ этихъ картинъ, и вы вновь испытываете художественное удовлетвореніе. Вотъ почему я съ удовольствіемъ пошелъ на скотный дворъ за Энгельгардтомъ, чувствуя, что со времени пріѣзда я ни одной минуты не былъ предоставленъ самому себѣ.

Но и на скотномъ дворѣ А. Н. обращалъ мое вниманіе то на опрятность свиней, никогда не пачкающихся въ собственномъ навозѣ, вопреки пословицѣ о томъ, что собственная грязь не воняетъ; то на блестящее содержаніе телятъ, сравнительно съ содержаніемъ дѣтей въ иномъ воспитательномъ домѣ. Проповѣдуя среди телятника милосердіе къ дѣтямъ, А. Н. въ то же время хозяйскимъ глазомъ видѣлъ всѣ упущенія по скотному двору. Вынувъ изъ бокового кармана памятную книжку, онъ тотчасъ же записывалъ въ нее карандашомъ распоряженія, которыя надлежало потомъ передать старостѣ.

— На свою память нельзя полагаться,—говорилъ онъ:— я все записываю, даже мысли... Иначе сейчасъ улетятъ изъ головы: ищи потомъ!

Съ молодыми бабами онъ говорилъ о томъ, когда какой коровѣ телиться, сколько слѣдуетъ прибавить или убавить молока теленку, и, отходя, умѣлъ весело преподать красивой работницѣ пріятный совѣтъ относительно ея сердечныхъ дѣлъ. По скотному двору смѣхъ перекатывался отъ одной молодухи къ другой, и, при приближеніи А. Н—ча, многія изъ нихъ посматривали на него самого весьма лукаво и кокетливо.

— На чужой сторонѣ и старушка—Божій даръ, уныло замѣтилъ онъ, уходя со скотнаго двора.

Возвратившись въ домъ, мы сѣли обѣдать.

V.

Пребываніе въ с. Батищевѣ.

Послѣ обѣда, уже къ вечеру, Савельичъ доложилъ Александру Николаевичу о пріѣздѣ станового.

— Проси сюда!—отозвался хозяинъ.—У васъ какіе-нибудь документы имѣются съ собой?

Я былъ очень смущенъ вопросомъ А. Н—ча. Я уже говорилъ, что въ то время у меня имѣлось много основаній избѣгать какихъ либо объясненій съ администраціей *). А. Н. замѣтилъ мое смущеніе и я тотчасъ же сказалъ ему:

— Я могу сейчасъ проститься съ вами и уѣхать. Такимъ образомъ, я избавлю полицейскаго отъ необходимости прописывать меня...

— Нѣтъ, оставайтесь здѣсь! мужественно перебилъ онъ.—Оставайтесь! Беру на себя устранить безпокойство... Правда, у насъ строго стало съ нынѣшняго года. У дѣтей, пріѣзжающихъ ко мнѣ изъ Петербурга, прописываютъ паспорта. А вотъ и онъ... Садитесь къ намъ!—привѣтствовалъ онъ новаго гостя.—Водочки выпьете?

— Позвольте... Не откажусь... Съ дороги-то хорошо.

— Этотъ,—указалъ Энгельгардтъ на меня:—не пьетъ... Нынѣ молодые люди весьма подозрительны: не курятъ и не пьютъ. А только не знаю, лучше ли они пьяницъ!..

— Лишь бы совѣсть не пропить, а пить можно, Александръ Николаевичъ, заявилъ полицейскій.

— Правильно! Настоящее слово сказали! У насъ въ деревняхъ водку пьютъ, а въ городахъ—совѣсть пропиваютъ. Въ этомъ вся разница... «Пьемъ—значитъ, силу чувствуемъ»,—продолжалъ онъ съ энтузіазмомъ:

„Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и въ гульбѣ!“

Восторженное настроеніе профессора сообщилось и полицейскому.

— Всякую хворь убиваетъ водочка, юмористически философствовалъ Энгельгардтъ... Будетъ чума, говорилъ онъ

*) См. мою книгу: „Въ Одиночномъ Заключеніи“.

становому: совѣтуйте господамъ селиться съ мужиками въ курныя избы безъ трубъ, курить тютюнъ и пьянствовать, какъ братья Губины — Иванъ и Митродоръ. Я, — часто цитирую перваго «интеллигентнаго мужика» Некрасова... Изучать русскій народъ слѣдуетъ у него въ поэмѣ: «Кому на Руси жить хорошо». Тамъ все... Бездна ума! И о пьянствѣ русскаго мужика прочтете:

„У каждаго крестьянина
Душа, что туча черная—
Гнѣвна, грозна, и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,
А все виномъ кончается:
Пошла по жилкамъ чарочка,
И разсмѣялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тутъ надобно,
Гляди кругомъ—возрадуйся!“

А. Н. прекрасно читалъ стихи, а здѣсь самъ становой вдохновлялъ его... Эффектъ былъ полный. А. Н. по первому абцугу заговорилъ блюстителя порядка, а послѣ сталъ показывать фокусы «Мильтона»: какъ тотъ ѣстъ хлѣбъ, если сказать, что это отъ Вѣрочки (дочь Энгельгардта), и не ѣстъ, если сказать, что это отъ урядника; полицейскій до упаду хохоталъ, особенно когда «Мильтонъ» слушалъ его самого.

— Неблагонамѣренная особа! Неблагонамѣренная! весело острилъ Энгельгардтъ. — А все-же, продолжалъ онъ: нигилистамъ у насъ нечего дѣлать: лѣтомъ надо сѣно косить, осенью—свадьбы, зимою—сугробы, а весною—ростепель... Некогда революціи дѣлать! Нигилисты мужичку станутъ говорить про Европу и ея правовой порядокъ, а мужичекъ молитъ Бога по-некрасовски:

„Кабы намъ только хлѣбушка
По полупуда въ день,—
Да по ведру бы водочки,
Да утромъ бы огурчиковъ
Соленыхъ по десяточку;
А въ полдень бы по жбанчику
Холоднаго кваску—
А вечеромъ по чайничку
Горячаго чайку...“

— Вотъ она—мужицкая нужда: «липовыя лапотки» да «прѣлыя онученки», а не нѣмецкія ученія петербургскихъ

студентовъ... Мужика нечѣму учить! Онъ все знаетъ, что надо и не знаетъ того, что ему не надо... Когда одинъ изъ моихъ товарищей просилъ указать ему руководство къ изученію сельскаго хозяйства, я не далъ ему ни Либиха, ни сельскаго календаря Баталина, а посовѣтовалъ ему взять не управляющаго въ имѣніе, а старосту изъ мужиковъ.,.

Александръ Николаевичъ попалъ на своего «конька» и съ увлеченіемъ пропагандировалъ передъ становымъ свои убѣжденія.

— Не слова, а золото! восклицалъ полицейскій, показывая мнѣ восхищенными глазами на оратора.—Золото!

Въ этотъ моментъ онъ искренно забывалъ про свои обязанности и воображаемыхъ враговъ отечества. Поздно вечеромъ блюститель порядка сталъ собираться домой, довѣрчиво прощаясь со мной. Энгельгардтъ пошелъ проводить его въ сѣни. Хозяинъ вернулся къ себѣ въ кабинетъ радостнымъ. Впослѣдствіи, я невольно вспоминалъ:

— Не этотъ-ли полицейскій увѣковѣченъ А. Н—чемъ въ его «Письмахъ изъ деревни», когда, похлопывая на прощанье профессора по плечу, урядникъ восторженно восклицалъ: «Молодецъ вы, А. Н... молодецъ! Наполеонъ! Настоящій Наполеонъ!» (стр. 419. «Письма изъ деревни»).

Добродушно посмѣиваясь, Энгельгардтъ сѣлъ наконецъ къ письменному столу и развернулъ записную книгу. Староста Иванъ докладывалъ ему о всемъ ходѣ дневныхъ работъ, объ отпускахъ изъ амбаровъ хлѣба, сала и т. д. Все это Александръ Николаевичъ аккуратно записалъ въ свои экономическія книги и сдѣлалъ распоряженія на завтра. Послѣ Ивана вошла какая-то коровница и доложила о новорожденной телочкѣ, сколько надоили молока, какія коровы причинаютъ, какія поназначились и т. д. Всѣ эти особенности скотнаго двора Энгельгардтъ также записалъ въ особую тетрадку и при этомъ вынулъ изъ нѣкоторыхъ банокъ по шарику засушенаго тѣста.

— Для чего вы это дѣлаете,—спросилъ я съ любопытствомъ.

— По оставшимся въ банкахъ шарикамъ, — отвѣтилъ Энгельгардтъ: — я и даже моя Авдотья наглядно знаемъ, сколько остается телятамъ дней до шести недѣль, чтобы перемѣнить имъ кормъ. Это нужно въ хозяйствѣ. Я вообще

люблю порядокъ, наглядность и систематичность. У меня все хозяйство — съ самымъ строгимъ учетомъ и, какъ на ладонкѣ, изображено въ цифрахъ. Если завтра меня увезутъ отсюда, на сѣверъ и пріѣдетъ Вѣра изъ Петербурга, то она будетъ знать до мельчайшихъ подробностей, что̀ есть въ Батищевѣ и какъ вести здѣсь хозяйство. Все найдетъ въ тетрадкахъ! Надо только имѣть собственный «даръ способія», а безъ этого и книги не въ прокъ...

Онъ опять увлекся новой идеей, но уже я плохо понималъ его. Моя голова начинала болѣть отъ массы впечатлѣній въ этотъ памятный мнѣ зимній день.

Было уже довольно поздно, и намъ приготовили въ томъ же кабинетѣ постели. Я тотчасъ же раздѣлся и легъ на диванъ, а Энгельгардтъ, придвинувъ ко мнѣ свое кресло и опираясь рукой въ край дивана, продолжалъ свои нескончаемые разговоры.

— Устали вы?—спросилъ онъ, замѣтивъ, что я открываю и вновь закрываю глаза.—Я вѣдь почти одинъ здѣсь. Тонконогіе разъѣхались, осталась всего одна тонконожка,—я вамъ завтра покажу ее. Вотъ я и не могу наговориться съ вами. Ну да спите, спите! Пора и мнѣ угомониться.

Однако, уже раздѣвшись и завернувшись въ одѣяло, онъ все-таки не сразу угомонился и разбудилъ меня громкимъ вопросомъ:

— Вы спите?

— А что?

— Какъ вы думаете, если пріѣдетъ соціалистъ и обругаетъ меня за то, что въ Батищевѣ молодые люди отказываются отъ крайнихъ мнѣній,—успѣю я доказать ему, что мужику некогда слушать Лассаля, такъ какъ, я уже говорилъ, зимой нужно сугробы разгребать, весной—ростопель, лѣтомъ надо сѣно косить, а осенью свадьбы справлять? Успѣю... Ну, а если жандармы пріѣдутъ и увезутъ меня самого изъ Батищева... Тогда что? Впрочемъ, утѣшаюсь тѣмъ, что я вездѣ устрою другое Батищево: и туда пріѣдутъ мои тонконогіе, и тамъ будетъ та же академія...

Тутъ онъ перевернулся на другой бокъ и быстро заснулъ, а у меня, какъ нарочно, сонъ пропалъ.

На другой день былъ какой-то праздникъ, и мѣстный священникъ заѣхалъ въ Батищево. Началась та же исторія: священникъ попробовалъ выговаривать Энгельгардту за то, что онъ въ «Письмахъ изъ деревни» вездѣ называетъ священниковъ попами, а Энгельгардтъ не соглашался.

— Попъ лучше и правильнѣе! — восклицалъ онъ.—Весь русскій народъ такъ говоритъ: попадья степенная, попова дочь безвинная, что̀ ни попъ—то̀ батька и т. д. Вездѣ попъ, а не священникъ. И поэтъ говоритъ:

„Поповъ пирогъ съ начинкою,
Попова каша съ маслицемъ,
Поповы щи съ снѣткомъ!
Жена попова толстая,
Попова дочка бѣлая,
Попова лошадь жирная!
Пчела попова сытая,
Какъ колоколъ гудётъ“.

— И голова же у васъ, А. Н.! — воскликнулъ священникъ.— Что̀ за голова! гдѣ мнѣ съ вами сговориться.

— А вотъ я,— перебилъ тотъ:—печатно признавался въ томъ, что люблю бесѣдовать съ попами и нахожу эти бесѣды для себя полезными... Во-первыхъ, никто такъ хорошо не знаетъ бытъ простого народа во всѣхъ его тонкостяхъ, какъ попы; во-вторыхъ, послѣ крестьянъ никто такъ хорошо не знаетъ мѣстнаго практическаго хозяйства, какъ вы же... Я это писалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

— Читалъ-съ, читалъ-съ, А. Н. Вы мнѣ давали эту книжечку... Много благодаренъ за лестное мнѣніе о насъ.

— И всегда это скажу, а только слово попъ—русское слово и не обидное...

— Такъ, такъ, Александръ Николаевичъ.

— Слѣдуетъ, поэтому, выпить водочки и закусить ветчинкой. Пойду къ Савельичу распорядиться.

Батюшка воскликнулъ, глядя ему вслѣдъ:

— Голова! У! у! у-у... голова! Первый человѣкъ у насъ... А вотъ поди... Все что-то неладно.

— Да почему же?—спросилъ я.

Священникъ подвинулся ко мнѣ поближе и тихимъ голосомъ произнесъ:

— Рѣку хотѣлъ вылакать языкомъ!.. Такъ сказываютъ про него... Т-съ, идетъ!

А. Н. несъ изъ кухни тарелку съ ломтями ветчины, а Савельичъ—прочія принадлежности завтрака. Часа черезъ два священникъ собрался домой, поминутно повторяя о хозяинѣ:

— Голова! Голова! У-у-у!

Я пробылъ въ Батищевѣ еще день, и еще, и еще—цѣлую недѣлю. А. Н. не пускалъ и, удержавъ меня, давалъ свои удивительные концерты изъ парадоксовъ и глубочайшихъ истинъ. Въ это время пріѣхала его дочь, Вѣра Александровна, 16—17-лѣтняя дѣвушка, отлично знавшая молочное хозяйство и выдаивавшая собственноручно по нѣсколько коровъ каждое утро. Я уѣхалъ изъ Батищева съ сознаніемъ, что видѣлъ необыкновенныхъ людей и необыкновенную жизнь.

Всѣ письма Энгельгардта за зиму 1879 года переполнены жсланіемъ узнать о судьбѣ живущихъ въ Петербургѣ «тонконогихъ».

«Не встрѣчали ли вы,—пишетъ онъ А. П. Мертвагѣ:—кого изъ тонконогихъ, напримѣръ Вас. Вас., Владиміра, Розу, Моисея и пр.? Что они? что подѣлываютъ и какъ живутъ въ Питерѣ? Женится ли Вас. Вас.? Все это меня очень интересуетъ. Точно также интересуетъ меня знать, что дѣлается въ Петербургѣ въ университетѣ, академіи, въ ученомъ и литературномъ мірѣ. Пишите пожалуйста... Если вы когда-нибудь живали въ одиночествѣ въ деревнѣ, то сами знаете, что значитъ получить письмо. Читаемъ, перечитываемъ, разбираемъ каждое слово. Вы говорите, что нечего писать, потому что у васъ нѣтъ фактовъ, а только впечатлѣнія — такъ что же? пишите ваши впечатлѣнія — развѣ это мнѣ не интересно будетъ? Пишите все, что взбредетъ на умъ, для меня все будетъ интересно. Какъ же нѣтъ фактовъ: а это стремленіе къ занятіямъ естествознаніемъ между студентами? Мнѣ бы очень интересно было знать, въ чемъ состоятъ бесѣды юныхъ естествоиспытателей. Вы пишите мнѣ, что многіе изъ вашихъ знакомыхъ думаютъ лѣтомъ пріѣхать работать въ Батищево — это очень хорошо. У меня уже есть шесть писемъ отъ разныхъ лицъ, желающихъ работать. Недавно, между прочимъ, у меня былъ интересный случай. 5-го ноября пріѣхалъ ко мнѣ молодой человѣкъ; входитъ, рекомендуется, что

онъ учитель юхновскаго городского училища, Б., и хотѣлъ бы поучиться у меня хозяйству. Я по обыкновенію разсказываю, что принимаю въ рабочіе и пр. Онъ удивился, что у меня уже были подобные молодые люди. Разсказалъ онъ мнѣ, что чувствуетъ себя неспособнымъ быть учителемъ, особенно при классной системѣ преподаванія въ городскомъ училищѣ, что это его очень утомляетъ, что онъ заболѣлъ отъ занятій; разсказалъ, что думалъ пойти въ медики, но и этого, при своей нервности и мнительности, боится, и потому рѣшилъ сѣсть на землю; что у его отца, священника, есть 25 дес. земли въ Курской губерніи, хозяйство, тысячи три денегъ. Спрашивалъ, можно ли на этомъ прожить; говорилъ, что боится, будетъ ли онъ способенъ работать; что онъ пробовалъ работать у отца, но скоро уставалъ. Я, конечно, ему совѣтовалъ сѣсть на землю, совѣтовалъ поступить теперь же ко мнѣ, такъ какъ зимой, вслѣдствіе краткости дня, работа не особенно утомительна. Онъ, повидимому, рѣшился пріѣхать, обѣдалъ съ нами, и очень намъ, и въ особенности Марьѣ Андреевнѣ, понравился. Вечеромъ уѣхалъ. Потомъ изъ «Смоленскаго Вѣстника» мы узнали, что этотъ Б. черезъ день (7-го ноября) дома у себя въ Юхновѣ застрѣлился изъ револьвера. Просто удивительно. И такъ намъ было жалко; видно было, что человѣкъ такой умный, способный, но только нервный. И почему онъ не пробовалъ работать? Можетъ быть и укрѣпился бы здоровьемъ. Завтра уѣзжаютъ капитанъ съ капитаншей. 30-го ноября уѣзжаетъ Владиміръ. Иванъ вернулся 19-го ноября, только долго ли пробудетъ—не знаю; думаю, что недолго. Скучно ему будетъ одному. Тогда я останусь одинъ, если не подъѣдетъ кто изъ новыхъ. Тяжело будетъ».

Однако Энгельгардту одному не пришлось быть, и въ письмѣ отъ 21-го декабря онъ пишетъ о себѣ:

«Я теперь здоровъ, курю махорку, которая очень способствуетъ отдѣленію мокроты, ежедневно два раза хожу на скотный дворъ. Довольно усердно пишу. Послалъ въ «Отечественныя Записки» двѣ статьи, но объ участи ихъ ничего не знаю. Редакція сама рѣшитъ, что можно напечатать, что нѣтъ, а я рѣшительно недоумѣваю по этой части, да и не знаю, какія насчетъ этого есть распоряженія. Я пишу какъ вздумается, а ужъ тамъ пусть разбираютъ.

Тонконогихъ у меня четверо; работаютъ отлично. Достаточно сказать, что всѣ четверо замѣняютъ простыхъ рабочихъ и исполняютъ дѣло не только не хуже, но даже лучше. Викторъ стоитъ на скотномъ дворѣ. Алексѣй на молотьбѣ. Пелагея также на скотномъ дворѣ подвозитъ кормъ и замѣняетъ работника. Александра (сестра Виктора) возитъ молоко на сыроварню, доитъ коровъ, носитъ въ домъ дрова и воду. Работаютъ, повторяю, отлично, да и некогда баловаться, потому что стоятъ въ должностяхъ: въ 5 часовъ утра нужно задать кормъ, а въ 6 завтракъ, къ 9 нужно завязать въ беремы кормъ, къ 11 нужно роздать 2-ю дачу корму, въ 12 обѣдъ, а тамъ 3-я дача корма, лошадей перепоить (въ 4 часа ужъ темнѣетъ), въ 7 ужинъ и спать. Живутъ съ рабочими (изба, гдѣ жили тонконогіе, теперь служитъ погребомъ), ѣдятъ въ застольной. Баловства никакого нѣтъ. Надѣюсь, что и урядникъ ничего дурного не скажетъ. Урядникъ мнѣ говорилъ, что его спрашивали, что дѣлаютъ у меня барышни, и что онъ отвѣтилъ: «собираютъ молоко и возятъ на сыроварню». Но это онъ поделикатничалъ: просто — доятъ коровъ, кормятъ скотъ, возятъ молоко, поятъ телятъ, кормятъ свиней. Каждую субботу вечеромъ тонконогіе, помывшись и выпарившись въ печкѣ, приходятъ ко мнѣ пить чай и ужинать. Послѣ чего я имъ разъясняю химическія основы земледѣлія. Думаю, что эти химическія хозяйственныя бесѣды имъ не безполезны. Въ воскресенье вечеромъ они тоже бываютъ у меня и читаютъ то, что написали на заданныя темы по хозяйству: Алексѣй читалъ объ обработкѣ пара, Викторъ — объ обработкѣ ярового. Когда кончится молотьба, мы вычислимъ, сколько даетъ десятина ржи, овса, льна. Сдѣлаемъ учетъ, сколько извлечено изъ почвы фосфорной кислоты, и сколько нужно стравить жмыховъ скоту, чтобы пополнить то, что взято съ полей. Такъ мирно идетъ день за днемъ, и вотъ уже, слава Богу, дожили до праздника: въ сочельникъ, 24-го, сдѣлаемъ 3 кутьи и 12 блюдъ къ вечернему, послѣ звѣзды, пиру; подъ скатертью будетъ положено сѣно (сѣно это Викторъ отнесетъ потомъ овцамъ) и пр. Я не знаю, празднуется ли у васъ такъ сочельникъ. Наканунѣ Крещенія въ сочельникъ будутъ блины—и такъ все какъ слѣдуетъ по обычаю».

Такимъ образомъ, Энгельгардтъ встрѣтилъ 1880 годъ бодрымъ, въ компаніи своихъ молодыхъ «интеллигентныхъ мужиковъ». Идеалъ его осуществлялся...

Лѣтомъ 1880 года я проѣзжалъ по Московско-Брестской желѣзной дорогѣ и не утерпѣлъ, чтобы на полустанкѣ Дурово не выйти изъ вагона. Въ шести верстахъ отъ него находилось Батищево, и я, недолго думая, пошелъ къ Александру Николаевичу пѣшкомъ. Дорога въ Батищево идетъ мелкими кустами, и мнѣ было весело идти. Встрѣтивъ мужика, я спросилъ дорогу.

— Держи все право, — отвѣчалъ онъ. — Будутъ повороты, а ты все право... Къ нашему барину учиться идешь?— спросилъ онъ.

— Нѣтъ, въ гости... А есть у него тонконогіе?

— Въ узкихъ штанахъ-то?

— Да,—подтвердилъ я.

— Много ихъ нынѣшнее лѣто... Не съ большого ума, знать, ѣздятъ они къ нему.

— Что же: плохо работаютъ?

— Не худо работаютъ! Какъ слѣдъ работаютъ!

— Такъ что же?

— Да, видно, къ городу не способны; вотъ и идутъ въ мужики... У насъ тоже есть неспособные къ мужицкой работѣ, а для города—ничего.

Я разсмѣялся и пошелъ поскорѣе. Миновавъ деревню Буково, я вступилъ во владѣнія Энгельгардта. По обѣимъ сторонамъ узкой дороги, тянущейся къ господскому дому, расположены пашни и рощи съ живописными полянами, проходами, открытыми гульбищами для скота. Мнѣ невольно вспомнилось признаніе многихъ молодыхъ людей о томъ, что при въѣздѣ въ красиво разбитое имѣніе Батищево у нихъ всегда зарождалось желаніе стать собственниками.

Я засталъ Энгельгардта на балконѣ, выходящемъ въ садъ. А. Н. былъ все тотъ же, и разговоры его были все такъ же разнообразны и нескончаемы. Я спросилъ объ его дочери и услышалъ о ней пространную и всегда поучительную исповѣдь.

— Она не питерская барышня, а все-же не хуже тонконожекъ, которыя ко мнѣ ѣздятъ, все-же она понадежнѣе

ихъ. Если она найдетъ нужнымъ ходить ежедневно въ деревню Буково, чтобы выкурить тамъ хоть папиросу, она будетъ это дѣлать цѣлый годъ и не объявитъ вамъ неожиданно о томъ, что это глупо и не стоитъ трудовъ... А вѣдь это все: все — въ постоянствѣ человѣка... Знанія и книги не уйдутъ, а характера нигдѣ не найдешь. Ужъ на что у меня здѣсь строго, а все-таки среди молодежи много архаическихъ людей... Не дисциплированные, растерянные, скорохваты, всюду болтаются и нигдѣ долго не остаются. А особенно барышни! Никакого серьезнаго дѣла нельзя имѣть съ барышнями, если онѣ въ теченіе года не въ состояніи ходить изъ Батищева въ деревню Буково, по обѣщанію. Впрочемъ я не жалуюсь на батищевскихъ барышенъ: пріѣзжаютъ все работать, а не кататься амазонками. Но я вижу, что онѣ лучше другихъ барышенъ, а съ другими никакого дѣла нельзя имѣть. Вы видѣли у меня въ батрачкахъ тонконожку «Палагею»?

— Видѣлъ.

— Вотъ она все пишетъ письма въ Петербургъ, и каждый разъ, когда Сидоръ возвращается съ почтой, спрашиваетъ: нѣтъ ли ей писемъ. Теперь не спрашиваетъ: стыдно даже стало... А вѣдь стыдно-то за тѣхъ подругъ, которыя послали ее ко мнѣ, одобряли и забыли... Бросили въ этой глуши своего друга и даже на письма не отвѣчаютъ. Изъ Петербурга посылаютъ ихъ сюда и тотчасъ же забываютъ, не поддержатъ ни деньгами, ни книгами, ни добрымъ словомъ... Вотъ чего я боюсь: когда существуетъ направленіе, но нѣтъ личности, нѣтъ живого человѣка...

Меня поразила эта сердечность въ Энгельгардтѣ. Мнѣ до сихъ поръ казалось, что онъ болѣе занятъ собственными идеями, чѣмъ заботливостью о людяхъ, съ которыми онъ дѣлитъ досугъ и хлѣбъ-соль. А между тѣмъ оказывается, что онъ не только цѣнилъ въ человѣкѣ его участливость и умѣнье «поберечь» ближняго, но самъ всего болѣе умѣлъ похлопотать за человѣка и научить его уму-разуму. У меня есть письмо, въ которомъ онъ пишетъ «тонконогимъ» въ Петербургъ о дешево продающейся по случаю землѣ, и подробно разъясняетъ имъ ихъ собственныя выгоды; его рекомендательныя письма о нѣкоторыхъ лицахъ полны такихъ выраженій: «это образованный чело-

вѣкъ, честный, неподкупный, правдивый и бѣдствующій». Конечно, ему можно сказать: «не женись, или иди паши землю, но не всегда языкъ поворачивается такъ говорить... О другомъ человѣкѣ онъ пишетъ: «Похлопочите за него... Самъ онъ ничего не достигнетъ... Онъ скроменъ, неувѣренъ въ своихъ знаніяхъ, ему все мало знаній, застѣнчивъ, бука, видъ не изящный, одѣтъ весьма безпечно и не по принципу, а потому, что не замѣчаетъ, чистое ли подано ему платье, или нѣтъ... Ну въ родѣ покойнаго Сѣверцова».

Въ разговорѣ о тонконогихъ онъ указывалъ на то, что нѣкоторые изъ нихъ не могутъ ѣсть съ мужиками изъ общей чашки и заводятъ себѣ каждый свою ложку и т. д.

— Это нехорошо, — сказалъ онъ: — они брезгаютъ ѣсть общими ложками и постоянно напоминаютъ мужику, что «не съ большого ума» они пріѣхади сюда учиться... Вѣдь попъ, причащающій всѣхъ изъ одной чаши, допиваетъ остатокъ самъ. Онъ долженъ бы заразиться всѣми болѣзнями, а этого нѣтъ. Много еще надо ломки «тонконогому», чтобы сдѣлаться мужикомъ! Много! Ты что? — спросилъ онъ вошедшаго къ нему старосту.

— Да вотъ одинъ изъ тонконогихъ къ мужицкому труду не годенъ... Силы нѣтъ.

— Такъ пошли его на теплыя воды.

— Это какія теплыя воды?—спросилъ я.

— Женскія работы мы называемъ «теплыми водами»: гряды копать, полоть траву и т. д. Замѣчательно, — прибавилъ Энгельгардтъ: — что всѣ женщины стремятся у меня на мужскія работы, а мужчины часто попадаютъ на теплыя воды.

— А приняли бы вы меня въ мужики, А. Н.?

— Васъ? Вы еще устроите стачку изъ тонконогихъ противъ меня... Питерскіе тонконогіе все такіе...

— Нѣтъ, серьезно: возьмете ли?

— Да вѣдь я тогда буду бариномъ, а вы мужикомъ, — отвѣтилъ онъ. — Я миловать не буду. Безъ зову не посмѣете войти ко мнѣ. Я вѣдь стакана чаю вамъ не предложу, если вы поступите ко мнѣ работникомъ.

— Знаю! Знаю!

— Но вы понимаете, почему я такъ говорю. Кто побываетъ у меня въ мужикахъ и выдержитъ экзаменъ, тому

вѣдь нечего бояться въ жизни... На десять рублей въ мѣсяцъ проживетъ и всѣмъ будетъ нуженъ...

Поговоривъ на эту тему цѣлыхъ три дня, Энгельгардтъ удерживалъ меня и на четвертый, но я торопился ѣхать.

— А вѣдь у меня къ вамъ просьба,—сказалъ онъ.—Вы ѣдете въ Петербургъ?

— Да.

— Сходите къ Салтыкову и передайте ему мое письмо.

— Охотно.

— Скажите, что, заложивъ голову за авансъ изъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», я долго не могъ собраться писать ему, и разскажите все, что видѣли здѣсь и знаете. Пойдемте, посмотримъ тонконогихъ въ полѣ...

Я согласился. Было около 6-ти часовъ вечера, и рабочіе убирали сѣно. Проходя мимо нихъ, Энгельгардтъ допытывался, чтобы я узналъ, который здѣсь тонконогій, а который крестьянинъ.

— Это очень трудно. Тотъ же костюмъ, и такъ же всѣ загорѣли.

— А чего эта смѣется?—сказалъ онъ.—Видите: тонконожка смѣется, и все на васъ глядитъ.

Дѣйствительно: смотритъ и смѣется. Она поманила рукой А. Н. и, очевидно, стала говорить ему про меня.

— Подите сюда! Подите!.. Это ваша знакомая...

— Моя?

— Да, ваша.

— Вы не узнаёте? — спросила меня работница, покатываясь со смѣху.

— Нѣтъ.

— Я—Покровская.

— Боже мой! Да неужели это вы?

— Я... я.

— Ну, не мудрено, что я васъ не узналъ... Вѣдь въ этомъ костюмѣ я васъ никогда не видалъ въ Петербургѣ. Босоногой и въ одной сорочкѣ и юбкѣ!..

Всѣ засмѣялись и, кажется, я очень жалѣлъ, что не могъ быть среди нихъ на однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ.

Дѣвушка эта была слушательница на Бестужевскихъ курсахъ, но лѣто проводила въ Батищевѣ и сгребала сѣно

на мокромъ лугу, одѣтая, какъ всѣ деревенскія работницы, весьма поверхностно.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я видѣлся съ М. Е. Салтыковымъ.

Лакей доложилъ ему о моемъ приходѣ, но возвращаясь изъ его кабинета, вѣроятно полагалъ достаточнымъ доложить обо мнѣ своему барину и не счелъ нужнымъ проводить меня къ нему въ кабинетъ. Я остался въ этомъ же зало, дожидаясь хозяина. Въ сосѣдней комнатѣ слышался кашель и сердитые окрики:

— Какой же чортъ! Да кто тамъ? Кха!.. кха!.. Что же не идете?

Я не подозрѣвалъ, что все это относится ко мнѣ и спокойно продолжалъ ходить по залу. Вдругъ раздвинулись портьеры и Салтыковъ, высунувшись съ пледомъ на плечахъ, гнѣвно закричалъ:

— Я зову, а вы не идете! Ну, чего стоите?

— У васъ лакей плохо знаетъ свои обязанности, — сдержанно отвѣтилъ я.—Онъ ничего мнѣ не сказалъ, а самъ я не привыкъ въ чужомъ домѣ ходить по всѣмъ комнатамъ.

— А-а, — перебилъ онъ, понижая голосъ. — Я болѣнъ... Трудно мнѣ. Проходите сюда... Въ кабинетъ ко мнѣ.

Я подалъ ему письмо А. Н. Энгельгардта. Больной Салтыковъ весьма обрадовался тому, что можетъ распросить объ Энгельгардтѣ человѣка, вернувшагося прямо изъ Батищева. Я подробно передавалъ ему всѣ свои впечатлѣнія и весь вечеръ провелъ съ нимъ въ оживленной бесѣдѣ.

Когда я уходилъ отъ него, онъ усиленно повторялъ:

— Не запутайте старика въ какую-нибудь исторію... Всѣ вѣдь ѣздятъ къ нему а поберечь некому. Самъ онъ безстрашный и ничего не опасается... Кланяйтесь отъ меня и пусть пишетъ больше... Все интересно, что онъ пишетъ. Это вздоръ, что онъ исписался. Нигдѣ онъ не повторяется, а все правдиво и умно.

Видѣть, однако, Энгельгардта мнѣ не скоро пришлось. Въ началѣ 1882 года я писалъ ему письмо, напомнивъ желаніе поучиться у него земледѣльческому труду, и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Письмо ваше я получилъ только 1-го марта... Вы знаете, что я принимаю въ *работники* всякаго желающаго,

если у меня есть свободное мѣсто. Не вижу причины, почему же мнѣ не принять и васъ, если вы желаете поступить ко мнѣ въ *работники* съ *весны* (конецъ апрѣля), если вы притомъ согласны поступить на тѣхъ же условіяхъ, какъ поступаютъ другіе. Поступившій въ работники обязанъ подчиняться распоряженіямъ старосты, работать ту работу, на которую поставятъ, работать на-ряду съ рабочими, столько же часовъ. Помѣщается и харчуется вмѣстѣ со всѣми рабочими, плату получаетъ по заслугѣ и пр. Дисциплина у меня строгая, баловства работой я не допускаю, — назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Мы съ вами до сихъ поръ встрѣчались при другихъ условіяхъ, и не покажется ли вамъ трудненько быть работникомъ? Эксплуатировать вашъ *физическій* трудъ (умственнный трудъ для моего хозяйства не требуется, и одного моего довольно) я буду такъ же, какъ эксплуатирую трудъ другихъ рабочихъ, и простыхъ, и интеллигентныхъ. Не знаю, выдержите ли вы такую жизнь; насчетъ работы — дадимъ работу подсильную (если ничего дѣлать не можете, можно скотъ пасти, это легко), но выдержите ли самую жизнь. Скучно будетъ. Ни читать, ни думать, ни разговоры разговаривать некогда будетъ,—нужно только работать, ѣсть и спать. Подумайте. Принять могу, но не иначе, какъ съ весны. Лѣтомъ всѣ будутъ уже заняты. Желающихъ много»...

Обстоятельства помѣшали мнѣ выполнить мое намѣреніе, несмотря на перспективу попасть въ пастухи или на «теплыя воды». Съ тѣхъ поръ я не былъ въ Батищевѣ, но позднѣе встрѣчалъ Энгельгардта въ Петербургѣ у себя.

VI.

1882 — 1883 гг. Увлеченіе интеллигентными колоніями. Импер. Вольн. Экон. Общ. и А. Н. Энгельгардтъ.—1884—1886 гг. Фосфоритное дѣло.

Затѣмъ я имѣю относящееся къ 1882 г. письмо Энгельгардта къ А. С. Ермолову, въ которомъ онъ пишетъ:

«Интеллигентовъ у меня нынѣче было человѣкъ 11. Мужчины большею частью работали хорошо, только одинъ попался плоховатъ. Барышни же были неудовлетворительны и работали не то чтобъ какъ слѣдуетъ. Впрочемъ относительно барышенъ есть одно у меня неудобство: въ моемъ

хозяйствѣ слишкомъ мало женскихъ работъ, такъ что иногда и самъ не знаешь, чѣмъ занять лишнія руки. Одинъ изъ работавшихъ нынѣшнее лѣто остался на зиму у моихъ сосѣдей интеллигентовъ, устроившихъ недалеко отъ меня поселокъ, въ которомъ они собственноручно ведутъ хозяйство съ большимъ успѣхомъ. Другіе разъѣхались по своимъ учебнымъ заведеніямъ, такъ какъ пріѣзжали только на каникулярное время».

Изъ писемъ къ тому же лицу за 1883 г. мы узнаемъ и дальнѣйшую жизнь Энгельгардта, о которой онъ умѣлъ всегда сказать что-нибудь интересное. Онъ писалъ А. С. Ермолову:

«Какъ ни блестящи агрономическіе результаты, которыхъ я достигъ въ Батищевѣ—урожаи у меня великолѣпные,—но дохода едва хватаетъ на прожитіе съ семьей, хотя живемъ мы очень просто. Конечно, вслѣдствіе моего хозяйствованія, имѣніе сильно увеличилось и увеличивается въ цѣнѣ, но широко развернуться я не могу. Не отрицаю, что, имѣя капиталъ, можно было бы расширить дѣло: завести винокуренный заводъ, маслобойню, ввести нѣкоторыя машины, торговать скотомъ и пр. *На одно, два, такихъ хозяйства въ уѣздѣ рабочихъ хватило бы.* Доходъ можно было бы имѣть хорошій. Но сказать правду—все это интересуетъ меня очень мало, потому что я не вижу будущности для такого капиталистическаго плантаторскаго хозяйства. Сельско-хозяйственный прогрессъ возможенъ только при развитіи агрономическаго фермерскаго хозяйства, а такое хозяйство требуетъ постояннаго батрака, кнехта,—а такого батрака, кнехта, у насъ нѣтъ. Что такое, что я заведу одно блестящее хозяйство! Это не штука, но дѣло-то такое, къ чему оно! Буду получать я лично доходъ,—такъ я, можетъ быть, вдвое получилъ бы, поступивъ на службу. Дѣло не въ отдѣльномъ хозяйствѣ, а въ цѣлой системѣ хозяйства. Вы проѣзжали по Смоленской губерніи и видѣли, что это такое, какое тутъ хозяйство. Между тѣмъ Смоленская губернія—это золотое дно: при другомъ хозяйствѣ мы завели бы рынокъ спиртомъ, сыромъ, масломъ, саломъ, скотомъ, льномъ. Земля у насъ чудесная, воздухъ влажный; мы должны производить клѣтчатку, крахмалъ (ленъ, клеверъ, травы, корнеплоды) перерабатывать ихъ на спиртъ, сыръ, мясо, мыло.

Хлѣба намъ даетъ достаточно югъ, гдѣ по климатическимъ условіямъ все идетъ въ зерно, быстро спѣетъ, тогда какъ у насъ все нѣжится, тянется (клеверъ у насъ можетъ дать 500 п. сѣна на десятинѣ да еще отаву, а сѣмена клеверныя выгонять не стоитъ). Что касается нашихъ смоленскихъ земель, то это не земли, а золото. Вспаши на вершокъ глубже—и не оберешься урожая. И въ прошломъ, и въ нынѣшнемъ году я продолжалъ разработывать подъ пашню пустощи, т. е. раздѣланныя когда-то изъ-подъ лѣсовъ на луга пространства. Проѣзжая по Смоленской губерніи, вы изъ окна вагона могли видѣть массу такихъ необработанныхъ пустошей. Такія выкосившіяся пустоши, дающія 3—4 копы сѣна съ десятины, будучи распаханы, прямо, безъ удобренія, даютъ великолѣпнѣйшій ленъ, овесъ самъ-5, отличную рожь. Но земли эти пустуютъ, и нѣтъ никакой надежды, чтобы помѣщичье хозяйство могло съ ними справиться. Да и нѣтъ его, этого помѣщичьяго хозяйства. Изъ моихъ батищевскихъ учениковъ-интеллигентовъ составилась артель, которая устроила недалеко отъ Батищева (въ $1^1/_2$ в.) поселокъ. Эти интеллигенты ведутъ хозяйство собственнымъ трудомъ по преимуществу (т. е. сами пашутъ, сѣютъ, косятъ и пр.), и въ одинъ годъ уже получили превосходные результаты, и урожаи несравненно лучше, чѣмъ у крестьянъ. Въ нынѣшнемъ году и интеллигенты, и крестьяне, сѣяли на одной изъ моихъ пустошей ленъ, но у интеллигентовъ, вслѣдствіе лучшей обработки (плуги, хорошія лошади, тщательная отдѣлка), урожай вышелъ въ $1^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ у крестьянъ. Вся будущность нашего хозяйства—въ такихъ работающихъ интеллигентахъ. Безъ участія интеллигенціи раціональное хозяйство невозможно, но интеллигенты должны быть сами работники, а не заправляющіе только баре, неспособные вести дѣло безъ захребетниковъ. Это мое глубокое убѣжденіе. На своихъ ученикахъ, сѣвшихъ на землю около Батищева (не придавайте значенія, не пугайтесь, если этотъ поселокъ будутъ называть общиной и т. п.,—это все вздоръ, пустяки), я вижу, что можетъ умѣющій самолично работать интеллигентъ сдѣлать на землѣ, даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: безъ достаточнаго капитала. Я въ восторгѣ отъ моихъ поселенцевъ. Истинные молодцы. Работаютъ превосходно,

настояще, какъ слѣдуетъ, живутъ просто какъ мужики (не по принципу, а по нуждѣ, потому что денегъ мало, жить иначе нельзя, деньги затрачиваются на хорошихъ лошадей, плуги, желѣзныя бороны и пр.), и интеллигенціи своей не теряютъ. Напротивъ, я нахожу, что они интеллектуально ростутъ по мѣрѣ того, какъ ростетъ ихъ хозяйство. Я нахожу, что это самое здоровое направленіе. Такого народу (интеллигентныхъ пролетаріевъ), которому хозяйство при собственномъ трудѣ, по-*американски*, можетъ дать благосостояніе, обезпеченное положеніе, пропасть! Могутъ быть разныя формы такого хозяйства: общины, артели, съ наймомъ и безъ найма рабочихъ. Это все равно, это не важно, это пустое. Суть дѣла въ умѣющемъ самолично работать, образованномъ, знающемъ *интеллигентѣ*, который одинъ только можетъ создать хозяйство, машины, все. Но и понятно тоже, что интеллигентъ не можетъ сидѣть теперь (пока интеллигента мало) на землѣ, въ *одиночку*. Въ одиночку его сожгутъ, ограбятъ. Департаментъ сельскаго хозяйства долженъ былъ бы обратить все свое вниманіе на это сельско-хозяйственное направленіе въ интеллигенціи. Вообще, по-моему, деп. сельск. хоз. находится на неправильномъ пути, обращая вниманіе только на помѣщичье хозяйство. Напр., выдумали теперь заводить какія-то школы для приготовленія *ученыхъ батраковъ* для помѣщичьихъ хозяйствъ. Вѣдь это смѣхъ! Производятъ, съ Миддендорфомъ во главѣ, какія-то изслѣдованія о скотоводствѣ въ Россіи, а тутъ бабу для скотнаго двора достать нельзя. Всѣ бабы, которыя у меня служатъ на скотномъ дворѣ, потому только служатъ, что не могутъ выйти замужъ: или это вдова, пережившая трехъ мужей, или жена, у которой мужъ въ безвѣстномъ отсутствіи, или жена, разошедшаяся съ мужемъ. Любая изъ моихъ бабъ, сдѣлайся она правоспособной выйти замужъ, тотчасъ броситъ мой скотный дворъ и выйдетъ замужъ за перваго попавшагося, чтобы сдѣлаться самой хозяйкой. И это теперь, когда большая часть хозяйства прикрыта, опущена и земли отдаются на выпашку мужику. А тамъ толкуютъ объ иноплеменныхъ скотахъ, спорятъ о породахъ и т. п. Ну, развѣ это хозяйство, если зимою, осенью нѣтъ отбою отъ рабочихъ, когда они не нужны, а лѣтомъ всѣ рабочіе разбѣгаются и остается одна негод-

ная шушера! Даже деньгами никого привлечь нельзя. О сдѣланныхъ работахъ и говорить нечего; нѣтъ хлѣба, нажали податями, — берутъ работы; но каково потомъ выполненіе! Съ моей стороны это не помѣщичьи ламентаціи, — вы это знаете. Я 13 лѣтъ сижу на хозяйствѣ, самъ его веду, самъ во все вхожу, и смѣю думать — понимаю суть дѣла. Рабочій дешевъ, жретъ всякую дрянь, спитъ на голой землѣ. Это не французъ, которому, кромѣ хорошей платы, нужно дать коньяку, вина, бѣлаго хлѣба, постель, желѣзную кровать. Дешевъ мужикъ, дешевъ батракъ, но развѣ въ дешевизнѣ дѣло? Для хозяйства нуженъ *постоянный батракъ*, который жилъ бы годы, приспособлялся къ орудіямъ, лошадямъ, полямъ, способамъ культуры, уборки. Нуженъ кнехтъ, а безъ батрака, безъ кнехта, невозможно фермерское хозяйство. Говорятъ, на югѣ есть сильныя плантаторскія хозяйства; мало я этому вѣрю, но допустимъ, что есть. Такъ это только на югѣ, да кромѣ того плантаторскія хозяйства—это одинъ только факторъ въ общей системѣ хозяйства, и факторъ не самый важный. Затѣмъ—крестьянское хозяйство. Но если разсчитывать на него, то нужно отдать землю крестьянамъ. Мужицкое царство тоже имѣетъ свою прелесть. Наконецъ, возьмите еще и полное распутство во всѣхъ отношеніяхъ: недобросовѣстность, воровство, мошенничество, обманъ. Наконецъ, эти поджоги, отъ которыхъ не безопасенъ никто. За самый пустякъ, мало того—*на зло* старостѣ, сторожу, васъ сожгутъ. Что ни пожаръ, то говорятъ, что это поджогъ; можетъ, и не было поджога, часто вѣрнѣе, что не было, но важно, что это говорятъ. Я не боюсь поджоговъ, я даже не страхую построекъ, и не потому не боюсь, что меня не подожгутъ, а потому, почему не боюсь волковъ, хотя, можетъ, завтра выскочитъ откуда-нибудь бѣшеный волкъ и укуситъ. Но, право, скажу вамъ: предпочелъ бы хозяйничать въ Ирландіи, гдѣ существуютъ аграрныя преступленія. Тамъ, по крайней мѣрѣ, борьба, а у насъ—чортъ знаетъ что, просто распутство! Вамъ строитъ домъ рядчикъ-плотникъ. Рядчикъ кого-нибудь плохо расчелъ — *на зло рядчику* зажгли постройку, и горитъ вся усадьба. Нынче весной я нанялъ бабу на скотный дворъ. Прожила баба три мѣсяца и ушла. Староста уговариваетъ остаться. «Не могу, Андріянычъ,—говоритъ баба:—въ дру-

гомъ мѣстѣ, можетъ, и стала бы, а у вашего барина не хочу, хорошъ онъ очень, жалко мнѣ его».—Отчего такъ?—«А вотъ отчего: придетъ мужъ, не потрафишь ему чѣмъ (а мужъ пьяница-забулдыга), не дашь рублевку, онъ *на зло мнѣ* возьметъ да зажгетъ усадьбу». «Жаль барина»! Нѣтъ закона, правды, порядка, честности—одно распутство. Департаментъ сельскаго хозяйства слѣдовало бы раздѣлить на два отдѣленія: черноземное и не-черноземное. А поѣздить мнѣ по Россіи съ агрономической цѣлью хорошо бы: думаю, что многое усмотрѣлъ бы».

Въ 1883 году А. Н. былъ выбранъ заочно въ гласные дорогобужскаго земства и получилъ изъ Петербурга отъ К. Д. Кавелина предложеніе баллотироваться на должность секретаря Имп. Вольн. Эк. Общества. Энгельгардтъ по тому и другому случаю писалъ А. С. Ермолову слѣдующее:

«Вы хотѣли, чтобы я вамъ написалъ о впечатлѣніи, какое на меня произвели земскія собранія. Очень мало могу сказать вамъ. Замѣтилъ только, что главный интересъ сосредоточенъ на выборахъ. Особенно интересуется выборами сторонняя публика, такъ что въ день выборовъ отведенныя для публики мѣста за креслами были переполнены, тогда какъ въ обыкновенные дни, когда мы разсуждаемъ о земскихъ дѣлахъ, мѣста для публики всегда пусты, развѣ иногда появится какая-нибудь унылая барыня. Все это совершенно понятно, потому что, дѣйствительно, земская служба не то, что чиновничья. Сидитъ человѣкъ на вакантномъ мѣстѣ, чуть не генералъ, въ соборѣ со всѣми генералами—съ акцизнымъ, казначейскимъ, судейскимъ и пр.—даже съ губернаторомъ рядомъ стоитъ, и вдругъ—накидали черняковъ—и пошелъ подъ землю. Другому только и остается, что идти на общественное гулянье и протягивать руку, прося: «Доне о повръ — отставной земски членъ». Понятно, что выборами болѣе всего интересуются. Что касается разныхъ вопросовъ, то по этой части и у насъ говорильщиковъ достаточно, — изъ каждаго пшика, настоящаго выѣденнаго яйца, умѣютъ вопросы дѣлать и жевать потомъ мочалку. Да и то сказать, трудно въ земскомъ собраніи настоящій вопросъ найти, потому что начальство всѣ вопросы захватило и по коммиссіямъ, для уясненія и разрѣшенія, роздало. Поминутно приходилось слышать въ земскомъ собраніи:

«Намъ не стоитъ обсуждать этотъ вопросъ, потому что онъ обсуждается въ такой-то коммиссіи» или: «пока вопросъ не будетъ разрѣшенъ такой-то коммиссіей, безполезно намъ о немъ толковать»—«лучше подождать»—«погодить» и т. д., «что скажетъ коммиссія» и пр., и пр. Однимъ словомъ: начальство *все разрѣшитъ, все укажетъ,* а покамѣсть пусть такъ остается; и все такъ остается, даже пьяный самодуръ-урядникъ».

По вопросу о секретарствѣ въ Имп. Вольн. Экон. Обществѣ, онъ писалъ тому-же лицу: «Что это такое? Развѣ теперь такое положеніе дѣлъ, что я на старости лѣтъ требуюсь для какой-нибудь общественной дѣятельности? Что касается должности гласнаго въ Дорогобужѣ и Смоленскѣ, то, passe encore, это всего расходъ 200—300 р., на который я правоспособенъ. Но должность секретаря Имп. Вольн. Экон. Общ.! это совсѣмъ другое дѣло. Нужно жить въ Петербургѣ, бросить имѣніе и свою настоящую дѣятельность. Въ мои годы, при должности секретаря Имп. Вольн. Экон. Общ., при моемъ положеніи, знакомствахъ, мнѣ нужно прожить въ Петербургѣ мало-мало 6.000 р. въ годъ. Въ самомъ дѣлѣ, не трястись же мнѣ, старику, въ дождь на какомъ-нибудь ванькѣ, не питаться же мнѣ въ кухмистерской, не жить же въ нумерахъ и т. п.! Между тѣмъ Кавелинъ сообщаетъ, что въ качествѣ секретаря Имп. Вольн. Экон. Общ. я буду получать вознагражденіе въ 1.900 р. На это нищенское содержаніе я долженъ жить въ Петербургѣ. Конечно, можно жертвовать и здоровьемъ, и покоемъ (трястись подъ дождемъ на извозчикахъ, жить въ клѣтушкѣ съ окнами на помойную яму и пр.), но это только въ такомъ случаѣ, если предстоитъ дѣлать дѣло большое, общественное. Но развѣ такое дѣло предстоитъ секретарю Имп. Вольн. Эк. Общ.?.. Какое-же тамъ дѣло, изъ-за котораго мнѣ можно было бы бросить свою настоящую дѣятельность и пойти питаться по петербургскимъ кухмистерскимъ? Да мой староста получаетъ болѣе, потому что, живя на всемъ готовомъ, можетъ откладывать 100 р. въ годъ. Я объяснилъ себѣ предложеніе Кавелина потребностью особенной общественной дѣятельности, которая можетъ даже проявиться въ Имп. Вольн. Экон. Общ. Такъ-ли это и что это? Къ вамъ обращаюсь за совѣтомъ, такъ какъ и вы не чужды сельско-

хозяйственныхъ и иныхъ сферъ. Или, можетъ быть, думаютъ, что я получаю огромные доходы съ имѣнія и могу ихъ проживать въ Петербургѣ. Кавелину я написалъ уклончиво,—не уклончиво, но такъ именно, что я не имѣю достаточно матеріальныхъ средствъ, чтобы принять должность секретаря Имп. Волн. Экон. Общ., а на жалованье отъ Общества жить нельзя... Конечно, если-бы я увѣренъ былъ, что въ должности секретаря Имп. Вольн. Экон. Общ. предстоитъ настоящее общественное дѣло, то я не затруднился-бы жить на 50 р. въ мѣсяцъ, но вотъ въ томъ-то и запятая! Есть ли тамъ настоящее дѣло, не бумажное ли только въ синей оберткѣ? Не говорильня ли тамъ, въ Обществѣ, только? Въ такомъ случаѣ лучше просто-на-просто въ лавочкѣ торговать. Если бы я думалъ, что дѣло стоитъ иначе, то, вы понимаете, согласился-бы пойти за вознагражденіе въ 1.900 р., хотя-бы, живя на такомъ содерженіи, пришлось жертвовать здоровьемъ, покоемъ, удобствами жизни и пр. Я могу быть дѣятеленъ и энергиченъ, если дѣло меня заинтересуетъ; а я думаю, что дѣло Имп. Вольн. Экон. Общ. должно меня заинтересовать. Но вотъ чего я боюсь: старъ я, физически слабъ, боюсь болѣзней, боюсь, выдержу ли петербургскую жизнь. Вотъ въ этомъ-то отношеніи я и хочу обставить себя удобно, покойно. Воздухъ для меня—самое первое дѣло. Я ѣзжу по полямъ на бѣговыхъ дрожкахъ въ полушубкѣ, но вѣдь это на чистомъ деревенскомъ воздухѣ... Въ Батищевѣ мнѣ, собственно говоря, дѣлать теперь нечего, потому что я, кажется, сдѣлалъ все, что̀ по обстоятельствамъ сдѣлать можно. Школу свою для интеллигентовъ, я думаю, прикрыть, и нахожу гораздо естественнѣе, чтобы интеллигенты поступали учениками къ интеллигентамъ же, устроившимся въ поселкѣ недалеко отъ Батищева. Мнѣ хотѣлось бы болѣе широкой дѣятельности, и мнѣ кажется, что Имп. Вольн. Экон. Общ. могло бы ее представить... Недостатка въ дѣлѣ не можетъ быть. Разработка массы вопросовъ требуется, начиная съ самыхъ мелкихъ технико-агрономическихъ и кончая важнѣйшими экономическими и соціальными. Важна уже одна постановка живыхъ вопросовъ (напримѣръ, вопросъ о томъ, какая экономически-соціальная форма хозяйства можетъ быть въ Россіи? Можно ли остаться при существующей кулацкой?), и стоитъ только

съумѣть привлечь къ дѣлу силы, которыхъ, безъ сомнѣнія, не мало дремлетъ въ Россіи. Я не настолько самолюбивъ, чтобы думать, что я одинъ могу это сдѣлать, но, вѣдь, вы говорите, что въ обществѣ собирается много лучшихъ силъ, много годной на дѣло молодежи; на помощь ея-то и слѣдуетъ разсчитывать. Я придаю огромное значеніе разработкѣ въ Россіи сельско-хозяйственнаго вопроса, разумѣется, достаточно широко поставленнаго. Я былъ-бы очень счастливъ, если бы могъ на старости лѣтъ быть искоркой, которая зажгла бы это важное дѣло».

На запросы Енгельгардта, А. С. Ермоловъ отвѣтилъ ему очень скоро.

Энгельгардтъ отъ 6-го октября того-же 1883 г. вновь писалъ ему: «Отвѣтъ вашъ меня вполнѣ удовлетворяетъ. Вы говорите, что въ Вольно-Экон. Обществѣ собирается много лучшихъ силъ, много молодежи, годной на дѣло и ищущей его, что общество несомнѣнно хочетъ работать, хочетъ дѣло дѣлать, что оттого-то оно такъ и ухватилось за меня и пр... Если тамъ дѣйствительно лучшія силы, если тамъ дѣйствительно годная молодежь и пр., то и желать ничего лучшаго не надо. Разумѣется, и въ этомъ дѣлѣ, какъ во всякомъ, все въ томъ, чтобы попасть на правильную дорогу, вѣрно установить основныя положенія.

«Но вы не хотите отвѣчать, можетъ ли что-нибудь выдти изъ этихъ стремленій Вольн.-Экон. Общества. Вы не находите возможнымъ отвѣчать отрицательно, какъ бы вамъ, повидимому, хотѣлось, и оставляете дѣло подъ сомнѣніемъ. Но для меня ясно изъ второй части вашего письма, что вы сомнѣваетесь въ успѣхѣ этихъ стремленій. Почему? Находите ли вы, что эти лучшія силы, эта жаждующая дѣятельности молодежь слишкомъ слабы? Что это только говорильщики? Думаете ли вы, что нельзя найти настоящаго дѣла для Общества? Или, что я его не найду? Или, наконецъ, думаете, что дѣлу будутъ мѣшать постороннія причины? Во всякомъ случаѣ, я радъ, что вы признаете невозможнымъ для этого дѣла приносить жертвы. Я и самъ такъ думалъ, но мнѣ важно ваше подтвержденіе, такъ какъ я вамъ вѣрю».

Мечтая о секретарствѣ въ Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, Александръ Николаевичъ со-

вершенно упустилъ изъ виду совсѣмъ иного рода затрудненія, вытекавшія изъ обстоятельствъ его отставки и удаленія изъ Петербурга; а между тѣмъ это повело къ тому, что мысль о баллотированіи его въ секретари не была одобрена. Трогательно-иронически звучатъ по этому поводу слѣдующія строки Энгельгардта. Онъ пишетъ А. С. Ермолову:

26/x 83. Неособенно скорблю я, что не устроилось мое поступленіе въ секретари Имп. Вольно-Экон. Общ. Прочитавъ въ газетахъ о бурномъ засѣданіи, которое было въ началѣ октября, я подумалъ, что врядъ ли состоится мое поступленіе — такъ оно и вышло. Я думалъ только, что прямо забаллотируютъ, но вышло нѣсколько иначе. Жалѣю объ одномъ только, что спрашивались у начальства (желалъ-бы знать, у кого именно) и что оно не одобрило меня. Если здѣшніе начальники узнаютъ объ этомъ, то мнѣ станетъ хуже жить: опять станутъ придираться, подкапываться. Вамъ все это смѣшно, пожалуй кажется невѣроятнымъ... но это вѣрно, какъ и то, что я объ этомъ тотчасъ подумалъ, какъ прочиталъ письмо, уже показываетъ вѣроятность этого. Положимъ, сдѣлать мнѣ ничего не могутъ, такъ какъ существенно ко мнѣ придраться нельзя, но согласитесь сами, что тяжело напримѣръ находиться подъ надзоромъ крестьянъ, которые увѣряютъ, что становой имъ обѣщалъ 25 р. за доносъ на меня или кого нибудь изъ моихъ, и случается, что иногда даже стращаютъ этимъ. Вѣдь тяжело все это и вотъ почему отчасти мнѣ хотѣлось получить мѣсто въ Петербургѣ: здѣшнее начальство уважать бы стало. А теперь узнаютъ о неодобреніи начальствомъ— хуже мнѣ будетъ. И зачѣмъ было спрашиваться? И у кого? Ну да ужъ этого не поправить. Какъ основательный человѣкъ, въ ожиданіи выбора въ секретари, я проштудировалъ «Труды», и, знаете ли, пришелъ къ тому заключенію, что если бы меня теперь и выбрали, то черезъ три года, при новыхъ выборахъ, вѣроятно, многіе изъ выбравшихъ теперь положили бы потомъ налѣво. Мнѣ кажется это потому, что многимъ я съ моими воззрѣніями показался бы не-либеральнымъ, не тѣмъ, чего они ожидаютъ. Вообще мнѣ кажется, что у васъ тамъ несовсѣмъ понимаютъ суть дѣла, нутро. Вчера, напр., я прочиталъ о дебатахъ въ Вольно-

Экономическомъ Обществѣ по вопросу о винокуреніи. Я, конечно, не защитникъ чиновниковъ вообще, даже противникъ ихъ, не люблю ихъ, но никакъ не могу согласиться, что упадокъ сельско-хозяйственнаго винокуренія зависитъ отъ дурного состава акцизныхъ чиновниковъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, а процвѣтаніе винокуренія въ остзейскихъ провинціяхъ — отъ хорошаго состава остзейскихъ акцизныхъ чиновниковъ (эту мысль, кажется проводилъ Совѣтовъ). Я думаю, что причины этого лежатъ гораздо глубже—въ самомъ соціально-экономическомъ строѣ остзейскихъ провинцій. У насъ, напр., въ Смоленской губерніи маленькіе винокуренные заводы у помѣщиковъ не существуютъ, между прочимъ, потому, что для сбыта вина нужно имѣть свои кабаки, а сбыть выгодно виноскладчикамъ нельзя. Конечно, это одна изъ причинъ. Есть еще тысячи другихъ. Но главное все въ сути, въ неустановившемся соціально-экономическомъ порядкѣ. Ясно, что у насъ не можетъ установиться остзейскій порядокъ. Ясно, что у насъ во главѣ должно стоять широко развитое крестьянское хозяйство, вообще хозяйство людей, самолично работающихъ землю. Это хозяйство еще должно быть экстенсивное — по обилію земель. Допускаю при этомъ капиталистическія хозяйства, преимущественно съ техническими производствами, — хозяйства, работающія интенсивно. Для полнаго развитія такого строя нужно, чтобы большая часть земель перешла въ *собственность* крестьянъ, и чтобы уничтожилась помѣщичья кулацкая система».

Энгельгардтъ быстро утѣшился въ томъ, что его переѣздъ въ Петербургъ не состоялся, отдавшись новому и чрезвычайно важному дѣлу. Въ іюнѣ 1884 года онъ поѣхалъ въ Рославльскій уѣздъ, Смоленской губерніи, для геогностическихъ изслѣдованій почвъ. Несмотря на преклонный возрастъ, Энгельгардтъ, по его выраженію, былъ «наполненъ фосфоритнымъ дѣломъ и фосфоритнымъ интересомъ». За тяжкимъ трудомъ, въ жару, вспоминались ему его молодые годы, то счастливое время, когда онъ съ научной цѣлью лазилъ съ А. С. Ермоловымъ по горамъ около Гурова и Ендовища, гдѣ навѣрное не лазилъ «самъ генералъ», какъ говорили мужики, «а посылалъ адъютанта»... Счастливое время! О немъ у Энгельгардта сохранился ри-

сунокъ одного обнаженія. На рисункѣ сдѣлана попытка изобразить одного человѣка наверху обрыва, а другого — внизу; попытка рисовальщику не удалась, а потому около верхней фигуры подписано: «Это Ермоловъ», а около нижней: «это я»...

На самомъ интересномъ мѣстѣ, спускаясь съ небольшого пригорка, дрожки опрокинулись на бокъ, и Энгельгардтъ соскользнулъ съ нихъ впередъ къ ногамъ лошади, а кучеръ полетѣлъ назадъ... Энгельгардтъ пишетъ:

«Возжа лопнула, лошадь понесла. Кучеръ Ларіонъ успѣлъ высвободить ногу и отдѣлался ушибомъ колѣна. Я нѣсколько времени тащился съ дрожками, наконецъ слетѣлъ подъ дрожки, и колесо переѣхало черезъ меня, разорвавъ мою блузу и ушибивъ плечо. Упалъ я лицомъ внизъ, но успѣлъ закрыть лицо руками, вслѣдствіе чего ссадилъ руки и немного лобъ. Вечеромъ я все прикладывалъ ледъ, а сегодня смочилъ ссадины березкой. Побаливаетъ правое плечо, но, какъ видите, могу писать. Вотъ я всегда ѣздилъ на бѣговыхъ дрожкахъ, считая этотъ экипажъ совершенно безопаснымъ. Мои и таковы. Но и бѣговыя дрожки могутъ быть устроены по-дурацки, каковыми и оказались вчерашнія. Счастье еще, что лошадь была хотя и горячая, но благонравная и не стала бить задомъ, а то бы сдѣлала изъ моей физіономіи такое, что глядѣть было бы гадко. Вообще я чувствую себя хорошо. Поздоровѣлъ, посвѣжѣлъ, но, однако, въ мои годы трудно уже заниматься такими изслѣдованіями. Ларіонъ все говоритъ: «Нѣтъ, не то ужъ вы, Александръ Николаевичъ, что были прежде». Нынѣшнюю экскурсію я окончу, но далѣе едва-ли буду продолжать».

Въ слѣдующихъ письмахъ мы читаемъ:

«Я сегодня нахожусь въ Брянскѣ, откуда завтра намѣренъ уѣхать въ Рославльскій уѣздъ обратно. Мы сегодня осматривали городскіе овраги, представляющіе классическія обнаженія для изученія мѣловой формаціи. Между прочимъ, осматривая овраги, мы нашли здѣсь чрезвычайно интересную вещь: обломокъ камня, который оказался сферосидеритомъ, т.-е. углекислою закисью желѣза, что́ представляетъ самую лучшую желѣзную руду. Боюсь предаваться восхищеніямъ, пока не произведутъ основательныхъ изслѣ-

дованій по этому предмету... Нынѣшняя поѣздка мнѣ даетъ обильный матеріалъ. Но едва ли я буду продолжать задуманныя путешествія, потому что силы мои слабы. Многое дѣлаютъ мои помощники, которые всюду ходятъ со мной, всюду лазятъ почти на вертикальные обрывы саженъ 15 вышиной. Сидя внизу, я не могъ даже посмотрѣть: у меня замирало сердце и тряслись поджилки... Въ будущемъ я буду ѣздить въ такомъ только случаѣ, если Мишѣ (сыну) разрѣшатъ ѣздить со мной, и я надѣюсь, что разрѣшатъ. А какъ было бы для него полезно поѣздить со мной — сколько бы онъ увидалъ и узналъ. И весело бы намъ было. А для него, когда онъ изучитъ дорогобужскую флору, будетъ очень интересно изучать флору и другихъ мѣстностей. Въ здѣшней флорѣ я замѣтилъ нѣсколько растеній, какихъ у насъ нѣтъ. Общій видъ флоры почти тотъ же, какъ у насъ на глинистыхъ почвахъ (только поражаетъ масса кустарника дубоваго, ясневаго, въ родѣ какъ у насъ ольхи и лозы), но на песчаныхъ и мѣловыхъ почвахъ флора очень отличается, особенно на мѣловыхъ».

Вообще, производя спеціально геологическія экскурсіи, Энгельгардтъ не упускалъ изъ виду и другія особенности сельскаго хозяйства. Его письма съ дороги о разныхъ мелочахъ имѣютъ также несомнѣнный интересъ. Такъ, заѣхавъ къ пріятелю и осматривая его садъ, онъ пишетъ:

«Интереснѣе всего плодовый садъ и еще интересны то, что нѣтъ никакого садовника. Садомъ завѣдуетъ самъ хозяинъ, управляющій кромѣ того большимъ хозяйствомъ. Хозяину помогаетъ его маленькій сынъ. Садомъ завѣдуетъ хозяинъ и его сынъ, а огородомъ и парниками завѣдуетъ поваръ. Прививку деревьевъ въ саду производятъ маленькія дѣвочки-поденщицы (за плату 15 к. въ день). Хозяинъ самъ только срѣзаетъ вѣтки, которыя прививаютъ. Деревья въ отличномъ видѣ. Интересно мнѣ было видѣть, какъ передѣлываютъ старыя деревья на новые сорты прививкою и изъ полосатой непрочной груши дѣлаютъ прочную безсѣмянку. Точно такъ же прививаютъ и вишню. Ужасно я смѣялся, какъ сегодня одинъ мальчикъ-работникъ хвасталъ, что онъ привилъ яблоню на иву и прививка у него идетъ. Видно, что всѣ въ округѣ заинтересованы садоводствомъ. Хозяинъ говоритъ, что онъ на свою голову

пріохотилъ округъ къ садоводству. Теперь у него постоянно крадутъ молодыя 5-лѣтнія деревца крестьяне для своихъ садовъ. Въ большомъ саду, напримѣръ, за одну нынѣшнюю весну украли 167 яблонекъ. Интересны здѣсь переносныя изгороди около сада, которыя можно снимать на зиму. Очень дешевы (за 6 аршинъ 25 коп.) и практичны. Интересны живыя изгороди изъ ели».

Возвращаясь съ ученой экскурсіи, онъ писалъ:

«Я окончилъ изслѣдованіе пространства между линіей Орловско-Витебской желѣзной дороги и Десной. Нашелъ много интереснаго. Матеріалу привезу на всю зиму. Теперь переѣхалъ на лѣвую (отъ Рославля) сторону дороги, но здѣсь ограничусь изслѣдованіемъ лишь небольшого пространства, потому что чувствую себя нездоровымъ. Дѣло въ томъ, что ушибъ, о которомъ я писалъ, даетъ себя чувствовать. Ушибы плеча, колѣнъ, прошли безслѣдно, но ушибъ лѣваго бока чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Кашляну—уколъ въ бокъ. Пройду 20 шаговъ — одышка, недостатокъ дыханія. При такихъ условіяхъ работать невозможно—еле-еле докончилъ лѣвую сторону дороги.

Затѣмъ онъ пишетъ уже изъ Батищева:

«Возвратился изъ экскурсіи въ Рославльскій уѣздъ. Здѣсь оказались богатѣйшія залежи фосфорита въ самыхъ удобныхъ для добычи залеганіяхъ, тотчасъ подъ растительнымъ слоемъ (а иногда и въ самой пахатной землѣ), въ зеленомъ глауконитовомъ пескѣ. Когда фосфориты пойдутъ въ ходъ, то эта мѣстность получитъ громадное значеніе, въ родѣ арденскаго Grand Pré. Всѣ залежи находятся вдоль линіи орловско-витебской дороги. Сюда нужно присылать тѣхъ, которые вѣрятъ въ пользу фосфоритнаго удобренія. Здѣсь каждый можетъ во-очію убѣдиться, какое дѣйствіе на хлѣба производитъ присутствіе фосфорита въ почвѣ: гдѣ есть фосфоритъ, тамъ и на почвѣ, состоящей изъ зеленаго песку, содержащей очень мало глинистыхъ частицъ, безъ удобренія, рожь хороша; гдѣ нѣтъ фосфорита—плоха. Если спросить, въ какихъ деревняхъ хлѣба́ родятся лучше, то по этому указанію объ урожайности можно на песчаныхъ почвахъ заключить о присутствіи фосфорита. Кромѣ фосфорита песчанаго, залегающаго въ зеленыхъ пескахъ, обыкновенно относимыхъ къ мѣловой формаціи, я нашелъ здѣсь

фосфориты глинистые, залегающіе въ черной слюдистой юрской глинѣ, въ которой содержатся также фосфоритные (фосфоритной массой окаменѣвшіе) аммониты и сѣрные колчеданы. Еще нашелъ я въ Брянскѣ, и здѣсь въ рославльскомъ уѣздѣ, куски *сферосидерита* (углекислой закиси желѣза), очень чистаго, плотнаго, содержащаго мало примѣсей. Относительно примѣненія фосфорита въ нашихъ хозяйствахъ я пришелъ къ убѣжденію, что фосфориты могутъ найти у насъ примѣненіе только въ самой простой формѣ, въ видѣ фосфоритной муки, какъ во Франціи, потому что наши экстенсивныя хозяйства не могутъ выдержать дорогихъ суперфосфатовъ. Фосфоритная мука должна быть дешева, и ее можно дешево получить въ такихъ мѣстахъ, какъ Бѣльская, Сеща, Кочево. Надѣяться, что помѣщики сами будутъ приготовлять фосфоритную муку изъ мѣстныхъ фосфоритовъ — нельзя, потому что это вовсе не такъ легко. Нужно, чтобы устроились на мѣстѣ добыванія маленькія фабрички для дробленія и размола фосфорита, какъ во Франціи. Разъ бы только немного пошла фосфоритная мука—ее будутъ работать простыя мельницы, которыхъ не мало въ данной мѣстности. По моему мнѣнію, самая подходящая мѣстность для устройства фабрички—Бѣльская, небольшое имѣніе Митусова (168 десятинъ всего). Слѣдовало бы пустить это дѣло въ ходъ, но не знаю какъ. Если бы фосфоритная мука дешево продавалась, я бы сталъ прямо употреблять ее въ хозяйствѣ».

Въ 1885 г. жизнь въ Батищевѣ шла тѣмъ же порядкомъ. Счастливое состояніе духа Энгельгарда отразилось и на его работахъ. Въ письмахъ за 1886 г. къ А. С. Ермолову онъ высказывается:

«Не могу не подѣлиться съ вами, моимъ бывшимъ сотрудникомъ, моею радостью, моимъ счастьемъ. Опыты удобренія фосфоритной мукой въ моемъ хозяйствѣ дали поразительные, просто неожиданные результаты. На *безнавозныхъ* земляхъ, удобренныхъ *одною только фосфоритной мукой*, рожь, сравнительно съ ничѣмъ неудобренными землями, *поразительно* хороша. Полосы, удобренныя фосфоритной мукой, такъ же рѣзко отличаются отъ ничѣмъ неудобренныхъ, какъ навозныя нивы отъ безнавозныхъ. Вы знаете, что въ 1884 году я сдѣлалъ экскурсію въ Рославльскій уѣздъ для

изслѣдованія тамошнихъ залежей фосфоритовъ. Занимаясь въ Рославльскомъ уѣздѣ, я замѣтилъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глауконитовые пески, содержащіе фосфоритъ, выходятъ не поверхность — гдѣ почвы состоятъ изъ глауконитовыхъ фосфоритныхъ песковъ—хлѣбъ (рожь) родится безъ навоза очень хорошо, гораздо лучше, чѣмъ на песчаныхъ почвахъ, не содержащихъ глауконита и фосфорита. Разница была такъ велика, что по наружному виду ржи можно было опредѣлить, гдѣ фосфоритъ выходитъ на поверхность. Одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ К. В. Мясоѣдовъ, въ имѣніи котораго, селѣ Несоновѣ, есть фосфоритъ, вздумалъ, домашними средствами размалывая фосфориты на простой мельницѣ, готовить фосфоритную муку для продажи. Зимою 1885 г. Мясоѣдовъ прислалъ мнѣ 60 пудъ фосфоритной, которую я и употребилъ для опытовъ въ прошломъ году. Опыты производились такъ: на десятинахъ отмѣрились участки въ $^1/_{10}$ десятины, посыпались мукой и затѣмъ вся десятина обрабатывалась какъ обыкновенно, при чемъ иныя десятины были удобрены навозомъ, иныя—нѣтъ. Уже осенью прошлаго года на безнавозныхъ десятинахъ, на зеленяхъ, было замѣтно дѣйствіе фосфоритной муки. Весною же нынѣшняго года, какъ только рожь пошла въ ходъ, участки безнавозной земли, удобренной фосфоритной мукой, рѣзко отличались отъ ничѣмъ неудобренной. Рожь на участкѣ, удобренномъ фосфоритной мукой, была гуще, выше ростомъ, темнѣе цвѣтомъ. Спѣть стала раньше, при уборкѣ была на полъ-аршина выше ростомъ, толще соломой, колосистѣе. Когда рожь была сжата, то на жнивьяхъ совершенно рѣзко можно было видѣть участокъ, удобренный фосфоритной мукой, такъ что *если бы я сдѣлалъ на десятинѣ фосфоритной мукой надписи, то ихъ можно было бы читать на жнивьяхъ.* Рожь на переломахъ безнавозныхъ, удобренная фосфоритной мукой, была *такъ же хороша*, какъ и рожь на переломахъ, удобренныхъ навозомъ. Въ нынѣшнемъ году я выписалъ отъ Мясоѣдова 400 пудъ фосфоритной муки (25 коп. на мѣстѣ, доставка по ж. д. 10 коп.). Небольшую часть (60 пудъ) употребилъ для удобренія подъ овесъ, а главную часть, болѣе 300 пудъ, подъ рожь нынѣшняго года. На овесъ фосфоритная мука оказала отличное дѣйствіе, на рожь — тоже, такъ что уже теперь зеленя,

удобренныя фосфоритной мукой, рѣзко отличаются отъ неудобренныхъ. Въ нынѣшнемъ году я, между прочимъ, отдѣлилъ для опытовъ отдѣльное поле (3 версты отъ усадьбы) въ 6 десятинъ съ плохой, подзолистой, никогда не видавшей навоза, почвой. Это была старая пустошь, давно уже разработанная изъ-подъ лѣса, — пустошь плохая, дававшая самые ничтожные укосы сѣна. Въ 1883 году пустошь была поднята, взятъ по пластамъ ленъ. Въ 1884 г. по перелому на однѣхъ десятинахъ овесъ, на другихъ ярица. Въ 1885 г. овесъ. Хлѣба были плохи. Осенью 1885 г. на зиму всѣ 6 десятинъ были вспаханы. Весною нынѣшняго года 3 десятины удобрены фосфоритной мукой (48 пудъ на десятину), а 3 десятины ничѣмъ не удобрены. Удобреніе производилось полосами: $^1/_4$ десятины удобрена, $^1/_4$—нѣтъ, $^1/_4$—удобрена, $^1/_4$—нѣтъ и т. д. 4-го августа всѣ 6 десятинъ засѣяны рожью. Дѣйствіе фосфоритной муки поразительное. Теперь, 3-го сентября, каждый на зеленяхъ отличитъ полосы, удобренныя фосфоритной мукой, отъ полосъ неудобренныхъ. На удобренныхъ полосахъ зелень густа, перисга, темнаго цвѣта; на неудобренныхъ—рѣдка, красновата, совсѣмъ плоха. Между тѣмъ всѣ десятины обработывались сплошь, совершенно одинаковымъ образомъ. Сѣялись однѣми руками. Ни работники, ни сѣвцы не знали, которыя полосы удобрены, которыя нѣтъ. Различіе между полосами, удобренными фосфористой мукой и неудобренными на этой почвѣ, никогда не видавшей навоза, *такое же*, какъ различіе между навозными нивами на прилагающемъ крестьянскомъ полѣ. Удобреніе одной десятины обошлось въ 20 рублей. Между тѣмъ за одну только вывозку и разбивку навоза нужно было бы заплатить 15 рублей. А что стоитъ еще навозъ! Кладите хотя 3 к. пудъ. Дѣйствіе фосфоритной муки до такой степени рѣзко, отчетливо видно на глазъ, что даже крестьяне начинаютъ вѣрить, что «приспоритъ» (какъ они называютъ фосфоритъ)—добро. Двое зажиточныхъ крестьянъ сосѣдней деревни просили меня выписать для нихъ фосфоритной муки. Удобрили подъ рожь передъ мѣшанью, потому что поздно хватились. И замѣчательно, что на самыхъ плохихъ подзолистыхъ, безнавозныхъ почвахъ, дающихъ плохіе урожаи хлѣба—тутъ-то фосфористая мука и производитъ превосходное дѣйствіе. Сколько я могу судить

изъ моей сельско-хозяйственной практики, на такой почвѣ сразу навозомъ нельзя произвести такого дѣйствія, какое производитъ фосфоритная мука. Не вамъ стану я объяснять, какое громадное значеніе будетъ имѣть примѣненіе вообще простой, необработанной кислотами, фосфоритной муки. Укажу только на то, какое огромное значеніе она можетъ имѣть для нашей Смоленской губерніи. У насъ въ губерніи мало пустошныхъ земель, издавна раздѣланныхъ изъ-подъ лѣсовъ. Пустоши эти косятся или служатъ выгонами. И покосы, и выгоны эти крайне плохіе. Только при совершенномъ недостаткѣ хорошихъ луговъ можно тратить время на скосъ этихъ пустошей. Въ настоящее время, при содѣйствіи крестьянскаго банка, крестьяне дешево скупаютъ эти пустоши для увеличенія своихъ надѣловъ. Около моего Батищева 5 деревень уже прикупили много такихъ пустошныхъ земель. Распахивать пустоши выгодно. По пласту получается прекрасный ленъ. Затѣмъ по перелому отлично родится рожь, но не иначе какъ удобреніемъ хотя легкимъ навозомъ. Для послѣдующихъ хлѣбовъ уже требуется сильное удобреніе навозомъ. Вотъ тутъ-то фосфоритная мука можетъ оказать очень полезное дѣйствіе и сослужить у насъ такую же службу, какую она сослужила во Франціи при разработкѣ «ландъ». Удобряя фосфоритной мукой пустошные переломы, обыкновенно болѣе отдаленные отъ деревни, чѣмъ поля, можно послѣ льна получать нѣсколько хлѣбовъ и затѣмъ засѣвать клеверомъ и оставлять подъ травами. (На клеверъ фосфоритная мука при моихъ опытахъ произвела тоже очень полезное дѣйствіе). Точно также съ большою пользою фосфоритная мука, какъ показалъ опытъ, можетъ быть употребляема на удобреніе клеверныхъ переломовъ (послѣ клевера по пласту ленъ; по перелому рожь съ фосфоритной мукой и т. д.). Странная судьба этого фосфоритнаго дѣла! Курскій заводъ, приготовлявшій муку въ 70-хъ годахъ, закрылся вслѣдствіе того, что не было сбыта фосфоритной муки. Но вѣдь дѣлались же тогда опыты удобренія кѣмъ нибудь? Почему же они не дали никакого результата? Гдѣ производились опыты? Не на такихъ ли земляхъ, которыя не требовали фосфорита? Не употребляли ли фосфоритную муку совмѣстно съ навозомъ. Въ такомъ случаѣ, какъ оказалось при моихъ опытахъ, трудно

замѣтить дѣйствіе фосфоритной муки. Сама по себѣ она дѣлаетъ то же, что и навозъ; съ навозомъ же усиливаетъ его дѣйствіе на хорошихъ земляхъ очень мало. Не дурно было бы сообщить Имп. Вольн. Экон. Обществу о результатахъ моихъ опытовъ примѣненія сырой фосфоритной муки для удобренія. Не соблаговолитъ ли Общество назначить коммиссію для изслѣдованія этого важнаго дѣла? Не можетъ ли оно командировать кого-либо изъ своихъ членовъ въ Батищево, чтобы тотъ на мѣстѣ во-очію могъ убѣдиться, что фосфоритная мука *сырая,* приготовленная простымъ размоломъ фосфорита, *не обработанная сѣрной кислотой, производитъ громадное полезное дѣйствіе* на плохихъ смоленскихъ земляхъ, не удобренныхъ навозомъ. По моему мнѣнію, суперфосфаты, по дороговизнѣ ихъ, не скоро найдутъ у насъ примѣненіе. Да и зачѣмъ суперфосфаты, когда простая фосфоритная мука дѣйствуетъ отлично? Зачѣмъ намъ слѣдовать примѣру нѣмцевъ, а не французовъ?»

Въ другомъ письмѣ за этотъ же годъ онъ признается, что весь охваченъ фосфоритнымъ интересомъ.

«Кажется, только этимъ и живу, только это и поддерживаетъ мое существованіе. Къ будущему году и задумываю опыты въ очень большомъ размѣрѣ. Чтобы выполнить мою программу, нужно 2.854 пуда—ни одного пуда не уступлю — фосфоритной муки только на мои огороды, поля и луга. Въ хозяйствѣ, чтобы получить цифровыя данныя, непремѣнно нужно дѣлать опытъ въ большомъ видѣ. Тогда легко будетъ собрать урожаи отдѣльно и получить хорошія цифры. Буду живъ-здоровъ—добьюсь своего, сдѣлаю опыты въ широкомъ размѣрѣ. Только вотъ денегъ нужно, муку нужно купить, интеллигента-помощника нанять, а деньги нынче туги. Всего много, но никто не покупаетъ ничего. Насилу, насилу сѣмя льяное продалъ. Нѣтъ денегъ. Не то что золота и серебра, а и бумажекъ. Намъ бы сюда хотя какихъ-нибудь старенькихъ, рваныхъ. У насъ бы всякія сошли, главное—у купцовъ денегъ нѣтъ. И дешево бы отдалъ, потому урожай хорошъ, да никому не нужно. Да, урожаи у меня стали хороши. Въ нынѣшнемъ году исполнился мой 15-польный сѣвооборотъ, и рожь была на тѣхъ самыхъ десятинахъ, на которыхъ была въ 1871 году. Въ 1871 г. въ среднемъ съ одной хозяйствен-

ной десятины (3.200 кв. саж.) получено 5 четвертей 2 мѣры ржи. Въ 1886 году получено съ одной десятины 16 четвертей ржи. Вообще урожаи у меня *удвоились*. Средній урожай съ десятины за трехлѣтіе 1869—71 года былъ 7 четвертей, а за трехлѣтіе 1884—86 года—14 четвертей. Можно и дешевле продать хлѣба. А что́ бы было, если бы я сталъ примѣнять фосфоритную муку съ 1871 года! Вѣдь оказывается, что фосфоритная мука у насъ производитъ *лучшее, чѣмъ навозъ*, дѣйствіе на плохихъ, безнавозныхъ, выпаханныхъ земляхъ. Одинъ достовѣрный дѣльный хозяинъ сообщилъ мнѣ недавно про такой же опыть у одного крестьянина. Замѣчательно, что на *самыхъ плохихъ, выпаханныхъ, безнавозныхъ* земляхъ тутъ-то фосфоритная мука и дѣйствуетъ поразительно хорошо. Рядомъ же, на хорошо удобренной землѣ не дѣйствуетъ или дѣйствуетъ слабо. Кромѣ опыта на своихъ поляхъ, нужно еще будетъ въ будущемъ году пудовъ 600 распространить между крестьянами. Кому раздать, а то и просто: насыпалъ въ сѣялку фосфоритной муки и проѣхалъ по безнавознымъ нивамъ. Гдѣ проѣхалъ—тамъ и хлѣбъ. Надписи вѣдь можно дѣлать фосфоритной мукой, кресты, что́ хотите. И ларчикъ просто открывался. Думали да гадали: и въ суперфосфаты нужно превращать, и употреблять-то фосфоритное удобреніе нужно на хорошо культивированныхъ земляхъ, и то и сё, какъ говорятъ мужики. Это напоминаетъ мнѣ, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ искали способовъ добывать фотогенъ изъ торфа. А бакинскую нефть и не видали. На основаніи своихъ опытовъ я пришелъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Примѣненіе фосфоритовъ на безплодныхъ почвахъ Смоленской губерніи, требующихъ неустаннаго удобренія навозомъ, даетъ могущественное средство для поднятія нашего смоленскаго хозяйства. Думаю, что то же будетъ въ другихъ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ. 2) Фосфориты должны быть употребляемы для *заправки* почвъ фосфоритной кислотой, какъ это дѣлается въ ландахъ. На *заправленныхъ* такимъ образомъ почвахъ можно уже съ *гораздо большей выгодой вести интенсивное хозяйство съ навозомъ*. 3) Фосфоритная мука безъ всякой обработки кислотами или иными способами производитъ сильное дѣйствіе при употребленіи ея подъ *рожь*. 4) Фос-

форитная мука, употребленная подъ рожь, превосходно дѣйствуетъ одна, безъ совмѣстнаго примѣненія навоза. 5) Фосфоритная мука производитъ поразительное дѣйствіе на плохихъ, подзолистыхъ, давно уже не видавшихъ навоза почвахъ. Рожь, посѣянная на плохихъ почвахъ, какъ свѣжихъ, такъ и значительно уже выпаханныхъ безъ навоза, удобренныхъ *одною* фосфоритною мукою, такъ же хороша, какъ рожь на лучшихъ десятинахъ, удобренныхъ навозомъ. При извѣстныхъ условіяхъ фосфоритная мука *вполнѣ замѣняетъ* навозъ, дѣйствуетъ даже лучше навоза, потому что сразу отъ навоза такого дѣйствія получить нельзя. Пришлось бы слишкомъ много положить навоза, и хлѣбъ полегъ бы. Я совершенно убѣжденъ, что во многихъ случаяхъ навозъ, употребляемый нами въ Смоленской губерніи—безъ чего нельзя получить хлѣба—дѣйствуетъ только *своими минеральными веществами*. При производствѣ опытовъ съ фосфоритной мукой я совѣтую, для опредѣленія, требуется ли она для данной почвы, испытывать фосфоритную муку *одну*, безъ навоза, на самыхъ *плохихъ* почвахъ»...

VII.

1887—1889 гг. Опыты съ минеральными удобреніями.

Въ 1887 г. Энгельгардтъ продолжалъ опыты съ минеральнымъ удобреніемъ и въ результатѣ получилъ подтвержденіе того, что намъ нужно ввести въ сѣверной Россіи экстенсивную систему—по обилію земель, съ помощью фосфоритовъ и залуженія выпаханныхъ при содѣйствіи фосфоритовъ земель (сидерація). Въ этомъ же году департаментъ земледѣлія назначилъ ему 500 руб. на опыты съ фосфоритомъ. Изъ писемъ Энгельгардта къ проф. П. А. Костычеву видно, при какихъ, однако, тяжкихъ условіяхъ приходилось А. Н—чу вырабатывать химическія основы земледѣлія и примѣнять къ нему минеральное удобреніе. Онъ посылаетъ въ Петербургъ къ профессору Костычеву образцы почвъ и пишетъ ему отъ 10-го апрѣля 1887:

«Теперь только попрошу васъ, если можно, попробуйте опредѣлить, сколько фосфорной кислоты извлекается изъ почвъ № 1, № 3 и № 10 *уксусной кислотой*. Такъ пробуетъ почвы Дегеренъ и, можетъ быть, не будетъ ли это

лучше, чѣмъ лимонно-кислый амміакъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ реактивѣ не бунтуетъ ли все дѣло амміакъ! Всѣ три почвы—№ 1, № 3, № 10—съ *переломовъ* былъ лугъ.

«Въ 1885 г. по *пластамъ* былъ ленъ. Въ 1886 г. по *перелому* посѣяна рожь.

«№ 1 и № 3 взяты съ *одной и той же десятины*, а именно: № 1 взятъ съ того мѣста, которое *ничѣмъ не удобрено*. № 3—съ того мѣста, которое удобрено 24 пудами фосфоритной муки на $^1/_2$ десятины = 1.200 кв. саж.

«№ 10 взятъ съ поля, отстоящаго отъ № 1 и № 3 на три версты въ противоположномъ концѣ имѣнія.

«На № 1 (неудобр. переломъ) зелень осенью была *плоха*.

«На № 3 (тотъ же переломъ, удобренный фосфор. мук.) зелень была осенью *поразительно хороша*.

«№ 10 (неудобренный другой переломъ) зелень была осенью *хороша*, лучше № 1.

«Между тѣмъ лимонный амміакъ растворилъ:

Изъ № 1—0,124 фосфорной кислоты
» № 3—0,075 » »
» № 10—0,060 » »

«Количество извести, магнезіи, кали и пр. во всѣхъ трехъ почвахъ *одинаковое*. *Только и есть разница въ количествѣ фосфорной кислоты*. Можно было бы подумать, что № 1 самая лучшая почва, а *рожь* показываетъ, что лучше № 10, а еще лучше № 3 (тотъ же № 1, получившій въ удобреніе 6,72 пуда фосфорной кислоты на *десятину*).

«Хитро! Не правда ли, очень хитро? Разскажите, пожалуйста, объ этомъ Баталину. Интересно еще будетъ, что̀ покажетъ опредѣленіе азота въ № 1, 3, 5, 9, 10?

«Получилъ «бумагу» отъ директора департамента о назначеніи 500 руб. въ мое распоряженіе. «Бумага» интересная; давно я такихъ не читалъ. Въ департаментѣ, очевидно, думаютъ, что 500 р.—огромная сумма для опытовъ, потому что заказали сдѣлать опытовъ пропасть: 1) у себя въ имѣніи, 2) у сосѣдей, 3) у крестьянъ. Ну, конечно, сдѣлаю, что можно; на дняхъ напишу директору и сообщу планъ опытовъ».

Вслѣдъ затѣмъ онъ пишетъ другое письмо, свидѣтельствующее, съ какимъ вниманіемъ онъ продолжалъ слѣдить

изъ своей смоленской глуши за малѣйшими успѣхами химическаго знанія, пользуется каждымъ изъ нихъ и даже провѣряетъ ихъ лабораторнымъ способомъ при помощи преданныхъ ему друзей и учениковъ. Онъ пишетъ отъ 14-го того же апрѣля Костычеву:

«Въ послѣдней февральской книжкѣ «Журнала Сельск. Хозяйства и Лѣсоводства», въ библіографіи, въ обзорѣ журнала «Baltische Wochenschrift», на стр. 77, упоминается о работѣ Томса надъ 47 почвами Лифляндіи. Между прочимъ тутъ сообщается, что *бонитированіе почвъ по аналитическимъ даннымъ* совпало съ принятой въ Курляндіи планификаціей почвъ. Еще тамъ говорится, что 14 *богатыхъ* (?) содержаніемъ фосфорной кислоты почвъ принадлежатъ къ *хорошимъ*, а 13 бѣдныхъ (?) содержаніемъ фосфорной кислоты—къ почвамъ плохимъ. Это очень важно, но конечно, нужно знать, что̀ называется хорошими и худыми почвами. Я не получаю «B. W.» и не читалъ статью Томса, но у васъ въ Петербургѣ навѣрно получается этотъ журналъ. Прочитайте статью Томса и обратите на нее вниманіе. Если можно, сообщите мнѣ ваши соображенія по поводу ея, а также, что тамъ называютъ богатою и бѣдною фосфорной кислотою почвами, и что̀ называютъ хорошею и плохою. Въ послѣднемъ письмѣ я вамъ сообщилъ, что у насъ (въ моихъ почвахъ) фосфорная кислота ничего не указываетъ. При одинаковости относительно другихъ составныхъ частей въ почвахъ № 1 и № 10 и различіи только въ фосфорной кислотѣ,—при чемъ № 1 содержитъ *вдвое болѣе фосфорной кислоты*, чѣмъ № 10,—рожь на № 1 хуже, чѣмъ на № 10, и фосфоритъ на № 1 произвелъ громадное дѣйствіе.

«Непремѣнно нужно, чтобы вы заѣхали ко мнѣ по дорогѣ на югъ теперь весною, потому что теперь все будетъ лучше видно».

Дальнѣйшія письма къ тому же профессору поражаютъ читателя, какъ трудолюбіемъ Энгельгардта, такъ и научной осторожностью и проницательностью, съ которыми А. Н. приступалъ къ дѣлу, вопреки мнѣнію многочисленныхъ его недруговъ о томъ, что онъ бралъ многое «наскокомъ» и догадками.

Онъ пишетъ отъ 12 окт. 1887 г. Костычеву:

«Если не прочли, то прочтите въ №№ 32 и 37 «Землед. Газеты» мои предварительныя сообщенія о дѣйствіи фосфоритной муки. Урожай ржи по фосфоритному удобренію умопомрачительный. И чѣмъ хуже почва, чѣмъ она менѣе удобрялась прежде, чѣмъ она хуже въ культурномъ отношеніи, тѣмъ разительнѣе дѣйствіе фосфоритной муки. Но замѣчательно, что на ячмень, ленъ, овесъ — фосфоритная мука, разсыпанная нынѣшней весной, не оказала дѣйствія; прежняя же фосфоритн. мука (которая была разсыпана въ 85 году подъ рожь) оказала на нынѣшній овесъ сильное дѣйствіе.

«Мнѣ поэтому необходимо бы знать составъ фосфоритныхъ мукъ, употребленныхъ для удобренія въ нынѣшнемъ году. Образцы этихъ мукъ вы взяли для анализа, когда были въ Батищевѣ. Скоро ли можно будетъ получить отъ васъ результаты анализовъ? Мнѣ собственно важно знать только количество фосфорной кислоты въ каждомъ сортѣ муки, и затѣмъ еще желательно бы знать количество глауконита въ рославльской и рязанской мукахъ. Для этого нужно опредѣлить или количество кали, или количество кремнезема, растворимаго въ содѣ, остающагося при обработкѣ муки крѣпкой соляной кислотой при кипяченіи. Что касается анализовъ почвъ, то эту работу слѣдуетъ вамъ публиковать отъ своего имени. А интересные результаты дали опыты съ суперфосфатами. Замѣтьте, что и суперфосфаты оказали особенно хорошее дѣйствіе на плохихъ земляхъ, содержащихъ мало перегноя.

«Увѣренъ, что и фосфоритная мука оказала бы такое же дѣйствіе тамъ, гдѣ подѣйствовали суперфосфаты. Нужно было бы произвести въ *тѣхъ же хозяйствахъ*, гдѣ были суперфосфаты, опыты съ фосфоритной мукою. Программа можетъ оставаться одна и та же. Напишу объ этомъ департаменту. Только фосфоритной муки нужно класть столько, чтобы приходилось отъ 4,5 до 6,75 пудъ Ph^2O^5 на казенную десятину, слѣдовательно мясоѣдовской муки отъ 30 до 45 пуд., а куломзинской—отъ 18 до 27 пуд. Куломзинская мука выходитъ много дешевле мясоѣдовской: 1 п. Ph^2O^5 въ куломз. мукѣ 1 р., въ мясоѣдовской—1 руб. 66 к.»

Приблизительно къ этому времени распались всюду энгельгардтовскія общины по тѣмъ же самымъ причинамъ, по кото-

рымъ распадаются нынѣ и толстовскія общины интеллигентныхъ пахарей: это — наше неумѣнье держать обязательствъ другъ передъ другомъ, такое же неумѣнье продолжительно работать, не понижая своего настроенія, а главное зависть и ссоры въ общежитіи, когда оно перестаетъ быть уже новымъ и увлекательнымъ. Энгельгардтъ видѣлъ крушеніе многочисленныхъ попытокъ русской интеллигенціи обратиться къ источнику существованія, установленному самой природой: къ землѣ, а не къ искусственнымъ и дорого оплачиваемымъ учрежденіямъ. Онъ утѣшался тѣмъ, что по крайней мѣрѣ въ этомъ направленіи возникло ученіе, а практическія его неудачи показываютъ только несостоятельность личностей.

Вообще къ 1887—88 годамъ Энгельгардтъ уже охладѣлъ къ «тонконогимъ», замѣтивъ перемѣну въ настроеніи молодежи. Въ письмахъ этого періода онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о нихъ, отдавшись съ прежнимъ увлеченіемъ новому дѣлу о фосфоритахъ. Фосфоритное дѣло подвигалось у него шибко впередъ, завоевывало симпатіи крестьянъ и радовало старика за всѣ неудачи жизни.

Отъ 3 ноября 1887 г. онъ продолжаетъ писать тому Костычеву:

«Мнѣ теперь для окончанія статьи необходимо имѣть анализы фосфоритныхъ мукъ, употребленныхъ для нынѣшнихъ опытовъ. Если вы сдѣлали анализы образцовъ, которые взяли у меня, то сообщите результаты.

Интересные результаты дали опыты съ суперфосфатами, которые можно считать хорошо удавшимися. Изъ того, что напечатано въ Зем. Газ. видно, что и суперфосфаты дали тоже хорошіе результаты на сѣверныхъ почвахъ и навѣрно на плохихъ, истощенныхъ. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что фосфоритная мука тоже произведетъ хорошее дѣйствіе тамъ, гдѣ хорошо подѣйствовали суперфосфаты. Было бы очень полезно, если бы въ хозяйствахъ, гдѣ произведены были опыты съ суперфосфатами, были тоже произведены опыты съ фосфоритной мукой по той же программѣ. Я хочу это предложить Департаменту».

Затѣмъ имѣется большое письмо къ Костычеву безъ даты:

«Вы вѣроятно уже прочитали статью Ф. А. Тархова объ опытѣ удобренія фосфоритной мукой въ Арзамаскомъ

уѣздѣ. Этотъ опытъ *чрезвычайно важенъ*. Онъ показываетъ, что фосфоритная мука превосходно дѣйствуетъ (удвоила урожай ржи) не только на *подзолистыхъ* сѣверныхъ почвахъ, но и на *всякихъ* выпаханныхъ истощенныхъ почвахъ. Опытъ Тархова сдѣланъ на *хорошей* почвѣ (сѣрыя Нижегородскія почвы—IV классъ Докучаева) сильно истощенной, неудобрявшейся 25 лѣтъ. Притомъ же не на свѣжей почвѣ, не на переломѣ и т. п. Очевидно и несомнѣнно, что на всякихъ почвахъ, въ которыхъ нѣтъ достаточно фосфорной кислоты въ пригодномъ для питанія растеній состояніи (вотъ бы хорошо было изслѣдовать почвы Тархова, на которыхъ произведенъ опытъ) фосфоритная мука будетъ оказывать дѣйствіе, и для того, чтобы она дѣйствовала, вовсе нѣтъ надобности превращать ее въ суперфосфатъ.

Опытъ Тархова показываетъ, что фосфоритная мука можетъ имѣть очень широкое примѣненіе.

Если бы Либихъ, Ильенковъ могли воскреснуть, какъ бы они порадовались!

Фосфоритная мука у Тархова удвоила урожай ржи. Онъ однако находитъ невыгодною фосфоритную муку, потому что прибавка урожая какъ разъ только окупила цѣнность фосфоритной муки. Но Тарховъ дѣлаетъ маленькую ошибку—не принимаетъ въ разсчетъ, что расходъ на сѣмена и на обработку земли въ одномъ случаѣ падаетъ на 86 пудъ ржи, а въ другомъ на 45 пудъ. Кромѣ того, Тарховъ удобряетъ очень сильно—$1^1/_2$ пуда фосфорной кислоты на 400 кв. саженъ. Между тѣмъ достаточно 1 пуда, (въ особенности если брать муку изъ песчаныхъ глауконит. фосфор.), что значительно уменьшитъ расходъ на муку. Наконецъ, фосфоритная мука окажетъ дѣйствіе и на послѣдующіе хлѣба. Если заправить фосфоритной мукой сѣрыя земли, то на нихъ можно будетъ сѣять пшеницу.

Писалъ недавно Баталину по поводу его передовой статьи о недѣйствіи клевера. Мнѣ кажется, что Ф. А. нѣсколько поспѣшилъ. Да и вообще я считаю всякія теоретическія установленія безполезными, мѣшающими прогрессу въ хозяйствѣ. Хозяйство, какъ и медицина, дѣло живое, свободное, не терпящее путъ. Конечно, известь способствуетъ роскошному росту клевера. Но фосфоритная мука *одинаково* неподѣйствовала на клеверъ, какъ на подзолистой

почвѣ, такъ и на красномъ суглинкѣ, заключающемъ валуны известняка (клеверъ былъ на десятинахъ 1, 2, 3, 4, 37, 38, 39 см. посланный вамъ планъ). Разница только въ томъ, что на подзолистой почвѣ клеверъ одинаково нехорошъ, какъ по фосфоритн. удобренію, такъ и безъ удобренія. На суглинкѣ же одинаково хорошъ въ томъ и другомъ случаѣ. Что же касается обезпеченія хозяйства кормовыми средствами, гдѣ это нужно, то фосфоритная мука можетъ отлично служить въ этомъ отношеніи, такъ какъ выращенную на фосфоритѣ рожь можно *косить на сѣно*. Рожь на сѣно будетъ не хуже тимофеевки. Получили ли вы мои почвы? Мнѣ интересно, что вы найдете въ железистыхъ стяженіяхъ».

Отъ 7 апрѣля 1888 г. онъ пишетъ:

Любезнѣйшій Павелъ Андреевичъ.

Если Вы хотите изучить подзолы, подзолистыя почвы и вообще наши сѣверныя суглинистыя почвы, то Батищево и его окрестности представляютъ прекрасное для этого мѣсто, очень типичное.

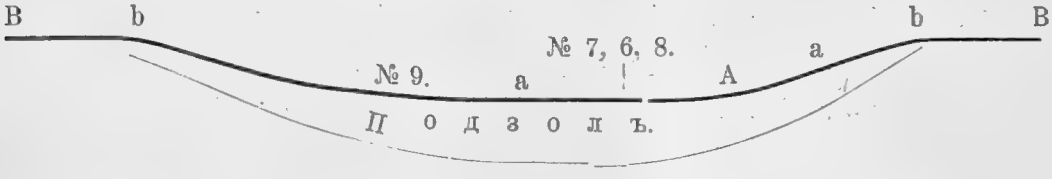
Я думаю, что именно *детальное*, основательное, изученіе *одного мѣста* только и можетъ дать добрые результаты. Въ Батищевѣ же, соединены всѣ хозяйственныя условія для такого рода изслѣдованій. Французы говорятъ, что при изученіи почвъ, кромѣ химическихъ изслѣдованій, нужно еще *спрашивать и растенія*. И это вѣрно. Рожь—лучшій реактивъ, чѣмъ лимонный амміакъ, но разумѣется посредствомъ ржи труднѣе спрашивать почву, чѣмъ посредствомъ лимон. амміака.

Если бы у меня была лабораторія и лаборанты, то я можетъ быть что-нибудь и сдѣлалъ бы по вопросу о сѣверныхъ почвахъ. Но теперь я на это не имѣю средствъ. Вотъ почему такъ и хлопочу, чтобы произведено было *химико-геологическое изслѣдованіе почвы Смоленск. губ.* Если мнѣ удастся добиться этого, то я надѣюсь, что меня включатъ въ поминальницы. Расходъ на изслѣд. составитъ $^1/_2$ коп. на десятину. Если бы это дѣло состоялось, то изслѣдователи бы безъ сомнѣнія обратили вниманіе на Батищево, а я бы съ своей стороны далъ хорошій хозяйственный матеріалъ и всѣми бы средствами *помогъ* изслѣдователямъ какъ въ Батищевѣ, такъ

и въ Смол. губ. вообще. Я не сомнѣваюсь, что если бы это дѣло было поручено Докучаеву, то онъ нашелъ бы на него молодежь добрую, которая много бы сдѣлала. Меня въ Петербургѣ очень непріятно поразили контры между учеными. Не разъединяться должны люди науки, а соединяться, высоко держать свое знамя. Для меня, деревенскаго жителя, привыкшаго къ простотѣ жизни, все это было тяжело и непонятно. Ну да оставимъ это. Вернусь къ подзоламъ. Сегодня съ Мертваго мы разсматривали одну подзолистую лощину.

Подзолъ всегда авляется въ *низинахъ* (на такихъ низинахъ, которыя въ свою очередь лежатъ на мѣстахъ возвышенныхъ). Чистый подзолъ очень *плотенъ* и трудно пропускаетъ воду, которая поэтому скопляется въ такихъ низинахъ, и если не находитъ стока, то можетъ стоять долго.

Подзолъ лежитъ на красномъ суглинкѣ и не слѣдуетъ за нимъ въ напластываніи. Переходъ отъ суглинка къ подзолу постепенный и слой подзола тѣмъ толще и подзолъ тѣмъ типичнѣе, чѣмъ ниже мѣсто.



Красный суглинокъ.

Въ точкѣ А на самомъ низкомъ мѣстѣ будетъ застой воды. Тутъ самая большая толщина подзола и на всемъ мѣстѣ а а, гдѣ далѣе стоитъ вода, сверхъ подзола будетъ черная земля способная горѣть. Толщина слоя черной земли самая большая въ А. Въ очень сухое лѣто (напримѣръ, такъ въ 1885 году) низина можетъ высохнуть и тогда черную землю можно зажечь и она въ сухое время выгоритъ на чисто между а и а. Потомъ здѣсь будетъ стоять вода. Такое мѣсто а а всегда покрыто бѣлоусомъ (шетиной), изъ отмирающихъ корней котораго должно быть и образуется черная земля. Если можно осушить мѣсто канавой, которая бы отводила воду, то по вспашкѣ черной земли на ней будетъ отличный хлѣбъ, но только поляжетъ первый годъ. Потомъ же будетъ ничего. Въ подзолѣ, какъ я говорилъ

уже вамъ, прослойками лежатъ бурые круглячки разной величины, отъ горошины и болѣе. Круглячки эти неправильной формы, представляютъ желѣзисто-песчанистыя стяженія (нужно бы анализъ сдѣлать). Весною, въ канавѣ, проведенной по подзолистой низинѣ всегда вымывается много такихъ круглячковъ.

Въ В В на поверхность выходитъ красный суглинокъ, между в и а болѣе или менѣе подзолистая бѣловато-сѣрая почва. У васъ есть отъ меня образцы почвъ съ такого мѣста и анализы ихъ вы сдѣлали.

№ 4 черная земля изъ свѣжихъ кротовыхъ кучъ между а и А.

№ 6 дернина на глубину пока окрашена. Оттуда же.

№ 8 подпочва (желтоватый подзолъ) подъ № 6.

№ 9 распаханная земля между в и а.

	Потеря при прокаливаніи.	Ко	Ph^2o^5	Известь.
Въ № 7	30,1450	0,235	0,613	0,120
» № 6	13,855	0,178	0,277	0,159
» № 8	3,769	0,183	0,149	0,355
» № 9	7,000	0,113	0,079	0,273

Цифры взяты изъ вашего письма.

№ 9 взятъ съ части земли неудобренной фосфорист. м. На другой части фосф. мука произвела огромн. дѣйствіе.

Подзолъ черная почва (верхняя дернина) № 6 и лежащій подъ нею бѣлый подзолъ № 8 на глубинѣ 4 вершка содержатъ болѣе фосфорной кислоты, чѣмъ распаханная подзолистая почва № 9. Отчего?

Съ ужаснымъ нетерпѣніемъ жду вашей статьи. Чрезвычайно интересно мнѣ какъ вы это все объясните.

Что это на меня такъ нападаютъ, и притомъ, то подло, то глупо, въ «Сельскомъ Хозяинѣ»?

Конечно я отвѣчать не буду.

Теперь я занятъ разработкой большой пустоши въ 60 десятинъ. Сдалъ разработку крестьянамъ съ половиной (моя земля, ихъ работа). Разработка будетъ вестись безъ навоза съ однимъ фосфоритомъ. На мѣстѣ пустоши былъ лѣсъ въ 1871 году. Срѣзанъ на дрова въ 1872, 73, 74 годахъ. Расчищено—на покосъ. Вырублены кусты, подобранъ ломъ.

Остались пни. Пустошь косили между пнями. Пни теперь настолько подгнили, что легко корчуются весной. Трава перестала родиться. Сдалъ крестьянамъ на обработку на слѣдующихъ условіяхъ: за корчевку пней плачу пять рублей отъ десятины. Затѣмъ первый годъ сѣять ленъ. Сѣмена пополамъ. половина урожая (дѣлить снопами) мнѣ, 2-й годъ черный паръ съ фосф. удобреніемъ. Стоимостъ фосф. уд. пополамъ, сѣмена хлѣбовъ пополамъ, 3-й годъ—рожь. Половину снопами мнѣ 4-й годъ—овесъ или ленъ. Половину снопами мнѣ. А что дальше дѣлать—будемъ посмотрѣть. Вѣроятно еще два хлѣба съ фосфоритцомъ и тогда травы. Когда это сдѣлаю, тогда и напишу статью, которая и послужитъ отвѣтомъ «Сел. Хоз.».

Только вотъ что жаль: жить то немного остается.

Въ 1888 году отъ 23 сентября онъ пишетъ:

Любезнѣйшій Павелъ Андреевичъ! Письмо ваше отъ 16 сентября получилъ. Жаль, что вы ко мнѣ не заѣхали. Я бы вамъ показалъ интересную вещь. Помните, когда мы съ вами ѣздили за деревню Батищево смотрѣть крестьянскую рожь по фосфориту, я вамъ показывалъ лежащую тамъ пустошь съ плохою травою и уже подгнившими пнями. Нынче я раздѣлалъ на этой пустоши 31½ десятину (сдалъ съ половины крестьнамъ подъ 3 урожая: по пласту—ленъ, рожь съ фосфоритомъ, овесъ или ленъ). Ленъ нынче по пластамъ вышелъ умопомрачительный, высокій, толстый—пенька. Съ 31½ каз. десят. набрано 500 копъ (мнѣ половина — 250 копъ). Прасолы, занимающіеся скупкой льна въ стебляхъ, давали по 4 рубля за копу. Если же разработать ленъ самому, то въ очистку рублей по 8 отъ копы придется, а то и цѣлая десятка, если цѣны на ленъ будутъ хороши. Значитъ, тысячи четыре за 31 десятину. А средняя цѣна такихъ пустошей 25 руб. десятина. И крестьяне-половинщики теперь въ восхищеніи, а между тѣмъ какъ трудно было склонить взять эту разработку. И рожь съ фосфоритомъ тоже будетъ хороша, а потомъ—ленъ. Послѣ того хоть трава не рости. Но я надѣюсь, что и потомъ будетъ рости. Посылаю сегодня двѣ статейки Баталину, между прочимъ объ урожаѣ клевера по фосфориту. Знаете ли, что оказывается: фосфоритная мука, употребленная подъ рожь, *не оказываетъ* дѣйствія на слѣдующій *за ней*

клеверъ. На рожъ дѣйствуетъ отлично, на слѣдующій за рожью овесъ—отлично; на клеверъ же, такъ же на ленъ, *не дѣйствуетъ*. Отчего? Что касается почвъ, на которыхъ фосфоритная мука оказываетъ дѣйствіе на рожь, то я думаю, что она будетъ дѣйствовать на *всякихъ* истощенныхъ выпаханныхъ почвахъ, плохоудобрявшихся до того навозомъ. Но лучше дѣйствуетъ на подзолахъ и тутъ дѣйствіе еще поразительнѣе, потому что на подзолѣ навозъ не сразу дѣйствуетъ. А это ужасно жаль, если нельзя будетъ фосфоритной мукой увеличить урожайность клевера на нашихъ почвахъ. Что *вы насчетъ этого думаете?* На овесъ тоже не особенно дѣйствуетъ, если положить *прямо* подъ него. Лучше дѣйствуетъ *послѣ ржи*. Масса теперь интересныхъ опытовъ и съ *каждымъ годомъ* будетъ интереснѣе, потому что дѣлаются новые опыты и *остаются старые*. Напримѣръ, какъ бы интересно было сдѣлать почвенное изслѣдованіе вновь разработываемой пустоши, которая еще въ 1888 г. была подъ лѣсомъ. А вѣдь интересно будетъ рожь съ фосфоритомъ сѣять *на кормъ*. Косцовъ только, пожалуй, не найдемъ — грѣхъ. Нынче сдѣлалъ опытъ съ тимоѳеевкой. Нужно еще изслѣдовать почвы на *лядахъ*. Слѣдуетъ настоять, чтобы департаментъ далъ средства для изслѣдованія Батищева въ почвенномъ отношеніи, *пока я еще живъ*. У меня за 17 лѣтъ каждый клочокъ земли извѣстенъ, что далъ когда. Едва-ли найдется имѣніе болѣе удобное. Нужно прорыть глубокія траншеи, да чтобы почвы взяли вы сами, да изслѣдовать грунтовыя воды, подпочвы, химическій составъ разныхъ членовъ формаціи, составить планъ. Одна флора изучена Мих. Александр. (сынъ Энгельгардта) обстоятельно. Окаменѣлости мнѣ опредѣлить С. Н. Никитинъ въ геолог. смыслѣ. Я думаю, что почвенное обстоятельное изслѣдованіе *одного* имѣнія дастъ очень много. Не анализы почвъ важны, а изслѣдованія, что доказываетъ ваша работа. Но это только начало. Батищево же типичное имѣніе для Смоленской губерніи. Для подзола фосфор. мука лучше навоза повидимому. Напишите мнѣ ваше мнѣніе относительно недѣйствія фосфор. муки на клеверъ. Работа ваша съ моими почвами въ высшей степени интересна. Слѣдовало бы перевести на нѣмецкій языкъ. Есть одна небольшая ошибка: на почвѣ № 10 я не

дѣлалъ опыта удобренія фосфоритной мукой. Дѣлалъ я опытъ на *подобныхъ* красныхъ почвахъ только истари удобрявшихся, на главномъ полѣ, а на № 10 не дѣлалъ. Но эта ошибка не важна по-моему и не уменьшаетъ интереса работы.

Отъ 4 окт. 1888 г. онъ пишетъ:

Любезнѣйшій Павелъ Андреевичъ! Въ высшей степени интересно будетъ, если вы возьметесь за изслѣдованіе состоянія азота въ почвахъ. Дѣлать простые анализы почвъ, какъ это обыкновенно дѣлается, мало пользы; нужно производить изслѣдованія почвъ. Этимъ-то и дорога ваша послѣдняя работа съ моими почвами, что вы именно не ограничились однимъ опредѣленіемъ, что вотъ въ почвѣ столько-то кали, извести, фосфорной кислоты и пр. Сегодня я взялъ для васъ почвы, которыя въ скоромъ времени вамъ пришлю. Пока почвы въ мѣшкахъ лежатъ въ моей комнатѣ, слѣдовательно сохнутъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришлю описаніе поля, съ котораго взяты почвы, съ обозначеніемъ мѣста, гдѣ взяты. Почвы я взялъ съ того поля, гдѣ въ будущемъ году будутъ всѣ *паровыя клинья;* слѣдовательно, если нужно, то можно будетъ въ будущемъ году удобрить фосфоритомъ тѣ десятины, которыя пожелаемъ. Поле это лучшее изъ моихъ 3-хъ *большихъ* полей. На этомъ полѣ, «западномъ», и до моего переѣзда въ Батищево, хлѣбъ всегда родился лучше, чѣмъ на другихъ двухъ поляхъ—до 4 четвертей ржи съ десятины хозяйственной получалось болѣе, чѣмъ въ другихъ поляхъ *). Большая часть десятинъ этого поля лежитъ по покатости къ рѣчкѣ. Почва — красный суглинокъ. Въ подпочвѣ встрѣчается мѣстами прѣсноводный известковый туфъ, залегающій на темной глинѣ. Ключъ, вытекающій у подошвы поля, содержитъ известь. Я взялъ почвы съ десятинъ съ краснымъ суглинкомъ. Есть въ томъ же полѣ 6 десятинъ съ подзолистой почвой. На одной изъ десятинъ былъ опытъ съ фосфоритомъ, который вы видѣли въ 1887 г. и съ которой взяты анализированныя вами почвы № 1, 2, 3. Такъ какъ всѣ подзолистыя десятины съ этого поля уже удобрены фосфоритомъ, то я взялъ подзолистую почву съ примы-

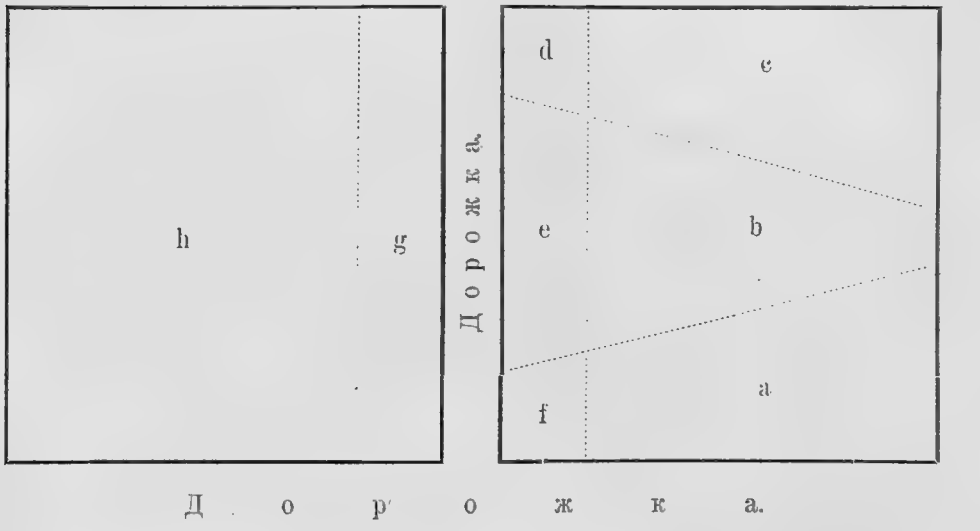
*) Стр. 109 моей книги: „О хозяйствѣ въ Сѣверной Россіи и пр.“.

кающей облоги, т.-е. десятины давно запущенной — лѣтъ 25, взялъ верхній слой — сѣрый подзолъ. Взялъ и нижній красный слой (*совсѣмъ другого вида, чѣмъ красный суглинокъ*) въ которомъ находятся желѣзистыя стяженія въ видѣ *шариковъ*. Все это вамъ пришлю; вмѣстѣ пришлю и описаніе, и планикъ поля, и разрѣзы (кроки отъ руки). При семъ прилагаю 6 листковъ письма для васъ (по вечерамъ люблю писать о томъ, что̀ меня интересуетъ). Отчего на рожь фосфоритъ дѣйствуетъ тотчасъ, если даже его внести въ почву за 3 дня до посѣва? отчего у фосфоритной ржи такъ сильно развиты корни? отчего не дѣйствуетъ на клеверъ и ленъ? отчего на овесъ непосредственное удобреніе фосфоритомъ дѣйствуетъ слабѣе, чѣмъ предъидущее подъ рожью (?).

Слѣдующее письмо къ Костычеву на 6-и листкахъ не датировано.

«Только что возвратился съ поля—осматривалъ зеленя. Чудеса дѣлаетъ фосфоритная мука! Просто изъ чудесъ чудеса! Вотъ уже 4-й годъ, что я дѣлаю опыты съ фосфоритной мукой, на всѣ лады, и до сихъ поръ не могу привыкнуть. Разсыпаю лѣтомъ фосфоритн. муку — никому не довѣряю, ни одного мѣшка безъ меня не разсыпано. Уже 3 года, что получились превосходные результаты и все-таки съ нетерпѣніемъ жду осени—что-то покажутъ зеленя! Кажется всѣ интересы жизни на это уходятъ. Ну сами посудите. Разсыпаю я на хозяйственную десятину 32 пуда Куломзинской муки (1 пудъ фосфорной кислоты на 400 кв. саж.) Дѣло совершается такъ: Послѣ обѣда ложусь спать. Работникъ, отдохнувъ, въ 4-мъ часу вывозитъ муку въ поле и, разставивъ мѣшки по десятинѣ (посмотрѣли бы вы какъ онъ приловчился разставлять!), возвращается запрягаетъ мнѣ лошадь и въ 6-мъ часу мы ѣдемъ съ нимъ разсыпать. Я хожу, папироски покуриваю, Кузьма разсыпаетъ фосфоритъ. Черезъ 2 часа все кончено; я сажусь на дрожки и ѣду въ Буково, куда пріѣзжаю еще до заката солнца. Сейчасъ самоваръ и пьемъ съ Мертвагой чай на балконѣ. А на другой день на такую же десятину *рядомъ* возятъ *навозъ*, за раскладкой котораго, чтобы какъ не натрусили на фосфоритную десятину, смотритъ тотъ же Кузьма. Цѣлый день на десятину возятъ навозъ 12 лошадей и при нихъ 6 маль-

чиковъ поводырей. 9 человѣкъ въ хлѣвахъ накапываютъ навозъ, 2 скапываютъ съ возовъ на десятинѣ. Да еще потомъ 3 цѣлый день разбиваютъ. А потомъ на зелени нельзя отличить, которая десятина навозная, которая фосфоритная и урожай получается одинаковый! Да еще, на *сильно подзолистыхъ низинахъ фосфоритъ дѣйствуетъ лучше навоза.* Какъ тутъ не удивляться, особенно мужику, который и не знаетъ, что съ навозомъ вывозится до 2000 пудъ воды. Часто, сидя около десятины, на которой Кузьма разсыпаетъ фосфоритъ, самъ начинаю сомнѣваться—неужели это въ самомъ дѣлѣ такъ? Неужели и на этой десятинѣ будетъ такая же рожь, какъ вотъ на той, которая заслана навозомъ? Не вѣрится какъ то. Съ нетерпѣніемъ ждемъ осени. А теперь, какъ поѣдемъ смотрѣть зеленя, сердце не нарадуется. И замѣтьте—*только на рожь* такъ поразительно дѣйствуетъ. Можно фосфоритной мукой на ржи писать какіе угодно узоры. Можно такой коверъ расписать, что чудо. Можно удобрить такъ, что выйдетъ въ тѣнь—отъ густого темнозеленаго и все слабѣе и слабѣе далѣе. 1 пудъ фосфорной кислоты, т. е. 4 пуда Куломзинской муки, на 400 кв. саж. еще не производятъ полнаго дѣйствія. Полтора пуда фосфорной кислоты оказываютъ гораздо болѣе. Вотъ какъ напримѣръ у меня расписанъ одинъ участокъ:



h—сильно удобрено навозомъ.
g—2 пуда Ph^2O^5 на 120 кв. саж.

a—1½ пуда Ph^2O^5 на 400 кв. саж.

e—немного болѣе 1 п. Ph^2O^5 на 400 кв. саж.

b и c по 1 п. Ph^2O^5 на 409 кв. саж.

d и f ничѣмъ не удобрены.

Теперь зеленя таковы:

На h, g, и a, одинаково хороши густы, ровны и темнозелены, такъ что всѣ 3 участка можно закрасить зеленой краской *одинаковой густоты.*

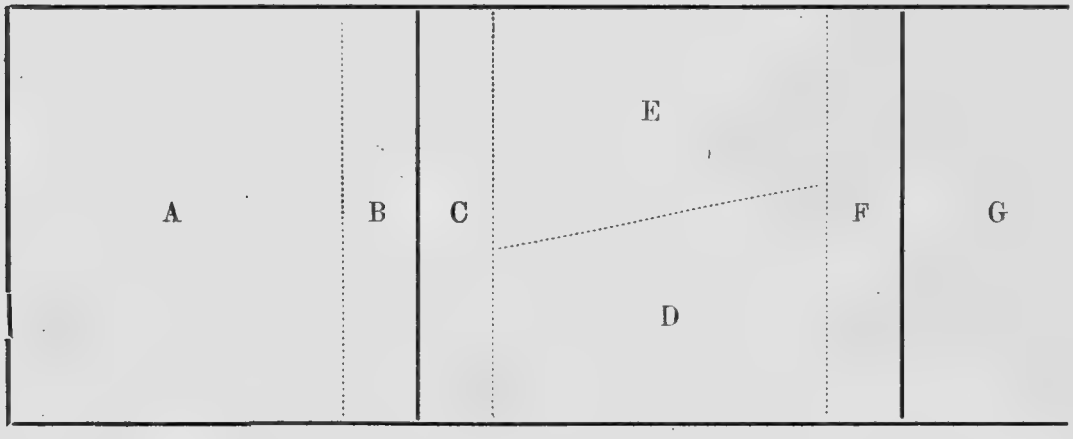
На b и c—хуже, менѣе густы и ровны, цвѣтъ темнозеленый, но не вся почва сплошь покрыта зеленью, кое гдѣ просвѣчиваетъ земля.

e—занимаетъ средину между a и b.

На d и f зелень совсѣмъ плоха, рѣдка, свѣтла.

Коверъ изъ красокъ зеленыхъ разной густоты.

Еще лучше расписанъ другой участокъ въ 3 хозяйств. десятины.



A—въ прошломъ году подъ ленъ удобренъ фосфоритомъ—нынче навозомъ.

B—въ прошломъ году подъ ленъ удобренъ фосфоритомъ нынче ничѣмъ.

E—нынче болѣе 1½ п. Ph^2O^5 на 400 кв. саж.

G—нынче навозомъ.

D—нынче немного болѣе 1 п. Ph^2O^5 на 400 кв. саж.

C и F—ни нынче, ни въ прошломъ году ничѣмъ не удобрено.

Теперь зелень одинаково *превосходна* на A, E и G на B и D одинаково *хороша.*

на C и F *очень плоха.*

Если выразить баллами, то будетъ такъ:

A—5 бал.	B—4 бал.	C—1 бал.
E—5 »	D—4 »	F—1 »
G—5 »		

Просто чудо. Можете себѣ представить съ какимъ наслажденіемъ я ѣзжу смотрѣть зелени и какъ счастливъ, если есть кому ихъ показать. Хоть Департаментъ чиновника какого прислалъ посмотрѣть, чтобы тотъ потомъ засвидѣтельствовалъ передъ начальствомъ.

Интересно, что фосфоритъ только *на рожь* производитъ такое поразительное дѣйствіе. На ячмень мало дѣйствуетъ.

На овесъ непосредственно тоже плохо дѣйствуетъ—невыгодно употреблять — но овесъ, послѣ ржи *подъ которую удобрено* фосфоритомъ, выходитъ хорошъ. Можетъ быть оттого, что жнивье послѣ фосфоритной ржи остается могучее; какая сила корней! Удивительно посмотрѣть на корни ржи послѣ фосфоритнаго удобренія. Не повѣрите, что это рожь, такая густая мочка—точно у овса. На ленъ и клеверъ фосфоритъ почти не дѣйствуетъ, а я-то думалъ, что вотъ на клеверѣ-то и окажется дѣйствіе фосфорита. Шишъ оказался! Все это меня приводитъ къ тому, что въ нашемъ хозяйственномъ дѣлѣ не нужно теорій. Мало еще знаемъ! Засядутъ за какую нибудь теорію и потомъ ни тпру, ни ну! Ну да все равно, пусть только дѣйствуетъ на рожь. Мы тогда съ фосфоритомъ *будемъ съять рожь на кормъ*. Думаю въ будущемъ году одну фосфоритную десятину скосить на кормъ. Только вотъ никто косить не пойдетъ. (грѣхъ!) Наши попы, которые на меня постоянно пишутъ доносы (это мнѣ въ копѣйку входитъ: на крестинахъ у мужика или урядника (я у нихъ крещу) даю попу по 3 рубля, чтобы считалъ меня православнымъ и непріятныхъ кляузъ не разводилъ) противъ будутъ. *Рожь косить!* атеистъ, нигилистъ, сицилистъ. Доносъ въ Питеръ, а тамъ:—«Опасный человѣкъ!» Даже «агрономомъ» не сдѣлаютъ. Найму косить рожь отпѣтыхъ людей (водочкой угощу). Въ каждой деревнѣ есть 1, 2 мужика-живодера, которые рѣжутъ лошадей старыхъ, снимаютъ палый скотъ и пр. Такихъ и найму рожь фосфоритную на кормъ косить. По полштофелю на брата, самъ тутъ подъ шофе, какъ говорятъ. Сдѣлаемъ опытъ.

Вы представьте себѣ, какая это будетъ штука: вмѣсто клевера, рожью съ фосфоритомъ на кормъ.

Но вотъ еще замѣчаніе, которое вамъ будетъ интересно. По фосфориту, особенно на переломахъ, рожь родится хорошо, *если земля хорошо разработана* (черный паръ). *Фосфоритъ и хорошая разработка механическая* (во время).

Но ужасно туго идетъ распространеніе фосфоритовъ для удобренія. Отъ помѣщиковъ слышимъ: «фосфоритъ нужно купить, а навозъ-то свой». А что ему стоитъ-то навозъ. Потомъ если кто и дѣлаетъ опыты, то у нихъ все это какъ-то не удается. Пріѣхать посмотрѣть у меня, распросить,—самолюбьишко не позволяетъ. Туго идетъ и у крестьянъ. Мои опыты для нихъ не убѣдительны. Даже тѣми опытами, которые сдѣланы крестьянами, сосѣди мало убѣждаются. Конечно и тутъ огромное значеніе имѣетъ то, что нужно купить фосфоритную муку. Однако, клеверныя же сѣмена купили всей деревней. Разумѣется и то, что неправдоподобнымъ кажется, чтобы дѣйствовала какая-то тамъ земля и притомъ въ такомъ маломъ количествѣ. Знаете что еще говорятъ крестьяне? «Она дѣйствовать-то дѣйствуетъ эта приспорита, да землю она стащитъ. Батищевскій панъ сдобжалъ, сдобжалъ навозомъ, довелъ землю до того, что хлѣбъ сталъ ложиться, а теперь приспоритой удобряетъ, чтобы землю стащить». И откуда къ нимъ приходятъ такія понятія, которыя высказывались Золомановымъ, Котельниковымъ? Вѣроятно отъ помѣщиковъ. И главное — тѣхъ-то земель, которыя сильно удобрялись навозомъ, я именно и не удобряю фосфоритомъ, который тутъ не дѣйствуетъ и даже не избавляетъ отъ полеганія.

Я уже вамъ писалъ, что нынче разработалъ пустошь въ $31^1/_2$ дес. По пласту былъ посѣянъ ленъ и вышелъ превосходный. Теперь перепахивается на зиму и въ будущемъ году будетъ сѣяться рожь. Хочу на всѣхъ десятинахъ удобрить фосфоритной мукой, оставивъ вездѣ контрольныя полосы неудобренными. Увѣренъ, что подѣйствуетъ хорошо, потому что мѣсто слегка волнистое и много подзолистыхъ низинъ. Мѣстами есть и чистый бѣлый подзолъ (вотъ бы на этой пустоши сдѣлать глубокую траншею и взять почвы. Но это будетъ дорого стоить и главное нужно брателя почвъ). Такъ какъ эта пустошь сдана крестьянамъ разныхъ

деревень съ половины, то опытъ надѣюсь будетъ способствовать распространенію понятій о пользѣ фосфорита.

Теперь насчетъ почвъ. Ѣздилъ нѣсколько разъ, чтобы посмотрѣть, гдѣ для васъ взять почвы и ничего еще не рѣшилъ. Взять почвы—не штука, да вотъ гдѣ ихъ взять? Проводить глубокія траншеи я не могу: дорого стоитъ, а главное нужно имѣть кого нибудь, кто бы постоянно находился при этомъ и слѣдилъ за граборомъ. Самъ я этого сдѣлать не могу въ особенности теперь по осени. А между тѣмъ для васъ, какъ мнѣ кажется, это теперь самое интересное. Да и по самому существу дѣла важно именно изслѣдованіе разрѣзовъ.

Геологическое строеніе въ Батищевѣ, какъ видно въ естественныхъ обнаженіяхъ такое: Въ низу залегаетъ песокъ, на немъ красный суглинокъ. Въ пескѣ и въ суглинкѣ, особенно въ нижнихъ частяхъ, встрѣчается много валуновъ, между которыми преобладаютъ кремни съ отпечатками окаменѣлостей горнаго известняка, попадаются здѣсь и куски известняка. Въ ледниковую эпоху пласты горнаго известняка здѣсь очевидно разрушены и послужили матеріаломъ для ледниковаго наноса. Залегаютъ нижніе пески, какъ я полагаю, на камнеугольныхъ глинахъ (наши горшечныя глины). Въ Батищевѣ пески рѣдко гдѣ выходятъ на поверхность. Красные же суглинки очень часто выходятъ на поверхность, напримѣръ на покатыхъ поляхъ (и чѣмъ круче покатости, тѣмъ краснѣе почва) и на вершинахъ холмовъ. Мѣстность у насъ возвышенная (плато), слегка волнистая: это рядъ невысокихъ холмовъ (куполовъ, лысинъ) съ низинами между ними. Вершины холмовъ, лысинъ, состоятъ изъ краснаго суглинка, въ низинахъ подзолъ, на переходахъ болѣе или менѣе подзолистая почва. Строеніе по моему совершенно ясно и вѣрно характеризована *въ общемъ* Докучаевымъ въ его сообщеніи В. Э. Об. (напечатано въ «Трудахъ»).

Гдѣ красный суглинокъ *въ видѣ лысинъ* выходитъ на поверхность, тамъ, если почва находится въ некультурномъ состояніи, растительность очень скудная. Такія *лысины* краснаго суглинка покрыты лишаями и безсмертниками розовыми и бѣлыми (gnaphalium dioicum). При распашкѣ ленъ на нихъ не родится, рожь съ навознымъ удобреніемъ бы-

ваетъ хороша—съ фосфоритомъ не знаю, не случалось еще пробовать,—клеверъ не родится. Въ низинахъ между лысинами краснаго суглинка, на самыхъ низкихъ мѣстахъ, гдѣ застой воды, залегаетъ чистый подзолъ. Обыкновенно онъ густо покрытъ бѣлоусомъ Nardous strictu и въ верхнихъ слояхъ содержитъ много перегноя, такъ что имѣетъ черный цвѣтъ. На чистомъ черномъ подзолѣ ленъ не родится. Рожь идетъ сначала хорошо, но полегаетъ. Клеверъ не родится—фосфоритъ дѣйствуетъ хорошо. Между этими крайними предѣлами, голыя лысины краснаго суглинка и черноподзолистыя низины—двѣ крайности, гдѣ въ дикомъ состояніи нѣтъ полезной растительности—мало переходовъ. Отъ лысины къ низинѣ идетъ болѣе или менѣе подзолистая, болѣе или менѣе суглинистая, желтая почва. На этихъ переходныхъ почвахъ отлично родится ленъ, рожь по удобренію фосфоритомъ, при чемъ особенно хорошо не на совсѣмъ подзолистыхъ низинахъ. Для меня, близко знакомаго съ своими почвами, ясно гдѣ, что и какъ будетъ. Я безошибочно скажу: здѣсь будетъ ленъ плохъ, здѣсь будетъ хорошъ, здѣсь фосфоритъ подѣйствуетъ отлично (я знаю, гдѣ можно фосфоритомъ узоры разводить), здѣсь будетъ клеверъ, но вотъ задача какъ взять почвы, какъ ихъ характеризовать научно. Сдѣлать это не такъ просто. Для этого нужно: 1) человѣка, не чуждаго геологіи, почвовѣдѣнію, химіи, ботаникѣ, человѣка интеллигентнаго, преданнаго наукѣ, желающаго работать,—человѣка, который посвятилъ бы себя на лѣто этому, сидѣлъ при граборахъ, которые ему тотчасъ при рытвѣ траншеи укажутъ, гдѣ почва слабѣе, гдѣ крѣпче (ортштейнъ?), бралъ образцы, наблюдалъ и записывалъ. Словомъ нужно сюда на лѣто студента-работника. Вы понимаете, что это значитъ. Ну, такого—какимъ студентомъ были напримѣръ вы, пожалуй Маргрофъ. 2) Нужно сдѣлать детальный планъ Батищева, и все пронивелировать. 3) Нужно во многихъ мѣстахъ сдѣлать буровыя скважины, чтобы пройти всѣ слои. 4) Взять для изслѣдованія воды изъ разныхъ мѣстъ. 5) Главное провести потомъ глубокія до 2 аршинъ траншеи въ разныхъ направленіяхъ и изслѣдовать въ нихъ почвы. Вотъ сколько предстоитъ дѣла, чтобы вышло настоящее научное изслѣдованіе. А взять почвы не штука. Укажите, гдѣ, по данному выше описанію мѣст-

ности, нужно взять почвы (не глубже 1/2 аршина) для того, чтобы онѣ удовлетворили намѣченнымъ вами изслѣдованіямъ. Но и одного изслѣдованія почвъ мало. Нужно бы произвести опыты удобренія фосфоритомъ на красныхъ суглинкахъ разнаго рода: на суглинкахъ лысинъ, гдѣ трава не растетъ, такъ онѣ будутъ безплодны, на суглинкахъ покатостей, которые плодородны, въ особенности если содержатъ известь. Въ будущемъ году подъ рожь пойдетъ поле, гдѣ много суглинку разнаго сорта. Суглинокъ на лысинѣ напримѣръ совсѣмъ безплоденъ, покрытъ лишаемъ, но по лысинѣ прорыта канава, по которой весною и въ дожди стекаетъ вода съ низины. Вода сильно размываетъ суглинокъ и вытекаетъ на лугъ изъ канавы, которую скоро превращаетъ въ небольшой оврагъ, совершенно грязная, мутная, красная и осаждаетъ на лугу красный суглинокъ. Тутъ всегда лугъ сплошь покрытъ роскошнымъ клеверомъ. Но у меня трудно найти мѣста для производства опытовъ съ фосфор. на чистыхъ красныхъ суглинкахъ и притомъ такихъ, которые бы прежде не удобрялись навозомъ. На такихъ же, которые доселѣ удобрялись навозомъ, едва ли фосфоритъ рѣзко подѣйствуетъ. Еще важно различить красные суглинки: есть безплодные, есть хорошіе, должно быть известковые. Иногда подъ суглинками лежитъ известковый туфъ, который слѣдовало бы изучить хорошенько, есть ли въ немъ остатки прѣсноводныхъ раковинъ (въ изв. туфѣ алювіальный рѣчной долины, залегающемъ на синихъ вивіанитовыхъ глинахъ, пропасть остатковъ прѣсноводныхъ раковинъ, деревьевъ и пр.) и тогда суглинокъ очень плодороденъ, въ особенности хорошъ для клевера. Воды ключевыя тоже слѣдуетъ изучить. Не понимаю, отчего въ иныхъ ключахъ и колодцахъ вода известковая (то и поле лучше, плодороднѣе куля на 4—5 ржи съ десятины), а въ другихъ ключахъ (и не далеко) железистая. Кажется гдѣ вода желѣзистная, тамъ фосфоритъ лучше дѣйствуетъ. Вотъ именно взять-то почвы такъ, какъ вамъ нужно, съ разной глубины, мнѣ едва ли удастся. Только бы погода стала хороша—попробую. Но всего этого мало. Нужно основательное *образцовое* изслѣдованіе сдѣлать. Вы бы объ этомъ поговорили въ департаментѣ.

Обдумавъ все, рѣшилъ взять образцы въ одномъ полѣ,

гдѣ въ будущемъ году будетъ паръ и гдѣ слѣдовательно можно будетъ попробовать фосфоритъ. Поле это тоже, гдѣ была рожь въ 1887 году и съ котораго на одной подзолистой десятинѣ взяты были анализиров. вами образцы № 1, 2, 3. Теперь главнымъ образомъ думаю взять съ десятинъ, гдѣ красный суглинокъ, съ покатости къ рѣкѣ. Это поле, въ 40 десятинъ, лучшее изъ трехъ большихъ батищевскихъ полей. Если погода не попрепятствуетъ, завтра поѣду посмотрѣть.

Отъ 11 октября 1888 г. онъ пишетъ Костычеву:

Любезнѣйшій Павелъ Андреевичъ.

Образцы почвъ послалъ вамъ по желѣзной дорогѣ. Присемъ прилагаю желѣзнодорожную квитанцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ прилагаю планъ поля, съ котораго взяты образцы и описаніе почвъ (4 листка). Если что-нибудь неясно—спросите, обозначивъ № десятинъ. Въ будущемъ году я намѣренъ вновь разработанную пустошь удобрить мукою изъ рязанскихъ фосфоритовъ, которую начали готовить около Рязани г.г. Илиничъ и Анзиміровъ.

У меня еще есть департаментскія деньги, на которыя я и пріобрѣту рязанскую муку. Не лежитъ у меня сердце дѣлать еще опыты съ калійными удобреніями, или, лучше сказать, мнѣ это трудно. Департаментъ даетъ деньги на покупку матеріала, но кромѣ того есть не мало и другихъ расходовъ (я не стану дѣлать опыты на маленькихъ дѣлянкахъ), особенно если опредѣлять урожаи вѣсомъ. Наконецъ, и трудно мнѣ самому, а поручить некому—надѣлаютъ того, что и не разберешься. Отчего же бы департаменту не сдѣлать опытовъ на своихъ фермахъ, напр. на Горецкой, гдѣ навѣрно есть подходящія земли? Впрочемъ, посмотримъ потомъ. Но рязанскіе фосфориты хочу испытать въ большомъ видѣ. Слѣдовало бы изслѣдовать лядныя почвы, на которыхъ клеверъ такъ хорошо растетъ. Я надѣюсь, что мало-по-малу и вопросъ насчетъ клевера уяснится. А нельзя будетъ на подзолистыхъ почвахъ сѣять клеверъ, будемъ съ фосфоритомъ сѣять рожь на кормъ скоту. Подладимся. На дняхъ я былъ очень обрадованъ письмомъ моего племянника. Это молодой энергичный хозяинъ. Хозяйство у него обширное. (Имѣетъ здѣсь въ Смол. губ. до 6000 деся-

тинъ земли). Онъ сдѣлалъ опытъ съ фосфоритной мукой подъ *рожь* нынѣшняго года. Опытъ сдѣланъ въ 3 разныхъ хуторахъ по нѣсколько десятинъ. На хорошей, доселѣ хорошо удобрявшейся землѣ, фосфоритъ не оказалъ дѣйствія, но на запольной, дальнихъ десятинахъ, плохо удобрявшейся или вовсе неудобрявшейся землѣ фосф. м. оказала поразительное дѣйствіе (земля подзомистая должно быть).

Въ слѣдующемъ письмѣ того же 1888 года, отъ 14-го октября, сообщая Костычеву о посылкѣ ему почвъ съ описаніемъ ихъ и планомъ поля для изслѣдованія, Энгельгардтъ пишетъ:

«Мнѣ кажется, что подзолистыя почвы и лежащія подъ ними бурыя подпочвы, слѣдовало бы подвергнуть, параллельно съ красными суглинками, *механическому* анализу и затѣмъ разсмотрѣть полученныя порціи въ *микроскопъ*. Если залегающіе *въ низинахъ* между лысинами краснаго суглинка, выходящими на поверхность, подзолы и подзолистыя почвы образовались на мѣстѣ, подъ вліяніемъ просачивающихся сквозь почву водъ, то скелетъ кварцевый будетъ одинаковый и въ красныхъ суглинкахъ, и въ подзолахъ, и въ ортштейнѣ, мнѣ кажется. Вообще механическій и микроскопическій анализъ долженъ, мнѣ кажется, кое-что разъяснить. Конечно, я нисколько не сомнѣваюсь, что химическое дѣйствіе воды, содержащей въ растворѣ углекислоту и органическія соединенія, имѣло главное вліяніе при образованіи подзоловъ, но, можетъ быть, и смываніе земли съ бугровъ въ низины тоже имѣло значеніе. Я уже вамъ писалъ, что красный суглинокъ, выходящій на поверхность лысинами, представляетъ почву безплодную. Въ дикомъ состояніи эти лысины покрыты лишаями и gnaphalium (почва № 1 теперешней присылки). Ленъ на красныхъ лысинахъ бываетъ плохой, клеверъ — тоже, рожь, съ навознымъ удобреніемъ, ничего. Эти красныя лысины и при продолжительной культурѣ остаются красными и не дѣлаются темными, какъ обыкновенно становится темною почва покатостей, хотя отъ культуры красныя земли становятся плодородными. Бѣлый подзолъ въ низинахъ тоже представляетъ почвы безплодныя; ленъ на такомъ подзолѣ бываетъ плохъ, клеверъ тоже, рожь и при сильномъ удобреніи тоже бываетъ плоха и часто отмякаетъ, вызябаетъ. Нужно много лѣтъ, десятки лѣтъ

удобрять навозомъ такіе подзолы, чтобы хлѣбъ на нихъ родился хорошо. Но фосфоритная мука для такихъ подзоловъ есть *специфическое* удобреніе подъ рожь, фосфоритная мука *сразу* производитъ *поразительное, изумительное* дѣйствіе на самыхъ настоящихъ бѣлыхъ подзолахъ. Для подзолистыхъ почвъ фосфоритная мука лучше навоза, въ особенности если не пожалѣть муки. Переходныя почвы, отъ чистыхъ красныхъ суглинковъ (на бугрáхъ-лысинахъ) съ чистымъ бѣлымъ подзоломъ (въ низинахъ) — лучшія почвы. Во-первыхъ, на нихъ отлично родится ленъ, который у насъ даетъ громадный доходъ. (Въ прошломъ году я получилъ съ хозяйственной десятины (3,200 кв. саж.) 60 пудовъ льна-сырца (только смятаго), который продалъ по 3 р. 30 к. пудъ, слѣдовательно на 198 р., да 5 четвертей сѣмянъ по 12 р.—на 60 р. Итого на 258 руб. съ десятины. Положите за работу десятины 100 р. (много кладу), чистаго дохода съ хозяйственной десятины—158 р. Можно было пріѣхать въ Петербургъ и иногда завтракать у Кузнецова, гдѣ фунтъ свѣжей икры былъ 4 р., десятокъ устрицъ—2 р., бутылка шампанскаго 6 р. 50 к. Во-вторыхъ, съ фосфоритомъ отлично родится рожь.

«Красныя лысины мнѣ понятны. Это выходящіе на поверхность красные дилувіальные суглинки, которые у насъ составляютъ верхній слой геологической формаціи. Такіе же красные суглинки находятся на покатостяхъ. Замѣтьте, что въ нашихъ красныхъ суглинкахъ не слыхалъ я, чтобы попадались остатки мамонтовъ, которыхъ множество, напр., въ лѣсовомъ дилувіальномъ суглинкѣ рославльскаго уѣзда, но кремневыя орудія есть *). Но на ровныхъ *плато*, гдѣ мѣстность слегка волнистая и гдѣ по преимуществу почва подзолистая, на возвышеніяхъ почвы не красный суглинокъ, а желтая земля. Не есть ли это измѣнившійся подъ вліяніемъ воздуха ортштейнъ, который въ видѣ мраморно-бураго суглинка залегаетъ ниже подзола? Но какъ онъ попалъ на болѣе возвышенныя мѣста? Чтобы все это уяснить, нужно много работы. Студентика хорошенькаго, дѣльнаго, на лѣто нужно. Я все могу указать, но ходить самъ не могу — ноги слабы. А тутъ нужно рыть траншеи, буровыя

*) *Разъ* найдено кремневое копье при рытьѣ канавы по подзолистому мѣсту. Но самъ я не былъ, когда нашли, а канава доходитъ до суглинка.

скважины дѣлать. Говорятъ, теперь есть очень практичные буры для небольшихъ глубинъ—сажень, двѣ.

«Сегодня опять ѣздилъ смотрѣть свои зеленя. Чудеса надѣлала фосфоритная мука. Особенно поразительна десятина, на которую въ прошломъ году подъ овесъ былъ положенъ фосфоритъ; не будемъ ѣздить на степь за хлѣбомъ. Не будемъ! Это вѣрно!»

Въ ноябрѣ 9 числа того же 1888 г. онъ пишетъ:

«Сегодня сразу получилъ два вашихъ въ высшей степени интересныхъ письма. Я тоже думаю, что фосфоритная мука будетъ дѣйствовать на *опредѣленныхъ* почвахъ. Но эта опредѣленность по-моему такова: фосфоритная мука будетъ дѣйствовать (у насъ въ Россіи) на *всякихъ* почвахъ, плохихъ отъ природы или истощенныхъ культурою, и на подзолахъ, и на суглинкахъ, и на супесяхъ,—на всякихъ почвахъ, которыя безъ навоза даютъ плохіе урожаи, которыя не содержатъ достаточно фосфорнокислой *извести*. Разрушающій анализъ можетъ показывать въ почвѣ значительный процентъ фосфорной кислоты, но она можетъ находиться въ видѣ такихъ соединеній, которыя не могутъ въ данную минуту служить для питанія растеній, напр. въ видѣ фосфорно-органическихъ, фосфорно-кремнеземистыхъ, наконецъ, даже въ видѣ фосфорно-желѣзистыхъ или фосфорно-глиноземистыхъ. Ваши опыты показываютъ, что эти соединенія могутъ растворяться и въ лимонномъ амміакѣ, а между тѣмъ не служить для питанія растенія. И вотъ на такихъ почвахъ, содержащихъ сотни пудовъ Ph^2O^5, какихъ-нибудь 5 пудовъ Ph^2O^5 въ видѣ *нерастворимой* (которая по агрономіи не должна дѣйствовать) фосфорной извести удвоиваетъ урожай. Анализъ не можетъ показать, что въ почву прибавлена фосфорная известь, а рожь тотчасъ показываетъ. Это даже изумительно. Поэтому-то (агрономіей-то за послѣдніе годы *всѣ пропитались*, и мнѣ это видно изъ разговоровъ посѣщающихъ меня лишъ) такъ трудно распространяется примѣненіе фосфоритной муки, и нужно долбить и долбить. Нужно собирать факты и убѣждать, чтобы дѣлали опыты на *всякихъ* почвахъ. Никакихъ *путъ* пока не нужно. Фосфоритная мука особенно хорошо дѣйствуетъ на подзолахъ, но я думаю, что она дѣйствуетъ и на красныхъ суглинкахъ. Обратите вниманіе, что дѣйствуетъ *именно* на *рожь*.

Въ будущемъ году можно будетъ сдѣлать опыть удобренія фосфоритной мукой и на тѣхъ почвахъ, которыя я вамъ послалъ. Сберегите посланный мною планъ и описаніе и по немъ укажите, гдѣ бы вы желали, чтобы былъ сдѣланъ опытъ удобренія фосфоритной мукою. Вообще по этому плану вы можете дѣлать мнѣ всякіе запросы. Соединеніе химическихъ изслѣдованій съ опытами на поляхъ въ большомъ видѣ, на цѣлыхъ десятинахъ, очень важно.

«Удивительно трудно вѣрятъ тому, что фосфоритная мука производитъ такое поразительное дѣйствіе. Статьи, сообщенія, слова—мало дѣйствуютъ. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, господинъ, входитъ, рекомендуется, говоритъ, что читалъ мои статьи и пр. Начинаемъ толковать о фосфоритномъ удобреніи. Вижу—не вѣритъ. Снопы, что стоятъ въ кабинетѣ, показываю—не вѣритъ. Ѣдемъ въ поле (осенью на зеленяхъ лучше всего показывать, потому что соломистый навозъ еще не перепрѣлъ и сейчасъ видно, гдѣ не унавожено). Какъ только увидитъ зеленя по фосфоритному удобренію, сейчасъ въ азартъ придетъ, и начнется аханье.—«Значитъ, можно и скотъ уничтожить» (скотъ-то для навоза у всѣхъ въ горлѣ сидитъ)?—Можно. Будете держать сколько можно прокормить соломой, мякиной, рожь будете жать повыше, чтобы не перевозить солому съ мѣста на мѣсто (показываю, какое у меня высокое жнивье оставлено на ржаномъ полѣ), сѣно будете что̀ лишнее продавать, а на эти деньги покупать фосфоритную муку.—«А истощеніе?» Тогда я везу господина домой, приглашаю къ обѣду, выпиваю водки и начинаю ругать истощеніе, агрономію и т. д.; кстати и свиноводство (о немъ *всегда спрашиваютъ*) и каждому приходится объяснять эту безсмыслицу. Послѣ обѣда иду спать, а господина предоставляю А. Мертвагѣ. Вы думаете, что фосфоритная мука будетъ дѣйствовать только на *опредѣленныхъ* почвахъ, которыя можно довольно рѣзко отличить отъ другихъ не только по химическому изслѣдованію, но и на глазъ. Я съ этимъ не согласенъ. Если я удобрю подзолъ достаточнымъ количествомъ фосфоритной муки, то такую удобренную почву *ни на глазъ, ни химическимъ изслѣдованіемъ нельзя будетъ отличить* (анализированныя вами почвы № 1 и № 3) отъ неудобренной фосфоритной мукою, а между тѣмъ на одной фосфоритная

мука будетъ дѣйствовать, на другой—нѣтъ. Не думаю, чтобы можно было отличить на глазъ, или даже химическимъ анализомъ, подзолистую почву, хорошо удобрявшуюся навозомъ, отъ подзолистой почвы, не удобрявшейся; а между тѣмъ на первой фосфоритная мука не будетъ дѣйствовать, а на второй будетъ. Я никакъ не могу уяснить себѣ, почему вы думаете, что фосфоритная мука будетъ дѣйствовать только на подзолѣ и не будетъ дѣйствовать на суглинкахъ и супесяхъ. Какъ вы себѣ представляете дѣйствіе фосфоритной муки? Отчего фосфоритная мука производитъ поразительное дѣйствіе именно на рожь и слабо дѣйствуетъ на овесъ?

«Нужно испытывать дѣйствіе фосфоритной муки подъ рожь на *всякихъ* почвахъ. Рожь лучше всего покажетъ хозяину, слѣдуетъ ли ему на своей почвѣ употреблять фосфоритную муку.

«Никакихъ *путъ!*»

«Дѣло примѣненіе фосфоритной муки—*большое* дѣло».

Отъ 23 октября 89 г., онъ пишетъ Костычеву:

«Благодарю васъ за скорый отвѣтъ и за длинное письмо. Вы не можете себѣ представить, какъ пріятно здѣсь получать такія письма. Но человѣкъ жаденъ, ему всего мало, хотѣлось-бы знать еще болѣе о вашихъ интересныхъ опытахъ. Очень интересно, какъ вы превращаете красную мою землю въ подзолъ. Жаль только, что эта красная земля не представляетъ типичнаго краснаго дилувіальнаго суглинка. Она все-таки болѣе или менѣе подзолиста и содержитъ очень мелкіе шарики желѣзистыхъ стяженій.

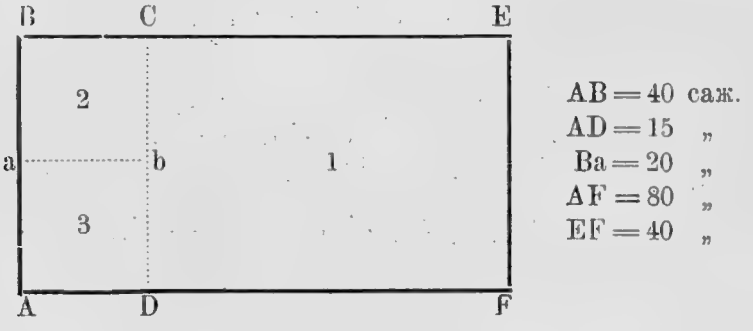
Интересно бы мнѣ знать, какой составъ имѣютъ кусочки желѣзистыхъ стяженій, прослойки которыхъ идутъ въ подзолистой почвѣ. Я вамъ въ прошломъ году прислалъ образцы этихъ желѣзистыхъ стяженій. Есть-ли въ нихъ органическое вещество?

Слой изв. туфа, который я вамъ послалъ въ прошломъ году, по изслѣдованію Ферхмина, оказался очень небольшимъ мѣстнымъ образованіемъ.

Получивъ результаты изслѣдованія батищевскихъ почвъ проф. Костычевымъ, Энгельгардтъ по этому поводу пишетъ ему отъ 5 октября 1889 г.:

«Я нисколько не сомнѣваюсь, что въ образованіи подзоловъ и подзолистыхъ почвъ принимали участіе процессы растворенія водами, содержащими CO^2 и органическія кислоты. Но кромѣ этого участвовали и другіе процессы: сносъ въ низины водами тонкихъ частицъ. Иначе механическій составъ подзоловъ и суглинковъ былъ-бы одинаковъ, а одинаковъ-ли онъ? Въ подзолѣ низинъ нѣтъ валуновъ (намъ только разъ попался въ подзолѣ при рытьѣ канавы кремень, но это былъ обдѣланный въ копье кремень), да и остатокъ при отмучиваніи тонкихъ частицъ въ типичномъ красномъ суглинкѣ, я полагаю, будетъ другой, чѣмъ въ подзолѣ. Механическій сносъ тонкихъ частицъ въ низины можно и теперь наблюдать послѣ дождей.

«По поводу 2-го вашего опыта ничего сказать пока нельзя, хотя, думаю, онъ дастъ интересные результаты. Сообщу вамъ объ одномъ нашемъ опытѣ, который сдѣланъ въ смежномъ съ Батищевымъ имѣніи, Семеновщинѣ, молодымъ хозяиномъ В. Е. Корсакомъ. Для опыта взята ровная хозяйственная десятина ABEF въ 3,200 кв. саж. съ подзолистою



почвою. На этой десятинѣ отбитъ участокъ ABCD въ 600 кв. саж. Этотъ участокъ ABCD удобренъ 300 возовъ торфяной земли и 100 пудами извести. Затѣмъ на часть удобреннаго известью съ торфомъ участка, именно на aBCb, разсыпанъ 1 мѣшокъ въ 4 пуда Куломзинской фосфоритной муки. На остальную часть десятины именно на DCEF, разсыпано 5 мѣшковъ (20 пуд.) Куломзинской фосфоритной муки. Вчера я осматривалъ эту десятину. На участкѣ DCEF (одна фосфоритная мука)—зелень *превосходнѣйшая*, темная, густая, *лучше чѣмъ на десятинахъ, удобренныхъ навозомъ.* На участкѣ aBCb (торфяная земля, известь и фосфоритная мука) зелень тоже превосходная и такъ же хороша, какъ на 1 участкѣ съ одною

фосфоритной мукой. На участкѣ (3) AabD (только торфяная земля и известь) зелень плоха; хуже навозной и *гораздо хуже,* чѣмъ на участкахъ 1 и 2. Этотъ участокъ 3 рѣзко выдѣляется на десятинѣ по плохому, сравнительно съ 1 и 2, состоянію зелени. Изъ этого опыта видно, что известь съ торфомъ не оказываетъ дѣйствія на первый хлѣбъ или очень слабое (потомъ, на послѣдующіе хлѣба, вѣроятно окажетъ); но если къ извести и торфу прибавить фосфоритной муки, то она (ф. м.) *тотчасъ* оказываетъ дѣйствіе. Не правда ли, интересный опытъ? И другіе опыты нынѣшняго года очень интересны. Буду ли на съѣздѣ натуралистовъ—вопросъ денегъ. Продамъ ленъ—буду. Не продамъ—можетъ быть, не буду. На поѣздку немного нужно, рублей 200. Но мнѣ нужно платье, шуба.

Какъ ни были научны и интересны опыты въ Батищевѣ, они производились съ большими затрудненіями: надо было имѣть такихъ преданныхъ Энгельгардту друзей, какъ проф. П. А. Костычевъ, П. А. Лачиновъ и др.; надо было переписываться съ ними о каждой мелочи, о малѣйшей неясности, и, разумѣется, выясненіе практическихъ вопросовъ путемъ переписки было крайне затруднительно. Едва ли кто-нибудь изъ русскихъ ученыхъ работалъ при такихъ условіяхъ. Одинъ Энгельгардтъ умѣлъ на простомъ почтовомъ листѣ бумаги такъ же отлично работать, какъ и на поляхъ. Но плохо было, когда его письма терялись или до него не доходили. Вотъ почему онъ пишетъ Костычеву отъ 16/x 89 г.:

«Письмо ваше отъ 10/x 89 получилъ. Прежде всего объясните слѣдующее маленькое недоразумѣніе: вы говорите объ опытѣ съ почвой № 9 прошлогодней и прибавляете: «анализъ, который у васъ есть». Между тѣмъ анализовъ почвъ, посланныхъ мною вамъ въ прошломъ 1888 году, у меня нѣтъ—вы мнѣ ихъ не сообщили (можетъ быть писали, но я письма не получалъ—вообще я долго (до осени) не получалъ отъ васъ писемъ и думалъ, что вы куда-нибудь уѣхали, и въ печати я тоже объ нихъ не читалъ). А между тѣмъ я ждалъ этихъ анализовъ съ нетерпѣніемъ, потому что мнѣ хотѣлось знать, есть ли разница, и какая, въ составѣ красныхъ почвъ съ лысинъ и бѣлясыхъ съ низинъ. Еще хотѣлось знать составъ *желѣзистыхъ стяженій* (ко-

торыя въ видѣ мелкихъ шариковъ есть и въ красныхъ почвахъ). Почему вы думаете, что известь или NH^3 разложитъ фосфорно-органическія соединенія при условіяхъ вашего опыта? Если въ почвѣ находятся фосфорно-органическія соединенія, подобныя искусственно получаемымъ сочетаннымъ фосфорно-органическимъ соединеніямъ (фосфорновинная кислота и т. п.), то эти соединенія могутъ быть настолько прочны, что соли ихъ не будутъ разлагаться известью и т. п. Въ природѣ, конечно, разложеніе можетъ происходить, если оно будетъ сопровождаться окисленіемъ подъ вліяніемъ какихъ-нибудь бактерій и т. п. Очень интересно, что дадутъ ваши дальнѣйшіе опыты. Буду съ нетерпѣніемъ ждать сообщенія вашихъ предположеній. Опытъ Корсака сдѣланъ такъ: десятина въ 1888 г. была подъ овсомъ. Осенью 1888 г. вспахана на зиму, весною 1889 выборонована. Торфяная земля (подобная черной моей землѣ изъ кротовыхъ кучъ, которую вы анализировали) вывезена въ первыхъ числахъ іюня (до 8-го). Торфяная земля бралась съ десятины обработываемой. Торфяная земля изъ верхняго слоя вывозилась и складывалась кучками прямо. Торфяная земля изъ нижняго слоя, менѣе разложившаяся, тоже складывалась въ кучки, пересыпалась известью, перелопачивалась. На это употреблено 50 пудъ извести. Въ концѣ іюня кучки разбиты, запахано и пробороновано. Въ половинѣ іюля взмѣшано и разсыпано еще 50 пудъ извести. За 4 дня до посѣва разсыпана куломзинская мука. Рожь посѣяна 8-го августа. Задѣлано.

«Одна торфяная земля и известь не оказали почти никакого дѣйствія. Гдѣ прибавлена куломзинская мука—дѣйствіе громадное. Я думаю, что съ теченіемъ времени и одна известь съ торфяной землей окажутъ дѣйствіе.

«Былъ у меня вчера Мясоѣдовъ. Говорилъ, что продалъ за 14 мѣсяцевъ 40,000 пудъ своей муки. Мука ему обходится 4 коп. пудъ, продаетъ по 25 к. (значитъ, рубль на рубль да 3 барыша). Не уменьшаетъ цѣну потому, что разбираютъ по этой цѣнѣ все, что̀ намелетъ. Если есть запасъ муки, то продаетъ и дешевле (если кто *поторгуется*). Опредѣлили ли вы азотъ въ моихъ почвахъ 1886 или 1888 г.?»

Отъ 10 января 1890 г. онъ пишетъ Костычеву:

«Очень жалѣю, что не могъ быть на съѣздѣ. Такъ и не продалъ-таки ленъ—ни прошлогодній, ни нынѣшній. По-

этому «денегъ я имѣю нѣтъ», какъ говоритъ одинъ знакомый нѣмецъ. Вотъ какія наши дѣла. А очень хотѣлось побывать на съѣздѣ и посмотрѣть, что выйдетъ изъ агрономической секціи.

«Насчетъ фосфоритной муки еще хочу поговорить.

«Я совершенно увѣренъ, что растеніямъ нужно давать *фосфорнокислую известь трехосновную.*

«Если почва содержитъ *очень мало извести,* то суперфосфатъ окажетъ на ней, можетъ быть, *худшее дѣйствіе, чѣмъ фосфоритная мука.*

«На бѣдныхъ известью почвахъ лучше всего подѣйствуетъ томасова мука, потомъ термофосфатъ, т.-е. обожженный фосфоритъ, потомъ фосфоритная мука, костяная зола, костяной уголь.

«Костяная мука будетъ дѣйствовать тѣмъ *лучше, чѣмъ лучше вываренo органическое костное вещество* изъ костей. Самая лучшая костяная мука будетъ та, изъ которой вываренo *все органическое костное вещество.*

«Насчетъ извести я того мнѣнія, что нужно *время* для ея дѣйствія, — для того, чтобы она разложила фосфорныя соединенія почвы.

«Ph^2O^5 въ почвахъ можетъ быть не только въ видѣ недѣятельныхъ соединеній съ органическими веществами (сочетанныя фосфоритныя соединенія), но и въ видѣ соединеній съ кремнезёмомъ и кремнекислыми соединеніями, и эти соединенія *могутъ не разлагаться известью.* Говорилъ мнѣ одинъ господинъ, что получалъ подобныя соединенія при сплавленіи Ph^2O^5 или солей ея со стеколъ, но не кончилъ этихъ изслѣдованій (въ Харьковѣ у Николая Бекетова). Что думаете о семъ? Сырая костяная мука хуже дѣйствуетъ, чѣмъ пареная, потому что частицы фосфорной извести облечены костнымъ органическимъ веществомъ. То же, думаю, будетъ, если фосфоритную муку облечь жиромъ или столярнымъ клеемъ. А не окажется ли, что всюду сѣверные суглинки, бѣдные известью, не лёсовидные (не содержащіе, думаю я, остатковъ мамонта), болѣе или менѣе подзолисты? По вашему, кажется, такъ бы оно и должно быть. А что, на агрономической секціи не поднимался вопросъ о рабочихъ книжкахъ и разныхъ обузданіяхъ рабо-

чихъ? Если напустите на агрономическую секцію *хозяевъ*, то вѣрно подымутъ такіе вопросы».

Отъ 16 января 1900 г. онъ пишетъ Костычеву:

«Я писалъ М. Л. Бортникеру, что въ нынѣшнемъ году не представляется надобности въ ассигнованіи денегъ на пріобрѣтеніе фосфоритной муки для производства опытовъ въ Батищевѣ. Отъ прежнихъ ассигнованій у меня осталось еще достаточно денегъ на покупку муки для опытовъ 1890 года. Думаю повторить опытъ Корсака, но хочу употребить вмѣсто извести *мѣлъ*. Что вы объ этомъ думаете? Дѣлали ли вы анализы тѣхъ *желѣзистыхъ стяженій*, кусочки которыхъ я вамъ послалъ въ прошломъ 1888 году? Мнѣ очень интересно знать, содержатъ ли эти стяженія Ph^2O^5, известь и органическія вещества. Меня очень интересуютъ *ортштейны*. Нѣкоторые ортштейны представляютъ песокъ, сцементированный фосфорно (до 10% Ph^2O^5) въ цементѣ, органическими соединеніями глинозема и окиси желѣза. *Это нѣчто въ родѣ песчанаго фосфорита.* И залеганіе очень похоже. Сверху и снизу песокъ, не содержащій Ph^2O^5, и вдругъ между ними слой ортштейна, цементъ котораго содержитъ значительныя количества Ph^2O^5. Тоже и фосфоритъ. Песокъ, не содержащій Ph^2O^5, и вдругъ въ немъ прослоекъ кругляковъ фосфорита, т.-е. песка, сцѣпленнаго фосфорнымъ цементомъ, и цементъ этотъ всегда содержитъ органическія вещества. Разница только въ томъ, что въ прослойкахъ фосфорита встрѣчаются куски дерева, губки, кости, и все это окаменено фосфорною известью. Но, можетъ быть, и въ ортштейнѣ есть остатки растеній и животныхъ, нынѣ живущихъ. Самое интересное: *почему* и фосфоритныя плиты, и ортштейны образовались на извѣстномъ мѣстѣ, *что привлекало сюда именно* цементирующее вещество, осаждавшееся очевидно изъ раствора? Какъ вы думаете? При вашихъ опытахъ искусственнаго полученія ортштейна не выяснилось ли что? Если бы въ землю, сквозь которую вы пропускаете воду, насыщенную продуктами разложенія лѣсной подстилки, положить въ извѣстномъ мѣстѣ кусочки травы, раковинки съ моллюсками и пр.—не образовался ли бы тутъ ортштейнъ?

«Въ юрскихъ глинахъ, напр., встрѣчаются стяженія фосфорита, и всегда въ этихъ круглякахъ находятся раковины,

которыя, очевидно, служили центрами стяженія. Всѣ юрскія окаменѣлости заполнены фосфоритной массой. Фосфориты песчаные—не ортштейны ли мѣловыхъ временъ? Интересно мнѣ, что̀ дастъ механическій анализъ моихъ почвъ, что̀ дастъ обработка сѣрной кислотой. Я думаю, что мои почвы очень песчанисты, только песокъ мелкій. Напишите пожалуйста, что̀ было на съѣздѣ въ агрономической секціи».

VIII.

Отношенія Энгельгардта къ фосфоритчикамъ.

Занимаясь «опытами», ведя по поводу ихъ обширную переписку съ Петербургомъ, Энгельгардтъ находитъ время не только отвѣчать письменно корреспондентамъ по вопросамъ сельскаго хозяйства, но съ удивительной практичностью руководитъ ими въ ихъ хозяйствованіи. Когда въ городѣ Рязани возникало товарищество добычи и обработки фосфоритовъ и другихъ минеральныхъ туковъ, и основатель его (В. Анзиміровъ) обратился за совѣтомъ къ А. Н. Энгельгардту, то по письмамъ послѣдняго интересно прослѣдить его участіе въ исторіи этого товарищества. Живая отзывчивость и заботливость Энгельгардта объ интересахъ чужаго ему «товарищества» свидѣтельствуетъ о прекрасномъ характерѣ ученаго профессора. Вся его переписка съ В. А. Анзиміровымъ доказываетъ, что, занятый повидимому исключительно собственными мыслями, Энгельгардтъ въ то же время близко принималъ къ сердцу и интересы другихъ людей, и никогда не оставлялъ не только безъ отвѣта ихъ просьбы, но всегда принималъ подъ свое покровительство менѣе опытныхъ и знающихъ людей.

Въ іюнѣ 1888 г. онъ пишетъ В. Анзимірову:

«Отъ всей души, сердечно, привѣтствую ваше благое начинаніе и желаю вамъ успѣха. Радуюсь, что осуществляется, наконецъ, разработка фосфоритовъ подлѣ Рязани. Въ моихъ статьяхъ я постоянно указывалъ на громадное значеніе устройства добычи фосфоритной муки въ подмосковномъ краѣ. И превосходныя качества фосфоритовъ, и центральное положеніе, и близость *сѣверныхъ* городовъ, куда пойдетъ масса фосфоритной муки и, наконецъ, удобство сообщеній — все говоритъ за широкое развитіе этого дѣла въ

подмосковномъ краѣ. Я былъ бы очень радъ, еслибы кто-нибудь изъ васъ, господа, пріѣхалъ ко мнѣ въ Батищево посмотрѣть, какъ превосходно дѣйствуетъ фосфоритная мука. Посѣщеніе ваше мнѣ доставило бы большое удовольствіе. Кромѣ того, я считаю *чрезвычайно важнымъ*, чтобы *вы сами* на опытѣ убѣдились, какое дѣйствіе оказываетъ фосфоритная мука, *видѣли* ея дѣйствіе на моихъ поляхъ. Это дастъ вамъ *вѣру* въ дѣло и еще болѣе возбудитъ вашу *энергію*. Кромѣ того, мы могли бы переговорить о разныхъ *важныхъ* вопросахъ, касающихся дѣла. Мои совѣты, можетъ быть, принесли бы вамъ пользу. Мнѣ очень хотѣлось бы показать на зеленяхъ, *какіе узоры я расписываю посредствомъ фосфоритной муки*. Именно — узоры! Это нужно видѣть! Всѣ, кто ни пріѣзжалъ ко мнѣ, и вѣрующіе въ мои описанія, были поражены. Мнѣ все сдается, что вы еще не вѣрите, что фосфоритная мука производитъ поразительное дѣйствіе. Пріѣзжайте и посмотрите. «Гляженое лучше хваленаго». *Опытъ показалъ* (совершенно *наоборотъ* тому, что до сихъ поръ предполагалось агрономами), *что фосфоритная мука превосходно дѣйствуетъ на тощихъ, плохихъ*, требующихъ неустаннаго удобренія навозомъ, почвахъ. Введя фосфоритную муку, мы сѣверяне не будемъ «ѣздить на степь» за хлѣбомъ. Мы сами завалимъ рынки рожью. Если же фосфоритная мука, даже рязанская, калійная, не будетъ увеличивать урожаи клевера,—если невыгодно станетъ производить рожь на зерно, мы станемъ сѣять рожь *на кормъ*. Будемъ по фосфориту на плохихъ земляхъ сѣять рожь и косить ее зеленую на кормъ скоту. Завалимъ рынки сыромъ, масломъ, саломъ, кожей, мясомъ.

«Вотъ что такое фосфоритная мука!

«Нужно только отрѣшиться отъ агрономической рутины, которая такъ засѣла въ агрономическихъ учебныхъ заведеніяхъ.

«Вы говорите, что гарантируете въ вашей мукѣ 23% Ph^2O^5. Какъ вы сами достигаете увѣренности, что отпускаемая мука содержитъ именно 23%? Глауконитовый фосфорный песчаникъ *не можетъ имѣть совершенно однообразный составъ*: мѣстами въ песчаникѣ есть стяженія фосфорнокислой извести, мѣстами песчаникъ переходитъ въ песокъ, мѣстами пустоты заполнены кварцевымъ пескомъ и

т. п. Чтобы гарантировать извѣстный % Ph^2O^5, вы должны контролировать ваше производство анализами, постоянно брать пробы и анализировать среднюю пробу. Какъ это у васъ дѣлается? Подъ контролемъ какого химика находится ваше производство? Позвольте посовѣтовать вамъ слѣдующее. Поручите вашему химику сдѣлать *механическій* анализъ средней пробы вашей фосфоритной муки. Затѣмъ, когда мука будетъ раздѣлена на порціи *разной тонкости*, слѣдуетъ опредѣлить количество фосфорной кислоты въ каждой порціи. Такимъ образомъ опредѣлится, *сколько фосфорной кислоты остается при крупномъ пескѣ*. Если это количество не велико, то размолъ хорошъ. Прочитайте мою статью по этому предмету въ № 41 «Земл. Газ.» и въ слѣдующемъ. Вникните въ суть дѣла, и вы вѣроятно согласитесь со мной, что размолъ слѣдуетъ вести до *извѣстнаго предѣла. Нѣтъ никакой надобности* перетирать въ тончайшую муку *всѣ* зерна глауконита и кварца. Это только удорожитъ муку. Притомъ же разсыпать пылеобразную муку *очень неудобно*. (Самое удобное было бы разсыпать такую муку, которая состояла бы изъ зеренъ песка, облеченныхъ, каждое зерно, тончайшимъ слоемъ фосфорита). *Песчанистая мука разсыпается гораздо легче и равномѣрнѣе*. Все дѣло въ томъ, чтобы опредѣлить *предѣлъ*, до котораго слѣдуетъ вести растираніе, и опредѣлить это можно только механическими анализами муки, *соединенными* съ опредѣленіями Ph^2O^5 въ различныхъ порціяхъ, отдѣленныхъ механическимъ анализомъ. Дѣло это очень важное какъ для заводчиковъ, такъ и для хозяевъ, и вамъ слѣдуетъ его уяснить. Агрономы не могутъ переварить, что фосфоритную муку нужно употреблять на хорошихъ перегнойныхъ земляхъ. Разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ агрономовъ, которые пріѣзжали въ Батищево и видѣли здѣсь дѣйствіе фосфоритной муки. Гг. же въ родѣ Масленникова, издающаго «Сельскій Хозяинъ» печатаютъ статьи, въ которыхъ просто-на-просто говорятъ, что я все вру, что я еще не могъ имѣть ржи по фосфоритному удобренію и проч. Самое важное — это, чтобы вашъ заводъ *ручался* (какъ Куломзина) за извѣстный процентъ фосфорной кислоты въ каждомъ сортѣ муки. Для покупателя *ручательство* завода—самое важное, если онъ выписываетъ муку

прямо съ завода. Затѣмъ обратите вниманіе на хорошую упаковку муки. Въ мѣшокъ нужно сыпать 4 пуда муки (какъ у Куломзина), потому что иначе тяжело носить. Мѣшки спеціально заказывать на одномъ заводѣ. На каждый мѣшокъ класть клеймо и пломбу. Затѣмъ нужно всѣми мѣрами облегчить для покупателей выписку муки: продавать муку нужно съ мѣшкомъ (какъ у Куломзина). Конечно, можно принимать мѣшки обратно въ извѣстной цѣнѣ. Упаковка — важное дѣло, а то у Мясоѣдова, напр., вслѣдствіе небрежной упаковки въ старые мѣшки отъ пшеничной муки, много мѣшковъ приходятъ разбитыми. Еще нужно обратить вниманіе на цѣнность перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, знать тарифы, вступить въ сношеніе съ правленіями дорогъ, такъ чтобы вы всегда могли опредѣлить покупателю, сколько ему будетъ стоить перевозка и во что обойдется мука на мѣстѣ полученія, чтобы покупатель могъ, если пожелаетъ, выслать вамъ деньги за перевозку. У Куломзина тоже хорошо устроено и его мука перевозится, напр., дешевле мясоѣдовской. Все это, повидимому, мелочи, но все это важно, въ особенности въ началѣ дѣла. Куломзинъ это отлично понялъ. Затѣмъ объявленія, объявленія, объявленія — въ массахъ и при томъ въ самой простой формѣ. Совѣтую при изготовленіи муки отъ каждаго мѣшка брать опредѣленную пробу (мѣрочкой маленькой), составлять среднюю пробу отъ извѣстнаго числа мѣшковъ и дѣлать анализъ, - - опредѣлять фосфорную кислоту. Для собственнаго заводскаго контроля вамъ слѣдуетъ брать пробу, напр., отъ каждыхъ 10 пудовъ мѣркой опредѣленной величины (для этого удобны коробочки отъ шведскихъ спичекъ: зачерпнуть коробочкой муки и пропустить сквозь футлярчикъ). Изъ взятыхъ пробъ дѣлать среднюю изъ 600 пудъ и опредѣлять въ ней только Ph^2O^5. Это вы должны дѣлать для себя, а затѣмъ контролировать васъ можетъ кто хочетъ. Вамъ бы слѣдовало послать вашу муку въ рижскій политехникумъ Томасу, или еще тамъ кому, и напечатать объявленія въ рижскихъ нѣмецкихъ газетахъ, и въ сельско-хозяйственныхъ извѣстіяхъ «Balt. Wohenschr.», и др. Хорошо бы было помѣстить объявленія въ распространенномъ календарѣ, въ справочной книжкѣ для сельскихъ хозяевъ. Можетъ быть, ваша мука можетъ идти за

границу. Нельзя ли ее доставлять водой въ Калугу? Конечно, все дѣло въ капиталѣ, который вы можете затратить. Сразу такое дѣло сейчасъ вдругъ пойти не можетъ. Я не могу принять никакого участія или посредничества между вами и Куломзинымъ, и попросилъ бы васъ даже вовсе не упоминать обо мнѣ, если будете вести переговоры съ Куломзинымъ. Я вообще противъ соединенія заводовъ фосфоритныхъ въ однѣхъ рукахъ. Чѣмъ болѣе конкурренціи, тѣмъ лучше. Я очень радъ, что вашъ заводъ хорошо устроивается. Увѣдомьте меня, когда дѣло, т.-е. приготовленіе фосфоритной муки, пойдетъ въ ходъ, когда вы въ состояніи будете доставлять однообразную, съ тонкоразмолотою фосфоритною частью (не знаю, стоитъ ли молоть такъ, чтобы и глауконитъ былъ тонко размолотъ) муку опредѣленнаго состава. Простота производства, однообразіе продукта и дешевизна его—вотъ что самое главное. И еще важно, чтобы дѣло было поставлено на торговую ногу. Пишите мнѣ почаще, поподробнѣе и точнѣе о ходѣ вашего дѣла. Зная положеніе дѣла, и я можетъ быть, что-нибудь полезное присовѣтую. Самый опасный вашъ конкуррентъ — это Мясоѣдовъ. Онъ послѣ васъ былъ у меня и говорилъ, что фосфоритная мука дѣйствительно ему обходится по 4 коп. пудъ, и что онъ за 14 мѣсяцевъ продалъ 40 тысячъ пудъ. Купилъ онъ имѣніе—Бѣльскую—дешево. Залежи отличныя и добыча очень дешевая. Онъ мнѣ говорилъ, что будетъ продавать фосфоритную муку съ доставкою на всѣ (любую) станц. жел. дорогъ (даже до Петербурга) по 30 коп. за пудъ. Если Мясоѣдовъ упорядочитъ дѣло, будетъ имѣть хорошіе мѣшки, будетъ имѣть химика и гарантировать (но не такъ, какъ онъ теперь нелѣпо гарантируетъ) извѣстный % Ph^2O^5, то его дѣло широко разовьется».

Въ 1890 году Энгельгардтъ продолжаетъ писать тому же В. А. Анзимірову:

«Есть ли у васъ достаточные запасы муки, однородной по составу и тонкости размола, чтобы удовлетворить требованіямъ заказчика? Можно ли быть увѣреннымъ, что, давъ заказъ, тотчасъ же получишь муку? Вотъ какую уйму вопросовъ я вамъ задалъ. Но дѣло въ томъ, что я не встрѣчаю вашихъ публикацій о продажѣ фосфоритной муки. Изъ

этого можно заключить, что дѣло у васъ еще не налажено и не въ полномъ ходу. А между тѣмъ приближается время, когда нужно заказывать фосфоритную муку, чтобы получить ее по зимнему пути. Получить по зимнему пути очень важно, потому что лѣтомъ мука можетъ попасть подъ дождь, а это не хорошо: подмоченные мѣшки, особенно если они изъ-подъ пшеничной муки, быстро плесневѣютъ, расползаются и вывозить ихъ на поле крайне неудобно. Отсырѣвшая мука разсыпается не такъ равномѣрно, падаетъ комками. Мнѣ необходимо знать все это, потому что часто ко мнѣ обращаются съ запросами, гдѣ купить фосфоритную муку, а это опредѣляется цѣною муки, % Ph^2O^5, цѣнностью доставки и проч. Въ западныя губерніи, Могилевскую, Витебскую, Псковскую, разумѣется, пойдетъ фосфоритная мука Мясоѣдова, который, если *поторговаться* (Мясоѣдовъ продаетъ фосфоритную муку *за что дадутъ*, какъ хозяева продаютъ хлѣбъ: дадутъ 10 руб. за четверть хорошо, даютъ 5 руб.—отдаютъ и за пять), уступаетъ фосфоритную муку за 15 коп.: она ему обходится на заводѣ 4 коп., станція подлѣ, скиньте доставку на станцію и пр. 3 коп., барышъ все-таки хорошій—рубль на рубль да рубль барыша. Даже отдать за 10 коп. пудъ Мясоѣдову барышъ хорошій. Въ Рязанскую, Тульскую, Московскую, Калужскую, отчасти Смоленскую, Тверскую—должна идти ваша мука, если не догадаются устроить фабрику въ Москвѣ, которая стоитъ на фосфоритахъ. Въ Костромскую, Вологодскую, Ярославскую, Владимірскую, Нижегородскую пойдетъ куломзинская мука. Можно ли получать отъ васъ фосфоритную муку въ мѣшкахъ по 4 пуда, какъ у Куломзина? Боченки на 10 пудъ, лишній расходъ—$3^1/_2$ коп. на пудъ муки (мѣшки можно отправить назадъ или употребить въ хозяйствѣ, а боченки куда годны?), и неудобно еще потому, что придется все равно разсыпать въ мѣшки: поднять на телѣгу боченокъ одинъ человѣкъ не можетъ и спустить тоже.

«Вы говорите, что думаете повести дѣло широко и устроить заводы въ различныхъ мѣстахъ. Это совершенно необходимо для удешевленія муки на мѣстахъ потребленія, такъ какъ доставка обходится дорого и много удешевлена быть не можетъ. Разумѣется, вы должны устроить заводы

въ долинѣ р. Десны. Добыча фосфоритовъ тутъ очень дешева: массы фосфорита прежде добывались для ремонта шоссе — нельзя ли эксплуатировать самое шоссе? Сбытъ муки въ западныя губерніи обезпеченъ въ огромномъ размѣрѣ. Нужно только, чтобы явились предпріимчивые люди съ капиталами и знаніями. На дняхъ у меня былъ крестьянинъ изъ деревни Сещи, Ларіонъ Васильевъ. Этотъ Ларіонъ, который служилъ на шоссе десятникомъ и зналъ всѣ удобныя мѣста добычи фосфорита, сопровождалъ меня въ экскурсію 1866 г. Потомъ я его розыскалъ въ 1884 г., и онъ опять сопровождалъ меня въ экскурсію 1884 г. Ларіонъ — человѣкъ способный, энергичный, живой, увлекающійся, но непрактичный (для себя) и любитъ выпить (хотя это не мѣшаетъ дѣлу). Мнѣ онъ былъ очень полезенъ и я умѣлъ его держать въ порядкѣ. Мясоѣдовъ, заведя фабрикацію фосфоритной муки, не съумѣлъ воспользоваться Ларіономъ; впрочемъ и Ларіонъ не любитъ Мясоѣдова. Когда у Мясоѣдова мука пошла, Ларіонъ подбилъ мельника Н. Михайлова, имѣющаго мельницу въ Сещѣ, готовить муку, и, разумѣется, всю выгоду получилъ мельникъ. Ларіонъ взялся ставить на мельницу фосфоритъ очищенный, готовый къ помолу, по 3 коп. пудъ. Ныньче они продали 12,000 пуд. муки по 20 коп. Изъ этого Ларіонъ за камень получилъ 360 руб., изъ которыхъ *ему лично* досталось рублей 25, да угощалъ Нефедъ водкой. Нефеду же камень обошелся 3 к., помолъ 3 к., мѣшокъ 3 к., доставка на платформу 1 коп., итого 10 коп.; а продавалъ онъ муку по 20 коп. и положилъ въ карманъ чистенькихъ 1,200 руб. Ларіону это показалось обидно, да и Нефеду теперь Ларіонъ не нуженъ. Вотъ Ларіонъ и отыскалъ удобныя залежи подлѣ другой мельницы, подбилъ мельника на дѣло. У нихъ тамъ теперь начинается фосфоритная горячка и *уже появились евреи*, значитъ: «дѣло есть»; да и въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь Нефедъ за одно лѣто отложилъ 12 сотенныхъ такъ себѣ за здорово живешь,—завидно! Пріѣзжалъ ко мнѣ Ларіонъ посовѣтоваться, переговорить (онъ будетъ вести дѣло пополамъ съ мельникомъ: того капиталъ, Ларіонова голова) и главное убѣдиться, *серьезное ли это дѣло* и *дѣйствительно ли фосфоритная мука полезна* (на ихъ *фосфоритныхъ* *)

*) Кстати: вы знаете, что въ Туркестанѣ открыты *фосфоритные черноземы*.

почвахъ, конечно, мука не дѣйствуетъ). Я, конечно, показалъ ему и зеленя, и жнивья. Онъ только ахалъ. Это очень важно, чтобы производители фосфоритной муки пріѣзжали въ Батищево убѣждаться въ пользѣ ея. По разсчету Ларіона, мука имъ будетъ обходиться съ доставкой на станцію Дубровку (орл.-витеб. жел. дор.) и мѣшкомъ 10 к. за пудъ, продавать думаютъ 20 к. Совѣтовалъ я Ларіону пустить муку по 15 к. пудъ (онъ разсчитываетъ, что мука будетъ 20%, но въ среднемъ я думаю болѣе 15% не выйдетъ). *Обидно,* говоритъ, продавать по 15 к., когда Мясоѣдовъ 25 к. (беретъ)... и мука у него готовится безъ всякаго призора, а заказовъ у Мясоѣдова столько, что не успѣваетъ готовить муку. Коммиссіонеръ Мясоѣдова, какой-то еврей въ Витебскѣ, даже бралъ муку у Нефеда для удовлетворенія заказчиковъ. «Тамъ не разбираютъ; это вы только посылаете дѣлать анализы, — говоритъ Ларіонъ,—а другіе не посылаютъ, сыплютъ, что имъ не пришлютъ».

«Очень жалѣю, что дѣло такъ поставлено. Понятно, что всѣ эти полуграмотные мельники будутъ наконецъ отпускать всякую дрянь, фальцифицировать муку черной глиной, пескомъ и проч. На это ума хватитъ, а тамъ что мука не окажетъ никакого дѣйствія — что ему! Схватилъ тысячу, другую, открылъ кабакъ. Соблазнъ великъ. Можетъ быть, это уже и дѣлается. Можетъ быть, у иныхъ фосфоритная мука не оказываетъ дѣйствія, потому что получили не фосфоритную муку, а чортъ знаетъ что. У Мясоѣдова, говорилъ Ларіонъ,—страшный безпорядокъ на фабрикѣ. Управляющаго нѣтъ, механики не живутъ, такъ мужичокъ орудуетъ; самъ онъ тутъ не живетъ, а «набѣгаетъ»... по временамъ. Въ 1866 году, когда я занимался изслѣдованіями залежей фосфорита въ Брянскомъ уѣздѣ, фосфоритомъ *мостили шоссе* отъ станціи Угость до г. Брянска. Фосфоритъ добывался по близости отъ шоссе во многихъ мѣстахъ *сотнями кубовъ.* Въ городѣ Брянскѣ тогда улицы мостили фосфоритомъ. Въ самомъ городѣ фосфоритъ *собирали* въ *оврагахъ,* вымытый весенними и дождевыми водами изъ стѣнъ овраговъ. Въ Брянскѣ фосфоритъ *въ круглянкахъ 2-хъ сортовъ,* твердый и *совершенно мягкій* (въ сыромъ состояніи точно глина).

Подобно глинистымъ, песчанымъ, известковымъ, есть и фосфоритныя почвы (съ 2—3% $Ph.^2O^5$). См. мою послѣднюю статью въ «Земл. Газ.».

«Теперь въ Брянскѣ на желѣзномъ заводѣ, кажется, получается томасовъ шлакъ, изъ котораго можно дѣлать томасову фосфоритную муку, которую и *нѣмцы признаютъ*.

«Удобныя для добычи залежи находятся близь д. *Чайковичи*, с. *Дарковичи*, *Дубровка*, *Соколово* (здѣсь были добыты для шоссе огромныя количества фосфорита), *Липово*. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ фосфоритъ залегаетъ въ пескѣ *не глубоко отъ поверхности*, добывался открытой разработкой.

«Мальцевскія шоссе отъ Любахны къ Дятькову и другимъ заводамъ тоже мостились фосфоритомъ, который добывался изъ разныхъ мѣстъ: близь *Любахны*, *Боровики*, *Ивотъ*, *Вороново*, *Козинки*, *Яблонь*.

«Вообще здѣсь, въ долинахъ р. Десны, Габви, Болвы, множество залежей фосфоритовъ, лежащихъ въ самыхъ удобныхъ для добыванія условіяхъ.

«Массы ихъ были добыты для шоссе, но, разумѣется, еще осталось множество. Вы сдѣлали экскурсію съ С. Н. Никитинымъ. Вѣроятно были въ д. Хорошовѣ на р. Москвѣ, недалеко отъ города. Аммониты, которые тутъ попадаются, всѣ состоятъ изъ фосфорита. Тутъ же песчаные сростки фосфоритные. Раковистый песчаникъ тоже пропитанъ фосфоритомъ. Если хорошевскія залежи богаты и удобны, то хорошо бы тутъ заводъ устроить, Что это вамъ вздумалось устроивать заводъ въ Костромской губерніи—тамъ Куломзинъ есть, да и далеко. Тоже и въ нижегородской далеко. Главное требованіе будетъ, увидите, въ наши западныя губерніи. Подумайте, нельзя ли воспользоваться шоссе (остающимся теперь безъ употребленія), которое вымощено фосфоритомъ отъ станціи Угость до Брянска.

«Чрезвычайно интересны совершенно мягкіе фосфориты въ Брянскѣ. Въ сыромъ состояніи мягки какъ глина, при высыханіи растрескиваются. Молоть можно на самой обыкновенной мельницѣ. Обратите также вниманіе на томасовскіе шлаки, которые, кажется, получаются на брянскихъ желѣзныхъ заводахъ. Мнѣ кажется, что, устроивъ здѣсь контору и складъ, вы могли бы получать фосфоритную муку съ *простыхъ мельницъ* и, проанализировавъ, уровнявъ, отпускать отъ себя, подъ своимъ клеймомъ, какъ это дѣлалось сначала во Франціи. По крайней мѣрѣ не было бы фальсификацій.

«Долину десны я считаю очень важнымъ пунктомъ, хотя фосфоритъ здѣсь не высокопроцентный: 15%, 20%. Зато близко къ мѣстамъ сбыта. Въ Калужской губерніи, въ уѣздахъ смежныхъ съ брянскимъ, тоже есть фосфориты».

Въ мартѣ 1892 года онъ пишетъ по тому же вопросу Анзимірову:

«Получилъ недавно вашъ новый прейсъ-курантъ. По моему, изъ рязанскихъ глауконитовыхъ фосфоритовъ трудно, почти невозможно, невыгодно, готовить 25%-фосфоритную муку. Повидимому удобнѣе всего готовить 10% и 15—18%. Нѣтъ никакой надобности готовить такую массу различныхъ по % содержанію фосфоритныхъ мукъ. Достаточно было бы установить *два сорта* глауконитовой муки *съ опредѣленнымъ*, въ извѣстныхъ предѣлахъ, % $Ph.^2O^5$ и опредѣленною цѣною. Зачѣмъ эта лѣстница различныхъ мукъ отъ 15 до 25%? Да и есть ли глауконитовая фосфоритная мука въ 25% Ph^2O^5? Вотъ, напримѣръ, въ «Самопомощи» въ Ригѣ одинъ сортъ томасовой муки, одинъ сортъ каинита; у Кузомзина одинъ сортъ. Просто и удобно. У насъ это еще тѣмъ важнѣе, что большинство хозяевъ ничего не знаетъ; какая тамъ фосфорная кислота, какой тамъ процентъ? А нужно, чтобы и «мужикъ» взялся за фосфоритную муку, и «попъ». А имъ что̀ нужно? Сколько муки на десятину? Гдѣ купить? Почемъ? Приходится рекомендовать куломзинскую муку. Ибо тутъ прямой отвѣтъ: 24 пуда на десятину, 30 коп. за пудъ безъ доставки, 10 коп. доставка, 9 руб. 60 к. удобрить десятину. Будь у васъ одинъ сортъ муки, съ гарантированнымъ % Ph^2O^5 (положимъ, 15%), было бы просто, а то извольте объяснить, что муки 15% нужно 40 пуд., 20%—30 пуд. Ваше товарищество фосфорита, судя по объявленіямъ, считаетъ хозяевъ гораздо болѣе свѣдущими, чѣмъ это есть. Большая ошибка. «Готовлю такую-то муку, съ такимъ-то % Ph^2O^5»—и больше ничего. «Столько-то пудовъ на десятину», «такая-то цѣна»—это было бы лучше, придало бы солидность дѣлу, упрочило бы фирму. И потомъ: зачѣмъ эти суперфосфаты, костяныя муки, осажденные фосфаты и проч. и проч.? Думаю, что все это товариществу въ *убытокъ*. Вотъ Мясоѣдовъ... (беретъ) себѣ по 25 коп. за пудъ (если кто поторгуется, онъ и уступку сдѣлаетъ) и самъ не знаетъ, какіе у него %.

Товарищество должно представлять упорядоченнаго Мясоѣдова и больше ничего. Теперь вы, судя по объявленію, готовите муку изъ юрскихъ фосфоритовъ. Гдѣ добываете? Гдѣ заводъ?»

Отношенія Энгельгардта къ рязанскому «товариществу» продолжались до тѣхъ поръ, пока оно не стало прочно на ноги. Фосфоритчики говорятъ, что Энгельгардтъ далъ имъ хлѣбъ и память о немъ будетъ долго жить среди нихъ.

Въ 1889 г. (отъ 23 сентября) онъ писалъ о нихъ проф. Костычеву:

«Въ нынѣшнемъ году я употребилъ вагонъ рязанской фосфорно-глауконитовой муки, выписанной мной отъ Анзимірова. При разсыпкѣ муки, я бралъ пробы изъ каждаго мѣшка и составилъ среднюю пробу, которую переслалъ съ Ферхминымъ П. А. Лачинову и просилъ его опредѣлить фосф. кислоту и если можно, — кали. Павелъ Александровичъ обѣщалъ сдѣлать. Мнѣ именно важно знать % фосф. кислоты въ этой средней пробѣ употребленной мною муки.

Въ прошломъ году я тоже прислалъ вамъ образчикъ Анзиміровской рязанской муки, но то былъ образчикъ, присланный самимъ заводчикомъ. Нынѣ же посланная Лачинову проба есть то, что въ среднемъ высылаетъ заводъ. Очень мнѣ интересно знать % PH_2O_5 въ этой пробѣ.

Въ 1891 г. 1-го декабря онъ пишетъ Костычеву по тому же предмету:

Нынѣче я сдѣлалъ много опытовъ съ рязанскимъ фосфоритно-глауконитовымъ пескомъ (краткое сообщеніе я сдѣлалъ въ № 47 Земл. газ.), который содержитъ 10% фосфорной кислоты и отъ 3 до 4% кали и продается Рязанскимъ товариществомъ по 9 копѣекъ пудъ. Теперь еще трудно опредѣлить съ точностью, но повидимому на рожь фосфоритно-глауконитовый песокъ дѣйствуетъ такъ же, какъ смѣсь куломзинской муки съ каинитомъ, которая въ свою очередь дѣйствуетъ лучше, чѣмъ одна куломзинская мука. Наконецъ, въ случаѣ чего есть еще средство: можно обрабатывать фосф.—глауконитовый песокъ сѣрной кислотой. Будетъ получаться смѣсь суперфосфата съ сѣрнокислымъ кали. Вообще, надѣюсь на глауконитъ. Такая чудесная комбинація эти рязанскіе (распространены и въ другихъ мѣстахъ) фосфоритно-глауконитовые песчаники и пески.

Въ 1892 г. Энгельгардтъ вдругъ рѣзко измѣняетъ свое мнѣніе о рязанскомъ зеленомъ песчаникѣ и 13 ноября 1892 г. пишетъ проф. Костычеву слѣдующее:

«Спасибо вамъ за анализъ фосфорита. 9,72% PO^5—такъ и должно быть. Это рязанскій зеленый песчаникъ, такъ сильно рекламируемый «Товариществомъ добычи и обработки фосфоритовъ», продаютъ 4 коп. и 9 коп. за пудъ. Вы когда-то дѣлали анализъ приготовленной мною муки изъ подобнаго песчаника и нашли тогда 9,9% PO^5. У меня онъ оказалъ теперь очень плохое дѣйствіе. Куломзинская мука оказала превосходное дѣйствіе (лучше Томасовой костяной), уступила только суперфосфату, да и то всего на 2 пуда зерна на десятину. Съ одной казенной десятины, удобренной куломзинской мукой, получено 143 пуда ржи, на *55 пуд.* болѣе, чѣмъ съ неудобренной, хотя и неудобренная дала хорошо—*88 пуд.* За оплатой удобренія куломзинская мука дала съ десятины *28 руб. 65 коп.* барыша. Тукъ же «Товарищества» изъ рязанскаго зеленаго песчаника далъ съ казенной десятины 101 п. ржи, всего *на 13 пуд.* болѣе противъ неудобренной. Прибавка урожая не окупила удобренія и съ десятины получилось 6 руб. 96 коп. убытку. Вотъ и дешевый тукъ. Куломзинская мука въ Кинешмѣ стоитъ $27^1/_2$ коп. пудъ, а рязанская въ Рязани—9 коп. пудъ и перевозка. Я думалъ, что въ тукѣ мало PHO_5—нѣтъ: вы нашли 9,7% и «Товарищество» гарантируетъ 10%. Я разсыпалъ на десятину 80 пуд., слѣд. 7 пуд. 30 ф. PhO_5—количество предостаточное. Очевидно, что размолъ дурной, да и не знаю прокаливаютъ-ли. Вообще «Товарищество» пустилось въ рекламу. Особенно рекомендуетъ свои дешевые туки. Теперь Товарищество все печатаетъ объявленія о продажѣ *немолотаго* сыраго песку (по 4 к. пудъ) съ 10% PHO_5. Многіе бросятся на *дешевизну*, накупятъ песку и ничего не получится. Тогда станутъ говорить: «пустяки этотъ фосфоритъ». Да и дешевизны-то нѣтъ. Куломзинская мука содержитъ до 27% PHO_5, продается 27 коп. пудъ, 1 коп. за %, а рязанскій молотый песокъ съ 9,72% PHO_5 продается 9 к. за пудъ—та же 1 коп. за %, да еще въ грубой формѣ. Да и перевозка дороже, потому что везется много балласту съ низкопробной мукой. Редакторамъ «Сельск. Хоз.» газетъ нужно бы на это обратить вниманіе.

Отрицательный приговоръ Энгельгардта о рязанскомъ зеленомъ песчаникѣ вызвалъ возраженіе со стороны В. А. Анзимірова (основателя «Рязанскаго Товарищества»), который на секціи IX съѣзда естествоиспытателей говоритъ: «Въ опытахъ съ глауконитовымъ пескомъ А. Н. Энгельгардтъ сравнивалъ грубый, необработанный зеленый песокъ съ растворимымъ въ водѣ каинитомъ и каинитъ—съ фосфоритной мукой тонкаго помола. Какъ и слѣдовало ожидать, опытъ былъ въ пользу каинита и неравныя условія конкурснаго испытанія сказались и на урожаяхъ». Весьма возможно, что живя въ деревнѣ и торопясь съ опытами, Энгельгардтъ торопился съ выводами по данному вопросу, но тѣмъ не менѣе всѣ его работы должны быть по возможности опубликованы.

IX.

1890 г. Неудовлетворенность и стремленіе упрочить плоды своей дѣятельности.

Одновременно съ этимъ Энгельгардтъ задумалъ выхлопотать себѣ болѣе прочное мѣсто, чѣмъ работать въ своемъ частномъ имѣніи, гдѣ такіе интересные опыты, какъ съ мѣломъ и известью, задерживались недостаткомъ средствъ и т. д. Онъ пишетъ отъ 27 сентября 1890 года Костычеву: «Сдѣлалъ опытъ съ мѣломъ и известью. Почву выбралъ *распреподзолистую*, истощенную (относительно минеральнаго состава, т.-е. Ph^2O^5), но пробывшую 12 лѣтъ подъ травой, слѣдовательно достаточно азотированную.

«*Ни мѣлъ, ни известь* никакого дѣйствія *не оказали*. Фосфоритъ же оказалъ *громадное дѣйствіе*.

«Ни мѣлъ, ни известь, употребленные совмѣстно съ фосфоритомъ, не усилили дѣйствія фосфорита.

«Ясно: почва не содержитъ усвояемой фосфорной кислоты (фосфоритъ дѣйствуетъ), хотя, конечно, содержитъ достаточно Ph^2O^5, какъ почва № 1 (1-й присылки). Мѣлъ и известь *не могутъ перевести* ту *неусвояемую фосфорную кислоту*, которая находится въ почвѣ, въ *усвояемую*.

«Кали и азота въ почвѣ достаточно (фосфоритъ дѣйствуетъ).

«Все это ясно и отчетливо видно на опытныхъ десятинахъ.

«Наши подзолистыя почвы нужно *прежде фосфоритовать*, а потомъ уже известковать, удобряя въ то же время навозомъ. Фосфоритовать же и *выгодно*, потому что отъ фосфоритной муки сильно *увеличивается урожай ржи*, которая тотчасъ окупаетъ фосфоритную муку. На известь же и мѣлъ (прибавка которой въ почву *безъ сомнѣнія* полезною окажется въ будущемъ) приходится только тратить деньги безъ надежды *тотчасъ* вернуть ихъ. Думаю, что мѣлъ (мергель) и известь должны оказать хорошее дѣйствіе на *старопахатныя* земли, изстари удобрявшіяся навозомъ при трехпольномъ сѣвооборотѣ, а также и на новыя земли, *послѣ того* какъ онѣ будутъ *нафосфоричены*. Все это требуетъ опытовъ и опытовъ, но у меня на это нѣтъ средствъ. Дѣлалъ и дѣлаю, что могу, но развернуться широко нельзя—главное, нѣтъ лабораторіи (за зиму что бы надѣлалъ!), нѣтъ помощниковъ.

«Пришло мнѣ въ голову слѣдующее: въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ есть казенныя фермы, которыя *должны служить примѣромъ правильнаго веденія хозяйства* для данной мѣстности; на фермахъ есть управляющіе, фермы находятся при земледѣльческихъ училищахъ, гдѣ есть лабораторіи, библіотеки, ученики, спеціалисты преподаватели. Вотъ я и думаю предложить департаменту свои услуги въ качествѣ управляющаго казенной фермой. На одной изъ фермъ въ сѣверной Россіи разведу хозяйство; ученики земледѣльческихъ училищъ будутъ мнѣ помощниками; организую опыты. Отлично можетъ выйти.

«Что вы объ этомъ думаете? Осуществимъ ли такой планъ? Или, можетъ быть, департаменту ничего этого не нужно? Можетъ, это будетъ только лишнее безпокойство, которое нарушитъ обычное теченіе дѣлъ. Думаю пріѣхать въ Петербургъ попытать счастья. Стоитъ ли?»

Въ дополненіе къ предыдущему письму, онъ пишетъ отъ 11 октября:

«Я вовсе не желаю быть директоромъ земледѣльческаго училища. Я хотѣлъ бы получить болѣе скромную должность *управляющаго казенной фермой*, и если желалъ бы, чтобы ферма была при училищѣ, то потому, что училище дало бы мнѣ много вспомогательныхъ средствъ (библіотека, лабораторія, учителя и ученики), и я надѣюсь, что, ведя хо-

зяйство фермы, съумѣлъ бы заинтересовать учителей и учениковъ. Никто изъ нихъ у меня подъ началомъ не состоялъ бы, а съ рабочими фермы, мнѣ подчиненными, я съумѣлъ бы ладить. Вотъ при такой-то, мной управляемой казенной фермѣ, можно было бы устроить *опытную станцію*. И это было бы *дѣло прочное*, потому что здѣсь возможна преемственность.

«Совсѣмъ *не то* въ Батищевѣ (развѣ министерство купитъ у меня Батищево, превратитъ его въ образцовую ферму съ опытной станціей и сдѣлаетъ меня директоромъ— тогда другое дѣло), пока оно находится въ частномъ владѣніи. Это насчетъ прочности дѣла. Мнѣ кажется, что министерство скорѣе согласится на устройство опытной станціи при образцовой казенной фермѣ. Даже странно какъ-то, если оно устроитъ въ частномъ имѣніи. Но и съ другой стороны — положимъ, на лабораторію будетъ довольно 500 р. въ годъ. Но кромѣ этого нужно и многое другое. Нужно выстроить помѣщеніе для лабораторіи и для помощника, службы, сараи для инвентаря, склада и пр. Много нужно. А инвентарь, рабочіе? Землю (немного) я могу дать, но одной земли мало. А на казенной фермѣ все есть готовое—и скотъ, и инвентарь, и постройки. Хозяйство въ Батищевѣ я *долженъ вести* для полученія денегъ, «презрѣннаго металла», а это не такъ удобно совмѣщается съ опытами Что-нибудь да страдаетъ—либо хозяйство, либо опыты. Я въ этомъ *очень хорошо убѣдился*, производя разные опыты въ Батищевѣ. Еслибы я поменьше занимался опытами и велъ бы хозяйство для дохода только, то теперь курилъ бы сигары и имѣлъ бутылку вина за обѣдомъ. Это такъ. Я вижу это здѣсь *на другихъ хозяйствахъ*, которыя прямо *воспользовались* моими опытами. 20 лѣтъ моей хозяйственной дѣятельности прошли въ постоянной разработкѣ опытомъ разныхъ вопросовъ, важныхъ для хозяйства сѣверной Россіи. Я въ Батищевѣ дѣлалъ то, что́ должны дѣлать образцовыя казенныя фермы. Вотъ, что касается пенсіи, то это было бы разлюбезное дѣло. За мои труды по фосфоритному дѣлу (я его поставилъ на ноги) и по хозяйству вообще (выработка системы для сѣверныхъ хозяйствъ или по крайней мѣрѣ осмысленіе ея) не грѣхъ было бы департаменту выхлопотать мнѣ пожизненную правительствен-

ную пенсію. Если бы мнѣ дали профессорскую пенсію, 2,400 р. въ годъ, такъ я бы ничего лучшаго не желалъ и, надѣюсь, еще сдѣлалъ бы что-нибудь. Пожалуй, и сигаръ все-таки не сталъ бы курить, и безъ вина обошелся бы. Я теперь пишу для департамента отчетъ о фосфоритныхъ опытахъ. Представлю и думаю пріѣхать хлопотать о пенсіи. Помогите и вы. Боюсь только—пріѣдешь, потратишь деньги и останешься съ носомъ. Прошедшій разъ, какъ былъ въ Петербургѣ, провелъ березовую рощицу. Неужели же департаментъ такъ и не вознаградитъ меня за мои труды по производству хотя бы только фосфоритныхъ опытовъ по его предложенію—если не пенсіей, то единовременной денежной наградой. Это мнѣ просто *слѣдуетъ* какъ *плата за трудъ* по производству опытовъ для департамента. Кто же бы имъ даромъ и на свой счетъ разсыпалъ на 1,500 руб. фосфоритной муки? Развѣ, можетъ, мои опыты съ фосфоритной мукой находятъ *неудовлетворительными?* Это уже ваше дѣло, ученаго комитета, за меня постоять. Вотъ вы теперь Кавказомъ занялись и виноградными почвами, а наши сѣверныя оставите; а я надѣялся, что вы найдете способъ опредѣлять въ лабораторіи — есть ли въ почвѣ усвояемая фосфорная кислота, или нѣтъ, и нужно ли удобрять фосфоритной мукой. Мнѣ кажется, что *вы,* продолжая опыты съ сѣверными почвами *по вашему методу,* пришли бы къ тому, что *по образцу* почвы, въ *лабораторіи,* опредѣлили бы, будетъ ли дѣйствовать фосфоритная мука на данной почвѣ. Это навѣрно такъ. Но, можетъ быть, это и есть въ вашей статьѣ. Съ нетерпѣніемъ ее ожидаю.

«*Отчего ни мѣлъ (по вашему совѣту я разсыпалъ 220 пуд. мѣлу на хозяйственную десятину), ни известь не переводятъ имѣющуюся въ батищевскихъ почвахъ фосфорную кислоту въ усвояемое состояніе?* Не правда ли, интересенъ въ моей статьѣ (№№ 34—37 «Земледѣльческой Газеты») опытъ, гдѣ рожь шла *второй* разъ по фосфориту и воспользовалась тѣмъ, что̀ осталось отъ фосфоритной муки послѣ урожая ржи и льна? Посылаю вамъ отдѣльный оттискъ этой статьи. Обратите вниманіе на стр. 14-ю. Штриховка на чертежѣ выражаетъ наглядно урожайность (стр. 14). Что это за прелесть опытъ былъ въ натурѣ! Прямо шахматная доска. Ужасно я жалѣлъ, что вы не могли видѣть. Фосфоритное

дѣло идетъ. Въ Рославльскомъ уѣздѣ уже начинается фосфоритная горячка. Мясоѣдовъ не успѣваетъ готовить муку для удовлетворенія заказовъ. Мельникъ Нефедъ въ Сещѣ на простой мельницѣ за лѣто приготовилъ 12,000 пуд. муки. Другой мельникъ началъ готовить. *Появились жидки.* Обходится мука съ доставкой на станціи и мѣшкомъ 10 к. пудъ. Продаютъ 20 к. За одно лѣто мельникъ взялъ 1,200 руб., да мельница имѣла заработокъ! А если подсыпать *песочку да черной глинки!* Былъ у мени недавно крестьянинъ оттуда, орудующій фосфоритнымъ дѣломъ—приглашалъ меня къ себѣ. Интересны его разсужденія: «Это только вы, говоритъ, посылаете дѣлать анализы, а другіе хозяева сыплютъ, что̀ имъ ни пришлешь. Намъ бы только имя ваше» (т.-е. мое имя).

Отъ 22 октября 1890 г. онъ пишетъ Костычеву:

«Благодарю васъ за присланную статью «Образованіе и свойства перегноя». Прочиталъ статью съ большимъ интересомъ и вниманіемъ. Резюмировать можно такъ: при разложеніи органическихъ растительныхъ веществъ азотъ не выдѣляется, а концентрируется въ образующемся перегноѣ. Въ образовавшемся перегноѣ азотъ находится въ видѣ бѣлковыхъ веществъ, входящихъ въ составъ живыхъ (или способныхъ ожить) микроорганизмовъ. Такъ сказать, азотъ въ перегноѣ весь *живой*, а мертваго нѣтъ или мало. Такъ я понялъ? Понятно, что я съ величайшимъ интересомъ жду вашей статьи и прочитаю ее съ достаточнымъ вниманіемъ.

«Теперь естественно у меня рождается вопросъ: *когда* же разлагающееся вещество *начнетъ* разлагаться такъ, что будетъ выдѣляться азотъ въ видѣ амміака, селитры, т.-е. когда перегной станетъ, разлагаясь, *давать основные азотистые элементы*, служащіе для питанія высшихъ растеній? Объясните мнѣ это.

«Статья ваша у Баталина, конечно, выйдетъ не скоро, и я вѣроятно къ тому времени буду уже въ Петербургѣ. Закажите вы отдѣльные оттиски. «Журналъ С. Х. и Лѣс.» въ ученомъ мірѣ не въ ходу и мало читается. Вамъ бы слѣдовало научныя части статей печатать въ ученыхъ журналахъ. Напр., ваше изслѣдованіе моихъ почвъ и вся эта работа навѣрно неизвѣстна многимъ химикамъ. Я знаю это относительно своихъ статей въ «Журналѣ С. Х. и Лѣс.».

Многое, что тамъ было напечатано, неизвѣстно было геологамъ,—напр., то, что губки (ваши анализы) мѣловыя состоятъ изъ фосфоритной массы,—что хоротовскіе (подлѣ Москвы) аммониты и сростки (анализы Малышева) состоятъ изъ фосфоритной массы и пр. и пр.

«Что красня земля, подъ вліяніемъ просачивающихся водъ, содержащихъ разлагающіяся вещества, превращается въ сѣрую — это понятно. Понимаю, что просачивающіяся воды, лѣсная покрышка и пр. должны измѣнять почвы. Запущена полевая земля, заросла березнякомъ, на мѣстѣ поля березовая роща. Поднимите лѣсную покрышку—почва *бѣлая*, не такая, какъ на рядомъ лежащей незаросшей полевой десятинѣ. Все это можно отлично видѣть въ Батищевѣ, гдѣ я могу указать (и планы есть) десятины, запущенныя 50 лѣтъ и теперь заросшія березнякомъ, — гдѣ, значитъ, опытъ, который вы дѣлаете, продолжался 50 лѣтъ. Я только говорю то, что между подзоломъ низинъ (бѣлый, лучнистый, не пропускающій воды) и краснымъ суглинкомъ горбышей есть разница въ механическомъ составѣ, которую укажетъ механическій анализъ. Понятно, что тонкія частицы должны смываться въ низины. Это и теперь можно видѣть послѣ каждаго дождя. Что̀ вы называете калоидальными частицами почвы? Любопытно, что̀ вы объясните насчетъ лядъ. *Тутъ много интереснаго.* Напр., отчего на лядѣ, выжженномъ по сыросѣчищу, хлѣбъ не удается. Вы знаете статьи (кажется, Щекатова) о лядахъ на сѣверѣ въ «Журналѣ С. Х. и Л.»? Очень интересны. Я твердо рѣшился выбраться изъ Батищева. Хозяйство будетъ идти и безъ меня, да и мало интереса оно теперь для меня представляетъ. Предполагаю въ ноябрѣ быть въ Петербургѣ».

Отъ 2 ноября 1890 г. онъ пишетъ Костычеву:

«Не могу воздержаться, чтобы не написать вамъ по поводу вашего послѣдняго письма. Вотъ такъ штуку вы придумали! Это, я вамъ скажу, штука! Растительное вещество разлагается безъ выдѣленія *азота* (и превращается въ перегной) до тѣхъ поръ, пока содержаніе азота въ этомъ перегнѣ не станетъ равно содержанію азота въ грибахъ. Съ *этого момента* начинается разложеніе съ выдѣленіемъ азота (въ видѣ амміака, азотной кислоты и пр.). Въ тотъ моментъ, когда перегной имѣетъ составъ грибовъ, азотъ въ

перегноѣ находится въ видѣ бѣлковъ. *Значитъ, въ этотъ моментъ перегной состоитъ изъ грибовъ.* Такъ я понялъ? Вѣдь это штука! Но развѣ изслѣдованіе перегноя подъ микроскопомъ не можетъ показать, что онъ состоитъ изъ грибовъ?

«Выходитъ, что перегной есть *живое существо, скопленіе грибовъ, нѣчто въ родѣ прессованныхъ,* такъ называемыхъ сухихъ, *дрожжей.* Такъ я понялъ? Значитъ, *перегной* можно ѣсть. Можно было бы питаться имъ (въ посты), еслибы онъ не былъ *ядовитъ.* Къ сожалѣнію, перегной ядовитъ. Бабы, въ деревнѣ, если больное дитя, которое видно, что умретъ, долго мучается, долго не умираетъ, для того, чтобы оно *скорѣе умерло, не мучилось, поятъ его землицей:* разводятъ въ водѣ огородную землю и даютъ испить ребенку, чтобы поскорѣе кончился. Понятно, почему личинки насѣкомыхъ питаются перегноемъ, да еще какія толстыя бываютъ! Постная пища подъемна. Грибы вовсе не плохая пища. Въ 50-хъ годахъ, помнится мнѣ, какой-то нашъ ученый привезъ откуда-то глину, которую ѣдятъ какіе-то народы. А, можетъ, въ этой глинѣ какіе-нибудь грибы, годные для питанія человѣка? Въ голодные годы прибавляли перегнившую *дубовую* колоду къ мукѣ, и это вмѣсто мякины. Это будетъ въ родѣ пирога съ *грибами.* Вы только не вздумайте прибавлять: «держи языкъ за зубами». *Я не смѣюсь,* а говорю серьезно: *перегной — это нѣчто въ родѣ прессованныхъ дрожжей,* если я васъ вѣрно понялъ.

«И какъ все это просто тогда! Вотъ ужъ именно: «ларчикъ просто открывался». Понятно, что уловить моментъ, когда перегной состоитъ изъ однихъ грибковъ, трудно, но не невозможно. Еще вотъ что. Когда грибы дышатъ на счетъ безазотистыхъ веществъ, то не образуется ли *еще чего,* кромѣ CO^2 (угольной кислоты)? Изъ сахара, напр., образуется спиртъ. Очевидно, должно образоваться что-нибудь летучее, иначе до состава грибовъ не дойдетъ. Какъ бы это какую-нибудь личинку кормить перегноемъ и собрать экскременты ея, выдѣляемые ею газы и пр., да все взвѣсить, проштудировать химически и подъ микроскопомъ, какъ дѣлали съ собакой. Понятно, что объяснятся многіе непонятные хозяйственные вопросы. Словомъ, чортъ знаетъ что!

«Надѣюсь скоро быть въ Питерѣ, и нынѣшній годъ хочу быть даже если ленъ не продамъ. У меня ленъ за 3 года лежитъ — 1.500 пуд. По цѣнамъ 1887 года по 3 р. 30 пудъ—уйма бы денегъ. Кто къ чему, а солдатъ къ солонинѣ: помните, я васъ возилъ въ 1887 за деревню Батищево и показывалъ вамъ тамъ мою пустошь съ пнями. Нынче тамъ было поле превосходной ржи.

X.

1890—91 гг. Энгельгардтъ въ С.-Петербургѣ.

Въ ноябрѣ 1890 г. Энгельгардту удалось пріѣхать въ Петербургъ. Отсюда онъ писалъ въ Батищево къ одному изъ своихъ учениковъ, А. Мертвагѣ: «Благодарю, что не забываете. Пишите почаще. Здѣсь на чужбинѣ очень пріятно получать письма съ родины. Я здоровъ, чувствую себя хорошо, и еслибы не ноги и одышка, былъ бы совсѣмъ молодцомъ. Сижу больше дома, въ своемъ «Пале-Роялѣ». Любуюсь на стѣны противоположнаго 6½-этажнаго дома, въ которомъ живетъ столько же людей, сколько въ Суткинской волости. Получить здѣсь мѣсто можно и даже по агрономической части. Не сейчасъ, конечно, но по времени, не упуская, конечно, случая. Но я рѣшилъ, что все это не по мнѣ, да и въ неволю идти не хочется. И въ Батищевѣ проживу. Поэтому объ мѣстахъ здѣсь не думаю. Теперь прежде всего хлопочу о вознагражденіи за старые труды. Такъ и говорилъ съ директоромъ департамента, которому представилъ «отчетъ» и особую «записку». Когда эта «синица» будетъ у меня въ рукахъ, тогда одѣнусь, подтянусь, возобновлю старыя знакомства—до сихъ поръ я ни у кого не былъ, даже у Бекетовыхъ,—и стану болѣе дѣятельно хлопотать объ устройствѣ станціи въ Батищевѣ или Буковѣ. Записку я уже подалъ, прошу, по совѣту Докучаева, 5,000 р. ежегодно. Можетъ быть, станція будетъ въ «Горкахъ». Это все равно. Петровская академія закрывается. Остаются деньги. Думаютъ устроить опытныя станціи для практическаго изученія агрономіи окончившими курсъ на естественномъ факультетѣ университета и пр. Предположеній много. Теперь все валятъ на Юнге; но зачѣмъ же было поручать Юнге управленіе флагманскимъ агрономическимъ кораблемъ? Ду-

мали, что онъ, какъ окулистъ, съумѣетъ «очки втереть». Ошиблись».

Что касается казеннаго мѣста, то Энгельгардтъ даетъ подтвержденіе, что Батищево съ его «опытами» не переставало его занимать. Онъ пишетъ 17 декабря 1890 г.:

«Такого служебнаго мѣста, которое требовало бы пребыванія лѣтомъ въ Петербургѣ, я не возьму. Но если представится такое мѣсто, что можно будетъ на 6 мѣсяцевъ уѣзжать въ деревню, то возьму. Встрѣтилъ здѣсь товарища Леонъ Ник. Шишкова, который, напримѣръ, имѣетъ такое мѣсто». Въ томъ же мѣсяцѣ онъ опять пишетъ: «Сижу и жду у моря погоды. Здѣсь дѣла не такъ-то скоро дѣлаются. Еще только черезъ 2 недѣли опредѣлится, получу ли я вознагражденіе за опыты примѣненія фосфоритовъ. Это будетъ первый шагъ. Затѣмъ—и только затѣмъ, когда это пройдетъ, здѣсь будетъ разговоръ о другомъ, болѣе прочномъ. Насчетъ опытнаго поля въ Батищевѣ, повидимому, не выгоритъ. Нѣтъ подходящаго прецедента и вообще по-чиновничьи это какъ-то не выходитъ. Думаютъ устроить какъ-то другое, какое-то мѣсто, съ подходящей обстановкой. Посмотримъ. Боюсь, что ничего не выйдетъ (тѣмъ болѣе, что я на такое мѣсто не пойду, съ котораго нельзя на 6 лѣтнихъ мѣсяцевъ уѣзжать въ Батищево)—будутъ за носъ водить, какъ прошлый разъ съ мѣстомъ агронома. Не умѣю я какъ-то все это устроивать и потому можетъ ничего не выйти. Впрочемъ, «ничего». Я рѣшилъ жить здѣсь, пока хватитъ денегъ, а въ мартѣ возвращусь въ Батищево, даже если мѣсто устроится. Вотъ В.—тотъ, кажется, умѣетъ устроиваться: задолжалъ по школѣ и по молочнымъ дѣламъ на 45 тысячъ. И ему рѣшили (министерство финансовъ) дать 45 тысячъ для уплаты долговъ. Да ранѣе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, простили 70 т. долга казнѣ. Въ департаментѣ теперь реакція. Время широкихъ задачъ и увлеченій прошло. Насчетъ свиноводства, скотоводства, опіеводства, мятоводства—дѣлъ нѣтъ. Торфяно-фекальные туки, суперфосфаты, фосфориты тоже прошли. Время переходное. Былъ на агрономическомъ обѣдѣ. Много говорили и недурно говорили. Учрежденіе, т. е. обѣды, полезное. Обѣдаютъ вмѣстѣ, знакомятся. Прервалъ письмо В., который сейчасъ зашелъ ко мнѣ. Вѣрно! Уплатили 45,000 его долговъ; такъ прямо и выдали ему

45 т. Онъ говоритъ, что всегда такъ дѣйствуетъ. Посылаетъ молодыхъ людей изучать дѣло, тратитъ деньги, занимаетъ для этого, а потомъ эти долги и заплатятъ. Отлично устроился. Почвенныя изслѣдованія и фосфоритное дѣло имѣютъ очень много противниковъ, во главѣ которыхъ стоитъ Валеріанъ Черняевъ. Онъ до сихъ поръ на обѣдахъ и т. п. все подшучивалъ надъ фосфоритомъ, надъ почвенными изслѣдованіями *Ферхмина, Докучаева* и др. Теперь нѣсколько притихъ съ тѣхъ поръ, какъ въ одной компаніи я сказалъ, что Ч. старается набросить тѣнь на научныя изслѣдованія Докучаева и др. шутовствомъ, и я скажу это ему въ глаза. Конечно, это передали Ч., и вчера у Баталина онъ уже не шутилъ, а спорилъ очень горячо. Я сдѣлалъ сообщеніе въ почвенной коммиссіи о значеніи почвенныхъ изслѣдованій для сельскаго хозяйства и отпечаталъ сообщеніе отдѣльной брошюрой въ 500 экземплярахъ. Это, разумѣется, не по нутру противу-почвенникамъ. Вчера Ч. даже не выдержалъ и сказалъ: «вотъ теперь передъ обсужденіемъ вопроса объ учрежденіи почвеннаго комитета всѣмъ разсылаютъ эту брошюру». А я отвѣтилъ: конечно, разсылаютъ, а вы возражайте. Дѣло просто. Департаментомъ изданы почвенныя карты Чаславскаго (значитъ же, онѣ считались нужными). Но эти карты устарѣли, какъ устарѣла, напримѣръ, географическая карта (чертежъ русской земли), которую (помните, у Пушкина, въ «Борисѣ Годуновѣ») разсматривалъ сынъ Годунова. Устарѣвшія карты нужно замѣнить новыми, а для этого нужно произвести всюду почвенныя изслѣдованія. Ясно и просто».

Въ 1891, января 12-го, Энгельгардтъ пишетъ: «Директоръ департамента приказалъ не печатать представленный мною «Отчетъ объ опытахъ примѣненія фосфорита» въ «Журналѣ Сельск. Хоз. и Лѣс.», а отдѣльной брошюрой въ количествѣ 3.500 экземпляровъ для разсылки корреспондентамъ департамента. Мин. гос. им. хочетъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на награжденіе меня, но предварительно сдѣланъ запросъ въ мин. внутр. дѣлъ относительно меня. Если это все выйдетъ благопріятно, то есть надежда, что мнѣ дадутъ средства на опыты. Директоръ департамента просилъ меня сумму въ 5.000 р. расчленить, чтобы можно было отнести на разныя статьи смѣты. Я расчленяю 5.000

такъ: 2.500 р. вознагражденія мнѣ, какъ руководителю работъ; 1.000 рублей на содержаніе помощника и анализы; 1.500 рублей на покупку удобреній, сѣмянъ и расходы по опытамъ».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ имѣется другое:

«Сегодня,—пишетъ Энгельгардтъ,—я получилъ извѣщеніи о томъ, что разрѣшено выдать мнѣ въ вознагражденіе за труды по разработкѣ вопроса о примѣненіи фосфоритовъ пять тысячъ рублей, а не какъ награду, а потому объ этомъ не публикуется ни въ «Правит. Вѣстн.», ни въ «Земледѣльческой Газетѣ», и не заносится въ формуляръ. Эти 5.000 р. выданы мнѣ въ вознагражденіе именно за труды по производству опытовъ съ фосфоритами изъ остаточныхъ за 1890 г. суммъ, назначенныхъ по смѣтѣ департамента на поощреніе нѣкоторыхъ отраслей хозяйства. Въ газеты извѣстіе о назначеніи мнѣ 5.000 р. проникло какъ слухъ. Департаментъ объ этомъ помалчиваетъ (а вдругъ всѣ эти фосфориты пустяки!). Пожалуй, «Гражданинъ» или Масленниковъ еще проберутъ. Какъ только получу эти 5.000 р., куплю себѣ шубу, шапку, сюртучную пару, 6 рубашекъ, 12 кальсонъ, 12 платковъ и пр., и пр. Придется, вѣроятно, шить и фракъ, если нельзя будетъ взять напрокатъ, потому что нужно будетъ ѣхать благодарить министра. Вотъ какія дѣла вышли! Теперь буду хлопотать объ устройствѣ опытной станціи въ Батищевѣ съ назначеніемъ мнѣ 5.000 р. въ годъ на опыты. Если даже это не удастся, то все-таки хорошо, что я съѣздилъ въ Петербургъ: 5.000 р.—деньги и если изъ нихъ останется за расходами 4.000 р., то это 200 р. % въ годъ. Мнѣ на табакъ и хватитъ».

Затѣмъ, говоря объ ежегодныхъ 5.000 р. на опыты, онъ замѣчаетъ, что эта цифра очень небольшая и за такую сумму департаментъ не можетъ организовать опыты на своей фермѣ уже потому, что человѣка не найдетъ съ знаніями и практическою опытностью, да и человѣку этому еще много нужно потратить времени, чтобы узнать почвы фермы, хозяйственныя условія и пр. Мнѣ же почвы въ Батищевѣ хорошо извѣстны. Я уже составилъ общую программу опытовъ, и она передана въ ученый комитетъ. Надняхъ буду представляться министру, жду только фрака. Но все это идетъ тихо и придется еще посидѣть въ Пе-

тербургѣ, да и къ марту, можетъ, ничего не кончишь. А важно было бы, если бы удалось. Известь мнѣ хотѣлось бы хорошенько пробрать».

Вскорѣ онъ пишетъ:

«Однако и вы соскучились безъ меня и ждете моего пріѣзда. Вотъ то-то оно и есть: что̀ имѣемъ не хранимъ, а потерявши плачемъ. Вѣдь я опять буду говорить рѣзкости и пр. Я тоже соскучился въ Петербургѣ и очень хочу поскорѣе вернуться въ Батищево. Задерживаетъ меня начатое дѣло. Уѣду я, и ничего не будетъ. При мнѣ же, можетъ быть, что-нибудь и вытанцуется. Въ субботу 16 февраля въ ученомъ комитетѣ минист. госуд. имущ. будетъ обсуждаться вопросъ о предоставленіи мнѣ средствъ для производства въ Батищевѣ опытовъ съ минеральными туками. Посмотримъ, что̀ скажетъ комитетъ. Но и тогда еще, если даже комитетъ одобритъ, дѣло будетъ долго ходить, и чтобы оно ходило, нужно все-таки его подталкивать. Очень бы хотѣлось поскорѣе вернуться въ Батищево. Усталъ я, скучаю, надоѣло все и нездоровится что-то, а бросить жалко: все дѣло на ходу, и если состоится, то всѣмъ будетъ хорошо... Усталъ я — вотъ что. Покоя хочется. Даже такого большого дѣла, какъ опыты, побаиваюсь и разсчитываю на помощниковъ».

Наконецъ, 10 апрѣля 1891 года Энгельгардтъ торопится сообщить о томъ, что онъ только-что вернулся съ обѣда, который почвенники давали Б. и Энгельгардту.

«Рѣчамъ и тостамъ, — пишетъ онъ, — не было конца. Я сегодня особенно былъ въ ударѣ, потому что утромъ мое дѣло кончилось, и я получилъ изъ департамента талонъ къ ассигновкѣ на 1.500 р. Теперь я въ теченіе 5 лѣтъ (Высочайше утверждено) буду получать по 3.000 р.: 1.500 вознагражденія и 1.500 р. на расходы по опытамъ. Получилъ талонъ на послѣднюю сумму на нынѣшній годъ. Опыты произвожу по собственному усмотрѣнію и своей программѣ. Это, кажется, небывалый примѣръ. Сегодня отправилъ часть вещей малою скоростью. Выѣзжаю 14 апрѣля и, слѣдовательно, 16-го рано утромъ буду въ Дуровѣ».

Такимъ образомъ, Энгельгардъ почти полгода прожилъ въ Петербургѣ и, наконецъ, добился правительственнаго уча-

стія въ опытахъ съ минеральнымъ удобреніемъ почвъ, о которыхъ впослѣдствіи онъ писалъ А. С. Ермолову.

«Въ высшей степени интересные результаты дали опыты удобренія клевера каинитомъ, золой, гипсомъ и пр. Гипсъ даетъ такіе же результаты, какъ и каинитъ, *только въ томъ случаѣ*, когда почва была предварительно хорошо удобряема подъ хлѣба навозомъ и, слѣдовательно, богата калійными солями. Но если, напримѣръ, десятина, хорошо удобрявшаяся навозомъ подъ хлѣба, пробыла 6 лѣтъ подъ клеверомъ, была подъ льномъ и рожью безъ навоза съ однимъ фосфоритнымъ удобреніемъ, то при посѣвѣ по ржи клевера *онъ выходитъ плохъ*. При удобреніи же каинитомъ и гипсомъ клеверъ выходитъ хорошъ, но каинитъ производитъ гораздо большее увеличеніе урожая, чѣмъ гипсъ. Отава же послѣ гипса идетъ значительно хуже, чѣмъ послѣ каинита. На старыхъ лядахъ каинитъ тоже дѣйствуетъ лучше, чѣмъ гипсъ, на пустошахъ—тоже. Посредствомъ каинита обыкновенный пустошный лугъ можно превратить въ клеверный. Подобно каиниту дѣйствуетъ смѣсь древесной золы съ гипсомъ.

«Весьма важный результатъ получился тоже относительно льна, посѣяннаго по клеверу, который въ прошломъ году былъ удобренъ каинитомъ. Ленъ вышелъ много лучше на удобренной каинитомъ части клевера, чѣмъ на неудобренной. Каинитное дѣло пойдетъ такъ же, какъ и фосфоритное, если только не помѣшаетъ *лѣсоохранительный законъ*, который у насъ введенъ съ нынѣшняго года. Теперь у насъ хозяинъ—лѣсоохранительный комитетъ. Распахивать земли изъ-подъ лѣсовъ и *зарослей* нельзя. Все, что теперь подъ лѣсомъ и зарослью, *какого бы она ни была возраста*, должно оставаться подъ лѣсомъ *на вѣчныя времена*. Ляда жечь нельзя. Для облѣсенія требуютъ оставлять сѣмена деревьевъ. Способъ—*никуда негодный*, въ чемъ я давно уже убѣдился. Остается масса сучьевъ, въ которой заводится всякая нечисть, заростаетъ крупными травами. Вотъ-те и фосфоритъ! Вотъ-те и каинитъ! Не знаю, къ кому обратиться, чтобы разрѣшили другіе способы облѣсенія. О фосфоритной мукѣ лучше всего судить по тому, какъ она распространяется. Въ нынѣшнемъ году наши заводы не могли удовлетворить всѣмъ требованіямъ. На что уже мельница

Н. Михайлова—и на той въ іюлѣ уже нельзя было получить фосфоритной муки. Куда въ прошломъ году требовалось 60 пудовъ, нынѣче требуютъ вагонъ. Главное, *мужикъ тронулся*... Цѣлыми волостями складываются и выписываютъ фосфоритную муку. Это тоже, что клеверъ, который теперь быстро распространяется у крестьянъ. Нынѣшней весной деревенская лавочка распродала 100 пуд. клеверныхъ сѣмянъ крестьянамъ. Особенно бросились на клеверъ крестьяне, которые прикупили пустоши при содѣйствіи крестьянскаго банка. Пустошь расчищаютъ и распахиваютъ подъ хлѣбъ, а на надѣльной землѣ сѣютъ клеверъ. Это дѣло тоже пойдетъ сильно въ ходъ, если не воспрепятствуетъ нашъ главный хозяинъ—лѣсоохранительный комитетъ. Превосходное дѣйствіе оказала фосфоритная мука на огородныя растенія—брюкву, капусту, рѣпу, огурцы, бобы и проч. Наученный опытами, я, не будь глупъ, не сталъ пробовать на старомъ, сильно унаваживаемомъ каждогодно огородѣ, но распахалъ пустырь и безъ навоза раздѣлалъ и устроилъ равной величины гряды, на которыхъ садилъ, удобряя подъ каждое растеніе. Результаты поразительные. Напримѣръ, капуста—безъ удобренія—совершенно тщедушная, безъ кочновъ; съ куломзинскимъ удобреніемъ — капуста прекрасная, съ кочнами до 12 ф. вѣсомъ. Тоже съ брюквой, рѣпой, свеклой, морковью, огурцами, лукомъ, бобами, горошкомъ и пр. Такъ дѣйствуетъ куломзинская мука. Съ *каинитомъ* же *все пропало*: молодыя растенія не выносятъ удобренія каинитомъ и смѣсью каинита съ фосфоритной мукой. Тогда мы перебили грядки такъ, чтобы каинитъ смѣшался съ землею получше и послѣ дождей, когда каинитъ, лучше сказать NaCl (хлористый натръ), проникъ глубже, опять посадили растенія—пошло хорошо. Особенно хорошо подѣйствовала смѣсь каинита съ фосфоритной мукой. Результатъ важный для закладки огородовъ на новыхъ мѣстахъ».

Иногда серьезной дѣятельности Энгельгардта мѣшали требуемыя отъ него формальности или просто невыполнимыя вещи, какъ, напр., сосчитать на «департаментскихъ поляхъ» растенія, смѣрить листья и т. д. По поводу этого Энгельгардтъ писалъ тому же А. С. Е.: «Зачѣмъ это требуютъ, чтобы я сосчитывалъ растенія на опытныхъ десятинахъ и измѣрялъ листья? Можетъ, есть машина такая? Я

не знаю. Что они хотятъ еще о почвахъ? Въ моемъ отчетѣ точно указанъ типъ почвы; сказано, что выбраны десятины съ одинаковой почвой; посланы образцы почвъ съ опытныхъ десятинъ; указанъ способъ ихъ выдѣлки для составленія средняго образца на десятинѣ (а знаютъ ли что эта за работа?—нужно опредѣлить, сколько на десятинѣ мѣстъ съ почвою болѣе подзолистою, сколько съ менѣе подзолистою, сколько нужно сдѣлать для этого ямокъ?); чего еще больше? Не присылать же при отчетѣ нивелировочные журналы, описанія сотенъ ямокъ, сдѣланныхъ для опредѣленія наслоеній почвы. Для этого нужно мнѣ канцелярію завести. Кто ввелъ фосфоритъ въ Россію? Я. Кто указалъ значеніе каинита? Я. Чего же молчали другіе до сихъ поръ? Отчего не примѣняли каинитъ на казенныхъ фермахъ? Мы знаемъ, какой клеверъ бываетъ на казенныхъ фермахъ! Вы же видѣли мой клеверъ. Вы видѣли, что дѣлаетъ у меня каинитъ. Нечего ко мнѣ придираться съ пустяками. Это неприлично».

XI.

1891—1893 г. Опыты съ минеральными удобреніями и департаментскіе чиновники.

По этому же вопросу онъ писалъ и проф. Костычеву, въ августѣ 1891 года.

«А моя звѣзда еще не померкла! Счастье мнѣ благопріятствуетъ! Опыты нынѣшняго года дали очень интересные результаты. Поразительно дѣйствіе фосфорита на рожь, но еще поразительнѣе дѣйствіе каинита на красный клеверъ. Стоитъ только на чахлую блѣдную отаву, послѣ скоса плохого клевера, бросить горсть каинита, чтобы на этомъ мѣстѣ черезъ мѣсяцъ появились роскошные темнозеленые кусты клевера. Откуда что берется! Я сѣю клеверъ съ тимоѳеевкой. На 4-й годъ посѣва (3-й годъ укоса) клеверъ бываетъ уже очень слабъ. Сѣно съ 3-го укоса у насъ не называется клевернымъ, а зовется тимоѳеевкой и идетъ для телокъ и старыхъ коровъ. Клевера въ немъ почти незамѣтно. По отавѣ послѣ 3-го укоса посыпалъ каинитомъ. Откуда что взялось? Клеверъ такъ и поперъ, такъ и поперъ. Точно не каинитъ сѣяли, а клеверъ! Густой, темнозеленый, съ сочными стеблями, зацвѣлъ и далъ еще хорошій

укосъ. Получилось 191 п. сѣна съ хоз. десятины! Крестьянамъ особенно это понравилось, болѣе, чѣмъ фосфоритъ. И на такой пустошной землѣ, гдѣ красный клеверъ не ростетъ, послѣ каинитованія клеверъ идетъ.

«Вы понимаете, какое это имѣетъ значеніе для насъ. Съ фосфоритомъ съ пустошныхъ земель получаются отличные хлѣба: рожь, овесъ, даже ячмень и *горохъ*, но для залуженія выпаханныхъ земель нельзя употреблять красный клеверъ—не идетъ. Даже на 1-й годъ укосъ плохой. Поэтому для залуженія я употреблялъ смѣсь изъ тимооеевки, шведскаго и бѣлаго клевера съ *небольшою* примѣсью краснаго. Хотѣлъ прибавлять Tr. medium agrarium, spadiceum, но сѣмянъ не досталъ. Обѣщали къ будущему году прислать изъ-за границы. Но теперь не нужно! Съ каинитомъ идетъ и красный клеверъ. Опыты свои я развелъ широко:

1) Сдѣлалъ подъ рожь опытъ на 6 хозяйственныхъ десятинахъ перелома безъ навоза удобренія: 1 дес. куломзинской муки, 1 дес. томасовской мукой, 1 дес. костяной мукой, 1 дес. суперфосфатъ, 1 дес. куломзинская мука + каинитъ, 1 дес. рязанскій молотый, глауконитово-фосфоритный песокъ (такое содержаніе PhO^5 и KO, какъ и въ предыдушей десятинѣ).

2) Сдѣлалъ такой же опытъ на 6 хозяйственныхъ десятинахъ мягкой земли, но съ *навозомъ*. Куломзинская мука + навозъ, томасова мука + навозъ, суперфосфатъ + навозъ, и т. д.

«И замѣтьте: каждый опытъ на хозяйственныхъ десятинахъ въ 3,200 кв. саж. Это не то, что на маленькихъ десятиночкахъ.

3) Сдѣлалъ опытъ удобренія подъ ленъ будущаго года каинитомъ: каинитъ + куломзинская мука, каинитъ + томасова мука, рязанскій глауконитъ. Ленъ я сѣю по пластамъ, а удобреніе производилъ тотчасъ послѣ скоса травы по перелогамъ, чтобы удобреніе попало подъ низъ и было въ тѣсной связи съ дерниной.

«Теперь еще сдѣлаю въ сентябрѣ опыты удобренія луговъ, торфяныхъ и пустошныхъ, фосфоритными, известковыми (мергель) и калійными удобреніями (каинитъ, глауконитъ, зола древесная, зола изъ соломы, поташъ и пр. и пр.).

Сдѣлаю осенью удобреніе каинитомъ подъ яровое будущаго года, подъ будущую рожь.

«Кромѣ того, разработалъ изъ дѣвственной пустоши, *никогда не пахавшейся, никогда не удобрявшейся,* особое поле (департаментское) въ 24 казенныя десятины. Выкорчевалъ кусты и пни, осушилъ канавами, разбилъ на десятины, возьму 96 пробъ почвъ для опредѣленія азота (анализы департаментъ взялся дѣлать на свой счетъ). Широко развелъ. Всѣ деньги 1,500 р. потратилъ, да еще своихъ много приложилъ (возьму изъ будущихъ ассигновокъ, если не дадутъ дополнительнаго). И притомъ всѣ работы, которыя производятся хозяйственнымъ образомъ моими рабочими и на моихъ лошадяхъ, я не ставлю въ счетъ. Мнѣ за то земля удобряется. А между тѣмъ нѣкоторые чиновники находили, что 1,500 р. много на опыты! Вотъ поди-ка, поработай. А то сидятъ тамъ въ Петербургѣ, получаютъ жалованья, жрутъ икру по 3 рубля фунтъ и болтаютъ, болтаютъ безъ конца. Насмотрѣлся я нынѣшнюю зиму. $4^1/_2$ мѣсяца высидѣлъ. Ну, зато теперь могу работать; хотя и урѣзали, а все-таки ничего. На 5 лѣтъ обезпеченъ, и слава Богу! Здоровье мое только плохо; ноги болятъ, одышка, такъ бываетъ иногда трудно поѣхать въ поле. Къ счастью, нашелъ себѣ великолѣпнаго помощника изъ здѣшнихъ моихъ учениковъ: здоровъ, силенъ, всѣ работы самъ можетъ дѣлать, исполнителенъ, точенъ, тонкій наблюдатель, интересуется дѣломъ. Лучше не нужно. Гдѣ вы были нынѣшнее лѣто? Не въ голодной ли сторонѣ? Вѣдь дѣло плохо. Еще зима предстоитъ, весна, когда-то новый хлѣбъ поспѣетъ. Кстати, замѣтили вы въ № 32 «Земледѣльческой Газеты» статью Бодиски? Прелесть! Вкратцѣ статью можно передать такъ: Курсъ упалъ. Франкъ стоитъ 37 коп. Ура! Слава Богу! Свинину можно вывозить за границу! Да чѣмъ же кормить свиней! Неурожай, голодъ. Пустяки—неурожай на озимое, голодъ для людей. Люди будутъ питаться ржаной мукой съ примѣсью лебеды, гнилой колоды, мякины, а свиней будемъ кормить яровымъ—гречей, горохомъ, просомъ, овсомъ. Чортъ знаетъ что! Нисколько не прибавляю. Прочитайте сами статью Бодиско: «Къ свѣдѣнію свиноводовъ и экспертовъ соленой свинины» въ 32 № «Земледѣльческой Газеты».

«А между тѣмъ врачи и свѣдущіе люди въ Петербургѣ

объяснили, что яровые хлѣба тоже питательны и могутъ быть, какъ пшеница, суррогатомъ ржи. Объ этомъ и циркуляръ губернаторамъ былъ. Тамъ въ Петербургѣ думаютъ—мужикъ не знаетъ, что гречневая и просяная каши, горохъ и толокно—подспорье къ хлѣбу. Отъ 1 дек. 1891 г. онъ пишетъ Костычеву: Въ будущемъ году думаю пробрать клеверъ на разныхъ земляхъ (старопахатныхъ, новопахатныхъ, пустошныхъ, обложныхъ, на полядкахъ) гипсомъ, каинитомъ, сѣрнокислой магнезіей, глауконитомъ, глауконитомъ съ гипсомъ. И все на цѣлыхъ десятинахъ. Насчетъ золы древесной я мало надѣюсь, чтобы она вошла въ употребленіе. Я нынѣче заготовилъ 600 пуд. золы, но для этого я нарочно жегъ хворостъ, полученный при очисткѣ пустоши, на которой я устроилъ спеціальное департаментское поле въ 22 десятины. Такъ собрать, скупить печной золы много нельзя. Въ деревняхъ вся зола идетъ на щелокъ для мытья бѣлья, да и вообще древесная зола—товаръ темный. Въ Поволжьѣ можно скупать золу отъ соломы и тамъ есть организованная торговля ею. Но вообще важно, чтобы былъ опредѣленный торговый продуктъ для замѣны каинита. Напр, можно употреблять смѣсь гипса съ 20% поташа; но этотъ продуктъ будетъ не дешевле каинита. Можно употреблять смѣсь чреннаго камня (гипсъ съ поваренною солью) изъ солеваренъ съ поташемъ, но самое главное глауконитъ. Нужно употреблять фосфорно-калійныя удобренія *подъ хлѣба* и затѣмъ, *нафосфоритивъ и накаліевавъ* землю, по хлѣбамъ сѣять клеверъ, который и удобрять гипсомъ. Такъ ли? Буду также пробирать и известковыя удобренія. Нынѣче разсыпалъ 12 кубическихъ саженей (около 10 тысячъ пуд.) известковаго туфа. Въ будущемъ году возьмусь за ѣдкую известь. Все хочется сдѣлать поскорѣе да побольше, только денегъ мало. Преразлюбезное это дѣло — производить опыты въ большомъ видѣ на цѣлыхъ десятинахъ. Или въ горшкахъ, въ саду, для рѣшенія научныхъ вопросовъ,—или на цѣлыхъ десятинахъ въ хозяйствѣ. А опыты на участочкахъ, какъ у Менделѣева было, пустяковина. Кстати будетъ Менделѣевъ министромъ Земледѣлія и Торговли? Или можетъ его сдѣлаютъ министромъ путей сообщенія, или морскимъ, или военнымъ? Только онъ кажется верхомъ не умѣетъ ѣздить. Впрочемъ, выучится.

«Пожалуйста же, не забудьте мнѣ прислать ваши статьи о почвахъ Крыма. Пишите объ лѣсныхъ нашихъ почвахъ. Я уже писалъ вамъ, кажется, что у насъ при рытьѣ колодца на глубинѣ 7 аршинъ, оказался красный суглинокъ, вскипающій съ кислотой (можетъ быть, мергель). Вотъ бы этотъ суглинокъ наверхъ. Былъ бы у насъ тогда клеверъ. Но тогда, вѣроятно, и фосфоритъ бы не дѣйствовалъ. А знаете, что съ фосфоритомъ и подзолистыми почвами выгоднѣе хозяйничать, лучшіе урожаи получаются. А тамъ (у насъ есть такія земли), гдѣ фосфоритъ не дѣйствуетъ, урожаи безъ навоза все-таки не велики. Лучше конечно, чѣмъ у насъ безъ навоза, но далеко не то, что у насъ безъ навоза, но съ фосфоритомъ. А навозъ съѣдаетъ весь урожай и дохода нѣтъ. А тутъ при урожаѣ въ 12 зеренъ—1 зерно за сѣмена, $1^1/_2$ за фосфоритъ $4^3/_4$ за работу и остается чистенькихъ $4^3/_4$ зерна. По нынѣшнимъ цѣнамъ 45—50 рублей на десятиину.

«Такъ, по петербургскому, голода нѣтъ? Да, и газеты пишутъ: «хлѣбъ дешевѣетъ», и ликуютъ! А отчего дешевѣетъ? Да оттого, что *не на что его покупать*. Ѣдятъ всякую дрянь, а хлѣба не покупаютъ, потому что «купила» нѣтъ. Когда мануфактурный товаръ не идетъ, дешевѣетъ—понимаютъ, что это оттого, что на Дону или въ Поволжьѣ неурожай, недородъ, и потому нѣтъ у мужика денегъ. Ну то же и теперь съ хлѣбомъ. Будетъ дешевѣть, какъ не на что покупать. И еще подешевѣетъ, когда много народу перемретъ съ голоду. Вообще дѣло плохо и серьезное дѣло.—Я все болѣю. Кашель, было совсѣмъ замучилъ, но съ тѣхъ поръ, какъ я засѣлъ у себя во флигелѣ безвыходно при температурѣ 16—18°, то это дѣло поправилъ. Острый кашель прошелъ и остался мой старый, такъ называемый желудочный поповскій кашель. Затѣмъ ноги, которыя были ушиблены, болятъ. Удушье одолѣло. Наконецъ, толстѣю непомѣрно. Фосфоритное платье, что построилъ въ прошломъ году, получивъ награду, уже не сходится.

Отъ 2 Декабря 1891 г. онъ пишетъ Костычеву:

«Намъ просто невозможно хозяйничать безъ минеральныхъ удобреній. Судите сами: нынче я нанялъ *вывезти навозъ* зимой за 11 р. за экономическую десятину. Весною разбить навозъ 1 рубль. Итого 12 рублей.

«На десятину нужно 32 пуда куломзинской муки, что̀ будетъ стоить 12 рублей: разсыпать — 32 копѣйки; итого 12 рублей 32 коп. Но что̀ стоитъ навозъ? Конечно, это— отбросъ, но отбросъ дорогой, за которымъ мы гонимся. Но разъ мы будемъ примѣнять минеральные туки, и навозъ станетъ простымъ отбросомъ, потому-что не станемъ держать лишняго скота для навоза. А то теперь постоянно слышите: «Положимъ, по корму и не стоило бы эту скотинку пустить, *но за то навозъ*». Самое важное, чтобы не держали скота «для навоза». И вотъ еще: урожай по фосфориту получается на нашихъ почвахъ не хуже, чѣмъ по навозу. *Навозъ хорошо дѣйствуетъ только на землѣ, которая нафосфоричена.* Теперь устроены сельско-хозяйственные винокуренные заводы. Заводъ долженъ имѣть извѣстное количество пахатной земли не далѣе 15 верстъ и тогда получаетъ извѣстную премію. Но у хозяина винокуреннаго завода нѣтъ достаточнаго количества пахатной земли. Вотъ что̀ можно сдѣлать (*дѣлается* уже). Винокуренный заводъ покупаетъ дешевую пустошную землю, верстахъ въ 10—15 отъ завода, распахиваетъ и удобряетъ фосфоритомъ. Барду по прежнему всю стравливаетъ вблизи завода,—не возить же ее за 10—15 верстъ и не заводить же для нея отдѣльный хуторъ съ убыточнымъ для хозяйства скотомъ. Земли пахотной тогда— сколько требуется, и премія получается. Надѣюсь, что *новыя винокуренныя правила будутъ способствовать распространенію фосфорита.* Вотъ какъ оно выходитъ! Это то же, что съ кабаками. Уничтожили кабаки и завели винныя лавочки, гдѣ нельзя пить, а можно купить водку въ запечатанной посудѣ. Что же вышло? Теперь при каждой винной лавочкѣ есть и кабакъ, и увеселительное заведеніе. Подлѣ лавочки— изба, сидитъ въ ней бобылка—добрая душа, всегда пьяная. Купили вы въ лавочкѣ водки, не пить же ее на дворѣ при 20° мороза, заходите въ избу къ бобылкѣ—у нея и стаканчикъ есть, и закусочка. Тутъ и краденое принимаютъ; есть тутъ и развеселыя бабы. Даже гораздо лучше, чѣмъ въ прежнихъ кабакахъ. И кабачникъ всегда чистъ какъ стекло. И капиталъ пріобрѣтенъ, невинность соблюдена.

«Но чѣмъ дальше идутъ опыты, тѣмъ болѣе еще видишь необходимость сдѣлать то и то. Мало удобрить клеверъ. Нужно еще узнать, каковъ будетъ ленъ и хлѣбъ *послѣ* клевера гипсованнаго и каинитованнаго».

Несмотря на болѣзненные приступы, Энгельгардтъ продолжаетъ лихорадочно работать и аккуратно ведетъ переписку съ своими друзьями. Онъ пишетъ отъ 10 декабря 1891 г. Костычеву:

«Разговаривать письмами — моя страсть, а разговорить съ вами такъ пріятно! Знаете, теперь, кажется, все *перебаламутилось*. Читаешь и глазамъ не вѣришь! Читали вы въ № 48 «Земледѣльческой Газеты» статью «о приготовленіи муки изъ соломы». Не читали — прочитайте или повѣрьте мнѣ. Теперь всѣ хлопочутъ *о суррогатахъ* хлѣба. Вотъ и въ Перми, чины управл. Госуд. Имуществъ надумались печь хлѣбъ изъ *соломы*. Взяли соломы, изрѣзали на мелкіе куски, высушили и привезли на мельницу молоть. Мельникъ *не хотѣлъ молоть* и увѣрялъ, что изъ этой *затѣи* ничего не выйдетъ. Ну, мельникъ, конечно, дуракъ, неучъ. Обратились къ хозяину мельницы. Тотъ уважилъ и приказалъ смолоть. Получилась *соломенная мука*. Изъ этой муки, съ прибавкой ржаной, спекли хлѣбы. Муку брали въ разныхъ пропорціяхъ: $^2/_3$ ржаной и $^1/_3$ соломенно; $^1/_2$ ржаной и $^1/_2$ соломенной; $^1/_3$ ржаной и $^2/_3$ соломенной. Побровали хлѣбъ и нашли, что при первыхъ двухъ пропорціяхъ: $^1/_3$ и $^1/_2$ соломенной муки, получается *очень хорошій хлѣбъ*. При третьей пропорціи ($^2/_3$ соломенной муки) хлѣбъ вышелъ неудаченъ, но *съѣдобенъ* и не имѣлъ дурного вкуса. *Сухари же изъ всѣхъ сортовъ хлѣба выходили отличные*. Конечно, «чины» пробовали хлѣбъ съ икрой, закусывая водку передъ обѣдомъ, за которымъ подавалась цвѣтная капуста и къ ней масло съ толчеными соломенными сухарями изъ соломеннаго хлѣба. Поэтому и *рекомендуютъ соломенную муку* какъ суррогатъ *ржаной муки*. Но такъ какъ рекомендуютъ соломенную муку не неучи какіе-нибудь, въ родѣ мельника, отказавшагося молоть солому, то и представили научныя подтвержденія— изъ «Справочной книжки русскаго сельскаго хозяина»: гдѣ въ таблицахъ состава кормовыхъ веществъ, нашли, что солома содержитъ 37,7% *переваримыхъ* веществъ, т.-е. лишь *только вдвое* менѣе, чѣмъ рожь. Изъ этого заключили, что 2 части соломенной муки могутъ замѣнить одну часть ржаной. Конечно, «чины» не знали, что въ таблицахъ показано количество веществъ, перевариваемыхъ травоядными животными, а не человѣкомъ. Навѣрно мельнику говорили, что

онъ, мужикъ, ничего не знаетъ, что въ соломѣ, такъ же какъ и въ зернѣ, много углеводовъ и пр. Статья была напечатана въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и перепечатана (безъ всякой оговорки) въ «Земледѣльческой Газетѣ», № 48. Зачѣмъ? Въ насмѣшку что-ли? *Но какъ же не оговорить!* Кто-нибудь прочтетъ въ «Земледѣльческой Газетѣ» и приметъ въ серьезъ. Начнетъ еще дѣлать опыты какая-нибудь продовольственная коммиссія или Красный Крестъ. Я послалъ Баталину небольшую замѣтку, написанную просто и серьезно, безъ насмѣшекъ. Хотѣлъ было написать статейку въ газеты, да побоялся. Я съ своими опытами завишу отъ Департамента. Вдругъ, кого нибудь изъ пермскихъ чиновъ, за то, что придумалъ дѣлать хлѣбъ изъ соломы, назначатъ директоромъ Департамента сельскаго хозяйства... Вотъ она служба! У насъ въ Смоленской губерніи, когда-то, до 1861 г. крестьяне постоянно ѣли пушной хлѣбъ. Мололи *рожь вмѣстѣ съ мякиной, не отвѣявши.* Но теперь привыкли ѣсть чистый хлѣбъ, а по праздникамъ ѣдятъ и шатрованный (пеклеванный). Мужики говорятъ, что запретили ѣсть пушной хлѣбъ «*пожарные старосты*», которые были заведены послѣ «Положенія». Былъ такой случай. Мужики еще ѣли, изъ экономіи,—старыя привычки не вдругъ бросаются,—*пушной хлѣбъ.* Вотъ однажды старикъ одинъ полезъ на печку спать, да грѣшнымъ дѣломъ кишка у него была полна мякины, такъ мякина и выскочила пухомъ, а тутъ близко лучина горѣла, мякина вспыхнула, огонь передался льну, что сушился на печкѣ, загорѣлась изба, а за ней сгорѣла и деревня. Вотъ съ тѣхъ поръ пожарные старосты и запретили ѣсть пушный хлѣбъ. А пермскіе чины хотятъ ввести, да еще не пушной хлѣбъ мякиный,—въ которомъ на четверть ржи (9 пудъ) будетъ всего 30 фунтовъ мякины (10%) (см. туже «Справочную книжку»), а соломенный, съ примѣсью $^2/_3$ соломенной муки (66%). Да, если станутъ такимъ хлѣбомъ кормить народъ, такъ вся Россія выгоритъ. Эхъ! взяло бы я этихъ изобрѣтателей соломенной муки и посадилъ бы на двѣ недѣли на хлѣбъ, на воду, въ карцеръ, и давалъ бы хлѣбъ изъ соломенной муки по 6 фунтовъ на человѣка (вмѣсто 3-хъ ржаного), только запретилъ бы вносить въ карцеръ огонь, пусть бы въ темнотѣ просидѣли.

Отъ 20 декабря 1891 г. онъ пишетъ Костычеву:

«Ну, проберетъ же теперь «Новое Время» В. И. Лихачева за Пухертовскую муку. Какъ это случилось, что городская управа получила изъ Либавы вмѣсто ржаной муки отруби? Судя по помѣщеннымъ въ «Нов. Вр.» анализамъ Пеля, я думаю, что это не ржаная мука, а мучнистые отруби, предназначавшіеся для отправки за границу на кормъ скоту. Воображаю, какъ теперь «Новое Время» будетъ печь Лихачева!

«Зачѣмъ это вы вступили въ полемику съ газетчиками? Развѣ они поймутъ? Они хотятъ воду, образующуюся при таяніи весною снѣга, собирать и потомъ употреблять для орошенія. Это просто и для всѣхъ видимо: будетъ прудъ съ водою и изъ него вода будетъ разводиться арыками. Вы же, если я вѣрно васъ понялъ, хотите, чтобы вода, образующаяся при таяніи снѣга, поглощалась почвою и тутъ же на мѣстѣ оставалась. Надѣетесь достигнуть этого извѣстными техническими пріемами обработки. Такъ вѣдь? Не знаю, поймутъ ли они это? Не думаю, чтобы поняли. Тутъ воды не будетъ видно и *сооруженій* никакихъ не будетъ... Насчетъ суррогатовъ часъ отъ часу не легче. Предлагаютъ (помѣщена статья въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества») печь хлѣбъ изъ торфа для *корма скоту:* 20 частей ржаной муки, 20 частей отрубей, 60 частей торфа, и опять приводятъ цифры изъ «Справочной книжки» о количествѣ азота и пр. Я буду очень радъ, если вы пришлете мнѣ брошюру на счетъ примѣненія каинита и статью Шульце Лупица. Ммѣ интересно будетъ и полезно узнать, что сдѣлали по этой части нѣмецкіе хозяева. Я буду употреблять каинитъ для поверхностнаго (какъ гипса) удобренія клевера, преимущественно на земляхъ, гдѣ клеверъ идетъ плохо—новыя лѣсныя и пустошныя земли. Буду также примѣнять каинитъ вмѣстѣ съ фосфоритной мукой подъ хлѣба, послѣ которыхъ идетъ клеверъ. Но конечно нужны опыты и опыты. Я недавно представилъ отчетъ въ департаментъ. Вѣроятно этотъ отчетъ будетъ переданъ въ Ученый Комитетъ и попадетъ къ вамъ. Тамъ увидите, какіе я сдѣлалъ опыты съ каинитомъ подъ овесъ, ленъ и травы. Да, я такъ и думалъ, что съ Баталинымъ что нибудь не ладно. Отчего онъ не возьметъ себѣ помощника? Гдѣ молодыя научно-агрономическія силы?

Отъ 28 января 1892 года Энгельгардтъ писалъ Костычеву:

«Читали вы фельетонъ Эльпе на счетъ соломеннаго хлѣба? Жалко старика Ф. А. Баталина. Но и то сказать, и кто же ему виноватъ. Не жадничай: возьми хорошаго помощника, заплати ему хорошія деньги. Это не отговорка, что департаментъ приказалъ напечатать. Баталинъ самъ департаментъ.

Что такое новый директоръ д-та? Откуда онъ взялся. Должно быть не молодой, коли 10 лѣтъ былъ губернаторомъ въ Костромѣ. Да развѣ для губернатора мѣсто директора Д-та Земледѣлія есть повышеніе? Ужъ не думаютъ ли его сдѣлать товарищемъ Министра по части земледѣлія, какъ объ этомъ писали въ газетахъ? Напишите, пожалуйста, что за личность. Впрочемъ, въ департаментѣ его скоро обработаютъ по своему.

Отвѣтьте на мое письмо на счетъ почвъ. Былъ ли у васъ мой отчетъ за 1891 годъ? Я желалъ бы, чтобы этотъ отчетъ и съ планами напечатали. Потомъ удобно будетъ ссылаться на планы и № десятинъ. Потомъ я представлю формуляры всѣхъ десятинъ за 20 лѣтъ.

«Въ нынѣшнемъ году буду производить опыты известкованія. Теперь уже запасаю известь. Дорога она у насъ, отъ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. за бочку (въ 20 пуд.). Для опытовъ это все равно, но для хозяйства дорого. Полагаю разсыпать на десятину казенную 240 пуд. и 120 пуд. Посмотримъ, что будетъ. Ныньче думаю употребить 1,260 пуд.

«Пришлите обѣщанныя книжки относительно примѣненія калійныхъ удобреній.

Отъ 6 февраля 1892 г. онъ пишетъ Костычеву;

«Я очень интересуюсь опытами известкованія. Нынѣ уже заготовилъ 1,260 пуд. жженой извести и предполагаю сдѣлать опыты весною:

«*На паровомъ полѣ подъ рожь 1892 г.*

1) Одну экономическую (3,200 кв. саж.) десятину перелома (1-я рожь послѣ травъ) удобримъ всю 320 пудами извести и затѣмъ $^1/_2$ этой десятины еще удобримъ 24 пудами куломзинской муки.

«Одну экономическую десятину *перелома* всю удобримъ 160 пудами извести и затѣмъ на этой десятинѣ $^1/_4$ удоб-

римъ еще каинитомъ, 1/4—куломзинскою мукой, 1/4 десятины—куломзинскою мукою и каинитомъ.

2) На мягкой землѣ подъ рожь, по которой будетъ посѣянъ клеверъ.

«На одной экономической десятинѣ 1/2 дес. удобримъ 160 пудами извести и всю десятину навозомъ лѣтней вывозки.

«На одной экономической десятинѣ 1/2 дес. удобримъ 160 пудами извести и всю десятину навозомъ зимней вывозки.

«На одной экономической десятинѣ всю десятину удобримъ 160 пудами извести и всю навозомъ лѣтней вывозки.

«*На пустошномъ лугу—поверхностное удобреніе.*

«На одну казенную (2,400 кв. саж.) десятиину 100 пуд. извести.

«На одну казенную десятину 100 пуд. извести и 24 пуда куломзинской муки.

«На одну казенную десятину 100 пуд. извести, 24 пуда куломзинской муки и 24 пуда каиниту.

«Это будетъ отлично, если вы нынѣче сдѣлаете путешествіе по Россіи. Хорошо было бы, если бы ученый комитетъ поручилъ вамъ заѣхать посмотрѣть мои опыты. Я вообще считаю полезнымъ, чтобы ежегодно дѣлались отъ департамента экскурсіи дѣльными людьми, такъ сказать, рекогносцировки сельско-хозяйственныя, для чего при департаментѣ должны были бы состоять извѣстныя лица (инспекторы сельскаго хозяйства), которыя съ ранней весны до глубокой осени объѣзжали бы извѣстные округа. Я сначала думалъ, что въ этомъ-то и состоятъ обязанности инспекторовъ сельскаго хозяйства, но оказывается, что они дѣлаютъ что-то другое. Еслибы при департаментѣ были такія лица, ежегодно дѣлающія рекогносцировки, то департаментъ лучше бы былъ знакомъ съ положеніемъ дѣла. Пришлите мнѣ обѣщанныя книжки объ опытахъ съ калійными удобреніями».

Отъ 10 февраля того же года онъ пишетъ Костычеву:

«Посланныя вами брошюри получилъ. Съ величайшимъ интересомъ прочиталъ вашу работу о почвахъ виноградниковъ. Да это работа! Теперь важно, чтобы съ толкомъ были произведены указанные вами опыты удобренія вино-

градниковъ. Будутъ ли сдѣланы такіе опыты? Ужасно радуюсь, что вы дали по носу суперфосфату. Ваши объясненія превосходны и подходятъ къ нашимъ почвамъ тоже. Хорошо бы было и на опытѣ доказать непригодность въ данномъ случаѣ суперфосфата.

«Есть ли только у васъ въ виноградникахъ надежные люди, которымъ можно было бы поручить производство опытовъ?

«Относительно калійныхъ удобреній, я думаю, самое лучшее было бы для виноградниковъ употреблять золу отъ соломы и кизяка. Вездѣ, гдѣ топятъ соломой, получаются массы золы, которую выбрысываютъ, такъ какъ она не годится для щелока даже. Впрочемъ, мнѣ извѣстно, что въ Симбирской губерніи *скупаютъ* соломенную золу, но куда она идетъ, не знаю. «Удѣлу», конечно, не трудно было бы черезъ своихъ чиновниковъ организовать скупку соломенной золы. Кромѣ того, слѣдовало бы испытать и рязанскій фосфоритно-глауконитовый песокъ. Этотъ песокъ въ Рязани продается по 5 коп. пудъ, а молотый на сито № 2 по 9 коп. пудъ. Содержитъ 10% фосфоритной кислоты и 3—4% кали. Анзиміровъ мнѣ говорилъ, что у нихъ въ значительномъ количествѣ покупаютъ этотъ песокъ для *виноградниковъ Губонина*, несмотря на то, что перевозка въ Крымъ стоитъ очень дорого, чуть ли не 50 коп. съ пуда.

«Что касается удобренія известью, то нельзя известь сначала погасить и, когда она разсыплется въ порошокъ, разбрасывать. И глаза ѣстъ, и горло, до кровохарканія. Просто невозможно вынести. Для виноградниковъ, думаю, лучше всего дѣлать изъ земли и извести компостъ, переслаивая жженую известь съ землею. Когда известь въ такой кучѣ сама собой погасится, перелопатить хорошенько и тогда уже разбрасывать.

«Пожалуйста при случаѣ напишите мнѣ, что значитъ: 1) Moorwiesen, 2) Anmoorigewiesen, и чѣмъ они отличаются отъ Torfwiesen? Что̀ значитъ Riesenwiesen?

«Хорошо было бы, еслибы вашу брошюрку о почвахъ виноградниковъ послали Куломзину. У него тоже есть гдѣ-то виноградникъ; по крайней мѣрѣ онъ говоритъ, что вино, которое у него подаютъ, изъ его виноградника.

«Конечно, будетъ очень хорошо, если вы лѣтомъ заѣдете ко мнѣ. Лучше всего было бы, еслибъ вамъ поручено было отъ департамента посмотрѣть мои опыты; въ прошломъ году объ этомъ говорилось въ ученомъ комитетѣ. Мнѣ бы жалательно было, чтобы въ образцахъ почвъ, которые я послалъ департаменту, азотъ былъ опредѣленъ непосредственно».

XII.

Послѣдніе опыты Энгельгардта съ минеральными удобреніями.

Дальнѣйшія письма 1892 года свидѣтельствуютъ, что Энгельгардтъ задумывалъ все болѣе и болѣе широкіе сельско-хозяйственные опыты, не оставляя своей обычной осторожности въ приговорахъ по спеціальнымъ вопросамъ и требуя разъясненія о каждой неясной сторонѣ.

Онъ пишетъ отъ 20 февраля 1892 г. Костычеву:

«Въ известковомъ туфѣ достаточно опредѣлить % извести и фосфорной кислоты. Въ золѣ нужно опредѣлить % кали, фосфорной кислоты, и хотѣлось бы также, чтобы былъ опредѣленъ % извести. Я такъ и писалъ въ департаментъ, посылая образцы. Я послалъ въ департаментъ 22 образца почвъ (съ 22 десятинъ новаго спеціальнаго опытнаго поля № 3). Просилъ, чтобы въ каждомъ изъ 22 образцовъ было опредѣлено количество азота и количество углерода (не гумуса, а углерода, потому что почвы содержатъ и органическія вещества).

«Затѣмъ я просилъ, чтобы въ 3-хъ образцахъ, № 6, № 14, № 20, былъ, кромѣ того, опредѣленъ и минеральный составъ, причемъ желательно, чтобы остатокъ послѣ обработки соляной кислотой былъ еще обработанъ сѣрной кислотой для опредѣленія количества глины. Все это новое опытное поле заложено на типичной подзолистой дѣвственной пустынѣ, никогда не пахавшейся и не удобрявшейся. Разработка его будетъ вестись съ одними минеральными удобреніями (безъ азотистыхъ), и черезъ нѣкоторое время, когда урожаи ослабѣютъ, опять опредѣлимъ количество азота и углерода, а также и минеральный составъ.

«Такихъ «Moorboden», какъ ранѣе анализированный вами № 7 (прежде присланный, въ 1886 году), которыя способны

горѣть и содержатъ много PhO^5, у меня мало. Это только по низинамъ. Притомъ же такія мѣста, во время засухъ, часто выгораютъ и потомъ, по гари, почва на нихъ дѣлается водопроницаемой, такъ что вода на низинахъ уже не стоитъ. Интересно было бы изъ такой почвы извлечь фосфорно-органическое вещество. Интересно также изучить дѣйствіе извести на такую почву, что̀ я и намѣренъ сдѣлать. Казалось бы, на такой почвѣ известь и каинитъ должны произвести отличное дѣйствіе. Отчего нѣмцы на Moorboden къ каиниту непремѣнно прибавляютъ томасову муку? Почему не известь?

«Ну, что̀ представляетъ новый директоръ департамента? Были вы у него? Пощупали сельско-хозяйственный пульсъ? Напишите пожалуйста. Чрезвычайно странно, что изъ губернаторовъ пошелъ въ директоры департамента сельскаго хозяйства. Пописывали въ газетахъ, что департаментъ хотятъ преобразовать во что-то болѣе важное.

«Ну, что̀ ваша экскурсія? Выхлопотали? Состоится? Очень бы желалъ, чтобы департаментъ или ученый комитетъ поручилъ вамъ заѣхать ко мнѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы все у меня посмотрѣли.

«Ну, что̀, Пухерта выпустили наконецъ? Однако, теперь насчетъ хлѣба строго. У насъ скупаютъ хлѣбъ для голодающихъ губерній (какъ же, степь кормимъ). Нынче были дожди во время уборки и потому много рослаго хлѣба. Такъ рослаго не берутъ, а только хорошій. Весь хорошій покупали, а мѣстные крестьяне, которые хлѣбъ къ веснѣ всегда покупаютъ и уже начали покупать, будутъ ѣсть рослый».

Вскорѣ Энгельгардтъ, должно полагать, получилъ изъ департамента или отъ Костычева результаты изслѣдованій нѣкоторыхъ присланныхъ имъ образцовъ, и Энгельгардтъ отъ 10 марта 1892 г. пишетъ Костычеву:

«Меня не особенно удивилъ составъ золы. Я предполагалъ въ ней отъ 2 до 3% кали, но оказалось еще менѣе: 1,78%. (Даже еще менѣе, потому что я послалъ золу, отсѣянную отъ угля, головешекъ, комковъ земли. И всего этого было отсѣяно 15%. Слѣдовательно въ употребляемой мною золѣ всего 1,51% кали). Придется разсыпать вдвое болѣе, чѣмъ я разсыпалъ. Золу эту я добылъ самъ слѣдую-

щимъ образомъ: при подготовкѣ пустоши для новаго поля очищали ее отъ пней, деревьевъ, кустовъ, поросли. Все это вырубалось съ корнемъ, при чемъ корни обрубались кругомъ дерева или куста. Понятно, что на корчижкахъ между корнями оставалось много земли. Изъ вырубленныхъ деревцовъ были выбраны дрова, а корчижки, мелкій хворостъ, гнилые пни и проч. снесены въ груды. Эти груды были сожжены и зола собрана. При этомъ, конечно, еще прибавилось земли съ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ сжигались груды. Такимъ образомъ мы собрали 600 пуд. золы. Уже по количеству золы я разсчитывалъ, что въ ней будетъ много земли, процентовъ 50, а вышло еще болѣе. Но вѣдь это все равно. Лучшей золы достать негдѣ. Нынче зимой я собралъ, впрочемъ, нѣсколько печной золы у себя въ домѣ и изъ овина. Та зола должна содержать болѣе кали.

«Въ деревнѣ очень трудно собрать хорошей золы. Здѣсь золу употребляютъ для бученія полотенъ, для мытья бѣлья, и бабы очень дорожатъ золой. Развѣ только старикъ-гуменщикъ убережетъ золу, а если гуменщикъ молодой, то бабы подластятся и всю хорошую золу у него растаскаютъ, а онъ будетъ подсыпать земли.

«Спѣшить съ анализами почвъ нечего. Конечно, можно и лѣтомъ сдѣлать. Желательно только, чтобы опредѣленіе азота и углерода дѣлалъ одинъ и тотъ же лаборантъ по одному и тому же способу. Убѣдительнѣйше прошу, чтобы навѣски для опредѣленія N и C брать въ томъ видѣ, какъ почвы присланы, и не отсѣивать находящіяся въ почвѣ частицы дернины и проч. Мы почвы высушили и сами растерли. Нельзя ли для опредѣленія азота брать навѣски поболѣе. Все это, повторяю, не къ спѣху. Жду, не дождусь весны. Надѣюсь, что весной здоровье мое поправится. Да и скучно, всю зиму не выхожу изъ комнаты.

.«Ну, кончили съ Пухертовой мукой. Слава Богу. Какъ это мы все не перемерли, сколько мы этого куколя поѣли! Я и не зналъ, что куколь вреденъ. У насъ во ржи куколя не бываетъ, но въ яровой пшеницѣ, которую сѣятъ на лядахъ, куколя пропасть. Куклеотборниковъ ни у кого нѣтъ. Стараются отобрать куколь (для того, чтобы хлѣбъ былъ бѣлѣе), вскруживая пшеницу на рѣшетахъ, но все-таки куколя остается много. Изъ мѣстной муки съ куколемъ пе-

кутъ очень вкусные калачи и хлѣбъ, и я прежде ѣлъ,—ничего. И дѣти эли,—ничего. Постоянно пекли хлѣбъ изъ своей муки съ куколемъ. Мы и не знали, что эта отрава. Но, должно быть, кукольный ядъ—медленный ядъ».

Въ октябрѣ Энгельгардтъ, однако, начинаетъ торопить профессора Костычева съ анализами и пишетъ ему отъ 30 октября 1892 года:

«Я послалъ вамъ почтой образецъ фосфоритной муки съ просьбой опредѣлить въ ней % фосфорной кислоты. Сдѣлайте одолженіе, поторопите лаборанта съ анализомъ. Мнѣ очень нужно поскорѣе знать содержаніе фосфорной кислоты въ этой мукѣ. Съ этой мукой у меня вышелъ казусъ. Не послалъ муку въ департаментъ, который все равно передалъ бы вамъ, чтобы дѣло сдѣлалось поскорѣе. Интересные результаты дали мои опыты. Сколько работы и какой богатый матеріалъ!

«Куломзинская мука на ржи превзошла все. Не только лучшее дѣйствіе оказала, чѣмъ другія фосфоритныя муки, но лучше, чѣмъ томасова мука и костяная. Куломзинская мука уступила только суперфосфату, да и то немного. Съ суперфосфатомъ получено лишь на 3 мѣрки ржи болѣе съ десятины, чѣмъ съ куломзинской муки.

«И какъ это прежде дѣлали опыты? Ничего не выходило. Впрочемъ, и теперь у иныхъ ничего не выходило даже рядомъ со мной. Точно заколдовано. А поля межа съ межой, и почва одинаковая. Отлично подѣйствовала фосфоритная мука, на свѣжей землѣ безъ навоза, на капусту (увеличила урожай въ 6 разъ), брюкву и др. крестоцвѣтныя.

«На нихъ отлично подѣйствовалъ каинитъ.

«Вообще, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

«Есть еще у меня до васъ просьба. Въ 1888 году я послалъ вамъ образцы моихъ почвъ (2-я присылка). Вѣ сдѣлали ихъ анализы, но до сихъ поръ не напечатали. Когда я былъ въ Петербургѣ, вы мнѣ сообщили нѣкоторые результаты анализовъ, но я ихъ не записалъ. Теперь хорошо было бы, еслибы вы сообщили подробно объ этихъ почвахъ (преимущественно красные суглинки), потому что нынѣче сдѣланы опыты удобренія известью и другими минеральными туками именно на десятинахъ, почвы съ которыхъ я вамъ переслалъ осенью 1888 года. Могутъ быть интерес-

ные результаты. Мы только-что поставили баллы осенніе зеленямъ нынѣшняго года. Мы это дѣлаемъ каждый отдѣльно, и смотря по тому, что каждому на взглядъ представляютъ зеленя, онъ и ставитъ баллъ (цифру) каждой десятинѣ. Интересно, какъ совпадутъ баллы съ вашими анализами. Сколько помню, что̀ вы мнѣ сообщили въ Петербургѣ,— результаты будутъ интересные. Я самъ балловъ не ставилъ. Я началъ сооруженія для ирригаціи водами известковыми и фосфорными. Еще разъ сообщите поскорѣе, сколько фосфорной кислоты содержится въ посланной мною мукѣ».

Въ ноябрѣ того же года Энгельгардтъ пишетъ противъ грубо размолотыхъ и необоженныхъ фосфоритовъ (немолотаго сырого песка и молотаго зеленаго песчаника), несмотря на ихъ дешевизну, въ виду того, что у него урожай не окупилъ удобреніе «дешевымъ тукомъ».

«Многіе, пишетъ онъ Костычеву отъ 13 ноября 1892 г.— бросятся на дешевизну, накупятъ сего глауконитоваго песку, и ничего не получится. Тогда станутъ говорить: пустяки— этотъ фосфоритъ. Закончилъ опыты съ рожью и скоро пошлю статью въ «Земл. Газ.». Результаты интересные очень. Съ фосфоритными туками безъ навоза получено 15 четвертей съ казенной десятины. Между тѣмъ есть для сравненія урожая ржи въ томъ же полѣ съ 1865 г. И вотъ что̀ оказывается: при старомъ хозяйствѣ безъ травосѣянія средній урожай за года 1865, 68, 71 былъ 5 четвертей съ казенной десятины. По введеніи травосѣянія и пр. новшествъ средній урожай (года 1874, 77, 80, 83) былъ 8 четвертей съ казенной десятины. Особенно урожайные годы 1886, 89 по 11 четвертей съ казенной десятины. Нынче безъ навоза съ одними фосфоритами 15 четвертей, и что всего важнѣе— на одной десятинѣ, которая не получала навоза 3 трехлѣтія, а только фосфоритъ въ 1886—1889—1892 гг., урожай нынче былъ 10 четвертей съ казенной десятины. Вотъ вамъ и азотъ. Очевидно, его у васъ на почвѣ довольно. При вашихъ анализахъ моихъ пустошныхъ почвъ оказалось очень много азота, когда ихъ истощимъ.—А какъ мы разработали все. Даже жнивья съ клеверомъ скосили, свѣсили, анализировали.

«Говорятъ, что Черняевъ будетъ провѣрять мои опыты на одной изъ департаментскихъ фермъ. Черняевъ находитъ,

что мои опыты не научны. Пусть попробуетъ. Этому я радъ.

«Еще скажу вамъ одну вещь по секрету. Сдѣлалъ я одно наблюденіе, которое не рѣшаюсь публиковать, пока не сдѣлаю спеціальныхъ опытовъ. Сдается мнѣ, что свѣжій навозъ дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на фосфоритъ, съѣдаетъ фосфоритъ. Въ самомъ дѣлѣ: одинъ фосфоритъ даетъ часто лучшіе результаты, чѣмъ фосфоритъ + навозъ (свѣжій). Разложившійся навозъ не то. Но молчокъ. Пока не сдѣлаю спеціальные опыты, боюсь высказывать это. А мнѣ кажется, это подходитъ къ вашимъ опытамъ о поѣданіи бактеріями фосфорныхъ соединеній. Напишите ваше мнѣніе. Можетъ, и укажете мнѣ что̀. Отправивъ статью о результатахъ опытовъ подъ рожь, сяду за обработку данныхъ относительно удобренія минеральными туками подъ ленъ. Тутъ тоже интересные результаты. Особенно хорошо дѣйствуетъ каинитъ, который лучше употреблять подъ клеверъ, послѣ котораго по пласту будетъ ленъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ опытъ. По сносѣ клевера 3-го на десятину было разсыпано 3 мѣшка каиниту, стоющихъ 8 р. 55 коп. Каинитъ очень усилилъ ростъ отавы, такъ что по скосѣ получдно 56 пуд. сѣна, болѣе чѣмъ съ неудобренной десятины на 11 р. 20 к. Осенью поднято. Нынѣче посѣянъ ленъ. Каинитъ оказалъ сильное дѣйствіе, которое было видно на глазъ.

Съ удобренной получено сѣмянъ болѣе на 8 пуд. (1 р. 26 к. пудъ) на 10 руб. Льна съ удобренной получено на 16 пуд. болѣе противъ неудобренной и проданъ ленъ по 2 руб. 45 коп. за пудъ (съ неудобренной ленъ проданъ 1 руб. 80 коп. за пудъ)—на 40 р. 30 к. Да цѣна 42 пуд. (всего съ удобренной десятины получено 58½ льна) увеличилась на 65 коп. съ пуда, слѣдовательно еще 27 руб. 30 коп.

Итого:	за прибавку клевера	11 р. 20 к.
	за прибавлен. льняное сѣмя	10 » — »
	за прибавлен. ленъ	40 » 30 »
	за прибавл. цѣны на весь удобр. ленъ	27 » 30 »
	Итого	88 р. 80 к.

болѣе чѣмъ съ неудобренной.

«Три мѣшка каинниту, стоющіе 8 руб. 55 коп., за оплатою удобренія, дали 80 руб. 25 коп. пользы, т.-е. около 800%. Невѣроятно даже. А вотъ Черняевъ пусть повѣритъ. Что же намъ повторять. Мы дальше пойдемъ.

«Урожай капусты куломзинская мука увеличила въ 6 разъ.

«Началъ опыты съ известью. Хорошо идетъ. Но самое непріятное удобреніе. Не то что у людей, но у лошадей даже при работѣ за известью кашель и кровь идетъ изъ ноздрей».

Несмотря на страшную энергію, которую Энгельгардтъ проявлялъ у себя въ усадьбѣ съ «опытами» *), петербургскіе чиновники мѣряли его на свой аршинъ, на что онъ и жаловался своему товарищу А. С. Ермолову. Отъ 11 ноября 1892 г. Онъ пишетъ ему:

Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда я получилъ «репримандy» Ученаго Комитета. Хорошо, что вы меня предупредили, а

*) Здѣсь можетъ возникнуть вполнѣ умѣстный вопросъ, почему смѣлыя предсказанія Энгельгардта о широкомъ распространеніи фосфоритовъ значительно менѣе оправдались въ настоящее время, чѣмъ можно было бы этого ожидать. На это слѣдуетъ отвѣтить такъ: за Энгельгардомъ всегда останется важная заслуга открытія громадныхъ залежей фосфоритовъ въ Россіи, какъ неисчерпаемаго источника фосфорно-кислыхъ удобреній, и несомнѣнно въ будущемъ они найдутъ себѣ широкое примѣненіе въ сельскомъ хозяйствѣ. Но для послѣдняго необходимъ общій подъемъ культуры страны сравнительно съ настоящимъ. Поэтому въ настоящее время фосфориты имѣютъ по преимуществу распространеніе вблизи ихъ мѣсторожденія вслѣдствіе того, что транспортировка ихъ на дальнее разстояніе не окупается пользою хозяйствованія. Сверхъ того, въ настоящее время появились такія спеціально фосфорныя удобренія, какъ Томасова мука; затѣмъ понизились цѣны на суперфосфаты и наконецъ сознаніе пользы фосфорно-кислыхъ удобреній такъ еще мало распространено среди русскихъ сельскихъ хозяевъ, что даже запасы такого удобренія, какъ костяной муки, не вполнѣ исчерпаны и сверхъ того цѣны этой муки довольно низки. Когда Энгельгардтъ такъ горячо ратовалъ за фосфоритъ, костяная мука стоила одинъ рубль пудъ, а теперь—60—65 коп.; суперфосфаты 14% тоже самое при Энгельгардтѣ были дороже, чѣмъ теперь. Все это вмѣстѣ значительно препятствовало широкому распространенію фосфоритовъ; тѣмъ не менѣе будущность фосфоритовъ, при общемъ подъемѣ нашей культуры, несомнѣнна. Фосфоритъ, какъ родоначальникъ всѣхъ фосфорно-кислыхъ удобреній, требуетъ болѣе значительной культурности крестьянина. Это все равно, что примѣненіе плуга въ народномъ хозяйствѣ: при настоящей узкополосности въ крестьянскомъ хозяйствѣ, обработка земли плугомъ крайне затруднительна. Между тѣмъ, при иныхъ лучшихъ условіяхъ крестьянскаго землевладѣнія, плугъ вытѣснитъ соху и каждый крестьянинъ пойметъ его преимущество. (См. брошюру В. Г. Котельникова „О почвѣ“. Восьмое изданіе). Тоже надо сказать о фосфоритахъ и ихъ роли въ будущемъ нашихъ хозяйствъ.

то, получивъ такую бумагу внезапно, я бы страшно взбѣсился, что мнѣ теперь послѣ болѣзни было бы очень вредно. Далъ, ни слова, не говоря, прочитать помощнику своему. Тотъ говоритъ: «Это, А. Н., нельзя выполнить какъ требуетъ Уч. Ком.»—Отчего же? «Помилуйте: сколько работы—это и за 10 тысячъ нельзя сдѣлать; тутъ нужно столько рабочихъ. Помилуйте! Сосчитать сколько растеній на 29 десятинахъ, смѣрить листья»... Я разсмѣялся—«А мы сдѣлаемъ, какъ указываетъ комитетъ. Сосчитаемъ на 1-й десятинѣ и о расходѣ представимъ Департаменту и на слѣдующія десятины испросимъ дополнительный кредитъ». — А насчетъ почвъ замѣтили, что спрашиваютъ?—«Замѣтилъ». Да вѣдь почвы когда еще отосланы—съ каждой десятины, можетъ не получили?.. «Какъ-же не получили: есть квитанція, есть два письма Г. Костычева».—Цѣлы-ли? «Пришиты къ дѣлу».

Мой помощникъ, А. Д. Страховъ, прежде служилъ въ казначействѣ. Всѣ порядки знаетъ. Пишетъ великолѣпно: это онъ переписывалъ отчетъ. Подшиваетъ, скрѣпляетъ. Онъ же нивелировки производилъ, планы снималъ, которые приложены къ отчету. А. Д. ужасно обидѣлся за почвы. Онъ то работалъ: нѣсколько сотъ ямокъ сдѣлалъ. Я посмѣивался. «Что вы отвѣтите»? — Ничего покамѣсть. Подожду пока. Замѣчаніе Уч. Ком. будутъ напечатаны, о чемъ и буду просить Департаментъ, такъ какъ нашъ отчетъ напечатанъ, тогда и отвѣтимъ печатно. Впрочемъ сдѣлайте пробу: сосчитайте.

Когда сдѣлали пробу на нѣсколько саженяхъ, то оказалось, что на 1 десятину придется затратить тысячу рублей, а на всѣ опытныя десятины—около 40 тысячъ, отпускается же мнѣ всего 1500 р.) А. Д. говоритъ, что такого дополнительнаго кредита не дадутъ. Написаны замѣчанія Уч. Ком. такимъ тономъ — точно я какой несмышленный ученикъ. Ну все равно, если бы Уч. Комитетъ сдѣлалъ химику, которому поручено производство анализа, замѣчаніе, почему тотъ не указалъ въ отчетѣ была-ли вымыта посуда, чисты-ли были реактивы. Неужели-же Уч. Ком. думаетъ, что я сдѣлаю сравнительные опыты на разныхъ почвахъ? Кромѣ того, изъ замѣчаній Комитета видно, что онъ не знаетъ, что задачи чисто практическаго характера поставлены мнѣ Мин. Гос. Им., какъ это видно изъ

напечатаннаго объявленія Д-та Земл. Можно даже подумать, что писавшій отчетъ не читалъ его, не знакомъ съ моими работами вообще. По тону замѣчаній Учен. Комитета, по манерѣ, я думаю, что эти замѣчанія писалъ *В. Черняевъ*. Удивляюсь только, какъ Департаментъ не указалъ Ученому Ком., что его замѣчанія написаны тономъ, непримѣнимымъ къ моему отчету. Я думалъ, что пользуюсь уваженіемъ Д-та. Я думаю въ этомъ смыслѣ написать письмо министру. Да и что же нужно еще Ученому Ком.? Зачѣмъ при представленіи отчета за 1892 годъ ему нужно, чтобы я сосчитывалъ растенія на опытныхъ десятинахъ и измѣрялъ листья? Можетъ есть машина такая? Я не знаю. Что они хотятъ еще о почвахъ? Въ отчетѣ точно указанъ *типъ* почвы, сказано, что выбраны десятины съ одинаковой почвой, посланы образцы почвъ съ опытныхъ десятинъ, указанъ способъ ихъ выемки для составленія средняго образца на десятинѣ (а знаетъ ли Комитетъ, что это за работа? нужно опредѣлить сколько на десятинѣ мѣстъ съ почвою болѣе подзолистою, сколько съ менѣе подзолистою, сколько нужно сдѣлать для этого ямокъ), чего еще больше? Не приписывать же при отчетѣ нивелировочные журналы, описанія сотенъ ямокъ, сдѣланныхъ для опредѣленія наслоеній почвы. Для этого нужно мнѣ канцелярію завести. Кто ввелъ фосфоритъ въ Россіи? *Я*. Кто указалъ значеніе каинита? *Я*. Чего же молчали до сихъ поръ? Отчего не примѣняли каинитъ и пр. на казенныхъ фермахъ? Мы знаемъ какой клеверъ бываетъ на казенныхъ фермахъ—Горѣцкой и т. п. Да вы видѣли мой клеверъ. Вы видѣли, что дѣлаетъ каинитъ. Нечего Ученому Ком. передо *мною фордыбачить*. Пусть прежде самъ сдѣлаетъ что-нибудь. А то задумали опыты съ торфяно-фенольными туками и оборвались на первомъ шагу. Когда я потребовалъ отъ завода свидѣтельства, что съ его тукомъ не будетъ занесена зараза и что въ случаѣ занесенія заразы заводъ будетъ отвѣчать (я уже поплатился за костяную муку, съ которой занесена была ко мнѣ сибирская язва. Мука была пареная, но въ мѣшкахъ должно быть прежде сырыя кости были, потому что, коровы, подойдя къ мѣшку и обнюхавъ, подняли ревъ какъ надъ падалью), такъ заводъ туковъ и не прислалъ. Подождите: я еще разработаю вопросъ объ извести. Очень я вамъ благодаренъ, что вы заѣхали ко мнѣ. Я помню, что

когда вы говорили мнѣ, что я получу замѣчанія Ученаго Ком., то какъ-странно улыбались. Если бы вы меня не предупредили, то, получивъ «бумагу», я бы страшно обозлился и пришлось бы принимать валерьяну и ландышевыя капли. Ученому Ком. не замѣчанія слѣдовало бы сдѣлать, а наградить медалью, званіемъ почетнаго члена, представить къ чему-нибудь, а то у меня нѣтъ звѣзды. Теперь коллежскіе ассесоры и отставные подпоручики большія звѣзды получаютъ. Нельзя же министру быть безъ звѣзды! Я знаю, кто это оборудовалъ въ Уч. Ком.—это Баталинъ, выстарѣвшійся до того, что въ прошломъ году расхвалилъ соломенный хлѣбъ и Черняевъ... Ну, чертъ съ ними! Я тоже пробовалъ Пермскій соломенный хлѣбъ. Ничего, вкусенъ и питателенъ, если съ икрой ѣсть, и сухари ничего, если масло сливочное и спаржа.

Можно васъ поздравить? Читалъ въ газетахъ, что вы будете назначены товарищемъ Министра Финансовъ и въ вашемъ вѣдѣніи будетъ Деп. Неокл. Сб., таможен., мануф. Отличное дѣло! Тогда стоитъ только присоединить Департ. Земледѣлія и подчинить ему лѣсохранительные Комитеты и школы. Вотъ и *министерство земледѣлія* готово. *И это было бы самое лучшее*».

Такимъ образомъ, Энгельгардъ встрѣтилъ 1893 годъ не безъ непріятностей со стороны петербургскихъ бюрократовъ; но онъ былъ полонъ надеждъ, что его новые опыты съ известью дадутъ такіе же неожиданные и блестящіе результаты, какъ и фосфоритные и каинитные опыты, но смерть уже поджидала его, и дни его были сочтены... Въ январѣ онъ захворалъ и 21-го числа скончался. Оканчивая земное поприще, онъ и въ предсмертномъ бреду не разставался съ задуманными планами объ удешевленіи ржи, объ освобожденіи земледѣльца отъ кабальнаго хозяйства частнаго предпринимателя, и галлюцинировалъ отчетами министерству государственныхъ имуществъ о казенной копѣйкѣ, выданной ему на селько-хозяйственные опыты. Такъ и отошелъ онъ въ вѣчность съ готовыми цифрами и замыслами о поднятіи народнаго благосостоянія. Благодаря его «опытамъ», вся земля у него въ с. Батищевѣ анализирована, имѣется учетъ приходо-расходу по каждой статьѣ, и самое имѣніе представляетъ превосходную сельско-хозяйственную станцію для

дальнѣйшихъ опытовъ съ фосфоритами для ржи и каинитомъ для клевера и льна при экстенсивной системѣ 15-типольнаго сѣвооборота, какъ наилучшей системѣ для хозяйствъ на подзолистыхъ почвахъ. Но по мѣрѣ улучшенія своего имѣнія, Энгельгардта посѣщали невеселыя думы. «Я достигъ въ своемъ хозяйствѣ, — писалъ онъ, — блестящихъ результатовъ, но будущее не принадлежитъ такимъ хозяйствамъ, какъ мое. Стоитъ мнѣ не то, что бросить хозяйство, а только заболѣть, и все пойдетъ прахомъ—никто не будетъ знать, что̀ дѣлать, гдѣ что̀ сѣять. Это понимаетъ и мой староста, и другіе крестьяне. «Умрете — и ничего не будетъ, все прахомъ пойдетъ,—говоритъ староста.—Кончится тѣмъ, что и вы сдадите имѣніе въ аренду нѣмцу... А между тѣмъ, перейди мое хозяйство въ руки общины, артельно ведущей хозяйство, оно продолжало бы процвѣтать и развиваться».

Опасенія А. Н. Энгельгардта о томъ, что «все пойдетъ прахомъ» послѣ его смерти — не оправдались, къ счастью. Когда во главѣ министерства земледѣлія сталъ А. С. Ермоловъ, то, благодаря его стараніямъ, село Батищево было пріобрѣтено у наслѣдниковъ въ казну и въ настоящее время оно представляетъ собою казенную сельско-хозяйственную станцію.

XIII.

Смерть А. Н. Энгельгардта.

Мнѣ удалось слышать разсказъ о послѣднихъ дняхъ его жизни отъ лица, которое было свидѣтелемъ его болѣзни и сопровождало его гробъ въ могилу — отъ А. П. Мертваго.

— Александръ Николаевичъ, говорилъ онъ, началъ чувствовать себя плохо еще лѣтомъ 1892 г. Развилась усиленная одышка,—пройдя 10 шаговъ, онъ долженъ былъ останавливаться, за что-нибудь держаться, чтобы отдохнуть, и т. д. Тяжело было видѣть нѣкогда могучаго профессора, теперь задыхающагося, когда онъ, пересиливая себя, ѣздилъ на опытныя поля, хотѣлъ самъ все видѣть и все провѣрить лично. Вмѣсто покойной жизни, на которую онъ имѣлъ полное право, онъ былъ весь поглощенъ разнообразными опытами, какъ бы стараясь доказать Министерству Госу-

дарственныхъ Имуществъ, что оно не ошиблось въ немъ, поручивъ ему ихъ и что онъ не потратитъ ни одной казенной копѣйки безъ пользы на народной нивѣ. Болѣзненное состояніе заставляло его думать противъ воли о смерти и онъ весь какъ бы горѣлъ, торопясь съ отчетомъ о новыхъ опытахъ, печатая его въ «Земледѣльческой Газетѣ» по кусочкамъ, по мѣрѣ поступленія тѣхъ или другихъ частностей, не дожидаясь, какъ ранѣе, полученія конечныхъ итоговъ о всѣхъ опытахъ, и постоянно напоминая мнѣ, что если онъ умретъ и не успѣетъ дописать отчетъ, то чтобы мнѣ его окончить.

— Я прошу васъ! Вѣдь жаль, если Министерство не узнаетъ, куда я тратилъ деньги и какъ много сдѣлано на ничтожныя средства. Я болѣе всего безпокоюсь тѣмъ, что мнѣ не удастся все сдѣлать самому. А смерти я не боюсь... Я и думать не хочу о ней. Видите, у меня, кажется, водяночныя явленія въ ногахъ. Эти отеки, должно быть, водяная.

— Еслибъ была водяная, то при давленіи пальцемъ оставались бы ямки... Просто вамъ немного хуже. Поправитесь.

Вслѣдствіе своей полноты и вздутія живота, А. Н. не могъ достать свои ноги и провѣрить, остаются ли на нихъ ямочки при надавливаніи пальцемъ. А между тѣмъ эта мысль его занимала, и однажды я засталъ его за тѣмъ, что онъ тыкалъ пальцемъ свой животъ и восклицалъ:

— А вѣдь у меня водяная! Теперь уже конецъ... Пять лѣтъ не проживу и опыты не кончу. Глядите, ямки-то, ямки-то!

— Что же вы не лечитесь? Если даже это и не водяная, а простое ожирѣніе, то все же обратитесь къ доктору.

— И мозгъ отекаетъ! Самъ чувствую: попишу полчаса и устаю, является сонливость... Удивляетъ даже...

— Зовите доктора.

— Не вѣрю я имъ. Всю жизнь провелъ безъ нихъ.

— При вашемъ богатырскомъ сложеніи немудрено было не вѣрить, а подъ старость надо помогать природѣ.

— Еще болѣе разстроюсь медициной. Придется бросить старыя привычки и т. д. Потомъ—кого пригласить въ такую даль? Племянника изъ Смоленска—неделикатно звать, такъ какъ онъ не беретъ денегъ съ меня. Надо будетъ выписать самаго ближайшаго ко мнѣ врача изъ Дорогобужа...

А, впрочемъ, я такъ сдѣлаю: я заведу дневникъ о болѣзни и пошлю его племяннику въ Смоленскъ. Пусть самъ судитъ, стоитъ ли пріѣзжать ко мнѣ или можно заочно что-нибудь посовѣтовать и прописать. Такъ будетъ деликатнѣе и проще.

Планы А. Н. разстроила Авдотья, жена бывшаго старосты Ивана. Узнавши отъ меня, что у А. Н. водяная, она пошла къ нему въ домъ и, безъ всякихъ предосторожностей, съ неподдѣльнымъ сожалѣніемъ закричала:

— Что-жъ это вы, А. Н., не лечитесь-то? Вѣдь у васъ водяная... Глядите-ка, ноги-то такія... Долго-ли умереть! Опухли всѣ и животъ большой... Два аршина въ обхватѣ. Подступитъ къ горлу и задушитъ!

Эти слова простой женщины произвели сильное впечатлѣніе на больного и онъ тотчасъ распорядился послать за докторомъ въ г. Дорогобужъ. Какъ только поѣхали за докторомъ, онъ сталъ усиленно продолжать дневникъ о болѣзни: тщательно слѣдилъ за выдѣленіемъ жидкостей, настроеніемъ духа, сна и т. д. Пріѣхавшаго доктора подробно разспрашивалъ о болѣзни, вліяніи лекарствъ и тщательно исполнялъ всѣ его предписанія. Если случалось доктору опоздать или пріѣхать не въ тотъ день, въ который было условлено, онъ раздражался и говорилъ:

— Что-же онъ не ѣдетъ? Или я не серьезно боленъ. Тогда—такъ и скажи. Я самъ не буду приглашать.

— Вѣдь вы не вѣрите въ медицину, что же вы такъ безпокоитесь?

— Разъ ужъ я взялся лечиться,— сердито отвѣчалъ онъ:—то нужно это дѣлать толково и аккуратно. Все, что я дѣлаю, я люблю дѣлать аккуратно и до конца... Я и къ болѣзни отношусь, какъ къ своимъ опытамъ съ фосфоритомъ. Все надо дѣлать форменно и аккуратно; надо дорожить и формою, и содержаніемъ.

— Вы самого себя, кажется, хотите употребить на медицинскіе опыты?

— Ха! Ха! Вы остроумно замѣтили это... Но тутъ просто у меня привычка такая: если ужъ считаешь леченіе дѣломъ, такъ оно и должно быть дѣломъ... Терпѣть не могу отношенія кое-какъ и когда вздумается.

— Но у доктора не одинъ вы... Онъ такъ добросовѣстенъ.

— Знаю! Знаю! Но ужъ такая привычка: если условлено, такъ и исполняй, какъ сказано. Аккуратность—привилегія королей. Вы знаете, какъ у меня въ хозяйствѣ: все по счету, всему назначенъ срокъ, всему имѣется учетъ, выведены остатки, форменно и аккуратно. Послушался я Авдотьи и весь ушелъ въ леченіе. Все надо дѣлать въ совершенствѣ. Вы думаете, я боюсь смерти? Я не боюсь смерти, а боюсь не окончить работы... Умирать надо когда-нибудь, а страдать не хочется. Организмъ мой сильный и не скоро поддастся смерти. Калѣкой страшно быть, лучше умереть.

Горестное желаніе профессора было близко къ осуществленію. Болѣзнь усиленно развивалась, несмотря на энергичную борьбу съ ней. Появились отеки лица, бредъ и галлюцинаціи.

Въ виду того, что онъ нѣсколько разъ падалъ въ бреду съ кровати, я часто ночевалъ у него и слѣдилъ за больнымъ. Иногда онъ просыпался съ крикомъ:

— Спасайтесь! Спасайтесь! Видите, нападаютъ. Дѣти и жена сѣли въ коляску и уѣхали, а теперь намъ нужно защищаться.

— Кто нападаетъ на васъ, Александръ Николевичъ? Никого нѣтъ.

— Какъ никого? Развѣ вы не видите, крѣпость осаждаютъ?

— Какая крѣпость, вы у себя въ имѣніи.

— Нижегородская крѣпость и мужики хотятъ ее взять. Я вѣдь назначенъ генералъ-губернаторомъ для защиты.

— Вы у себя въ Батищевѣ.

— Что вы говорите! Сейчасъ-же здѣсь сражались. Не сумасшедшій-же я!

— Никого не было. Мы оба спали.

— Что-же я, по вашему, съ ума схожу? Вѣдь я же самъ видѣлъ бунтовщиковъ, и вонъ кто-то теперь еще лежитъ на полу.

Онъ нагибался, шарилъ рукой по полу и, не найдя никого, опускался на кровать въ раздумьи.

— Вѣдь это все моя болѣзнь,—говорилъ онъ успокоившись.—Плохо мнѣ. Неужели я сойду съ ума? Вотъ чего я

боюсь: сойти съ ума и остаться жить... Если сойду съ ума или умру, намѣченные опыты останутся неоконченными. Вѣдь жаль, если все это пропадетъ. Надо каждый опытъ «долбить», какъ я долбилъ о фосфоритѣ, чтобы дѣло пошло. Боюсь я, что опыты съ каинитомъ подъ ленъ вызовутъ недоразумѣнія и дѣло затормазится, какъ было въ семидесятыхъ годахъ съ фосфоритомъ.

— Полноте, Александръ Николаевичъ, ложитесь спать. Поправитесь и примитесь опять за работу.

— Нѣтъ, не поправлюсь... Не проживу ужъ пяти лѣтъ и опыты не кончу. Боюсь съ ума сойти.

Днемъ, едва ему дѣлалось лучше, онъ принимался писать отчетъ министерству о дѣйствіи каинита на ленъ, но, проработавъ $^1/_4$ часа онъ уставалъ и засыпалъ; проснувшись онъ вновь долженъ былъ передѣлывать ту же самую работу, чтобы возстановить въ памяти все движеніе дѣла, тѣмъ не менѣе онъ удовлетворялся работой только тогда, когда его цифры сходились съ цифрами его помощника, А. Д. Страхова. Тогда онъ убѣждался, что работа вѣрна, и продолжалъ ее далѣе. Работа съ перерывами, повтореніями и исправленіями усиливала его безпокойство, сопровождаемое часто галлюцинаціями. Вечеромъ однажды онъ вскочилъ съ кровати и пошелъ прямо на стѣну, не замѣчая ее.

— Куда вы? Куда вы?

— Какъ куда? Развѣ не видите, купцы пріѣхали и ссорятся у амбаровъ.

— Гдѣ ссора? Какіе купцы?

— Видите, обвѣшиваютъ на льнѣ... Тамъ вѣдь у амбаровъ продаютъ ленъ съ опытныхъ полей.

— Это вамъ кажется, Александръ Николаевичъ. Вы сегодня много занимались. Это вамъ вредно, а вы не слушаетесь.

— Да я же самъ вижу... Вонъ они.

— Это голая стѣна.

— Стѣна, а не амбаръ? Опять значитъ я... Что если я съ ума схожу?

— Пройдетъ, А. Н.

— А если... Если я съ ума схожу... Это ужасно.

Трудно было разсѣять въ немъ эту боязнь сумасшествія и онъ часто хитрилъ самъ съ собой, спрашивая окружающихъ для провѣрки себя:

— Зачѣмъ пріѣзжали купцы изъ города?

— Какіе купцы?

— Льномъ торгуютъ...

— Никто не пріѣзжалъ.

— А ссоры не было съ ними?

— Никакой не было ссоры...

Такими вопросами у прислуги онъ провѣрялъ свои галлюцинаціи, которыя все еще продолжали иногда казаться правдоподобными. Несмотря на это, онъ каждый вечеръ подробно заносилъ въ приходо-расходныя книги событія хозяйственнаго дня и не нарушалъ заведенный у себя порядокъ. Конечно, онъ бодрствовалъ тогда, когда ему было легче, а чаще онъ сидѣлъ и бредилъ все тѣмъ-же хозяйствомъ и своими опытами.

— Фосфоритъ! Каинитъ! Калійныя удобренія! Гипсъ! Метеорологическая станція! Химическая станція! Почвенныя изслѣдованія! и т. п. вопросы безпорядочно чередовались въ его головѣ и, дѣйствительно, можно было опасаться за его разсудокъ. Но—медицина помогла. Ему стало легче, отеки лица прошли, галлюцинаціи исчезли. Надо было видѣть его радость, когда онъ почувствовалъ облегченіе.

— Еще поработаемъ!—говорилъ онъ. Я еще гожусь на что нибудь... Вотъ допишу отчетъ и примусь за новое. Немного жить остается... Торопиться надо съ работой... Хоть эти пять лѣтъ министерскихъ опытовъ прожить! Сколько пропало времени-то въ моей жизни...

Александръ Николаевичъ заботился о томъ, чтобы и умереть «форменно», и эти заботы напомнили мнѣ предыдущія его заболѣванія, когда онъ тоже безпокоился о похоронахъ и весьма негодовалъ на то, что староста подстригъ, безъ его распоряженія, хвосты лошадямъ.

— На чемъ-же меня повезутъ, если умру?—безпокойно спрашивалъ онъ.—Неужели на безхвостыхъ лошадяхъ. Гдѣже это видано... Если я умру, то вы, пожалуйста, похороните меня на своихъ лошадяхъ, а моихъ безхвостыхъ не трогайте, чтобы похоронныя лошади были форменныя, какъ слѣдуетъ лошадямъ быть.

Эта забота, чтобы и внѣшность и содержаніе не были забыты во всякомъ дѣлѣ— сказывалась у Энгельгардта и ранѣе, въ его научныхъ занятіяхъ со студентами въ лабораріи и на поляхъ собственнаго имѣнія.

— Дѣлайте, какъ люди дѣлаютъ!—замѣчалъ онъ.—Формальность и обычаи тоже помогаютъ сути... Съ умомъ все хорошо! Кто постигъ заведенный уже порядокъ—тотъ полдѣла сдѣлалъ! А то вы научились у меня сѣно косить, а опрокинутый возъ съ сѣномъ на дорогѣ не поднимете, если не приглядывались ранѣе, какъ ловко мужиченко одной рукой ставитъ его въ первоначальное положеніе. Потому-что мужиченокъ все форменно дѣлаетъ и знаетъ, какъ всѣ люди это дѣлаютъ: какіе у нихъ на все выработаны пріемы. А вы начнете по первому абцугу вводить новости и засорите другимъ дорогу. Будете умѣть дрова рубить, а начнете колъ тесать, промежности себѣ разсѣчете топоромъ... Не такъ нагибаетесь надъ коломъ, какъ всѣ мужики; не хотите дѣлать, какъ люди дѣлаютъ, умнѣе хотите быть... А это даромъ не дается. Богъ-то — старый хозяинъ: онъ знаетъ, что́ къ къ чему и какъ; прежде насъ научилъ мужика уму-разуму и намъ остается прежде всего приглядѣться къ его пріемамъ, сноровкѣ и порядку... Кто будетъ умѣть взяться за всякое дѣло форменно, тотъ скорѣе пойметъ и содержаніе дѣла, чѣмъ тотъ, кто прежде отрицаетъ формальности, а потомъ начинаетъ понимать дѣло... А кто не понимаетъ дѣла, тотъ всегда хочетъ выиграть оригинальностью и новизной. Ему легко, по невѣжеству своему, быть оригинальнымъ: что ни скажетъ—все будетъ оригинально и вмѣстѣ безполезно! Я даже не люблю такихъ людей. Это все великіе люди на малыя дѣла... Когда мнѣ пишутъ письма безъ еровъ, такъ я даже не отвѣчаю на такія письма. Пустой, значитъ, человѣкъ! Не уважающій мои привычки, вѣчно занятъ пустяками, а не дѣломъ! Если хочешь, чтобы тебѣ отвѣчали, пиши всегда ъ, и всякій разъ проставляй свой адресъ, такъ какъ я не обязанъ беречь или помнить старый. Вотъ это будетъ, какъ слѣдуетъ. Аккуратный, скажу, человѣкъ.

Быть аккуратнымъ — сдѣлалось страстью Энгельгардта, но эта аккуратность была преимущественно въ занятіяхъ и на работѣ. Онъ все любилъ дѣлать чисто, какъ интелли-

гентный человѣкъ долженъ былъ бы дѣлать всякую работу. Между тѣмъ въ обыденной жизни онъ никогда не былъ мелоченъ, не давилъ постороннихъ лицъ требовательностью къ своимъ привычкамъ, и даже его большое самомнѣніе всегда сказывалось только въ какомъ-нибудь интересномъ дѣлѣ или разговорѣ, непремѣнно идейномъ и поучительномъ. Поправившись нѣсколько отъ болѣзни, онъ тотчасъ же приступилъ къ осуществленію дальнѣйшихъ плановъ. Но это счастливое состояніе духа не могло продолжаться долго: сердечная дѣятельность его была крайне слаба, а онъ продолжалъ волноваться и мелочами хозяйства, и смертью В. Черняева, и слухами о новомъ назначеніи Плеве или Ермолова, неопредѣленностью министерства государственныхъ имуществъ, въ зависимости отъ котораго онъ ставилъ и свои опыты. Такъ тянулось время до послѣднихъ двухъ дней его жизни, и онъ, вмѣстѣ съ окружающими, былъ все-таки далекъ мыслью отъ близкой кончины. Вдругъ 19 января 1893 г. онъ почувствовалъ онѣмѣніе правой руки и охлажденіе пальцевъ. Принимая это явленіе за параличъ, онъ прежде всего пожалѣлъ о возможности работать перомъ. Сильно волнуясь, онъ нѣжно обращался къ рукѣ:

— Поработала, матушка! А безъ нея ужъ какая жизнь!..

Къ концу дня эта рука неожиданно поправилась и стала двигаться; Александръ Николаевичъ до того былъ радъ, что цѣловалъ свои пальцы и дѣлалъ нѣсколько разъ пробы письма. На слѣдующій день другая рука перестала работать, и онъ опять началъ увѣрять, что это параличъ, и ужасно разсердился, когда въ утѣшеніе ему сказали, что онъ просто отлежалъ руку.

— Сердце уже не даетъ питанія оконечностямъ, мурашки по тѣлу ходятъ, а вы говорите отлежалъ... Вотъ кто теперь будетъ вести записныя книги? Другой день вы за меня пишете.

На утро, 21 января, ему стало легче, хотя писать онъ все-таки не могъ. Утромъ рано къ нему пріѣхалъ прежній староста Иванъ, жившій въ сосѣдней деревнѣ и теперь не покидавшій больного. Значительнаго ухудшенія въ здоровьи А. Н—ча не замѣчалось, и самъ онъ говорилъ Ивану о томъ, что намѣренъ весной въ «фосфоритной» колясочкѣ ѣздить на опытныя поля.

— Вотъ скоро прилетятъ чибеса на болота, — мечталъ онъ:—жаворонки въ поля, соловьи—въ садъ...

Не вѣрилъ этимъ словамъ только Иванъ Павловичъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Александръ Николаевичъ въ этотъ день непремѣнно умретъ. «Я всю ночь не спалъ,—говорилъ онъ:—боялся, что А. Н. скончается до моего прихода. Торопился. Хочу, чтобъ онъ умеръ на моихъ рукахъ». Трогательно онъ ухаживалъ за своимъ больнымъ бариномъ и все время держалъ его за руку, когда А. Н., позвавъ къ себѣ дочь, говорилъ ей, гдѣ что у него лежитъ и что теперь надо будетъ записать въ книги... Онъ хотѣлъ ей диктовать, но вдругъ голова его опустилась на грудь, и онъ тотчасъ же скончался. Ослабленная дѣятельность сердца окончилась параличемъ.

Покойный былъ перевезенъ изъ с. Батищева въ фамильный склепъ Энгельгардтовъ, находящійся въ 2-хъ верстахъ отъ ихъ родоваго имѣнія «Климово», въ 30-ти верстахъ отъ станціи Ярцево, Московско-Брестской желѣзной дороги. Онъ лежалъ въ массивномъ гробѣ, поставленномъ на мѣшкахъ съ фосфоритною мукою. Лица присутствующихъ выражали глубою скорбь, когда А. Н—ча опустили въ могилу и одимъ крупнымъ человѣкомъ на свѣтѣ стало меньше...

Порфирій Ивановичъ Войнаральскій.

I.

Призывъ русской интеллигенціи А. Н. Энгельгардтомъ къ «сліянію» съ народомъ былъ повтореніемъ болѣе ранняго призыва молодежи къ «опрощенію» дѣятелями такъ называемаго «процесса 193-хъ». Разница заключалась въ томъ, что въ самомъ началѣ 70 годовъ этотъ призывъ интеллигентныхъ людей къ сліянію съ народомъ носилъ на себѣ политическій характеръ, а у энгельгардтовцевъ—мирно-агрономическій. Но тому и другому направленію отвѣтствовала сама жизнь, болѣе могущественная, чѣмъ талантливость отдѣльныхъ лицъ или вліяніе эмиграціонной литературы на русское общество.

Слѣдуетъ вспомнить, что шестидесятые годы, послѣ крымской кампаніи, были не только обличительными по вопросу о крѣпостномъ правѣ и бюрократическомъ произволѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и созидательными въ сферѣ свободы личности, труда, печатнаго дѣла, судебнаго, университетскаго, земскаго и народнаго просвѣщенія. Народъ изучался усиленно по особо спеціальнымъ программамъ для изслѣдованій общины, артели, раскола и т. д. Этнографія имѣла Якушкина, живопись изобиловала народнымъ жанромъ, театръ—народными драмами (Островскій, Писемскій, Горбуновъ и т. д.). Романы, повѣсти и стихи согрѣты народолюбіемъ (Рѣшетниковъ, Левитовъ, Успенскій, Слѣпцовъ, Златовратскій, Некрасовъ), равно какъ и публицистика, и ораторство въ земскихъ и судебныхъ состязаніяхъ. Воодушевленное лучшими намѣреніями общество зарекомендовало себя въ институтѣ мировыхъ посредниковъ, гласнаго суда

и въ цѣломъ рядѣ устройствъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, кассъ, артелей, воскресныхъ школъ, изданіемъ народныхъ книгъ, журналовъ, газетъ и глубокой скорбью при отступленіяхъ въ правительственныхъ сферахъ отъ началъ, положенныхъ въ реформы императора Александра II. Въ послѣдующіе семидесятые годы въ русскомъ обществѣ усиливается ригоризмъ и пуританство нравовъ. Молодежь перестаетъ интересоваться просвѣщеннымъ индивидуализмомъ Писарева и горячо увлекается служеніемъ народному дѣлу. Народническая литература чаруетъ насъ образами изъ жизни крестьянъ въ духѣ «Хроники села Смурина» и дискредитируетъ культурные классы вертунами и хлыщами изъ этой среды. Даже Лопухинъ и Кирсановъ теряютъ свое обаяніе и каждому сталъ дорогъ исключительно Рахметовъ (ром. «Что дѣлать»), Стожаровъ и Карамановъ («Знаменіе времени», Лео и Туски («Одинъ въ полѣ—не воинъ»), Эмма Швейцера и Шовель изъ «Исторіи французскаго крестьянина». Обаяніе демократическихъ вымысловъ росло по мѣрѣ того, какъ для интеллигенціи все болѣе и болѣе суживалось поле дѣятельности и по необходимости зарождалась мысль о разрывѣ съ привиллегированнымъ положеніемъ и сліяніи съ народомъ. Авторъ «Историческихъ Писемъ» писалъ о долгахъ интеллигенціи передъ народомъ и призывалъ ее къ уплатѣ ихъ; Н. Михайловскій восхищался «кающимся дворяниномъ»; авторъ «Азбуки соціальныхъ наукъ» требовалъ сократить потребности до minimum'а и доказывалъ, что міромъ управляетъ не эгоизмъ, а общественные инстинкты; другіе писатели убѣждали, что этихъ общественныхъ инстинктовъ гораздо болѣе въ простомъ народѣ, чѣмъ въ образованныхъ классахъ, и ссылались на Европу, упуская однако изъ виду всеобщее образованіе европейскихъ массъ и существованіе избирательной борьбы, при которой на западѣ не страшенъ даже самый милитаризмъ. Тому же направленію умовъ содѣйствовали Милль, Спенсеръ, Лассаль, Марксъ, «Интернаціоналъ», «Парижская коммуна» и т. д.

Конечно болѣе моральныя чувства побудили русскую интеллигенцію идти въ народъ и стремиться раздѣлить его участь. Будь у этой интеллигенціи свое мѣсто въ правящихъ сферахъ, она не такъ бы быстро увлеклась идеализированнымъ по европейски мужикомъ и скорѣе бы увидѣла сѣрую и не-

подвижную массу русскаго крестьянства, одичавшую нынѣ до хулиганства и погромовъ новобранцами и запасными чинами не только еврейскихъ мѣстечекъ, но и русскихъ деревень по пути слѣдованія на Дальній Востокъ... При политическомъ благополучіи, эта молодежь гораздо болѣе уважала бы присущую себѣ роль въ общественной жизни и самый призывъ къ сліянію съ народомъ былъ бы иной, чѣмъ въ семидесятыхъ годахъ. Но исторія нашего прошлаго сложилась такъ, что призывъ» «все для народа и черезъ народъ»—увлекъ интеллигентныхъ людей въ положеніе чернорабочаго и тамъ-то неумѣлая физическая работа «кающагося дворянина» въ деревняхъ и на фабрикахъ, съ необычной устной пропагандой о политическомъ строѣ Россіи, тотчасъ же обратили на себя вниманіе администраціи.

На этой почвѣ возникъ громадный политическій процессъ—193-хъ...

Главную роль въ немъ, между прочимъ, игралъ Порфирій Ивановичъ Войнаральскій—богатый пензенскій помѣщикъ и мировой судья, Городищенскаго уѣзда. Онъ былъ жертвою увлеченія «идеализированнымъ мужикомъ» и претерпѣлъ болѣе чѣмъ достаточно за свою увѣренность въ него.

Послѣ продолжительнаго одиночнаго заключенія, онъ былъ сосланъ въ Якутскую область и собственно съ этого момента его личность получаетъ право на общественное вниманіе. Какъ политическій агитаторъ, онъ былъ арестованъ въ самомъ началѣ «сліянія съ народомъ» и, конечно, ничего не внесъ новаго въ эту среду. Но какъ поселенецъ въ Восточной Сибири, онъ, при самыхъ невозможныхъ условіяхъ жизни, явилъ удивительный примѣръ талантливости русскаго человѣка въ научной постановкѣ вопроса о переходѣ инородцевъ отъ промыслово-скотоводческаго быта къ земледѣльческому. По этому вопросу о «приполярномъ земледѣліи» у меня сохранилась Войнаральскимъ любопытная переписка.

Мнѣ пришлось разстаться съ Войнаральскимъ въ Петропавловской крѣпости зимой 1888 г., и только въ 1896 г. я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

Якутскъ, 29 января 96.

Письмо это будетъ для васъ, старый товарищъ,—большою неожиданностью.

По всей вѣроятности, я не дерзнулъ бы изъ этой, нашей, далекой глуши напоминать о своемъ существованіи, если бы не прочелъ случайно вашихъ воспоминаній объ одиночномъ заключеніи («Историческій Вѣстникъ» за 1895 годъ), гдѣ нашелъ глубоко тронувшія меня нѣсколько строкъ, направленныя по моему адресу...

Этотъ самый безусловно погибшій человѣкъ, котораго вы тогда оплакали своими чистыми слезами, не можетъ удержать себя отъ попытки дать вамъ знать, что онъ живъ, живъ не только плотью, но можетъ быть еще болѣе духомъ и мыслью...

Не пройдетъ еще одного года, какъ я смогу по закону вернуться въ дорогую Россію, жизнью которой пришлось жить такъ долго лишь по слухамъ...

Вы прекрасно поняли характеръ психологическаго вліянія «одиночки»,—конечно, лучше чѣмъ многіе другіе поймете, что долженъ переживать человѣкъ наканунѣ своего возвращенія къ жизни, послѣ 7-лѣтняго одиночества въ казематахъ и 15-лѣтней ссылки въ полярной тайгѣ.

Въ послѣдніе годы, подготовляясь къ Россіи, я былъ занятъ очень важнымъ вопросомъ о земледѣліи въ Якутской области, какъ вопросомъ спорнымъ... За подписью «Огонера» (по якутски—старикъ) найдется нѣсколько статей въ запискахъ «В.-С. Отдѣла», «Восточн. Обозрѣн.» и «Сибирск. Вѣстникѣ». Теперь посылаю письмо о томъ же вопросѣ въ «Русское Богатство» съ приложеніемъ проекта объ организаціи «вспомогательныхъ станцій».

Податель настоящаго письма, якутъ, просилъ меня дать ему рекомендацію къ интеллигентнымъ людямъ Европ. Россіи. Онъ представляетъ собою одного изъ немногихъ интеллигентныхъ инородцевъ, не порвавшихъ связи съ родн. средою. Среда эта не могла не вліять на него подалляюще, но во всякомъ случаѣ порывы къ лучшему въ немъ еще живы. Онъ ищетъ исхода, опоры въ лучшихъ культурныхъ теченіяхъ...

Направляя его къ вамъ, я вполнѣ увѣренъ, что вы поможете ему найти ту опору, которая дастъ ему силу остаться на всегда честнымъ и лучшимъ работникомъ въ интересахъ нашихъ обездоленныхъ инородцевъ. Среди повальнаго мрака, окружающаго насъ,—такіе работники не-

оцѣнимы. Значеніе его по возвращеніи сюда изъ Россіи будетъ громадно.

Если и теперь онъ играетъ здѣсь роль,—какъ экспертъ въ глазахъ администраціи по вопросамъ инородческой жизни и какъ вліятельный сородовичъ въ глазахъ массы,—то эта роль въ будущемъ имѣетъ быть еще и еще болѣе.

Вотъ почему было бы крайне желательно укрѣпить его въ идеѣ о возможности и благотворности развитія здѣсь земледѣльческой формы труда.

Взглядъ мой по этому вопросу вы найдете въ прилагаемомъ при семъ проектѣ. Вѣроятно вы не откажите въ содѣйствіи поставить этотъ важный вопросъ въ томъ и другомъ ученомъ сел.-хоз. обществѣ.

Вообще же развитіе земледѣлія и борьба съ кабалою настолько важны здѣсь, что всякій толчекъ, который вы сможете дать въ этомъ направленіи, будетъ весьма благодѣтельнымъ.

Какъ матеріаломъ для такого толчка вы можете воспользоваться и моими будущими къ вамъ письмами, и проектомъ.

II.

Того же года, отъ 30 августа я получилъ отъ Войнаральскаго слѣдующее письмо:

30/VIII. Близъ Якутска, деревня Чуранча.

Дорогой Анатолій Ивановичъ. Я пережилъ одну изъ счастливѣйшихъ минутъ, получивъ (14/VII) письмо ваше отъ 4/VI. Душевно благодарю за сердечный откликъ и готовность помочь моему возвращенію въ Россію—этому завѣтному моему желанію въ теченіи многихъ лѣтъ. Прежнія душевныя и идейныя связи мои съ Россіею, мало по малу, въ теченіи послѣднихъ 13 лѣтъ—ослабли и даже исчезли. Новые элементы, забрасываемые сюда, въ эту далекую окраину, предназначенную преимущественно для высылки еврейскаго элемента,—при хаотическомъ міровоззрѣніи, знаменующемъ шатаніе радикальной мысли въ русской молодежи, вносятъ совершенно чуждый мнѣ принципъ индивидуализма въ частной жизни, или даже сухого эгоизма, а также умѣлое искусство оппортунизма и компромиссовъ въ

такой сферѣ, куда я не сунулъ бы носа. Послѣднее, конечно и къ счастью, только исключительные, рѣдкіе факты, но по моему,—они естественный результатъ пребыванія на наклонной плоскости эгоистическихъ побудовъ на оппортунистической почвѣ. Немногіе изъ стариковъ, заброшенныхъ сюда бурею 70-хъ и начала 80-хъ годовъ и сдерживавшихъ тѣ эгоистическіе побуды, или отошли ad patres, или удачно эмигрировали, или же (въ небольшомъ числѣ), выбравшись на сравнительно свѣжій воздухъ,—«безъ урона нравственнаго достоинства и чести» культуртрегерствуютъ въ мѣстной сферѣ и выжидаютъ лучшаго... Естественно, что съ удаленіемъ отсюда послѣдняго элемента, «Якутка» окончательно обратилась въ страшную бездну не только тьмы и мрака, но и тлетворнаго гніенія. Атмосфера города, гдѣ свилъ себѣ гнѣздо больной интеллигентъ, становится невозможною. Чувство, искренность проявленія прежнихъ отношеній—обратились въ мертвую формальность; библіотека, касса, собранія — потеряли свою жизненность; поддержка ихъ скорѣе обуза, чѣмъ потребность. Въ горячей рѣчи, если изрѣдка и удастся ее слышать, звучатъ фразы, въ сердечномъ привѣтѣ чувствуешь обывательскій этикетъ.

Душно, страшно душно, дорогой Анатолій Ивановичъ, прозябать въ такой безднѣ; тѣмъ болѣе тяжело для меня, въ теченіи долгихъ лѣтъ сжившагося съ другими принципами, съ иными завѣтами, интересами и чувствами...

Для облегченія души и укрѣпленія нервовъ мнѣ помогаютъ интересы инородческаго быта, который я изучилъ и на улучшеніе котораго посвящаю свои силы.

13 лѣтъ близкаго знакомства съ переживаемымъ нашими инородцами тяжелымъ кризисомъ въ хозяйственномъ ихъ бытѣ естественно возбудили и упрочили во мнѣ твердое стремленіе дать что-либо цѣлесообразное для облегченія этого кризиса и въ частности рельефно выдвинуть важный вопросъ о развитіи и упроченіи въ приполярномъ краѣ земледѣлія, какъ основной формы экономической дѣятельности и конечно, не владѣльческо-промышленнаго, а личнотрудового, мелкаго. О недостаткѣ земли здѣсь не можетъ быть и рѣчи; нелѣпо, также, говорить и объ инертности якутовъ... Казалось бы, что все это такъ ясно и вѣрно... Но рутина всесильна. Ясная истина признана ересью, увлеченіемъ мотоида.

Въ печать проникла только моя статья «Изъ полярнаго края» *) и «Письма съ Алдана» **). Остальное или гніетъ въ архивахъ Статистическаго Комитета и областнаго правленія, или ждетъ своей судьбы въ портфеляхъ редакцій и отдѣла Иркутскаго Географическаго Общества ***). Гдѣ же причина такого безучастнаго отношенія къ затрагиваемому мною вопросу? Что упроченіе собственно земледѣлія въ инородческой массѣ—грозитъ карманамъ ихъ нынѣшнихъ патроновъ, живущихъ ихъ кабальнымъ трудомъ, и коммерсантамъ, ввозящимъ сюда хлѣбъ, взамѣнъ вывозимаго скота,—то это слишкомъ ясно. Но почему интеллигенція безучастна?

Относительно характера работъ Отдѣла и соприкасающихся къ нему интиллегентовъ, то еще недавно «Восточное Обозрѣніе» совершенно справедливо отмѣтило, что работы эти являются какъ бы отрѣшенными отъ жизни. И дѣйствительно, изученіе монгольскихъ надписей и другихъ памятниковъ былого, геологіи, палентологіи, антропологіи, этнографіи, филологіи и т. п. отвлекли такъ много рабочихъ интеллигентовъ, что вопросы «злобы дня» остаются въ сторонѣ. Тѣмъ же характеромъ отличается и такъ много рекламировавшаяся Сибиряковская экспедиція по изученію Якутской области. Экскурсанты этой экспедиціи, въ то же время и сотрудники знаменитой «Памятной книжки Якутской области на 1896 г.» дали до сихъ поръ или совершенно еще необработанный, сырой матеріалъ ****) (на обработку котораго средствъ не предвидится) по вопросамъ вышеприведеннаго характера, или же предподнесли въ той «книжкѣ» такія статьи и проекты, которые удостоились

*) „Сибирскій Сборникъ“; приложеніе къ „Вост. Обозр.“ вып. I, 1896 г.

**) „Вост. Обозр.“ съ ноября 1895 г. до 40-во № 1896, при чемъ одно письмо напечатано въ фельетонѣ—„Въ якутской юртѣ“—всѣ за подписью „Огонеръ“.

***) Немудрено поэтому, что я въ виду такого ничтожнаго количества моей напечатанной работы, рѣшительно не считаю себя въ правѣ расчитывать на помощь Литературнаго фонда. Скорѣе я считаю себя въ правѣ на помощь какого-либо спеціальнаго учрежденія для дальнѣйшихъ наблюденій и разработки статей по вопросу о приполярномъ земледѣліи. Поэтому въ непродолжительномъ времени пошлю свои очерки въ одно изъ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій, о чемъ тогда же сообщу и вамъ.

****) Матеріалъ этотъ, до представленія въ „Отдѣлъ“ по условію организаціи экспедиціи, предварительно проходилъ чрезъ цензуру губернатора.

санкціи нашего талантливаго администратора (такъ воспѣлъ его авторъ «Письма изъ Якутска» №№ 151—152 Вост. Обозр. 1894 г.). Этотъ же авторъ продолжалъ въ своей «Якутской Хроник» «Вост. Обозр.» держаться того же тона передъ этимъ администраторомъ. Но увы, промолвился онъ однажды нескромнымъ намекомъ на прозрачныя поѣздки того лица къ богатымъ и покровительствуемымъ скопцамъ (здѣсь признаваемымъ за носителей культуры! Каково? Скопецъ—носитель культуры!!) и вотъ получаетъ приглашеніе; выслушиваетъ внушеніе; удаляется съ должности помощника секретаря Статистическаго Комитета; приглашается быть скромнымъ подъ опасеніемъ прогулки въ охлаждающій Колымскъ, а пока что, предъ возвращеніемъ въ Россію, получаетъ прибавки 2 года гласнаго надзора. Къ сожалѣнію авторъ этотъ никто иной, какъ авторъ очень недурныхъ этюдовъ: «Подъ утесомъ» (въ «Рус. Бог.» 1895 г., кажется № 5) и «На Ленѣ» («Сиб. Сборн.» 1896 г., вып. I).

Кстати добавлю, что эти экскурсанты за свои работы по экспедиціи и «Памятной книжкѣ» получили отъ Сибирякова 10,000 руб., особо на словарь 800 р., изъ Отдѣла за разборку матеріала еще дополучаютъ сотни по двѣ въ мѣсяцъ, да отъ губернатора изъ суммъ поступившихъ на «нужды области» (изъ пожертвованій) около 3,300 р. Такъ, что израсходовано на изслѣдованіе Якутской области около 15,000 руб., а каковы результаты?

Нельзя промолчать, что изъ помянутыхъ суммъ «на нужды области», собранныхъ всего въ количествѣ 16,000 р., израсходовано (по отчету, помѣщенному въ III выпускъ той «Памятн. книжки» 1896 г.) на означенныя «ученыя работы» 3,300 р., на ссудныя кассы 1000 р., на нужды музея и школьнаго дѣла около 2,000 р., на пособія разнымъ лицамъ около 400 р., а остальные 9,300 р. какъ бы вы думали, на что?!. *на постройку новаго общественнаго собранія въ Якутскѣ для танцевъ, пѣнія, спектаклей и т. п.* Неправда ли, что вѣдь это самая *неотложная нужда* обывателей области? Стоитъ ли думать о такихъ вещахъ, какъ поддержаніе мелкаго земледѣльческаго хозяйства? что̀ за дѣло если этихъ 9,300 руб. было бы достаточно на 9,000 пуд. сѣмяннаго хлѣба, въ которомъ такъ нуждаются закабаленные инородцы и что при урожаѣ въ нашей тайгѣ, эти сѣмена избавили

бы бѣдняковъ отъ необходимости купить 150,000—200,000 пуд. хлѣба, или что тоже сохранили бы у нихъ при здѣшнихъ цѣнахъ, не менѣе 20,000 шт. скота. (Урожай самъ 15—20—не удивляйтесь, въ этомъ году напр., урожай самъ 30—40). Но все это игнорируется, нужно приличное зданіе для увеселеній интеллигентной публики, простора для мордобоя и разгула, нуженъ билліаръ въ 1,100 или 1,500 р., люстра въ 700—800 руб. и т. п. И вотъ, увы, 9,300 руб. оказалось мало; такъ какъ въ сборѣ 16,000 руб. принимали участіе золотопромышленники и скопцы, то недостающее возложено на прибывшихъ въ эту ярмарку торговцевъ; собирается по подпискѣ еще около 2,000 руб. и къ вящему удовольствію публики и «удовлетворенію края», собраніе будетъ открыто къ зимѣ во всемъ его блескѣ.

Кто же усомнится, что во главѣ администраціи стоитъ не талантливый иниціаторъ, какъ окрестилъ его вышеупомянутый *авторъ* №№ 151—152 «Вост. Обозр.».

Рефортаторы наши авторитетно рѣшаютъ, что только скотоводство можетъ быть основною формою труда для громаднаго большинства жителей области, что для этого необходимо (и достаточно) имѣть ветеринаровъ.—не одного, какъ теперь на всю область, но по одному на каждый округа, а также открыть близъ города скотоводческую ферму и рядъ случныхъ пунктовъ, что земледѣліе, какъ подспорный промыселъ, можетъ имѣть значеніе при веденіи его на научныхъ, раціональныхъ началахъ, что для этого должно подготовить въ особой спеціальной школѣ мѣстныхъ спеціалистовъ. И такимъ образомъ являются въ свѣтъ (Памятн. кн. 1896 г.) и представляются въ Питеръ—проекты объ увеличеніи числа ветеринаровъ, объ открытіи скотоводческихъ фермъ, и объ открытіи земледѣльческой школы, съ просьбою ежегодной на все это ассигновки отъ казны около 30,000 руб.

Въ поддержку указанныхъ идей относительно скотоводства и земледѣлія имѣется яко бы капитальная статья въ «Пам. кн. 1896 г. Іохельсона» (члена Сибиряковской экспедиціи по Колымскому округу). Несмотря на то, что авторъ старается придать полную догматичность высказываемымъ имъ положеніямъ, каждая страница, гдѣ онъ говоритъ о земледѣліи съ технической стороны, ясно доказываетъ полное

его незнакомство съ земледѣліемъ, какъ съ наукою. И дѣйствительно, получивъ случайно приглашеніе дать эту статью, онъ сначала пришелъ было въ трепетъ, сознавая полное свое невѣжество въ этой области. Человѣкъ кабинета, а прежде житель Германіи по преимуществу, не изучая никогда сельскаго хозяйства ни въ Россіи, ни тѣмъ паче здѣсь въ тайгѣ, онъ, однакожъ заручившись календаремъ Баталина и книгою Людоговскаго, а еще болѣе, опираясь на авторитетныя мнѣнія нашихъ дѣльцовъ—якутскихъ тойековъ очень скоро преисполнился надлежащимъ апломбомъ и за представленную статью получилъ милую благодарность (конечно и гонораръ по 40 р. съ листа). Въ статьѣ этой можно найти и такіе перлы: что-де якуты *безразсудно* отчуждаютъ лучшихъ производителей!?. (Какъ будто кабальникъ смѣетъ не дать своему патрону лучшую, выбранную послѣднимъ скотину), что Черскій-де впадаетъ въ иллюзію, утверждая о возможности земледѣлія въ Индигирско-Колымскомъ плоскогорьѣ; что-де онъ, хотя и знаменитый ученый, но игнорируетъ законы о народномъ хозяйствѣ... (Такое ляганье покойнаго труженика и честнаго ученаго просто возмутительно!!. Въ подтвержденіе своего отзыва о Черскомъ онъ не потрудился, да и не могъ представить ни одного вѣскаго довода). Основное же положеніе автора, что промышленное земледѣліе въ Якутскомъ Краѣ непримѣнимо, какъ бездоходное,—оказалось настолько шатко, что несмотря на поддержку этой мысли самимъ помпадуромъ, послѣдній вынужденъ былъ допустить къ помѣщенію въ той же книжкѣ другой статьи, какъ *поправки* къ первой, гдѣ доказывается какъ разъ противоположное положеніе. При этомъ авторъ «поправки» не безъ скрытаго ехидства даетъ понять, что г. Іохельсонъ въ вычисленіяхъ своихъ допустилъ нужную для его выводовъ нѣкоторую ошибку въ цифрахъ... Хорошъ же ученый трудъ! Этотъ самый Іохельсонъ еще въ 1892 г. 16 мая, рекламируя себя и другихъ, какъ будущихъ членовъ Сибиряковской экспедиціи («Этногр. Обозр.»), говорилъ, что они «основательно изучили якутскій языкъ (онъ-то самъ, положимъ, совсѣмъ не говоритъ по-якутски), люди серьезные и скромные и въ силу этого воздержатся отъ широкихъ выводовъ и обобщеній».

Но гдѣ же тутъ скромность, если, при ничтожномъ

количествѣ сомнительной вѣрности статистическихъ данныхъ; при полномъ отсутствіи строго-научнаго изслѣдованія условій развитія здѣшней растительности; при очевидномъ незнакомствѣ съ почвой, климатомъ и топографіей области во всемъ ихъ разнообразіи въ различныхъ частяхъ; при умолчаніи объ экономическомъ укладѣ въ инородческомъ сферѣ, такъ сильно парализующемъ всякій самостоятельный «на себя трудъ»,—авторъ такъ смѣло резюмируетъ, что «земледѣліе должно служить только подспорьемъ къ скотоводству», что «только въ спеціальной школѣ вся надежда для будущаго», что «промышленное земледѣліе доказало всю свою несостоятельность». Откуда же авторъ, обѣщавшись быть скромнымъ, набрался такой смѣлости? Не въ совѣтахъ ли экспертовъ-дѣльцовъ, да въ одобреніи проницательнаго помпадура?!.

Другой членъ Сибиряковской экспедиціи и сотрудникъ «Памятной Книжки» г. Майновъ, изслѣдовавъ, вкупѣ съ чиновникомъ особыхъ порученій Кондаковымъ, извозный промыселъ по р. Ленѣ, пришелъ, на основаніи внушительныхъ данныхъ, къ тому, совершенно вѣрному заключенію, что «населеніе цѣлаго округа занимается дѣломъ для большинства жителей несомнѣнно убыточнымъ». Такое явленіе довольно обще и казалось бы уже давно извѣстно, что причина тому кроется въ обездоленности массы, дающей тучную почву для кулачества, что, слѣдовательно, передача подрядовъ по извозу изъ рукъ подрядчиковъ въ общественныя руки не принесетъ никакой пользы, пока въ самой общественной средѣ есть почва для внутреннихъ кулаковъ-міроѣдовъ. И дѣйствительно (Кор. «Вост. Обозр.» изъ Олекминска отъ 23 декабря 1894 г. въ № 15, 1895 г.), затѣя организовать обществ. подряды доставки свелась къ одной фикціи, хотя и оказалась очень выгодною для господъ Ивановыхъ (кулаковъ-міроѣдовъ), являющихся лично или черезъ подставныхъ лицъ, довѣренными отъ общества. Да и можетъ ли иначе быть, если «голосующее стадо слѣпо слѣдуетъ по стопамъ своихъ повелителей», а «Ивановы всегда являются дорогими гостями у мѣстной аристократіи».

Безплодность такихъ затѣй слишкомъ очевидна, особенно если онѣ опираются, какъ въ данномъ случаѣ, на гуманное содѣйствіе воротилъ золотопромышленности, да

на добросовѣстность мѣстной полиціи, являющейся посредницей между обществомъ и пріисками...

Но г. Майновъ, для котораго книга такихъ жизненныхъ явленій открыта уже давно, не стѣсняется въ своемъ печатномъ докладѣ (III вып. Пам. кн. 96 г.) констатировать, что такая организація общественныхъ подрядовъ является «очень дѣйствительнымъ средствомъ въ борьбѣ съ кулачествомъ». А въ приложеніи къ этому докладу даетъ копію одного изъ адресовъ олекминскихъ инородцевъ, преподнесенныхъ губернатору въ знакъ благодарности за организацію общественнаго подряда... Кто не знаетъ смысла и значенія такихъ адресовъ по начальству?!, а г. Майновъ, не конфузясь, относится къ нимъ вполнѣ серьезно... Что же это?

Я говорю подробно о 3-хъ изъ нашихъ интеллигентныхъ работниковъ-культуртрегеровъ Якутской Области, чтобы вы не заподозрили меня въ слишкомъ мрачной оцѣнкѣ окружающей меня среды.

Въ коннѣ 1893 года, когда началась работа по нынѣшней «Памятной книжкѣ», я былъ приглашенъ въ редакцію оной. Имѣлъ возможность проработать нѣсколько мѣсяцевъ надъ массою сырого матеріала и въ результатѣ предлагалъ очерки экономической дѣятельности края, въ которыхъ, какъ центръ тяжести, выставилъ вопросъ о доходности разныхъ промысловъ, выраженной не только въ цифрахъ сбыта на якутскомъ рынкѣ, но и, главнымъ образомъ, въ цифрахъ дохода для непосредственныхъ производителей. Такъ какъ статистика здѣсь хромаетъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, то, конечно, пришлось нѣкоторые пункты оставлять открытыми, намѣтивъ лишь схему для дальнѣйшихъ работъ и источники, откуда можно почерпнуть недостающіе матеріалы. Но такая работа не могла придтись по вкусу. Она шокировала и Статистическій Комитетъ, и всѣхъ посредниковъ между производителями и потребителями. Картина выходила очень мрачна. Началось перередактированіе, сокращеніе и въ результатѣ я взялъ свою работу обратно.

Съ осени 1894 года, заручившись новыми фактами, ясно говорящими о полной возможности культуры разныхъ полезныхъ растеній подъ 64° с. ш., я опять началъ рядомъ писемъ и заявленій бомбардировать администрацію предложеніями открыть или организовать среди обывателей хотя

нѣсколько наблюдательныхъ сельско-хозяйственныхъ станцій по одной программѣ и снабженію меня хотя бы нѣкоторыми метеорологическими инструментами. А для большей внушительности, въ лѣто 1895 года, я производилъ наблюденіе надъ развитіемъ хлѣбовъ и пр. съ точностью и подробностью, посильною для одного человѣка, на полудесятинѣ участка (подъ 64° с. ш.).

На все это никакого отвѣта—официально; а въ частной бесѣдѣ секретарь комитета (онъ же исправникъ) любезно извиняется въ недостаткѣ средствъ и пр... (это при затратѣ 11.000 руб. на собраніе, тогда какъ одной тысячи было бы достаточно на снабженіе десятка наблюдательныхъ станцій необходимыми метеорологическими инструментами, письменными принадлежностями и нѣсколькими руководствами). Наконецъ къ зимѣ 1895—96 гг. я систематизировалъ свои лѣтнія наблюденія и, предпославъ письмо о приполярномъ земледѣліи, представилъ въ комитетъ опись своихъ матеріаловъ, состоящихъ изъ альбома препарированныхъ растеній въ различные періоды ихъ развитія, коллекцію зеренъ, таблицы измѣренія, рисунки и т. п.

Я предложилъ передать этотъ матеріалъ въ музей, если будетъ открыто отдѣленіе сельскаго хозяйства и организованы наблюдательныя станціи для собиранія подобныхъ матеріаловъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Полагая, что это было бы въ высшей степени полезно, я думалъ, что наконецъ-то проберу нашъ комитетъ... Но, увы, до сихъ поръ прошло уже восемь мѣсяцевъ, а отвѣта все еще нѣтъ, а лѣто 1896 г. пропало задаромъ. При личныхъ же свиданіяхъ—снова любезныя извиненія, сожалѣнія о недостаткѣ средствъ и т. д. До такихъ ли пустяковъ нашимъ администраторамъ, когда у нихъ недостаетъ вниманія и человѣчности даже въ такихъ жестокихъ фактахъ, какъ напримѣръ послѣдняя только-что прекращающаяся (отъ наступающихъ холодовъ) эпизоотія (сибирск. язва).

Представьте себѣ—эпизоотія проявилась еще со 2-го іюня, до конца іюля она была локализирована только въ 70-ти-верстномъ раіонѣ и главное въ мѣстности малонаселенной и на окрайнѣ стойбищъ (самый сѣверъ Якутскаго округа при рѣкѣ Алданѣ, за которымъ идетъ необитаемая

тайга и отроги Верхоян. хребта). Инородческая управа доноситъ два раза и проситъ помощи и т. д... Нуль вниманія... Раіонъ заразы расширяется, захватываетъ мѣстности болѣе населенныя; стада и табуны въ 100—200 головъ погибаютъ въ нѣсколько дней... Къ 15 іюля въ городѣ получаются очень тяжелыя вѣсти... Управа слезно молитъ о помощи; обыватели-инородцы осаждаютъ меня просьбами; полученные мною бюллетени о ходѣ эпизоотіи и заболѣваніяхъ людей—производили угнетающее впечатлѣніе. Я подъ вліяніемъ этого пишу надлежащее письмо исправнику—секретарю статистическаго комитета,—обрисовываю извѣстную мнѣ зараженную мѣстность, какъ возможный пунктъ для распространенія заразы въ Верхоянской округѣ и къ городу... Ничто не пробираетъ нашихъ черствыхъ охранителей здоровья и благосостоянія обитателей... Проходитъ еще недѣля; свѣдѣнія получаются еще мрачнѣе; содержатели станковъ заявляютъ о прекращеніи гоньбы. Верхоянскіе инородцы, пріѣхавшіе на ярмарку, умоляютъ о карантинѣ, могущемъ предохранить распространеніе заразы въ обездоленномъ Верхоянскомъ краѣ; все напрасно и только 28 іюля высылается изъ города отрядъ изъ врача, ветеринара, фельдшера и 3-хъ казаковъ. Но едва ли что они подѣлали, да и едва ли могли хотя сколько нибудь помочь... Я знаю раіонъ, діаметромъ въ 100 верстъ, гдѣ не только гибнетъ скотъ, но и люди умирали, заразившись язвою,—а означенный отрядъ такъ и не былъ. На рапортъ управы—около ужъ мѣсяца, какъ нѣтъ еще отвѣта... *). Результаты понятны... Количество павшихъ головъ считается тысячами..., нѣсколько человѣческихъ жертвъ и громадный улусъ обнищавшаго населенія. Переносъ заразы за Верхоянскій хребетъ на коней и оленей—осуществится и не замедлитъ, конечно, съ весны отразиться на благосостояніи того бѣднаго края... Это картинка съ натуры, нисколько не преувеличенная **).

---

*) Правда, 20 августа схватились учредить изъ казаковъ (безъ участія спеціалистовъ) нѣсколько карантиновъ округъ города, гдѣ, замѣчу, имѣются табуны высокопоставленныхъ лицъ.

**) Въ письмѣ отъ 20 іюля, мнѣ корреспондентъ сообщаетъ: „ты не повѣришь, какъ насъ угнетаетъ это проклятое итальянское безоблачное небо, эта невыносимая духота. Унынiе у насъ страшное. Язва свирѣпствуетъ и скотъ падаетъ не въ одиночку уже, а по нѣскольку штукъ. Если увидишь двухъ-четырехъ мужиковъ вмѣстѣ—это гробокопатели, или идущіе зарывать—или

Впрочемъ, какой жизненности можно ожидать отъ «канцелярій», если самое ученое иркутское общество, задавшееся было цѣлью отвѣчать требованіямъ этихъ восточныхъ окраинъ, оказалось совершенно оторваннымъ отъ жизни... Есть ли что либо цѣнное въ изданіяхъ «Отдѣла», касающееся жизненныхъ вопросовъ края и «злобы дня».

Гнетъ экскурсій въ Монголію и въ область прошлаго— сказывается очень сильно. Чтобы отмѣтить нѣкоторыя измѣненія въ остеологіи инородцевъ подъ вліяніемъ смѣшенія съ русскими не жалѣются тысячи, а не находится десятка рублей, чтобы содѣйствовать не пустозвонному, а болѣе или менѣе научному разъясненію вопроса о приполярномъ земледѣліи... Неужели ученымъ членамъ «Отдѣла» еще не ясно, что съ прибавленіемъ культурнаго міра, весь экономическій укладъ нашего края окончательно рухнетъ; что недалеко то время, когда уйдутъ отъ насъ послѣдніе остатки мяса, масла, шкуръ и др. мѣстныхъ продуктовъ, а инородцы наши обратятся въ звѣроподобныхъ тварей, такъ какъ даже въ роли рабовъ они не смогутъ выдержать рыночной конкурренціи съ бѣлыми рабами юга, которыхъ желѣзная дорога и пароходы не замедлятъ сюда доставить... Неужели просвѣщенные дѣятели «Отдѣла» такъ гипнотизированы разборомъ азіятскихъ древнихъ надписей, что предполагаютъ найти ключъ къ возвышенію инородческихъ производительныхъ силъ въ антропометрическихъ и этнографическихъ работахъ, а не въ изученіи соотвѣтствующихъ Полярному краю системъ и формъ сельскаго хозяйства вообще и въ частности земледѣлія; не въ изслѣдованіи тѣхъ законовъ и условій приспособленія органическаго міра къ полярнымъ ужасамъ, знаніе которыхъ давало бы возможность утилизировать въ пользу человѣка мѣстныя растительныя и друг. богатства.

Мѣстная, столичная *) и даже наша официозная **) печать совершенно справедливо видитъ въ земледѣліи необходимый и вполнѣ благодарный промыселъ для Якутскаго

возвращающіеся послѣ погребенія. Косьба въ нашемъ околоткѣ прекратилась, такъ какъ мужики заняты погребеніемъ павшей скотины, да и зачѣмъ имъ сѣно, когда не будетъ скота"...

*) „Рус. Богат." 1894 г. № 12.

**) „Якутск. Епарх. Вѣд." 1896 г., статья протоіерея Стукова.

края. «Отдѣлъ» же, съ олимпійскимъ, научнымъ спокойствіемъ обходитъ этотъ вопросъ... И потому ничего нѣтъ удивительнаго, если я, не патентованный ученый, а доброволецъ, не удостоился получить просимой поддержки. Дубликатъ той работы, о которой я помянулъ выше, и которую я представилъ прошлою зимою въ здѣшній Статистическій Комитетъ, я еще въ февралѣ послалъ въ Отдѣлъ (впрочемъ сначала не цѣликомъ, а въ извлеченіи, полный же экземпляръ отправилъ послѣ)... Въ письмѣ отъ 24 марта получаю увѣдомленіе, что-де г. Прейнъ (секретарь Отдѣла), сочувствуя моей мысли, препроводилъ мою работу г. Кауфману и сообщилъ, что у Отдѣла нѣтъ средствъ. Послѣ того не имѣю никакого извѣстія. Съ канцелярской точки зрѣнія Отдѣлъ исполнилъ свою обязанность: отписался, дѣло зачислено за Кауфманомъ, у котораго, по всей вѣроятности, такая масса неотложной работы, что ему вовсе не до Якутки. Но, по сущности, нельзя не отмѣтить, что въ интересахъ дѣла, ради продолженія наблюденій надъ развитіемъ полезныхъ растеній въ лѣто 1896 г. и изученія мѣстной флоры—требовалось отъ Отдѣла самое ничтожное количество средствъ; 2—3 метеорологическихъ инструмента, нѣсколько капсюлей сѣмянъ, имѣющихся въ Иркутскѣ, и хотя бы руководство къ опредѣленію растеній Кюри... Не думаю, чтобы требовали такой суммы, которою бы не могъ располагать Отдѣлъ, если бы захотѣлъ отнестить серьезно къ поднятому мною вопросу и если бы дѣйствительно сочувствовалъ моему проекту. Правда, я просилъ бо̀льшаго, полагая расширитъ раіонъ наблюденія на нѣсколько хозяйствъ (вмѣсто одного моего), и свои наблюденія обставить болѣе научно. Но естественно, недостатокъ средствъ на такое расширеніе дѣла никакъ не обусловливалъ полный отказъ къ поддержкѣ даже одного пункта наблюденій, хотя бы въ самомъ ограниченномъ видѣ. При нѣкоторомъ вниманіи къ дѣлу, «Отдѣлъ» понялъ бы это и не ограничился бы формальною отпискою.

Я утомилъ васъ, Анатолій Ивановичъ, чтеніемъ этихъ листовъ *), но я счелъ необходимымъ поставить васъ вполнѣ

*) Мелькнула, однакожъ, мысль, что нѣкоторыя данныя моего письма могутъ быть не безполезны, какъ матеріалъ для провинціальной хроники.

au courant моей головной работы и тѣхъ вопросовъ, которые для меня даютъ и радость и горе. Простите, вашъ сердечный откликъ далъ мнѣ нѣкоторое право выйти изъ той скорлупы, не то излишней щепетительности, не то придавленности, которою страдаемъ мы, таежники.

Тамъ-де въ центрахъ россійской культуры жизнь, процессъ мысли идетъ и безъ насъ, съ напряженною интенсивностью; собственныхъ, болѣе широкихъ всеобъемлющихъ интересовъ и заботъ—прудъ пруди; гдѣ же, куда же тутъ соваться намъ изъ глухой тайги, съ одеревенѣлою мыслью, съ крошечнымъ интересомъ немногочисленной по населенію Якутской окраины. Такія мысли положили на меня свою печать и я до сихъ поръ съ какимъ-то недовѣріемъ отношусь къ возможности проникнуть въ столичныя изданія съ защитою излюбленныхъ мною вопросовъ.

Но вы видѣли, какъ тяжела здѣшняя атмосфера, даже въ кругу «присныхъ»; какъ трудно войти въ колею честныхъ культуртрегеровъ, если не рѣшаешься идти по несимпатичной, уже пробитой тропѣ, а тѣмъ паче, если дерзаешь защищать такія положенія, которыя рѣжутъ ухо загипнотизированныхъ ученыхъ.

Какъ видите, въ мѣстной средѣ я перепробовалъ уже разные пріемы, но нигдѣ и почти ни отъ кого не вижу ни участія, ни тѣмъ паче реальной помощи.

Говорю все это не въ припадкѣ мизантропіи или хандры, а тѣмъ паче злобы, нѣтъ, я отношусь ко всему этому совершенно философски; понимаю, что такъ и должно быть. Если мѣняются другіе, то кой-же чортъ не велитъ поступиться кое-чѣмъ и мнѣ! Не даромъ покойница Вѣрочка Рогачева (послѣ Свитычъ) упрекала меня (конечно любя), что я неисправимый ретроградъ. Я вполнѣ признаю за собою эту слабость, если это дѣйствительно слабость, а потому отношусь въ жизни ко всѣмъ вполнѣ добродушно, но не могу быть хладнокровнымъ, когда затрагиваютъ вопросы, гдѣ рѣзко замѣчается наше расхожденіе. Въ данномъ же случаѣ я счелъ необходимымъ быть вполнѣ искреннимъ, — не умаляя своей рѣзкости,—чтобы во-первыхъ, вы смогли яснѣе видѣть мою настоящую душевную физіономію, во-вторыхъ, чтобы вы могли понять: почему я не смогъ пристроиться здѣсь съ своею работою, тогда какъ, теперь

именно, въ нашей Палестинѣ кипитъ культуртрегерская жизнь и, въ-третьихъ, чтобы показать вамъ воочію—какимъ радостнымъ свѣтомъ и животворящею теплотою подѣйствовало на меня ваше драгоцѣнное письмо. Помимо глубокаго, безотчетнаго счастья, которое я переживаю, читая ваши строки, письмо ваше окрылило мои надежды на возвратъ въ Россію *). Нужно ли говорить, насколько дорого мнѣ возвращеніе туда? Но въ настоящее время, въ виду неудачи здѣсь провести въ жизнь излюбленный мною вопросъ о приполярномъ земледѣліи, остается единственное средство ратовать за него первоначально въ Россійской, хотя бы спеціальной прессѣ, и въ спеціальныхъ учрежденіяхъ. Безъ личнаго пребыванія тамъ—хотя то и возможно, но конечно значительно труднѣе.

Я даже не прочь, побывавъ въ Россіи, еще разъ на время вернуться сюда, чтобы, заручившись изъ Россіи сочувствіемъ и содѣйствіемъ, выдвинуть здѣсь этотъ вопросъ изъ области словопреній на почву фактическаго приложенія.

Телеграмму я послалъ вамъ еще 21 іюля, а письмомъ этимъ замедлилъ потому, что выѣзжалъ случайно въ мѣста пораженныя язвою, а затѣмъ вотъ перекочевалъ сюда (150 верстъ отъ города), такъ какъ въ городѣ не чѣмъ стало жить, а здѣсь хотя квартира готовая (пустой домъ одного изъ уѣхавшихъ товарищей). Адресъ мой все-равно прежній. Сношенія съ городомъ постоянныя. Жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта. Просить объ амнистіи для меня излишне, ибо мнѣ уже давно объявлено, что по истеченіи 13 лѣтъ жизни на поселеніи, я имѣю право избрать себѣ жительство въ Европейской Россіи, кромѣ двухъ столицъ. Срокъ этотъ кончается 9 октября сего года. Право же жительства по всей Сибири я имѣю уже съ 14 ноября 1894 г., но не могъ этимъ пользоваться по недостатку средствъ, какъ и теперь вопросъ о возвращеніи въ Европейскую Россію всецѣло и единственно зависитъ отъ того же презрѣннаго металла.

---

*) Могъ ли я въ былое время хотя на минуту предположить, что мой возвратъ въ Россію будетъ въ зависимости не отъ власти, а отъ нѣсколькихъ сотъ рублей. Прежде я наплевалъ бы въ глаза тому, кто увѣрялъ бы меня въ томъ. А теперь... теперь это—фактъ.

Въ былое время могло ли придти мнѣ въ голову, что я застряну здѣсь хотя сутки, получивъ право возврата?! Грустно. Одно только радуетъ, что, несмотря на 53-й годъ, я чувствую себя еще совершенно бодрымъ и свѣжимъ. Одно— зубовъ совсѣмъ нѣтъ, а отсюда катарецъ порою безпокоитъ но это плевать, лишь бы добраться въ Россію, а тамъ и зубы вставимъ.. ха-ха...

III.

Новое письмо П. И. Войнаральскаго:

д. Чуранча 25/x 1896 г.

Дорогой Анатолій Ивановичъ!

Спѣшу отвѣтитъ на ваше письмо отъ 10 іюля, которое промедлило не столько въ пути до Якутска, сколько въ Якутскѣ по случаю распутицы чрезъ р. Лену. Съ мѣсяцъ назадъ послалъ вамъ письмо и теперь стыдно вспомнить, что оно было такъ громадно и навѣрное обременило васъ уже одною неразборчивостью почерка. За то теперь обязываю себя быть краткимъ (одиночество въ тайгѣ — всегда имѣетъ вліяніе на развитіе болтовни, особенно у старцевъ).

Посланные вами черезъ Якута 150 руб., назначенные мнѣ литературнымъ фондомъ, я получилъ. Словъ не хватаетъ, чтобы выразить мою благодарность какъ за ваше сердечное участіе, такъ и за лестное вниманіе фонда. Конечно, не мои литературныя работы вызвали это вниманіе и эту помощь въ 150 руб. Нѣтъ сомнѣнія, ваша горячая энергія при душевномъ расположеніи ко мнѣ лежатъ въ основѣ и участіи фонда. *). Тѣмъ не менѣе, оно еще болѣе обязываетъ меня отнестись строго къ дальнѣйшей своей работѣ и стремиться къ тому, чтобы послѣдній періодъ моей жизни былъ употребленъ возможно цѣлесообразнѣе въ интересахъ родного намъ общества. Жду съ нетерпѣніемъ минуты возвращенія въ Россію, которая уже не за горами. Матеріальная помощь, устроенная литературнымъ фондомъ, значительно приближаетъ эту минуту и теперь я пребываю въ такомъ радостномъ счастливомъ настроеніи и съ такимъ подъемомъ

*) Выдачѣ пособія Войнаральскому много содѣйствовалъ Н. К. Михайловскій.

силы, какъ это ни разу не было еще за весь періодъ ссылки. Горячо обнимаю васъ, виновника всего этого, этихъ дорогихъ для меня минутъ, которыхъ, пожалуй достаточно однихъ, чтобы забыть всѣ тѣ тяжелые годы, которые пережились одиноко въ полярной тайгѣ.

Съ этой же почтой я хотѣлъ было послать вамъ свою рукопись «о приполярномъ земледѣліи», относительно которой я писалъ вамъ и которую просилъ и прошу пріютить въ спеціальномъ изданіи. Но недопереписавъ нѣсколькихъ листовъ, долженъ былъ прервать работу... съ женой случился казусъ: заболѣла, выкинула, пока и теперь лежитъ въ постелѣ, хотя мое медицинское искусство взяло верхъ и она уже достаточно поправилась. Уходъ за ней, возня съ ребятами, кухней и наконецъ съ паціентами—все это исключаетъ пристальную работу; приходится урывать минуты. Я говорю о паціентахъ... а это должно, до нѣкоторой степени, удивлять россіянина... Но здѣсь въ глухой тайгѣ каждый интеллигентъ долженъ быть всегда готовъ къ профессіи медика. Въ Верхоянскѣ случилось разъ, что я два года былъ за врача и больница, и аптека и вся болѣющая публика, не исключая и принципаловъ, была у меня на рукахъ... *) Теперь здѣсь—въ этой самой Чуранчѣ, гдѣ еще со времени Каракозовцевъ (здѣсь жилъ Загибаловъ) не переводилась колонія государственныхъ и не тотъ, такъ другой врачевалъ,—въ силу этой установившейся традиціи—я оказался единымъ изъ государственныхъ, volens—nolens принятъ за врача и число больныхъ возрастаетъ ежедневно. Пришлось вновь штудировать разныя патологіи, терапію (благо коечто нашлось въ разбитой уже библіотекѣ прежнихъ поколѣній здѣшнихъ государственныхъ), а по недостатку средствъ на лѣкарства вынужденъ брать гонораръ съ богатыхъ, чтобы лечить безплатно многочисленную бѣдноту, для которой впрочемъ нужны болѣе питательные экстракты, чѣмъ аптекарскія кухни. Пришлось дѣлать кэфиръ, мясные экстракты, кофе изъ гимолоя и пиво... И курьезна же здѣсь жизнь... Вотъ 3 мѣсяца назадъ мнѣ даже въ голову не приходило, что придется заняться такимъ дѣломъ, а вотъ ока-

*) Не менѣе курьезно, что тамъ же однажды съ мѣсяцъ я имѣлъ на рукахъ всѣ дѣла, кассу и имущество администраціи. Исправникъ былъ въ далекой окрайнѣ, а помощникъ его умеръ у меня на рукахъ.

залось, что одиночество въ тайгѣ вдругъ заставило меня быть и врачемъ и сидѣлкой, и стряпкой, и педагогомъ (для своихъ дѣтей), и техникомъ и литераторомъ. Все это вкупѣ такъ поглощаетъ мою жизнь, что, какъ нерѣдко бывало и ранѣе, дорожу каждою минутою, урываю часы сна, а объ отдыхѣ не думаю. Только такая жизнь по мнѣ, только и люблю когда не живешь, а какъ будто горишь и о старости забываешь. А развѣ не счастье, что могу вернуться въ Россію, не потерявъ этой энергіи и живости... Какое же можетъ быть лучшее счастье... Ваше письмо и деньги были какъ разъ къ 35 лѣтнему юбилею моего перваго ареста въ шестидесятыхъ годахъ и сопричисленія къ лику отщепенцевъ. Могло ли мнѣ ранѣе придти въ голову, что я буду такъ счастливъ къ этому времени.

Вспомнилъ: какъ вы думаете найдетъ ли мѣсто въ «Историческомъ Вѣстникѣ» моя болтовня въ видѣ воспоминанія о послѣднихъ годахъ крѣпостного права, о моск. студенч. исторіи 61 г. (объ ней есть въ Русской Старинѣ статья Шестакова, тогда бывшаго инспекторомъ студентовъ, но онъ страшно извратилъ эту эпопею), о моей Сѣверно-Россійской ссылкѣ въ 7 городахъ.

По 1868 г., гдѣ пришлось хорошо ознакомиться съ разными категоріями польской ссылки въ частности и съ отношеніемъ захолустнаго общества къ тогдашнему оживленію въ литературѣ и обществѣ... На полную цѣльность, законченность, а тѣмъ болѣе художественность воспоминаній я не могу претендовать; но писать *правдиво*, хотя и страстно, съ любовью ко всякому проявленію пробуждающейся честной мысли,—было бы для меня удовольствіемъ.

Отъ 26 ноября того же 1896 года онъ пишетъ ко мнѣ, съ приложеніемъ статьи по вопросу о приполярномъ земледѣліи:

«Скажу откровенно, я былъ бы доволенъ, если бы работа эта послужила ступенькою по пути къ устройству связи съ какимъ-либо спеціальнымъ по земледѣлію ученымъ обществомъ. Въ вопросъ этотъ я вложилъ много труда и бросать его было бы жаль. Судить о достоинствахъ своей работы, конечно, не мнѣ. Но если-бъ вы осилили просмотрѣть хотя опись альбома, то увидѣли бы сколько вложено одной копотливой работы по наблюденію, измѣренію, подсчету и

взвѣшиванію. Не говорю уже о собираніи цифровыхъ данныхъ и обработкѣ ихъ, занявшей въ сложности у меня 2 года времени. Жаль, если все это пропадетъ прахомъ».

Въ слѣдующемъ году 1897, отъ 15 апр. я получаю вновь письмо изъ д. Чурунчи:

Дорогой Анатолій Ивановичъ.

Къ апрѣлю я получилъ извѣстіе о предоставленіи мнѣ права возврата въ Россію съ 10 марта сего года.

Можете судить, какъ взбудоражила меня эта вѣсть. Какъ ни подготовленъ былъ я къ этому, но переходъ отъ надежды на это право къ полученію онаго—взбудоражилъ меня до невозможности. Ждать и мечтать столько лѣтъ. И вотъ кое какъ я устраиваюся и рѣшилъ выѣхать изъ Якутска съ однимъ изъ первыхъ пароходовъ, т. е. около 1 іюня. Какъ далеко смогу доѣхать, по своимъ средствамъ, пока и самъ не знаю. Очень бы хотѣлось доѣхать въ это-же лѣто до Европейской Россіи, но хватитъ ли на это средствъ? Съ дороги, вѣроятно изъ Иркутска, я дамъ о себѣ знать болѣе подробно. Если вздумаете ранѣе снестись со мною, то направьте въ редакцію «Восточнаго Обозрѣнія», гдѣ я буду, какъ надѣюсь, къ 1 іюля.

Затѣмъ я получаю изъ Саратова, отъ 22 октября 97,—новое письмо:

Дорогой Анатолій Ивановичъ. Такъ не повезло мнѣ въ пути изъ Якутска, что я уже не разъ опасался, что не доберусь Россіи, а потому не хватало энергіи на переписку. 9 іюня я съ семьей оставилъ свою зимнюю квартиру въ улусѣ Якутскаго округа; въ Якутскѣ средства нашлись довольно ограниченныя и въ виду невозможности снестись съ друзьми по телеграфу, я оставилъ на время семью въ Якутскѣ, а самъ доѣхалъ до первой телеграфной станціи (Киренскъ), откуда телеграфировалъ вамъ и въ Иркутскъ—Ковалику. Получивъ отъ васъ 82 руб. и разсчитывая на содѣйствіе въ Иркутскѣ, я увѣдомилъ жену, чтобы она съ двумя старшими дѣтьми выѣхала изъ Якутска до Усть-Кута (послѣдняя пароходн. пристань на р. Ленѣ для почтово-пассажирскаго движенія), куда я долженъ выѣхать имъ на встрѣчу изъ Иркутска, гдѣ мнѣ необходимо было побывать и куда имъ незачѣмъ было ѣхать, такъ какъ съ Усть-Кута

имѣется другой болѣе дешевый путь прямо на Красноярскъ. Въ Иркутскѣ я получилъ телеграмму, что они выѣзжаютъ 3 августа. Я выѣхалъ изъ Иркутска по Ангарѣ внизъ по водѣ верстъ 500 и затѣмъ Илимскимъ волокомъ (250 вер.) до Усть-Кута. Но къ удивленію своему въ Усть-Кутѣ я ихъ не нашелъ, полученное же письмо гласило, что въ Якутскѣ эпидемія какая-то, что жена и дѣти заболѣли. Я ждалъ до 30 августа, а долѣе ждать было нельзя; почтово-пассажирское сообщеніе по Ленѣ прекратилось, и съ другой стороны при дальнѣйшемъ промедленіи становилось невозможнымъ воспользоваться указаннымъ дешевымъ Усть-Кута-Красноярскимъ трактомъ. Пришлось ѣхать одному въ полной неизвѣстности о положеніи семьи. Путь по Усть-Кутскому волоку, рѣкамъ Кутѣ, Купѣ, Илиму и Ангарѣ до сліянія послѣдней съ Енисеемъ (около 1,300 верстъ) былъ до нельзя возмутителенъ: можете себѣ представить путешествіе на двуколкахъ по отвратительно грязной, гористой или болотистой дорогѣ, а затѣмъ въ открытой лодкѣ съ пріискателемъ и все время буквально, безъ преувеличенія,— непрерывнымъ дождемъ въ теченіе 21 сутокъ (хлѣба и сѣно, какъ гнилые, остались неубранными въ большинствѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ пришлось мнѣ ѣхать). Весь костюмъ, бѣлье, подушку и пр. принадлежности пришлось выбросить: прогнили или прокисли. Наконецъ 25 сентября добрались до уст. Ангары; сѣлъ на пароходъ и 30 сентября достигъ Красноярска, гдѣ ждала меня категорическая телеграмма— «жена умерла, дѣти выздоравливаютъ». Можете представить, что я перечувствовалъ и какъ тоскую теперь; болѣе подробнаго или вообще какого-либо извѣстія о нихъ до сихъ поръ не имѣю. Средствъ на выписку хотя бы 2-хъ старшихъ дѣтей, конечно, нѣтъ, да и на содержаніе ихъ пока нечего выслать. Мѣста еще не нашелъ, скоро ли найду—аллахъ вѣдаетъ. Вотъ уже 5 мѣсяцевъ я въ пути и по душевному состоянію, а равно и по условіямъ пути, работать ничего не могу. Особенно меня тяготитъ, просто удручаетъ мысль о сынѣ (10 лѣтъ—старшій изъ дѣтей), который, по словамъ доктора, извѣщавшаго меня въ Усть-Кутъ о болѣзни семьи, болѣнъ не столько физически, сколько психически—отъ тоски обо мнѣ. Вѣдь это было еще при жизни матери, воображаю, что переживаютъ всѣ они, а въ осо-

бенности онъ, лишившись сразу отца и матери. Вѣдь послѣдніе два года онъ только и жилъ, что мечталъ вкупѣ со мною, о поѣздкѣ со мною въ Россію... а теперь выходитъ, что какъ будто я его бросилъ.

Эхъ, Анатолій Ивановичъ, тяжело, очень тяжело складывается моя личная жизнь, до самой старости не вытанцовалось ничего даже сноснаго хотя мало-мальски. Ну, да что объ этомъ толковать.

Отъ 23 января 1898 г. онъ вновь писалъ изъ Саратова:

Завтра ѣду къ Алек. Капит. Маликову, гдѣ и думаю выждать отвѣта изъ Иркутска о положеніи моихъ дѣтей (послалъ телеграмму) и въ то же время начать хлопоты о пріѣздѣ въ Питеръ, а также и о мѣстѣ. Изъ прилагаемаго письма къ моему сенатору (которое прочтите), вы увидите, въ чемъ мои нужды. Не откажитесь передать ему это письмо, если найдете, что оно соотвѣтствуетъ тому духу, въ которомъ слѣдуетъ съ нимъ говорить. Если вы лично можете что-либо сдѣлать относительно хотя бы какого-нибудь мѣста въ какомъ бы то ни было захолустьѣ, если нельзя лучше, то приму съ благодарностью. Пора отдохнуть и можетъ быть приняться за «воспоминанія» и за окончаніемъ работъ по полярному земледѣлію.

Отвѣчайте возможно скорѣе, если можно, на имя Маликова.

Письмо Войнаральскаго къ сочувствующему ему сенатору было слѣдующее:

Приношу вамъ искреннюю и глубокую благодарность за ваше любезное вниманіе къ моей матери въ былое время и за участіе въ содѣйствіи мнѣ при возвратѣ изъ Якутки. Принося вамъ эту искреннюю благодарность, я въ то же время разсчитываю, что степень вашего ко мнѣ участія,—несмотря на громадную разность въ общественныхъ положеніяхъ,—осталась та же, позволяю себѣ утруждать васъ покорнѣйшею просьбою оказать мнѣ нѣкоторое содѣйствіе и теперь, въ первое время по возвращеніи въ Европ. Россію, когда всѣ мы, вновь допускаемые къ жизни, болѣе всего нуждаемся въ поддержкѣ и участіи. Содѣйствіе ваше могло бы выразиться двояко: на дняхъ я посылаю въ Департаментъ Государственной Полиціи просьбу о разрѣшеніи мнѣ временнаго пребыванія въ С.-Петербургѣ. Необхо-

димо мнѣ это потому, что только при такомъ условіи я смогу болѣе основательно, на вполнѣ научныхъ данныхъ, доказать правильность поставленнаго и приводимаго мною положенія о возможности полярнаго земледѣлія въ Якутской Области. И конечно, только присутствуя лично, смогу придать большую жизненность этому положенію въ столичныхъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ. Едва ли кто можетъ оспаривать, что этотъ вопросъ, которому я посвятилъ около 10 лѣтъ, представляетъ особенную важность въ области разрѣшенія инородческаго вопроса по всей сѣверной Сибири.

Работы мои въ этомъ направленіи должны быть небезъизвѣстны Департаменту Полиціи, такъ какъ въ 1891 году я состоялъ офиціально завѣдующимъ образцовою казенною сельско-хозяйств. фермою въ Якутскѣ, для чего и былъ переведенъ изъ Верхоянска. Кромѣ того, администраціи хорошо должны быть извѣстны мои многолѣтніе опыты и наблюденія въ этомъ смыслѣ (отводились даже особые участки), разсылки мною сѣмянъ и орудій въ Полярный край. О работахъ моихъ упоминалось не разъ въ общихъ журналахъ, а статьи мои частью уже напечатаны въ формѣ «Писемъ съ Алдана» («Восточн. Обозрѣніе», 1895 и 1896 гг.), «Изъ полярнаго края» («Сибирскій Сборникъ», 1896 г.) и, наконецъ, въ іюльской книжкѣ 1897 г. журнала Министерства Земледѣлія («Сельское хозяйство и Лѣсоводство») статья «Приполярное земледѣліе». (Оцѣнку моей дѣятельности въ этомъ направленіи можно видѣть въ 10 книжкѣ «Историческаго Вѣстника», 1897 г. Фаресова: «Изъ тайговой жизни»). На основаніи такихъ данныхъ, вы можетъ быть найдете возможнымъ замолвить, гдѣ слѣдуетъ, что просьба моя о пребываніи въ Питерѣ — заслуживаетъ извѣстнаго вниманія.

Во-вторыхъ, вы при вашихъ связяхъ, можетъ быть сочтете не особенно затруднительнымъ оказать мнѣ нѣкоторую протекцію для полученія какого-либо частнаго мѣста, чтобы я могъ прокормить 4-хъ своихъ ребятъ. Мы, какъ жители дикой тайги, не требовательны въ своихъ требованіяхъ отъ жизни, а потому не разсчитываю, особенно на первое время, на большой гонораръ. И это тѣмъ болѣе, что нельзя не понимать, что возвращенный съ неизбѣжными

ограниченіями въ правахъ и мѣстѣ выбора́ жительства,— долженъ мириться съ возможнымъ минимумомъ.

Я уже пробовалъ обращаться во многихъ мѣстахъ, но или является сомнѣніе въ полученіи разрѣшенія свыше, или же просто приводитъ въ смущеніе самая форма моего паспорта, даннаго на имя «бывшаго ссыльнаго Якутской области»... Естественно, что для меня остаются открытыми, и то при особой протекціи,—только частныя мѣста въ качествѣ письмоводителя, дѣлопроизводителя, бухгалтера въ какихъ-либо частныхъ учрежденіяхъ и у должностныхъ лицъ.

Если можете оказать услугу въ этомъ смыслѣ, то премного-много буду благодаренъ.

Чтобъ не затруднять васъ письменнымъ отвѣтомъ, я прошу Анатолія Иван. Фаресова получить отъ васъ таковой.

Съ полнымъ уваженіемъ имѣю честь быть
покорнѣйшимъ слугой *Порф. Войнаральскій.*

23 января 1898 г.

IV.

Въ то время, какъ Войнаральскій ѣхалъ черезъ всю Сибирь въ Россію и хлопоталъ о разрѣшеніи ему временнаго пребыванія въ Петербургѣ для доклада въ сельскохозяйственныхъ учрежденіяхъ о приполярномъ земледѣліи, я съ своей стороны странствовалъ по редакціямъ съ его трудомъ о томъ же земледѣліи для дорогихъ ему якутовъ.

Въ редакціяхъ всюду были стѣснены размѣромъ его труда, его спеціальностью и т. д. Получая рукопись обратно, мнѣ приходилось выслушивать отъ того или другого редактора его собственное мнѣніе о приполярномъ земледѣліи:

— Я сомнѣваюсь, чтобы даже подъ Петербургомъ возможно было сельское хозяйство, а не только у полюсовъ...

Наконецъ я обратился съ рукописью Войнаральскаго въ Министерство Земледѣлія и здѣсь меня направили къ проф. Рудзскому, редактору казеннаго изданія «Сельское хозяйство и Лѣсоводство».

Выслушавъ меня внимательно, проф. Рудзскій сказалъ:

— Изъ уваженія къ типу этого человѣка необходимо напечатать его трудъ.

По прочтеніи рукописи, проф. Рудзскій тотчасъ же напечаталъ ея первыя главы въ іюльской книжкѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» за 1897 г. Статья вызвала глубокій интересъ среди спеціалистовъ и въ общей прессѣ. Въ «Новомъ Времени» въ томъ же году отъ 27 августа за № 7722 помѣщенъ фельетонъ г. Эльпе, въ формѣ талантливаго пересказа оригинальной статьи П. Войнаральскаго. Съ разрѣшенія г. Эльпе, мы перепечатаемъ здѣсь его фельетонъ цѣликомъ для большаго удостовѣренія со стороны о значеніи ученаго труда приполярнаго «Семидесятника».

НАУЧНЫЯ ПИСЬМА.

Земледѣліе приполярныхъ окраинъ.

Предметъ настоящаго письма. — Возможно ли приполярное земледѣліе? — Что представляютъ собою наши приполярныя окраины? — Прошедшее и настоящее кочевника-якута.—Новыя формы труда.—Кризисъ. — Мнимыя границы возможнаго воздѣлыванія хлѣбовъ.—Авторитетныя ошибки.— Любопытныя данныя.— Задачи земледѣльческой культуры на дальномъ сѣверѣ и успѣшной борьбы съ ужасами полярной природы.

Въ послѣдней книжкѣ журнала «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» помѣщена статья «Приполярное земледѣліе», въ которой излагается рядъ фактовъ и наблюденій, по ихъ значенію и общему интересу заслуживающихъ гораздо болѣе широкой гласности, чѣмъ на какое они могутъ разсчитывать въ вышеназванномъ органѣ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Статья, подписанная иниціалами П. В., принадлежитъ, какъ видно по изложенію, лицу, не только близко знакомому съ жизнью нашего обширнаго приполярнаго края, но и детально на мѣстѣ изучившему и пережившему насущныя нужды его, что, само собою разумѣется, придаетъ особенную цѣнность сообщаемымъ авторомъ свѣдѣніямъ о современномъ состояніи инородческаго хозяйства Сибири въ связи съ предшествующими перипетіями борьбы этого хозяйства съ суровой окружающей природою и новѣйшими теченіями его въ условіяхъ дальнѣйшей болѣе широкой побѣды надъ тайгою.

Въ настоящее время, когда черезъ всю Сибирь съ запада на востокъ прокладывается желѣзнодорожный путь, открывающій болѣе широкій просторъ культурному вліянію даже на самыя отдаленныя окраины нашихъ приполярныхъ

владѣній, знакомство съ хозяйственнымъ строемъ мѣстнаго инородчества, съ наличными условіями его существованія, является уже не празднымъ любопытствомъ, а серьезнѣйшею задачею культурной страны.

Сибирская дорога врѣзывается въ самую грудь некультурной азіятской жизни, которая даже въ самыхъ отдаленныхъ своихъ окраинахъ не можетъ теперь не чувствовать и оставаться чуждой надвигающимся культурнымъ волнамъ. Но что представляютъ эти окраины? Такова ли тамъ природа, чтобы допустить надъ собою побѣду культурнаго хозяйства хотя бы въ отдаленномъ будущемъ? Имѣются ли въ настоящемъ какія-нибудь указанія на возможность осуществленія такой побѣды?

Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ названной статьи, даютъ на эти вопросы вполнѣ опредѣленный отвѣтъ и тѣмъ заслуживаютъ еще большаго вниманія.

Извѣстно, что на обширномъ пространствѣ «отъ линіи лѣсовъ на сѣверѣ и до южной границы Якутской области» добыча рыбы и звѣря служиди основнымъ промысломъ аборигеновъ. Но уже много вѣковъ назадъ промыселъ этотъ сталъ исподволь уступать скотоводственному, внесенному сюда пришельцами съ юга—кочевниками-якутами. Совершенно естественно,—говоритъ авторъ «Приполярнаго земледѣлія»,—что первоначальные промыслы, сильные по обилію и легкости добыванія рыбы и звѣря, не могли не вліять на чистоту скотоводственнаго быта пришельцевъ. Разнообразіемъ физической природы на громадномъ пространствѣ области обусловливалось и разнообразіе сочетаній по степенямъ преобладанія того или другого промысла для каждой данной мѣстности; чисто же скотоводной формы быта не могло здѣсь существовать и тогда. Продуктивность рогатаго скота при примитивныхъ условіяхъ содержанія его въ длинную полярную зиму не можетъ быть велика и стремленіе къ количественному расширенію стада становится неизбѣжнымъ: чѣмъ болѣе число головъ перерабатывающихъ даровое лѣтнее пастбище въ потребляемые человѣкомъ продукты, тѣмъ хозяйство выгоднѣе.

Такимъ образомъ, качественное достоинство скота, поскольку оно зависѣло отъ зимняго корма, отходило на задній планъ и наибольшую цѣнность представляли такія ка-

чества, какъ выносливость и нетребовательность къ зимнему корму.

Дѣйствительно, крайняя нетребовательность въ пищѣ, поразительная выносливость рѣзкихъ перемѣнъ температуры и вообще всякаго рода неблагопріятныхъ условій, при сравнительномъ обиліи молочныхъ продуктовъ только въ теченіе короткаго лѣтняго періода,—составляютъ характерную особенность якутскаго скота.

При всемъ томъ продолжительность и суровость полярной зимы требовали такихъ запасовъ сѣна для скота и такого количества пищи для семьи самаго скотовода, что ни трудъ послѣдняго, ни продуктивность скота въ теченіе сравнительно короткаго полярнаго лѣта не могли удовлетворить этому требованію. Приходилось искать дополнительныхъ источниковъ существованія въ тѣхъ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ аборигеновъ, которые могли бы поддержать хозяйство, притомъ именно въ долгій, тяжелый зимній періодъ.

Такимъ образомъ, силою вещей, въ основу быта большинства населенія Якутской области былъ положенъ союзъ двухъ формъ экономической дѣятельности—промысловой и скотоводческой. Союзъ этотъ обезпечивалъ населенію довольство даже въ самые неблагопріятные годы. Сконцентрировавшись преимущественно по долинамъ большихъ рѣкъ, якуты имѣли достаточно корма для скота, а плоскогорія и водораздѣлы между долинами предстявляли вначалѣ достаточный запасъ для промысловой дѣятельности, восполнявшей дефицитъ скотоводства.

Трудно сказать, замѣчаетъ авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, «въ какую окончательную форму вылилось бы это многовѣковое сочетаніе промысловаго и скотоводческаго быта въ вашихъ приполярныхъ окраинахъ, если бы дальнѣйшій процессъ развитія его былъ предоставленъ естественному теченію». Но фактъ тотъ, что съ приходомъ русскихъ переселенцевъ многое неизбѣжно должно было измѣниться и прежде всего это отразилось на установившемся здѣсь вѣками смѣшанномъ бытѣ, оказавшемся совершенно неотвѣчающимъ нароставшимъ требованіямъ новой жизни. Промыселъ, когда-то вполнѣ удовлетворявшій туземцевъ, не выдерживалъ запроса новыхъ пришельцевъ и паденіе его шло прогресивно. Помощь скотоводству оказалась недостаточ-

ной, и скотоводство, въ свою очередь, пошло къ упадку, чему не мало содѣйствовало и то обстоятельство, что помимо прямого ослабленія этой отрасли хозяйства, требованія рынка значительно уменьшали количество скота, особенно коннаго, игравшаго здѣсь прежде главную роль въ скотоводствѣ. Разбродъ населенія хотя бы въ цѣляхъ искания новыхъ, болѣе привольныхъ мѣстъ для своей промыслово-скотоводческой дѣятельности, становился неизбѣжнымъ.

«Но ни разселеніе якутскихъ стойбищъ, ни наиболѣе обширныя пространства, ни нѣкоторые новые источники доходовъ, явившіеся съ развитіемъ культурной жизни, не могли предотвратить жестокаго кризиса для этихъ професіональныхъ скотоводовъ».

Этотъ кризисъ, переживаемый нынѣ инородцами нашихъ приполярныхъ окраинъ, являлъ самыя убѣдительныя свидѣтельства невозможности успѣшной борьбы съ суровою природой этихъ окраинъ тѣми первоначальными орудіями, — звѣриный, рыбный промыселъ и скотоводство, — которыя обезпечивали въ прошломъ благосостояніе аборигена, но оказались безсильными для той же роли съ появленіемъ культурнаго человѣка, принесшаго съ собою и новыя культурныя потребности.

Жизнь приполярныхъ окраинъ предъявляла къ окружающей ее суровой природѣ уже болѣе широкія требованія, не укладывавшіяся въ примитивныя рамки промыслово-скотоводческой дѣятельности. Роковымъ неизбѣжнымъ образомъ являлась необходимость въ иной, болѣе продуктивной формѣ труда—земледѣльческой. Самая жизнь, хотя и жестокимъ путемъ, вела здѣшнее населеніе къ этой формѣ труда и полудикій инородецъ, говоритъ нащъ авторъ, принялся за нее съ такой настойчивостью, которая можетъ возникнуть только подъ вліяніемъ всесильнаго голода. Инстинктъ самосохраненія заставилъ якута обратиться къ той формѣ труда, на которую указывала ему его же прошлая, высшая культура, отъ которой онъ такъ долго открещивался и продолжаетъ еще открещиваться, но уже не въ массѣ, а въ лицѣ немногихъ, болѣе изворотливыхъ «дѣльцовъ», для которыхъ даже самый кризисъ и бѣдствія сородичей служатъ источникомъ благосостоянія.

То самое земледѣліе, которое 50 — 100 лѣтъ тому назадъ было отринуто не только туземцами, но и піонерами земледѣльческой культуры, «теперь все болѣе и болѣе входитъ въ основу жизни нашихъ полудикихъ кочевниковъ и упорно расширяется, вопреки какъ теоретическимъ положеніямъ культурныхъ пришлыхъ людей, неуспѣвшихъ или неумѣвшихъ оріентироваться въ чужой для нихъ, суровой природѣ, такъ и практическимъ соображеніямъ мѣстныхъ дѣльцовъ».

«Правда, трудъ инородца въ этой новой сферѣ дѣятельности еще неумѣлъ, слабъ, малопроизводителенъ; но и теперь уже, въ своемъ примитивномъ состояніи, онъ нерѣдко ослабляетъ бѣдствія голодающаго населенія и поднимаетъ его культурное развитіе». Въ годы урожая энергія инородца въ сферѣ труда растетъ еще болѣе и привязанность къ земледѣлію закрѣпляется прочнѣе; каждый же неурожайный годъ обогащаетъ новымъ опытомъ, увеличиваетъ осмысленное отношеніе къ дѣлу, а неутерянная еще выносливость облегчаетъ перенесеніе бѣдствій.

Въ результатѣ, такимъ образомъ, оказывается, что, несмотря на неумѣлость, малопроизводительность и слабость труда инородческой массы, несмотря на экономическое безсиліе и безучастіе со стороны болѣе сильныхъ элементовъ, эта самая инородческая масса исподволь отвоевываетъ у тайги клочекъ за клочкомъ для приложенія болѣе культурнаго земледѣльческаго труда.

Въ подтвержденіе авторъ указываетъ, между прочимъ, на фактъ поразительнаго возрастанія площади инородческихъ посѣвовъ въ якутскомъ и вилюйскомъ округахъ за послѣднія 8 лѣтъ и притомъ не въ группѣ состоятельныхъ лицъ («гдѣ, наоборотъ, можно замѣтить обратное теченіе»), а именно въ массѣ мелкихъ хозяйствъ. И этотъ фактъ достоинъ, конечно, особаго вниманія, представляя собою неопровержимое свидѣтельство въ пользу того, что, несмотря на неурожайный періодъ восьмидесятыхъ годовъ, земледѣліе успѣло пустить уже въ приполярной области глубокіе корни. Настало время, когда теоретическіе толки о значеніи земледѣльческаго труда для инородцевъ должны уступить свое мѣсто иному, болѣе практическому отношенію культурныхъ людей къ этому жизненному вопросу. «Не развитіе въ ино-

родческой массѣ убѣжденія о пользѣ земледѣлія, а закрѣпленіе этого убѣжденія разумными основаніями, содѣйствіе скорѣйшему и органическому упроченію его въ жизни инородческой массы болѣе доступнымъ, возможно легкимъ и дешевымъ путемъ—вотъ что составляетъ нынѣ задачу мѣстныхъ культурныхъ людей» и вотъ куда дожна быть направлена борьба съ полярной природою для предотвращенія роковыхъ послѣдствій переживаемаго въ настоящее время кризиса инородцами нашихъ приполярныхъ окраинъ.

Возможно, конечно, такъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, что и безъ такого культурнаго содѣйствія инородцы трехъ южныхъ округовъ Якутской области не сойдутъ уже съ новаго земледѣльческаго пути: безвыходная нужда безповоротно удержитъ ихъ на этомъ пути; поражающая выносливость облегчитъ тяжесть неудачъ, а близкое соприкосновеніе съ родной природой научитъ, въ концѣ-концовъ, хотя бы ощупью, извлекать изъ нея необходимое въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ давала она же, эта суровая природа, въ иномъ лишь видѣ и при иныхъ, прежнихъ, формахъ воздѣйствія на нее.

Но, по справедливому замѣчанію автора, едва ли достойно культурнаго человѣка обрекать инородца на такую изнурительную, одиночную борьбу съ полярной природой, въ особенности послѣ того, какъ подъ вліяніемъ пришлой культуры такъ сильно расшатался прежній патріархальный міръ инородца. Да и послѣдній уже не дикарь былого времени: онъ побѣжденъ высшей культурою, побѣжденъ не только физически и экономически, но и морально. Оторванный, силою вещей, отъ примитивнаго существованія въ формѣ былыхъ формъ труда и экономическихъ отношеній, поставленный роковымъ образомъ на новый путь, инородецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, началъ уже сознавать не только неизбѣжность новаго строя жизни, но и пользу его.

И такое сознаніе наблюдается нынѣ не у отдѣльныхъ лишь, болѣе интеллигентныхъ инородцевъ, а у большинства. Но въ то же время масса чувствуетъ свою немошность для умѣлой эксплоатаціи силъ природы въ этой новой формѣ труда, при чемъ причину своихъ неудачъ она приписываетъ не столько суровой природѣ, сколько своему невѣжеству: «Неучъ», говоритъ про себя инородецъ и говоритъ совер-

шенно искренно, совершенно сознательно. Онъ всѣми фибрами своего существа чувствуетъ преимущества пришедшей къ нему культурной силы, вѣритъ въ ея могущество и эта вѣра укрѣпляетъ въ немъ надежду, что та же могущественная сила поможетъ ему совладать съ суровой природой полярнаго холода, облегчитъ ему постановку земледѣлія на болѣе прочную почву...

Основательны ли всѣ эти надежды; сбыточны ли онѣ? «Самыя гуманныя стремленія, самыя добрыя начинанія и самыя честныя порывы безпощадно разбиваются о разбросанность населенія, его невѣжество, забитость однихъ, противодѣйствіе другихъ и наконецъ объ ужасающую бѣдность массы населенія». И между тѣмъ препоны эти далеко не единственныя. Помимо этихъ тормазовъ, обычныхъ при каждой встрѣчѣ культурной жизни съ некультурной, здѣсь, въ этихъ приполярныхъ окраинахъ, по сей часъ еще приходится бороться и съ спеціальнымъ, очень сильнымъ воздѣйствіемъ правильной постановки земледѣлія,—воздѣйствіемъ, порожденнымъ самимъ же культурнымъ человѣкомъ, его якобы «научно обоснованнымъ» убѣжденіемъ о непригодности вашихъ приполярныхъ окраинъ для земледѣльческой культуры.

Дѣйствительно, не достоинъ ли удивленія тотъ фактъ, что тогда какъ жизнь приполярныхъ окраинъ, самою силою вещей, ставитъ на очередь вопросъ о земледѣльческомъ трудѣ и инородецъ всѣ силы кладетъ на осуществленіе такого труда, мысль о приполярномъ земледѣліи, какъ основной формѣ народнаго труда, «до сикъ поръ еще встрѣчается съ насмѣшкой» среди «культурной интеллигенціи», «культурныхъ хозяевъ», ссылающихся въ оправданіе такого своего отношенія на авторитетъ науки и свидѣтельство опытнаго изслѣдованія мѣстной жизни и мѣстной природы.

Конечно, нѣтъ надобности пояснять, въ какой мѣрѣ подобное отношеніе должно тормозить всякое начинаніе въ дѣлѣ приложенія земледѣльческаго труда въ борьбѣ съ суровой природою приполярныхъ областей.

Но при чемъ тутъ наука?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится припомнить все тѣ же примѣры — крайне поспѣшнаго обобщенія единичныхъ фактовъ, имѣющихъ чисто спеціальное значеніе,

но нерѣдко съ непростительной легкостью выдаваемыхъ за «непреложные законы природы». Въ особенности много грѣха въ этомъ отношеніи на душѣ у радѣтелей и воздѣлывателей такого прикладнаго знанія, какъ наука о земледѣліи. Самый предметъ этого знанія, имѣющаго дѣло обыкновенно съ спеціальными явленіями, обязывалъ бы повидимому его воздѣлывателей остерегаться отъ слишкомъ широкихъ обобщеній наблюдаемыхъ явленій, памятуя постоянно, что явленія эти и выводимые изъ нихъ законы не могутъ имѣть универсальнаго значенія и правила земледѣлія, напримѣръ умѣреннаго пояса, хотя бы и выработанныя по всѣмъ требованіямъ науки, представляютъ значеніе только для культуры этого пояса, а никакъ не для всѣхъ климатическихъ областей земного шара.

Что, кажется, можетъ быть элементарнѣе этой истины. И ее-то, однако, культурный человѣкъ даже въ лицѣ своихъ интеллигентнѣйшихъ представителей, болѣе того—въ видѣ радѣтелей и воздѣлывателей знанія, до сихъ поръ никакъ не могъ оцѣнить по достоинству и пренебрегаетъ на каждомъ шагу.

Слова нѣтъ, на сельско-хозяйственной практикѣ умѣреннаго именно пояса выросла и самая наука о земледѣльческой культурѣ. Но это не только не оправдываетъ обобщенія послѣдней; напротивъ, оно-то и обязываетъ не торопиться обобщеніями и не переноситъ своихъ «законовъ» въ качествѣ непреложныхъ универсальныхъ истинъ, въ совершенно иную сферу, гдѣ иныя климатическія условія, иная природа, иное отношеніе къ этой природѣ самаго растительнаго міра неизбѣжно должны требовать и иныхъ пріемовъ культуры.

Случилось однако совершенно противоположное: культурныя растенія умѣреннаго пояса, его злаки и проч. требуютъ болѣе или менѣе продолжительнаго періода развитія, болѣе или менѣе значительнаго количества тепла; многіе изъ нихъ совсѣмъ не переносятъ стужи и рѣзкихъ термическихъ перемѣнъ полярныхъ областей, и вотъ выводъ готовъ: эти послѣднія области непригодны для воздѣлыванія хлѣбовъ и вообще земледѣльческаго труда. Въ результатѣ тотъ поучительный фактъ, что нѣкоторые ученые, посѣщавшіе приполярный край, «авторитетно проводили сѣверную

границу земледѣлія тамъ, откуда слѣдующее поколѣніе отодвигало его на нѣсколько градусовъ къ сѣверу». Такъ между прочимъ, Штраленбергъ границей земледѣлія ставилъ притокъ рѣки Лены—Киренгу; Врангель въ 20-хъ годахъ утверждалъ, что Олекминскъ составляетъ въ Сибири порубежную черту земледѣлія, за которой далѣе къ сѣверу оно становится уже невозможнымъ; Мидендорфъ, въ 40-хъ годахъ, установилъ сѣверную границу ячменя по 61—62 с. ш. Вильгъ, въ концѣ 70-хъ годовъ, считалъ, что сѣверная ячменя совпадаетъ съ изотермой мая при 5° Ц., чѣмъ исключаетъ возможность земледѣлія для всей почти якутской области и т. д., и т. д.

Эти авторитетныя указанія, само собою разумѣется, дѣлали свое дѣло, укрѣпляя увѣренность культурнаго человѣка въ непригодности приполярныхъ областей для земледѣльческой культуры, якобы безсильной бороться съ такимъ непреодолимымъ врагомъ, какъ полярный холодъ. А между тѣмъ, что же оказалось въ дѣйствительности?

Жизнь, побуждаемая присущимъ ей стремленіемъ не уступать силамъ внѣшней природы, не попробовавъ побѣдить ихъ, эта жизнь, въ лицѣ полудикихъ инородцевъ, путемъ тяжелаго опыта указывала на возможность практическаго рѣшенія той самой задачи, которая признавалась авторитетными учеными неразрѣшимой. И тогда какъ эти авторитетные ученые глубокомысленно устанавливали крайнія границы призростанія хлѣбовъ, не позволяя имъ заходить выше 61—62° с. ш., инородецъ продолжалъ отвоевывать у тайги клочекъ за клочкомъ и теперь даже подъ 63—64° с. ш. съ успѣхомъ уже культивируется не только ячмень, но и пшеница. Въ Олекминскомъ округѣ, напримѣръ, «сѣвернѣе той линіи, которая опредѣлялась людьми науки за границу земледѣлія, это самое земледѣліе успѣло развиться у инородцевъ съ такимъ успѣхомъ, которому позавидовалъ бы русскій крестьянинъ, этотъ носитель земледѣльческаго труда». Здѣсь оказывается даже уже возможнымъ примѣнить нормы, общія всѣмъ земледѣльческимъ районамъ: олекминскіе якуты, которыхъ насчитывается около 10 тыс. душъ обоего пола, засѣвали за пятилѣтіе 1889—1892 гг. до 5,709 четвертей различныхъ хлѣбовъ и имѣли въ среднемъ годовомъ около 2,7 четвертей на душу насе-

ленія; изъ урожая 1891 г. на одного человѣка приходилось 26½ пудовъ хлѣба; по расчету же, принятому центральнымъ статистическимъ комитетомъ для Европейской Россіи (13 пудовъ на человѣка въ годъ), это указываетъ уже на избытокъ хлѣба, который и вывозится дѣйствительно на пріиски,—фактъ знаменательный, если принять во вниманіе, что онъ наблюдается въ приполярной окраинѣ, среди полукультурнаго народа и притомъ на томъ самомъ дальнемъ сѣверѣ, гдѣ исключалась людьми науки возможность земледѣльческой культуры.

Но если въ столь крупную ошибку могли впасть неоспоримые ученые авторитеты, то удивительно ли, справедливо спрашиваетъ авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, что «мысль о плодотворности земледѣлія въ приполярныхъ окраинахъ встрѣчала и продолжетъ еще встрѣчать недовѣріе со стороны людей хотя и образованныхъ, но»... но слишкомъ склонныхъ вѣритъ въ универсальность «законовъ» европейской земледѣльческой науки.

Развѣ не ясно и для интеллигентовъ, и для практиковъ, близко знакомыхъ съ этими «законами, что приполярная природа со всѣми ужасами «полюса холода» и континентальности климата представляетъ непреодолимыя препятствія для произростанія культурныхъ растеній? Развѣ «опытный» хозяинъ, упорно рѣшившись перенести въ эти окраины систему и пріемы сельскаго хозяйства изъ Европейской Россіи и потерпѣвъ неудачу, не убѣждается тѣмъ самымъ въ непреложности «законовъ», которые преподаетъ ему европейская практика. Но ученымъ агрономамъ, усерднымъ практикамъ-хозяевамъ не приходитъ, однако, на мысль самое простое соображеніе, что непреложность «законовъ» европейской земледѣльческой науки, въ дѣйствительности, крайне условна, что коренная причина всѣхъ ихъ неудачъ не «ужасы» «полюса холода», а та простая истина, что условія и законы роста и развитія растительнаго царства у этого «полюса холода» не могутъ быть одинаковыми съ таковыми же умѣренныхъ странъ. А это значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и культура, воздѣлываніе растеній на сѣверѣ также должно имѣть свои законы, обусловливаемые полярностью края, подобно тому, какъ и сельско-хозяйственная наука умѣреннаго пояса имѣетъ свои законы, «обуслов-

ливаемые требованіями природы этого умѣреннаго пояса и отношеніями къ нему воздѣлываемой здѣсь растительности».

Выводъ ясный: неудачи въ сферѣ земледѣлія на далекихъ окраинахъ говорятъ не о невозможности его, а только о томъ, что въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ, что надлежитъ принимать къ свѣдѣнію тѣ «уставы», по которымъ развивается растительность «полюса холодовъ» и сообразно этимъ «уставамъ», сообразно присущему полярной растительности отношенію къ окружающей его суровой природѣ созидать и самую культуру. Тогда и только тогда можно разсчитывать на успѣхъ.

Правда, полярный міръ, видимыя проявленія полярной жизни какъ растительной, такъ и животной представляютъ много особенностей, которыя поражаютъ непривычнаго къ нимъ южанина и, какъ бы подавляя его, вызываетъ лишь чувства страха и ужаса. Даже культурный человѣкъ, сознавая свое безсиліе, бѣжитъ изъ этого царства «мрака и гибели». Оно кажется ему непобѣдимымъ потому, что онъ не знаетъ мощной силы полярной жизни растительнаго и животнаго міра и крайне превратно судитъ о способности воздѣйствія ея «полюсу холода» по примѣрамъ изъ жизни того же царства своего умѣреннаго пояса.

Не единичные факты, а вся растительная жизнь приполярныхъ и полярныхъ областей свидѣтельствуетъ о несокрушимой ея силѣ и ея способности бороться съ самыми суровыми климатическими условіями. Казалось, возможна ли эта борьба на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ короткій періодъ низводитъ процессы растительной жизни къ минимуму, и однако же полярный растительный міръ съ успѣхомъ отражаетъ это пагубное вліяніе «полюса холода» сокращеніемъ своего вегетаціоннаго періода и путемъ быстраго расцвѣта всѣхъ своихъ жизненныхъ силъ успѣваетъ въ короткій лѣтній періодъ полярной природы завершить весь циклъ своего развитія.

Въ приполярныхъ широтахъ Якутской области, говоритъ авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, вегетаціонный періодъ травяной растительности продолжается иногда не болѣе 45—55 дней, отъ начала іюня до половины или конца іюля. И въ этотъ короткій періодъ травы успѣваютъ дать

чрезвычайное обиліе питательныхъ веществъ. Аналогичное наблюдается и относительно воздѣлываемыхъ злаковъ: яренскій ячмень, напримѣръ, поспѣваетъ въ сороковой день со дня посѣва. Той же замѣчательной особенностью, той же краткостью періода развитія, отличаются и другія культурныя растенія приполярныхъ окраинъ: при надлежащемъ уходѣ хлѣба зрѣютъ иногда въ два мѣсяца и весенніе всходы не боятся морозовъ. Даже чувствительная къ весеннимъ морозамъ гречиха и та оказывается способной давать въ приполярныхъ окраинахъ болѣе или менѣе сносные урожаи.

Легко судить, въ виду всѣхъ подобныхъ фактовъ, насколько неосновательны всѣ кривотолки о невозможности приполярнаго земледѣлія. Оно невозможно, конечно, если переносить на него законы земледѣлія умѣренныхъ странъ, но не въ этомъ, однако, заключаются самыя задачи культуры, а въ раціональномъ пользованіи и усиленіи тѣхъ самыхъ своеобразныхъ силъ и способностей приполярной растительности, помощью которыхъ эта растительность борется и одолѣваетъ суровую природу «полюса холода». Въ этомъ именно направленіи и начаты первыя попытки инородцами, въ томъ ихъ и успѣхъ; но эти попытки дѣлались ощупью, такъ сказать, инстинктивно, для совершеннаго же осуществленія намѣченной цѣли требуется приложеніе болѣе производительныхъ культурныхъ силъ. Тогда суровый «полярный міръ» съ его страхами и ужасами станетъ вполнѣ подвластнымъ вліянію русской культуры. Задача въ томъ, чтобы эта культура, не расходуясь безполезно на перенесеніе въ приполярныя окраины пріемовъ европейскаго хозяйства, пришла бы на помощь мѣстному растительному міру въ его борьбѣ съ ужасами полярной природы, направила бы энергію свою на созданіе хозяйства, отвѣчающаго требованіямъ приполярной растительной жизни, и суровая природа крайняго Сѣвера будетъ побѣждена.

Къ вышеприведенному фельетону г. Эльпе слѣдуетъ добавить то, что мысли о приполярномъ земледѣліи П. И. Войнаральскій подкрѣплялъ опытомъ, пріобрѣтеннымъ имъ при веденіи собственнаго хозяйства.

Онъ пишетъ: «Хозяйство мое, по величинѣ посѣвной площади, не превышаетъ размѣра хозяйствъ средней семьи

въ той мѣстности,—около полудесятины. Тоже сходство и въ характерѣ почвы: частью выпаханный залогъ, частью богатыя навозомъ многолѣтнія стойбища коннаго скота. По обработкѣ почвы и другимъ пріемамъ веденія хозяйства оно можетъ быть приравнено къ наиболѣе бѣднымъ. Скота и орудій нѣтъ. Также, какъ и у сосѣдей-бѣдняковъ, торопливая пашня предъ самымъ посѣвомъ и точно также на слабосильномъ, измученномъ бычкѣ (рѣдко—на быкѣ), посредствомъ поломаннаго, кое-какъ установленнаго сохи-плуга, съ волокушею, вмѣсто колесъ. Пласты, по большей части, переворачиваются руками или ногами: пропашки докапываются заступомъ или такъ и оставляются. Бороньба — на половину какою-то невозможно бороною, а то и просто граблями. Вспахать и забороновать, съ посѣвомъ, мы можемъ не болѣе 200 кв. саж. въ день. Жатва производится якутскимъ ножемъ или поварскимъ; послѣдній считается лучшимъ, и его разбираютъ у меня нарасхватъ. Вмѣсто катка, по примѣру якутовъ, я пользуюсь лыжами или просто тесиною. Молотимъ какою-нибудь колотушкою послѣ предварительнаго обрыванія колосьевъ руками (40—50 снопиковъ или, точнѣе, не болѣе 15—20 настоящихъ русскихъ сноповъ въ длинный лѣтній день). Перемолъ — на ручной мельницѣ, около 20 фун. въ день. Подвѣиваніе—встряскою зерна въ какой-либо посудинѣ (чебучахѣ).

На поливку, уничтоженіе сорныхъ травъ, вывозку навоза и вообще на какіе-либо другіе, болѣе культурные и технические пріемы нѣтъ рабочихъ силъ; нѣтъ ихъ и для поддержанія въ исправности загородей, а это самое больное мѣсто въ нашемъ мелкомъ хозяйствѣ. Этимъ хозяйство мое еще болѣе приравнивается къ хозяйствамъ мѣстной голотьбы, т. е., большинства. При нашей общей бѣднотѣ, есть ли какой смыслъ говорить о подъемѣ производительности труда путемъ распространенія знаній, усовершенствованныхъ пріемовъ техники, скотоводческихъ фермъ, земледѣльческихъ высшихъ школъ, случныхъ пунктовъ, образцовыхъ хозяйствъ и т. п. Все это вещи очень и очень хорошія и несомнѣнно полезныя: распространеніе ихъ желательно, но только не здѣсь, гдѣ нѣтъ средствъ даже на покупку ножа, а не только серпа; гдѣ, по неимѣнію гривенника на уплату священнику, откладывается на годъ, на два исполненіе требъ; гдѣ еже-

годно въ веснѣ сами люди не менѣе тощи, ослаблены, изнурены, подавлены апатіею, какъ и ихъ скотъ, едва волочащій ноги на подножный кормъ и безсильно падающій при первой рытвинѣ».

Но и при такихъ условіяхъ жизни, Войнаральскій видитъ все-таки въ земледѣліи подъ 62—64° с. ш. не только обезпеченія инородца отъ голоданія, но и отъ кабалы у богатыхъ скопцовъ и якутовъ-тойеновъ.

«Все это въ общемъ достаточно опредѣляетъ громадное значеніе развитія среди инородцевъ мелкихъ лично трудовыхъ земледѣльческихъ хозяйствъ и неотложнаго содѣйствія послѣднимъ необходимыми орудіями производства и сѣменами, не разбрасывая дорогихъ для того средствъ на образцовыя хозяйства и фермы».

Пропаганду о приполярномъ земледѣліи онъ заключаетъ горячими словами:

«Развѣ тамъ, гдѣ растутъ въ дикомъ видѣ прядильныя и масличныя растенія, гдѣ мѣстное населеніе употребляетъ въ пищу богатые сахаромъ и бѣлковиною дикорастущіе корни, воможно серьезно сомнѣваться въ успѣхѣ земледѣльческой культуры? Притомъ, кому неизвѣстна удивительная способность растительнаго царства приспособляться къ самымъ разнообразнымъ, хотя бы и очень суровымъ условіямъ? Развѣ не имѣется яренскаго ячменя, поспѣвающаго въ 40 дней со времени посѣва, и развѣ это сокращеніе вегетаціоннаго періода достигается какими-либо особенными, недоступными намъ пріемами? Вѣдь швейцарцы, при всемъ обиліи скотоводческихъ продуктовъ, не считаютъ нужнымъ культивировать хлѣбные злаки на высокихъ склонахъ Альпъ, гдѣ даже ячмень едва уходитъ отъ заморозковъ и гдѣ потому, при уборкѣ его, примѣняютъ тотъ же способъ, какъ и русскіе сектанты на сѣверѣ европейской Россіи,—сжинаютъ хлѣбъ нѣсколько недозрѣвшій и развѣшиваютъ по прясламъ, чтобы онъ дошелъ на солнцѣ. Чтобы сдѣлать горные склоны пригодными хотя бы для такого посѣва, швейцарцы подбираютъ камни съ полей, а наши сектанты располагаютъ свои крохотныя поля терассами по берегу рѣки, такъ какъ глухая и болотистая тайга, во многихъ мѣстахъ, не оставляетъ удобнаго клочка на ровной возвышенности берега.

Да развѣ не культивируется у насъ подъ 63,5° с. ш. даже пшеница? И не показываютъ ли болѣе или менѣе сносные урожаи гречихи, здѣсь же втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ кряду, что даже это растеніе, чувствительное къ весеннимъ морозамъ, могло приспособиться къ нашей суровой природѣ?

Не говорятъ ли опять въ томъ же смыслѣ о возможности успѣшнаго приспособленія такіе факты, какъ произрастаніе втеченіе двухъ-трехъ лѣтъ падалки ярицы, гречихи, овса и конопли. Нельзя игнорировать и такого факта, какъ напримѣръ, удовлетворительный сборъ огурцовъ подъ 63,5° с. ш., высаженныхъ съ проросшими сѣмя долями 18 и 19 мая въ теплыя гряды (а не въ парники) и ни разу не закрывавшихся до главнаго сбора въ началѣ августа, при первомъ сборѣ уже 13-го іюля. И это было не только въ довольно благопріятномъ 1895 году, но и въ неурожайномъ 1892-мъ».

Такимъ образомъ, общая мысль Войнаральскаго о приполярномъ земледѣліи проникла въ столичную печать и я имѣю нѣсколько писемъ Войнаральскаго съ выраженіемъ глубокой по этому случаю радости... Этой радости такъ было мало за послѣдніе дни его жизни!

Потеря жены, разлука съ дѣтьми и возвращеніе въ Россію безъ опредѣленнаго дѣла—не могло не отразиться на его духовномъ состояніи. Новизна впечатлѣній и встрѣчи со старыми друзьями усиливали его нервность и надломленное здоровье не выдержало... Лѣтомъ 1898 г. у него произошло воспаленіе мозга и разумъ его погасъ... Въ этомъ же году онъ умеръ.

Не берусь окончательно судить о томъ, въ какой мѣрѣ его опыты и мысли о приполярномъ земледѣліи были обоснованы или утопичны. Но пусть лица, противъ которыхъ въ письмахъ Войнаральскаго имѣются рѣзкіе отзывы, примирятся съ нимъ и примутъ во вниманіе условія его жизни, при которыхъ ему приходилось полемизировать съ ними и бороться за свои идеи въ пользу бѣднаго и темнаго народа, интересами котораго была исполнена вся его жизнь...

«Мерзлый русскій».

(„Историческій Вѣстникъ“ 1899 г. № 4).

I.

Я выѣхалъ, по телеграммѣ, къ нему на свиданіе въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ, лежавшихъ на пути его возвращенія изъ Сибири въ Россію, и тамъ дождался его. Мы не видѣлись болѣе двадцати лѣтъ... Какая радость встрѣтить человѣка, котораго давно считалъ мертвымъ и который явился нежданно передъ вами. Онъ заговорилъ знакомымъ голосомъ, сіяя знакомымъ выраженіемъ глазъ и каждымъ поворотомъ своего туловища напоминалъ все болѣе и болѣе себя самого въ ранней молодости, когда мы оба впервые мысленно тронулись къ отдаленному будущему... Многіе изъ насъ растерялись съ тѣхъ поръ и перемерли; а теперь, подъ старость лѣтъ, какъ-то не вѣрится глазамъ, что съ нѣкоторыми мы опять встрѣтились и опять вмѣстѣ думаемъ и вспоминаемъ ушедшія въ вѣчность лица и событія. Да, это большая радость встрѣтить стараго товарища, и каждая такая радость укрѣпляетъ намъ жизнь.

— А были-то мы, помнишь, Вадимъ, какими молодцами?

— Ну, ты-то былъ какъ спичка,—отвѣтилъ онъ,—а теперь съ животомъ...

— Тоже и ты не безъ лысины...

— Это ужъ тамъ, — отвѣтилъ онъ. — Въ тайгѣ да по тюрьмамъ растерялъ всѣ свои украшенія. Цингa да голодовки... Слава Богу, что желудокъ исправенъ...

Онъ тихо улыбнулся, но мнѣ вдругъ стало его жаль. Чѣмъ болѣе я всматривался въ его блѣдное, съ строгими и правильными чертами, лицо, тѣмъ сильнѣе мнѣ хотѣлось что-нибудь для него сдѣлать.

— Нѣтъ, пока мнѣ ничего не надо,—сказалъ онъ.—Все есть... Лѣто посвящу обработкѣ матеріаловъ изъ моихъ путевыхъ впечатлѣній по рѣкамъ Сибири, а осенью буду искать мѣста гдѣ-нибудь секретаря при земской управѣ или по статистикѣ... На старости лѣтъ Богъ наказалъ меня дочкой, и надо посвятить остатокъ жизни младенцу.

Въ послѣднихъ словахъ послышалась покорность судьбѣ, но любовная и нѣжная.

— За пятьдесятъ лѣтъ приходится начинать жизнь заново,—сказалъ онъ.

— А прежняя?—воскликнулъ я и пытливо взглянулъ ему въ глаза.

Онъ спокойно отвѣтилъ мнѣ:

— Каждому суждено играть свою роль, и необходимо быть только искреннимъ къ ней. Не дорожить своимъ прошлымъ свойственно однимъ гадкимъ людямъ. Надо любить свое время...

— То-то, Вадимъ,—обрадовался я.—Вѣдь прошлая жизнь сдѣлала наши характеры, и они нужны обществу... Разскажи мнѣ въ общихъ чертахъ, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, и ты былъ отправленъ изъ Петербурга въ централку Харьковской губерніи.

— Произошло на первыхъ порахъ все къ лучшему...

— Разскажи же, какъ?

— Насъ увезли изъ Петербурга впятеромъ отъ остальныхъ товарищей и хотѣли содержать болѣе стого. Насъ помѣстили въ Андреевскую центральную тюрьму, а прочихъ въ Печенѣжскую. Но судьба намъ покровительствовала... Въ Андреевской тюрьмѣ смотритель былъ наиболѣе суровымъ человѣкомъ, чѣмъ въ Печенѣжской; но передъ нашимъ прибытіемъ въ его семьѣ произошло несчастіе. Его дочь едва не сгорѣла отъ вспыхнувшаго керосина и на всю жизнь осталась обезображенной. Смотритель усмотрѣлъ въ этомъ Божіе наказаніе себѣ за то, что былъ строгъ съ заключенными, и теперь, подъ вліяніемъ собственнаго горя, онъ измѣнилъ рѣшительно свои отношенія къ узникамъ. Онъ сталъ кротокъ, тихъ, не говорилъ даже съ нами на ты, и былъ внимателенъ къ нашимъ просьбамъ. Положеніе было само по себѣ тяжелымъ, и онъ не хотѣлъ ухудшать его. Въ Печенѣжской тюрьмѣ, мы знали, товарищамъ было хуже... Нѣ-

которые тамъ сошли съ ума, другіе умерли отъ чахотки и всѣ завидовали намъ. Дошло до того, что одинъ изъ нихъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣшился на побѣгъ, сознавая всю его неисполнимость. Онъ добился разрѣшенія заниматься переплетнымъ мастерствомъ и изъ остатковъ коленкора для переплетовъ постепенно сшилъ себѣ штатское платье; изъ комнатной щетки сдѣлалъ себѣ парикъ и бороду, а простымъ гвоздемъ подкопался подъ полъ... Но часовой, заглянувъ однажды въ форточку его комнаты и, не видя заключеннаго, поднялъ тревогу и все открылось.

— Несчастный!—воскликнулъ я, вспоминая, что и этотъ заключенный былъ моимъ добрымъ товарищемъ.

— Да,—отвѣтилъ Вадимъ.—Онъ не въ состояніи былъ выносить одиночнаго заключенія; впадалъ въ умоизступленіе, буйствовалъ и трагически кончилъ свою жизнь. А мы, въ своей Андреевской централкѣ, коротали дни мирно, почитывая Евангеліе и духовные журналы. Одинъ изъ насъ сильно увлекся священными книгами и оглашалъ тюрьму горячими диспутами за Святую Троицу. Имъ овладѣла настоящая религіозная манія, и онъ былъ счастливѣе насъ всѣхъ. Съ его любовью къ религіи онъ понравился тюремному священнику, и они сдружились. Силы, однако, стали ему измѣнять, и только религіозный энтузіазмъ поддерживалъ угасающую жизнь. Ее скоро не стало... Намъ позволили присутствовать въ церкви на отпѣваніи товарища, и вотъ тутъ-то священникъ сказалъ ему такое напутствіе: «Передъ нами,—произнесъ онъ,—лежитъ праведникъ. Онъ былъ когда-то преступникомъ, а теперь онъ Божій угодникъ. Помолимся ему, чтобы онъ и намъ приготовилъ пути въ Царство Божіе, которое онъ постигъ въ этихъ тюремныхъ сводахъ, когда мысленно обращался къ Творцу и Его волѣ». По мѣрѣ того, какъ въ Печенѣжской тюрьмѣ ухудшались отношенія между администраціей и заключенными, у насъ они дѣлались нормальнѣе: намъ разрѣшили имѣть соломенные тюфяки и подушку, одѣяло вмѣсто войлока, свѣтскія книги и улучшать до нѣкоторой степени пищу на собственныя средства. Въ Печенѣжскую тюрьму назначена была ревизія и профессоръ Доброславинъ настоялъ на переводѣ оттуда заключенныхъ въ новыя мѣста. Лорисъ-Меликовъ согласился на томъ, чтобы «централистовъ» выслали

въ Сибирь, и послѣдніе были отправлены на Кару. Карійская жизнь началась для насъ сравнительно легко. Но чѣмъ легче жилось на заброшенныхъ для работы рудникахъ, тѣмъ сильнѣе хотѣлось все болѣе и болѣе нормальной жизни... Болѣе всего хотѣлось вернуться въ Россію; но въ этомъ чувствѣ сказывается одна любовь къ родинѣ, а не преступленіе. Мы только и заняты были мыслію объ одиночныхъ или массовыхъ побѣгахъ: бѣжать хотѣли всѣ и всѣ понимали, что это безуміе. Тѣмъ не менѣе, мы добыли куски желѣза, раскаливали ихъ, чтобы оттаивать ими мерзлую землю и тогда уже рыли ее. Прошли за стѣну казематовъ, были близко къ оградѣ, но до наружнаго выхода не добрались... Найденъ былъ новый планъ къ побѣгу, и подкопъ былъ заброшенъ.

— Какой же новый планъ?

— А вотъ слушай... За стѣною каторги у насъ были расположены столярныя и кузнечныя мастерскія, куда мы ходили подъ конвоемъ солдатъ работать. Мы здѣсь обучились многимъ мастерствамъ и заказы сыпались къ намъ чуть не изъ Кяхты. Мы зарабатывали даже хорошія деньги, и администрація не догадывалась, что эти мастерскія сыграютъ на Карѣ предательскую роль. Мы именно ими и воспользовались для нашихъ побѣговъ. Задумано было чинить желѣзную кровать, которую изъ каземата мы и понесли въ мастерскую собственными руками на глазахъ конвойныхъ и начальства. А кровать-то была съ ящикомъ и въ ящикѣ спрятаны были два карійца, наши товарищи. Принесли кровать въ мастерскую, ремонтировали ее, а додѣлывать оставили въ мастерской до другого дня. Ночью карійцы вылѣзли изъ ящиковъ и, проломивъ отверстіе въ мастерской, скрылись въ тайгу. Отсутствіе ихъ на каторгѣ, при перекличкѣ, мы маскировали ссылками на то, что они спятъ и указывали на кровати съ деревянными подъ одѣяломъ чучелами въ парикахъ и даже съ выточенными лицами. Вслѣдъ за первой парой бѣглецовъ, тѣмъ же способомъ ушла и вторая партія, и третья, но при уходѣ четвертой мы вдругъ услышали ночью выстрѣлъ... Часовой изъ якутовъ при мастерскихъ замѣтилъ на крышѣ бѣглецовъ и принялъ ихъ за вѣдьму.

— Тревога! Несчастіе!

Тотчасъ-же мы уничтожили чучела, краски и прочіе слѣды преступленія. Обходъ каторги администраціей убѣдилъ послѣднюю въ побѣгахъ заключенныхъ, и тотчасъ были подняты всѣ сибирскіе силы для поимки ихъ. Телеграммы и полиція сдѣлали свое дѣло, несмотря на то, что многіе изъ карійцевъ уже добрались до Владивостока.

Несчастные бѣглецы были отправлены въ Шлиссельбургскую крѣпость, а мы остались дожидать своей участи на Карѣ. Мастерскія наши были закрыты, съ вольныхъ квартиръ многіе переведены обратно въ казармы, и внутренняя жизнь на каторгѣ стала безотраднѣе.

Разсаженные у себя по казематамъ, мы собирались въ одномъ или другомъ изъ нихъ съ цѣлью самообразованія. Многіе изъ насъ преподавали иностранные языки, читали исторію, медицину и даже высшую математику. Послѣ побѣговъ запрещенъ былъ переходъ изъ одного каземата въ другой и лекціи должны были прекратиться; затѣмъ, то гулянья у насъ отымались, то обысками насъ донимали, то книги дадутъ и отымутъ, а то уголовныхъ начнутъ водить на свидѣтельство къ доктору, о томъ, могутъ ли они вынести тѣлесное наказаніе. Мы знали, что это дѣлалось передъ наказаніемъ ихъ розгами, и понимали очень хорошо, что присутствіе рядомъ съ нами уголовныхъ преступниковъ свидѣтельствовало стремленіе подчинить всѣхъ насъ общему режиму.

— Да, что-же это за жизнь?—воскликнулъ одинъ изъ насъ иронически:—разъ кормятъ въ день, а два раза бьютъ... Лучше умереть!

Страшное слово было произнесено, и мы стали готовиться къ смерти. Между нами шелъ разговоръ только о томъ, что лучше: добровольное голоданіе на смерть или лишеніе жизни ядомъ, или поджогъ тюрьмы и гибель всѣхъ въ огнѣ? Страшные были разговоры по ночамъ на эту тему... Вспомнишь и не вѣрится! Въ результатѣ администрація поняла, что общій режимъ съ уголовными мы не вынесемъ, и что болѣе натягивать лукъ нельзя.

— Время смягчило обѣ стороны,—продолжалъ Вадимъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Вѣдь, по природѣ, лучшія стороны всегда одерживаютъ верхъ въ человѣкѣ. Администрація убѣдилась во-очію, что мы интеллигентные люди,

и это признаніе сейчасъ-же водворило и въ нашихъ сердцахъ миръ и любовь. Послѣдующій приказъ о томъ, чтобы всѣхъ карійцевъ разослать по разнымъ тюрьмамъ, уже засталъ насъ покорными своей судьбѣ, и мы отсиживали свой срокъ разобщенными и осиротѣлыми. Вскорѣ мы были посланы на поселеніе.

— Какъ же ты тамъ устроился?

— Ты хочешь знать,—спросилъ онъ:—какъ я былъ на поселеніи слесаремъ, печникомъ, экскурсантомъ, литераторомъ и адвокатомъ въ Якутской области?..

— Да... Разскажи, что переживаетъ въ дикой тайгѣ интеллигентный человѣкъ, и пойдемъ за городъ. Здѣсь душно.

Мы взяли шляпы и скоро вышли на шоссе, по бокамъ котораго тянулся прелестный лѣсокъ. Было еще не поздно, и въ кустахъ неистово пѣлъ соловей поперемѣнно съ криками коростелей по лугамъ.

Мы шли нѣкоторое время молча... Не знаю, думалъ ли Вадимъ о страшномъ противорѣчіи прошлаго идеализма съ безличнымъ мѣстомъ по статистикѣ, но я былъ подавленъ этимъ сравненіемъ.

«Все въ томъ же родѣ и у другихъ», вспомнилось мнѣ, но тотчасъ же нашлось и утѣшеніе въ томъ, что, можетъ быть, эти другіе тѣмъ и милы, что мечты у нихъ не погублены дѣйствительностью и идутъ въ разрѣзъ съ прозой. Можетъ быть!

Соловей пѣлъ такъ сладко въ кустахъ, что и размышлять о жизни хотѣлось лучше, чѣмъ она есть. Заяцъ перебѣжалъ шоссе, то прыгая кверху, то присѣдая на одномъ мѣстѣ и уморительно прислушиваясь по сторонамъ. Кукушки перелетали изъ одной рощи въ другую, оглашая лѣсъ своеобразнымъ крикомъ, на который онѣ въ эту пору слетаются другъ къ другу.

Налюбовавшись дивнымъ вечеромъ, Вадимъ обратился къ прерванному между нами разговору.

— Помню день,—началъ онъ:—когда намъ объявили въ тюрьмѣ о ссылкѣ въ Сибирь. Никто ничего объ этомъ не подозрѣвалъ, и каждый томился въ своемъ казематѣ. Вдругъ щелкнулъ ключъ въ одномъ изъ замковъ какъ-то особенно, и въ камерѣ послышался голосъ смотрителя болѣе радостный, чѣмъ обыкновенно... Вся тюрьма наполнилась торже-

ствомъ, и всѣ разомъ узнали новость. Мы были рады вырваться изъ централокъ, и переводъ въ Сибирь принимали за свое спасеніе и свободу. Дѣйствительно, мы такъ измѣнились, что едва могли узнать другъ друга и плакали отъ радости, что остались живы и встрѣтились вновь. Разстройство здоровья сказалось тѣмъ, что въ партіи дѣлались то съ однимъ, то съ другимъ нервные припадки. Во время разговора человѣка вдругъ, безъ всякой причины, начинало корчить и гнуть въ разныя стороны. Очевидно, организмъ не выносилъ новыхъ впечатлѣній.

— Да... да... Это понятно! — перебилъ я его. — Послѣ продолжительнаго одиночнаго заключенія я самъ не могъ управлять долгое время на свободѣ даже рѣчью и удержать ея центральный интересъ. Я могъ говорить безостановочно, связывая съ главнымъ содержаніемъ массу подробностей и утомляя ими слушателя. Я отвыкъ мыслить по существу и быть краткимъ въ своей логикѣ. Вслѣдствіе долгаго неупражненія въ одиночномъ заключеніи челюстями, онѣ у меня сильно болѣли на первыхъ порахъ по освобожденіи отъ разговоровъ и споровъ. Нервы мои также не выносили чувствительныхъ драмъ и сценъ въ театрѣ, нѣжнаго пѣнія и чтенія романовъ. Я не могъ удержаться отъ слезъ...

— Все это результаты продолжительнаго одиночнаго заключенія,—согласился Вадимъ.—На каторгѣ гораздо лучше, чѣмъ въ одиночномъ заключеніи... Общежитіе! Работа! Улыбка человѣческаго лица и разговоры!.. Мы досиживали сроки наказанія на Карѣ и потомъ переведены были кто куда, на поселеніе. Бытъ поселенцевъ нѣкто М. Махайловъ весьма справедливо изобразилъ въ газетѣ «Новое Время». Я сохранилъ его разсказъ и перечитывалъ вчера; вотъ что онъ пишетъ о ссыльныхъ, — произнесъ Вадимъ, развернувъ находившійся у него въ карманѣ номеръ газеты: «Представьте себѣ ссыльно-поселенца, бывшаго ремесленника, мастероваго, я уже не говорю интеллигента, причисленнаго къ какой нибудь отдѣльной волости Сибири, поселеннаго въ глухой деревнѣ, гдѣ и коренные жители еле себя прокармливаютъ, да и то отхожимъ промысломъ, чего причисленный лишенъ, такъ какъ всякая его отлучка на срокъ болѣе 14 дней безъ разрѣшенія сельской власти является для него преступленіемъ. Ѣсть между тѣмъ поселенцу на-

до, онъ ищетъ работы въ предѣлахъ своей волости и въ большинствѣ случаевъ ее не находитъ. А между тѣмъ кругомъ, въ городахъ, на постройкахъ желѣзной дороги, на почтовомъ трактѣ, на пріискахъ, на заводахъ требуются рабочія руки, есть возможность заработать себѣ и семьѣ кусокъ хлѣба. Естественный результатъ такого положенія тотъ, что поселенцы стремятся въ тѣ центры, гдѣ есть работа. Для этого онъ испрашиваетъ необходимое ему разрѣшеніе на отлучку въ волостномъ правленіи, которое, въ надлежащей мѣрѣ подумавъ, въ большинствѣ случаевъ отказываетъ. Послѣ подобнаго отказа поселенцу остается только своими средствами разрѣшать дилемму: нищенствовать ли въ предѣлахъ своей волости, или работать за этими предѣлами. Всякій не въ конецъ испорченный преступникъ, безъ сомнѣнія, избираетъ послѣднее, а это послѣднее побѣгъ и наказаніе за него плетьми и водвореніе на прежнее мѣсто жительства. Но положеніе его вѣдь отъ этого не измѣняется и, оставаясь въ прежнихъ условіяхъ, онъ вынужденъ и дѣйствовать по-старому. Его бьютъ опять и опять водворяютъ. Наконецъ, въ третій разъ, познакомившись основательно съ плетьми, онъ попадаетъ на каторгу, отбывъ срокъ которой, станетъ опять поселенцемъ съ прежними преимуществами. Словомъ, каторга, поселеніе, плети — это заколдованный кругъ, изъ котораго добрая часть ссыльно-поселенцевъ не выходитъ. Теперь спрашивается, за что, строго говоря, такой поселенецъ подвергается переименованнымъ наказаніямъ? Били ли его за закоренѣлую преступную волю, за новое ли тяжелое злодѣяніе? Нѣтъ, его били за старое преступленіе, потому что не назвать же, по совѣсти, побѣгъ, о которомъ идетъ рѣчь, преступленіемъ?»

Прочитавъ эти отрывки изъ газетной статьи, Вадимъ перешелъ къ своей собственной участи и сказалъ:

— Моя судьба сложилась благопріятнѣе, вслѣдствіе того, что въ Карійскихъ мастерскихъ я выучился разнымъ ремесламъ и пріѣхалъ въ Якутскую область уже недурнымъ столяромъ.

— Ты былъ сосланъ туда?

— Да.

— Мнѣ крайне интересны твои первые шаги... узнать, какъ устраиваются русскіе интеллигенты въ отдаленной ссылкѣ·

— Мы были сосланы вдвоемъ съ товарищемъ,—продолжалъ онъ.—Послѣдній предпочелъ улусную жизнь и остался съ якутами рыбу ловить, загонять съ собакой звѣря на утесы и бить его тамъ или онъ писалъ въ сибирскія изданія объ упроченіи приполярнаго земледѣлія. Одно не удалось ему — коммерція... Зная силу денегъ и необходимость въ нихъ для своихъ земледѣльческихъ опытовъ, онъ въ означенномъ смыслѣ принялъ на себя содержаніе станцій по Верхне-Колымскому тракту на протяженіи около 1.000 верстъ. При этомъ онъ мечталъ пріурочить къ почтовымъ станціямъ и сельскохозяйственныя... Но, увы, оказалось, что для успѣха всякой коммерціи необходимо здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, быть способнымъ къ кулачеству... Пьяные ямщики теряли ввѣренныхъ имъ животныхъ, крали упряжь и т. д. Преслѣдовать ихъ судомъ было некогда и не охота, а обстоятельства складывались все болѣе и болѣе неблагопріятно. Эпизоотія истребила сотни оленей; лѣсные пожары уничтожили по тракту подножный кормъ; пошли неурожаи сѣна и т. д. Онъ геройски выносилъ борьбу и наконецъ остановился на главной своей работѣ, выразившейся въ устройствѣ имъ опытныхъ участковъ въ микроскопическихъ размѣрахъ и въ различныхъ мѣстахъ; вывозомъ хлѣбныхъ сѣмянъ и картофеля въ Верхоянскъ и доставкою туда же земледѣльческихъ орудій. Находя въ приполярномъ земледѣліи спасеніе массъ отъ обнищанія и вымиранія, онъ изъ всѣхъ силъ старался привлечь таежную интеллигенцію къ этому насущному дѣлу и сильно горевалъ, что дѣятели географическаго отдѣла, члены сибиряковскихъ экспедицій, составители «Памятной книжки Якутской области за 1896 годъ» и мѣстная администрація остаются глухи къ его проповѣди о приполярномъ земледѣліи и работаютъ надъ вопросами, по его мнѣнію, какъ бы отрѣшенными отъ существенныхъ нуждъ края. Мало утѣшительными казались ему предпринимаемыя экскурсіи на родину Будды и изученіе монгольскихъ надписей, геологическія раскопки гробницъ или проекты о возрожденіи скотоводства на раціональной почвѣ, съ ветеринарами, скотоводной близь Якутска фермою и цѣлымъ рядомъ случныхъ пунктовъ. Земледѣлію же, только какъ подспорному промыслу, придавали при этомъ значеніе при веденіи его

на научныхъ раціональныхъ началахъ, подъ руководствомъ, подготовленныхъ въ особой спеціальной школѣ мѣстныхъ спеціалистовъ.

— О, да, — перебилъ я Вадима. — Я помню, онъ мнѣ писалъ о представленныхъ въ Петербургъ проектахъ объ увеличеніи числа ветеринаровъ не одного, какъ теперь, на всю область, но по одному на каждыя округи; объ открытіи скотоводческой фермы и земледѣльческой школы съ просьбой ассигновать на это отъ казны около 30.000 рублей. Но зная отлично, что 65 — 80% якутскаго населенія живетъ впроголодь, онъ понималъ невозможность, безъ болѣе широкихъ, общихъ реформъ, перехода отъ заступа къ сохѣ, отъ ножа къ серпу, отъ приложенія собственныхъ рукъ къ приложенію животной силы и воздержанію отъ потребленія того зерна, которое необходимо на посѣвы. Немыслимы также и работы на себя при закабаленности бѣдняковъ богатымъ скопцамъ и тойенамъ изъ якутовъ. Во многихъ письмахъ ко мнѣ онъ говоритъ, что, конечно, каждый экспертъ прекрасно понимаетъ, что, при громадныхъ пространствахъ каждой изъ сибирскихъ округъ, увеличеніе числа ветеринаровъ не имѣетъ ровно никакого значенія для массы населенія; но каждый изъ нихъ, съ другой стороны, отлично знаетъ, что для него, какъ состоятельнаго и могущаго «отблагодарить», совѣтъ и помощь ветеринара, въ случаѣ какой напасти, могутъ быть и небезполезны. Знаютъ хорошо эксперты и то, что «случные пункты» для плебса точно также безполезны: какъ бы ни былъ породистъ скотъ, но если кормить его нечѣмъ, то все равно онъ или околѣетъ, или уйдетъ за безцѣнокъ ему же, эксперту, какъ болѣе могутному, и что, наоборотъ, для нихъ, болѣе могутныхъ тойеновъ, имѣющихъ непосредственное дѣло съ рынкомъ сбыта, улучшеніе крови ихъ скота — дѣло не безвыгодное. Ясно, наконецъ, для нихъ и то, что юные спеціалисты-скотоводы и земледѣльцы, получившіе образованіе въ проектируемыхъ школахъ, могутъ найти приложеніе своихъ званій только въ болѣе или менѣе широкихъ и сильныхъ капиталомъ хозяйствахъ. Постановка этихъ хозяйствъ, при помощи означенныхъ спеціалистовъ, на болѣе раціональную почву можетъ избавить ихъ отъ зависимости въ сферѣ соглашенія съ рабочимъ плебсомъ въ страдную пору, а, слѣдовательно, мо-

жетъ еще болѣе развязать имъ руки для загребанія труда и имущества того плебса на свое благоутробіе. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы плебсъ, не имѣя пищи на время страдной поры, или даже средствъ на серпъ или соху, могъ мечтать о какой либо улучшенной системѣ земледѣлія... Государственнымъ путемъ, а не покупками черезъ банкъ или уроками на фермѣ можно помочь ему. Преслѣдуя свои личные интересы, дѣльцы-тойены поддерживаютъ и остальные проекты администраціи: «открытіе ссудо-сберегательныхъ кассъ» и «организацію общественныхъ подрядовъ по перевозкѣ тяжестей». По идеѣ, оба проекта должны привести къ благотворнымъ результатамъ, имѣютъ въ основѣ очень либеральныя и честныя тенденціи... Но дѣльцамъ, какъ и изслѣдователямъ, прекрасно извѣстна не одна казовая, но и изнанковая сторона дѣла... Въ «Восточномъ Обозрѣніи» № 15 1895 г. уже было указано, какъ эти общественные подряды обратились въ подряды общественныхъ главарей, мѣстныхъ пауковъ-мизгирей. А еще вопросъ, когда подряды выгоднѣе для плебса: тогда ли, когда они организуются кулаками, стоящими внѣ общества, или тогда, когда фактически они орудуются главарями тейенами-собственниками... Никогда членъ плебса не можетъ быть такимъ безгласнымъ, порабощеннымъ рабомъ подрядчика—посторонняго кулака, какимъ онъ является предъ собственнымъ тойеномъ. И вотъ тойены-эксперты, прекрасно понимая это, энергично поддерживаютъ либеральный проектъ извѣстныхъ помпадуровъ и самодовольно потираютъ себѣ руки, предвкушая кусокъ вкуснаго пирога на почвѣ закона и благодѣянія бѣдствующей массы. Что касается до ссудныхъ кассъ, то исторія ихъ хорошо извѣстна всюду... Капиталъ ихъ обыкновенно разбирается бѣдняками, но именно не иначе, какъ на уплату своихъ кабальныхъ долговъ тойенамъ. И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ не выгодно для этихъ тойеновъ, которые будутъ орудовать кассами, забравъ въ карманъ всю кассу, вложить въ нее кабалы бѣдняковъ, вмѣсто того, чтобы держать эти кабалы на свое имя въ своихъ шкатулкахъ... Понятно, никто изъ экспертовъ-дѣльцовъ не врагъ себѣ; для нихъ нѣтъ никакого резона обратить вниманіе администраціи на полную безплодность ея проектовъ для блага массы—для голодающаго плебса. Гдѣ же знать таежной администраціи, что въ

Европейской Россіи періодъ подобныхъ «благихъ» мѣропріятій уже отжилъ свою кульминаціонную точку. Отрицательное къ нимъ отношеніе замѣтно усаливается даже въ средѣ спеціалистовъ-хозяевъ, склонившихся къ мысли, что, при бѣдности и нищетѣ населенія, поднять расшатавшееся народное благосостояніе сельско-хозяйственная педагогія не можетъ, что «организацію крестьянскихъ хозяйствъ не улучшатъ хотя бы милліоны воспитательно-образовательныхъ учрежденій, пока, цѣлымъ рядомъ коренныхъ реформъ и мѣропріятій чисто экономическаго характера, народная жизнь не будетъ направлена по другому болѣе здоровому и надежному руслу»; (журналъ «Сельскій Хозяинъ», 1894 г. № 3 «Нужды деревни»), что «только государство своими мѣропріятіями можетъ поставить сельское населеніе въ такія условія хозяйства, что оно пріобрѣтетъ нужныя для земледѣльческаго улучшенія средства» (Иванюковъ, «Рус. Мысль», 1895, октябрь); что «для усовершенствованія въ области сельск. хоз. первенствующее значеніе принадлежитъ общимъ мѣропріятіямъ, направленнымъ на развитіе моральныхъ и матеріальныхъ силъ страны и улучшеніе его административнаго устройства» (Сѣверный Вѣстникъ», 1895 г. № 8). Не обязательно, можетъ быть, для таежной администраціи быть знакомой и съ мнѣніемъ А. С. Ермолова, по словамъ котораго «масса населенія находится въ такомъ положеніи, при которомъ всѣ мѣры, направленныя *непосредственно къ улучшенію техники земледѣлія, не имѣютъ подъ собою почвы...*» и что подъемъ производительности земледѣлія (сказано въ отчетѣ министра земледѣлія) и созданіе *благопріятной экономической обстановки для сельскаго хозяйства,* промышленности находятся въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій». Не менѣе важно и мнѣніе Лорисъ-Меликова, высказавшаго въ своей запискѣ (XI выпускъ «Трудовъ Московскаго общества сел. хоз.», стр. 8—9) слѣдующее положеніе: «введеніе улучшенныхъ культуръ не можетъ быть мѣрою для устраненія въ высшей степени прискорбныхъ явленій, отзывающихся на развитіи экономическихъ и нравственныхъ силъ страны. Улучшеніе культуры было всегда результатомъ общаго подъема, какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ силъ». Такъ ссылался нашъ другъ на многочисленные авторитеты и удивлялся, что канцелярскіе проекты нашли себѣ

поддержку и опору въ научныхъ якобы изслѣдованіяхъ сибирскихъ экскурсантовъ и сотрудниковъ «Памятной книжки». Онъ горячо ратовалъ противъ нихъ и всей атмосферы, въ которой приходилось ему дышать и гдѣ естественно не могли найти опоры его еретическія мнѣнія по вопросу о поддержкѣ земледѣлія, какъ основного и необходимаго промысла въ приполярномъ краѣ. Убѣдившись, что завѣдуемая имъ образцовая ферма служитъ лишь загородной дачей для аристократіи и безцѣльна въ смыслѣ полевой культуры, нашъ рыцарь отказался отъ веденія ее въ такомъ видѣ, предложивъ закрыть оную, а взамѣнъ того открыть на имѣющейся при ней особой дачѣ—спеціально полевое хозяйство съ цѣлью, путемъ подбора мѣстныхъ сѣмянъ, культивировать болѣе выносливые сорта полезныхъ растеній не только для Якутской округи, но, главнымъ образомъ, для сѣверныхъ окраинъ. Ферма закрыта, а послѣднее предложеніе отвергнуто, такъ какъ скопцы—эти якобы авторитеты въ дѣлѣ земледѣлія—вносятъ достаточно благодѣтельнаго примѣра для Якутской округи, а земледѣліе въ сѣверныхъ округахъ не признаютъ возможнымъ. Между тѣмъ, нашъ товарищъ все болѣе и болѣе заручался фактами о полной возможности культуры разныхъ полезныхъ растеній (падалки-ярицы, ячменя, овса, конопли и даже гречихи) подъ 64° с. шир.

Вадимъ внимательно выслушалъ мой разсказъ о необыкновенно разнообразной дѣятельности на краю свѣта нашего общаго друга и мягко замѣтилъ о немъ:

— Доказывая возможность земледѣлія, онъ увлекался имъ въ такой мѣрѣ, что сталъ научно и достаточно обосновано пропагандировать необходимость «приполярнаго земледѣлія» повсемѣстно на Сѣверѣ, а не только оазисами въ зависимости отъ горъ, теченія рѣкъ и вѣтровъ. По моему же мнѣнію, сибирская природа представляетъ иногда природныя теплицы, согрѣваемыя въ глубинѣ горъ солнцемъ и такихъ мѣстахъ, разумѣется, земледѣліе допустимо; но тотчасъ же за такими теплицами тянутся холодныя пространства, и тамъ ничего не вызрѣваетъ. Фанатически преданный идеѣ приполярнаго земледѣлія, онъ не замѣчалъ преувеличенности этого громкаго дѣла по самому его выраженію. Во всякомъ случаѣ изслѣдованія «природныхъ теплицъ» и земледѣльческіе опыты оазисами могутъ только

помочь общей идѣ о приполярномъ земледѣліи, нужной особенно теперь для инородцевъ съ угасаніемъ среди нихъ скотоводства, охотничьихъ промысловъ и развитіемъ въ Сибири пароходства, желѣзныхъ дорогъ и золотопромышленности.

II.

— Ну, а ты? О себѣ что ничего не говоришь?..

— Я пріѣхалъ въ уѣздный городишко ссыльно-поселенцемъ и тотчасъ же получилъ подрядъ сдѣлать новую мебель въ больницу. Столярничалъ, однако, я недолго, такъ какъ городъ небольшой, и спросъ на мой трудъ былъ ограниченъ. Тѣмъ не менѣе, первый конь былъ купленъ мною на деньги, вырученныя за столы и кровати. Съ конемъ я уже могъ предпринять поѣздки и расширить свои связи и знакомства среди якутовъ. Нужно сказать, что послѣднія очень любятъ судиться... Большіе сутяжники! Они сами навели меня на мысль объ адвокатурѣ. Мнѣ постоянно приходилось выслушивать ихъ между собой жалобы и произносить рѣшенія, принимаемыя сторонами всегда охотно. Я былъ безпристрастенъ, и якуты, зассорившись между собою, часто говорили: идемъ къ Вадиму судиться... А судились они между собою постоянно... Можно подумать, что они правдолюбцы, но, кажется, сутяжничали больше отъ скуки... для лишняго волненія крови въ холодной тайгѣ. У нихъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ я жилъ, существуетъ обычай одаривать хозяина: гость привозитъ съ собою вино и угощаетъ имъ хозяина; иногда даже даетъ хозяину денегъ. А тотъ, въ свою очередь, на прощаньѣ, привязываетъ къ санямъ гостя новаго коня, либо оленя и т. д. Въ этомъ случаѣ якуты удивительно правильно ведутъ счеты: кто у кого сколько разъ былъ, что кому привезъ въ подарокъ, что получилъ въ обмѣнъ и кто кого и насколько обдулъ. Счеты иногда тянутся за цѣлые годы, и мнѣ не разъ приходилось распутывать ихъ и подводить итоги подаркамъ. Тяжущіеся были мною довольны и выражали свою благодарность тоже вещественными доказательствами. Послѣ домашнихъ судовъ, я уже бралъ дѣла для защиты въ правительственныхъ судахъ и всегда выигрывалъ по той простой причинѣ, что

никогда не бралъ безчестныхъ и сомнительныхъ дѣлъ. Чистыя дѣла я защищалъ и былъ извѣстнымъ адвокатомъ.

Вадимъ засмѣялся, когда иронически произнесъ:

— Какъ быстро передѣлалъ я въ городѣ мебель, такъ же быстро пересудилъ и частныя дѣла. Нужно было думать о новомъ заработкѣ.

— А какъ, — перебилъ я его, — относились жители города къ тому, что ты занимаешься чернымъ физическимъ трудомъ? Я слышалъ, что богатый якутъ презираетъ трудъ и никогда самъ ничего не сдѣлаетъ для себя, если можетъ поручить работу другому.

— Это правда. Богатые якуты презираютъ трудящихся и эксплуатируютъ ихъ. Ну, а къ намъ они относились, точно къ сектантамъ. Намъ, по ихъ мнѣнію, все допустимо... Мы иностранцы среди нихъ и можемъ что угодно дѣлать, съ насъ нѣтъ спросу, и мы ничѣмъ ихъ не удивимъ... Однако, все-таки...

— Что? Ты удивилъ и ихъ?

— Кажется, что удивилъ, когда взялся за печное дѣло.

— Ты былъ печникомъ?

— Да. Пришлось взяться за печное мастерство. Купилъ я себѣ домъ за 75 рублей и пожелалъ его расширить. Прикупилъ амбаръ за 30 рублей и сдѣлалъ изъ него пристройку. Не домъ, а домина получился, но отапливать его я не зналъ какъ... Нужно тебѣ сказать, что въ городахъ Якутской области жилыя строенія отапливаются лучистымъ тепломъ, какъ у насъ при каминной системѣ. При этомъ 90 процентовъ тепла уходитъ изъ трубы на дворъ, а 10 процентовъ остается въ комнатахъ; между тѣмъ при печной системѣ, при нашихъ голландкахъ, нагрѣваются стѣны, и стѣны уже испускаютъ тепло до 90 процентовъ въ комнаты. Якутскіе камельки въ домахъ—тѣ же камины: всегда холодно, а дровъ идетъ страшно много. Мнѣ было не рука такъ строиться и класть въ домѣ камельки. Задумался я и все старался припомнить кладку русскихъ печей, какъ онѣ у насъ кладутся, и на чемъ основано сбереженіе тепла.

— Любопытно, — произнесъ я.—Разскажи, какимъ оказался ты математикомъ!

— Смѣялись надо мной якуты много, когда я сталъ вбивать колышки, чтобы оградить пространство для дома.

— Куда такой большой домъ?—спрашиваютъ они, узнавъ значеніе колышковъ.—Ты замерзнешь въ немъ. У насъ маленькіе дома, и то холодно.

— Вы, отвѣчаю, тратите въ день три четверти сажени дровъ, а я и одну четверть не сожгу.

Смѣются и не вѣрятъ.

— «Мерзлый русскій», говорятъ, что̀ значитъ—соображать не умѣетъ человѣкъ; какъ мерзлый, разсуждаетъ и ничего не умѣетъ дѣлать.

— Ну, продолжай...

— Послѣ того, какъ я набилъ колышки, и начертилъ планъ комнатъ, я приступилъ къ самому трудному.

— Гдѣ же у тебя камельки-то?—спрашиваютъ якуты и хохочутъ, когда узнали, что я безъ нихъ строю домъ,

— Мерзлый русскій!

Да... Мерзлый. Что-то въ родѣ дурака. Часто приходили они ко мнѣ на работу: посмотрятъ на меня, скажутъ «мерзлый русскій» и безнадежно отойдутъ прочь.

— У васъ, говорю имъ, отчего холодно? Въ камелькахъ горизонтальный ходъ для пламени по одному углу, и потомъ пламя почти напрямикъ вверхъ идетъ въ трубу?

— Да, мало задерживается,—соглашаются болѣе толковые изъ нихъ.

— А вотъ у меня будетъ мѣсто для топки, печь съ шестью вертикальными оборотами и уже седьмая труба... Чѣмъ болѣе оборотовъ, тѣмъ пламя медленнѣе вылетаетъ. Огонь и дымъ въ шести вертикальныхъ колодцахъ, соединенныхъ коридорчиками въ оборотахъ... Девяносто процентовъ тепла остается въ домѣ, а десять процентовъ уйдетъ въ седьмую трубу.

— Не будетъ такъ,—смѣются якуты.—Камельки, а не твои печи нужны тутъ... Мерзлый русскій!

— Такъ вы и спорили между собой?

— Такъ и спорили, пока не наступили морозы, и я не затопилъ свою печь... Тепла набралось у меня въ домѣ столько, что всѣ якуты сбѣжались ко мнѣ грѣться и хвалили мою топку. Съ тѣхъ поръ сталъ я печникомъ извѣст-

нымъ. Въ одинъ годъ заработалъ пять сотъ рублей и построилъ печи въ больницѣ, управѣ и у частныхъ жителей.

— Молодецъ!—воскликнулъ я и не безъ зависти взглянулъ на его высокую и стройную фигуру, несмотря на то, что онъ былъ старше меня.

— Не совсѣмъ молодецъ,—поправилъ онъ меня.—Глина-то у насъ плохая, и кирпичи изъ нея выходили не важные. Печь держалась не больше трехъ лѣтъ... Наконецъ, всякіе реприманды въ природѣ озадачивали меня не одинъ разъ. Нужно тебѣ сказать, что дома въ Якутской области безъ крышъ...

— Какъ безъ крышъ?

— Ну, чего ты изумляешься? Безъ крышъ. А просто потолокъ засыпанъ землею, а на ней снѣгъ. Весной снѣгъ сбрасываютъ, а зимой потолокъ подъ снѣгомъ не промерзаетъ и штукатурка внутри не мокнетъ, понялъ?

— Ладно. Дальше.

— Въ одной только больницѣ была крыша,—продолжалъ онъ...—Вдругъ прибѣгаютъ ко мнѣ и объявляютъ, что выведенная мною въ больницѣ печь никуда негодна, и самъ я вижу, что дымъ нейдетъ въ трубу, а валитъ въ комнаты. Что за исторія? Полезъ на крышу и вижу, что мою трубу законопатило внутри ледянымъ ядромъ. Насилу пробилъ ледяную, вмѣстѣ съ глиной пробку, желѣзнымъ ломомъ.

— Что же это такое?

— А видишь, въ чемъ тутъ дѣло. Люди практики всегда чрезвычайно умны. Я смѣялся надъ камельками, а есть большой смыслъ въ этой системѣ въ холодномъ и суровомъ краѣ. Если избы безъ крышъ, то и трубы низкія. Огонь сразу обогрѣваетъ трубу и не даетъ ей промерзать. Больница же имѣла крышу, печь была съ большою трубой, и труба всегда промерзала. При топкѣ она оттаивала, и по ней струилась вода, размягчая глину плохихъ кирпичей. Когда образовался на стѣнкахъ трубы рубецъ, то пошли одинъ за другимъ новообразованія, и въ одинъ морозный день получилась массивная пробка, черезъ которую дымъ пройти уже не могъ. Я поправилъ горе тѣмъ, что догадался вставить въ кирпичную трубу желѣзную... Въ другой разъ тоже приполярная природа подшутила со мной въ моемъ собственномъ домѣ. Замѣтилъ я, что печь у меня погружается въ

почву. Что за оказія? Насилу догадался, что подъ маленькими камельками-то почва не оттаиваетъ, а у меня подъ огромной печкой она оттаяла и не выдержала фундамента. Надо было перестраивать основаніе печи, пропуская подъ нее коридорчики съ воздухомъ и препятствуя, такимъ образомъ, оттаиванію земли. Словомъ, надо было всюду открывать Америку своимъ умомъ, и я торжествовалъ только послѣ многихъ мучительныхъ часовъ.

— Совсѣмъ Робинзонъ!—подумалъ я.

Мужественное и умное лицо Вадима свидѣтельствовало, что онъ способенъ преодолѣвать многочисленныя препятствія спокойно, не теряя своего благодушнаго настроенія. Онъ разсказывалъ исторію своей жизни съ такимъ объективизмомъ, точно читалъ повѣсть посторонняго автора о тайговой жизни русскихъ интеллигентовъ, и мирился съ своей долею совершенно такъ же, какъ самые счастливые смертные. Мы шли по шоссе долгое время и не замѣчали окружающей сырости.

— Не пора ли повернуть? — сказалъ наконецъ я, обративъ вниманіе на свои мокрые усы и бороду.

— Пройдемся еще до слѣдующей сопки.

— Ну, хорошо... Чѣмъ же кончилась твоя Одиссея послѣ печничества?

— Послѣ я писалъ разныя статейки въ мѣстныя сибирскія газеты и получалъ гроши; но важнымъ событіемъ было приглашеніе меня членомъ экспедиціи, снаряженной Сибиряковымъ, для изслѣдованія нѣкоторыхъ вопросовъ въ Якутской области. Эти экскурсіи по рѣкамъ и горамъ извлекли меня изъ ссыльнаго города, а иркутскій отдѣлъ географическаго общества отстоялъ мое право жить въ г. Иркутскѣ для обработки собраннаго мною матеріала. Такъ за одно это, что многіе изъ насъ выбрались изъ ссыльныхъ мѣстъ на свѣтъ Божій при помощи сибиряковскихъ экспедицій, слѣдуетъ быть имъ благодарными.

— Это личное дѣло, Вадимъ. Вотъ упоминаемый нами пріятель находитъ, что экскурсанты были бы гораздо полезнѣе для его приполярнаго земледѣлія, чѣмъ для антропологическихъ или геологическихъ наблюденій среди инородцевъ.

— Онъ и тутъ былъ въ основѣ правъ... Но намъ было не до жиру!.. Все же лучше заниматься наукой, чѣмъ одними спорами да водкой, къ которой люди нерѣдко прибѣгаютъ къ ссылкѣ. Правда, онъ укорялъ экскурсантовъ тѣмъ, что они тѣ же «колонисты» на Карѣ: послѣдніе потихоньку отъ товарищей отправлялись къ начальству за милостями и выходили раньше срока на поселеніе, а въ ссылкѣ экскурсанты стали культуртрегерами либо въ административныхъ видахъ, либо съ мертво-научными цѣлями... Но надо понять это явленіе. «Колонисты» появлялись въ тюрьмѣ въ моменты упадка общественной жизни на волѣ. Страдать легко, если есть вѣра и солидарные съ нею люди; но когда и на волѣ ихъ нѣтъ, то это отражается и въ тюрьмѣ. Заключенные просились на поселенія и уходили на волю. Дурно въ этомъ только то, что дѣлались эти уходы потихоньку отъ товарищей, а вѣдь можно было съ сохраненіемъ достоинства идти на поселеніе, если не было болѣе нравственной солидарности съ тюрьмой и были свои собственныя и искреннія убѣжденія. Точно также и въ ссылкѣ: пока общіе вопросы не были заслонены практическими занятіями, типъ ссыльно-поселенца не измѣнялся; но какъ только администрація допустила ссыльно-поселенный элементъ къ мѣстнымъ задачамъ, такъ и поселенцы стали придавать значеніе мѣстнымъ интересамъ и посвящать себя культурной миссіи. При безучастіи въ мѣстной жизни, намъ было рѣшительно все равно: заведутъ форму или нѣтъ; назначеніе того или иного чиновника никому не казалось важнымъ. Прежде даже думалось, если чиновникъ пьяница, тѣмъ лучше; а теперь мы знаемъ, что онъ испортитъ дѣло, которое нами изучено и изслѣдовано. Культуртрегеры изъ насъ невольно вступили въ союзъ съ администраціей, и этому въ значительной степени содѣйствовали сибиряковскія экспедиціи и отдѣлы географическаго общества. Тому, къ чему мы раньше относились скандачка или равнодушно, теперь стали придавать значеніе, и нельзя сказать, чтобы все сводилось къ прославленію «просвѣщеннаго администратора»... Эта крайность осуждалась лучшими экскурсантами. Тѣмъ не менѣе, нашъ общій другъ былъ правъ совершенно, когда хотѣлъ, чтобы культуртрегерскія задачи были болѣе живыми и менѣе въ области Монголіи съ изученіемъ череповъ вымершихъ ино-

родцевъ; чтобы ссыльно-поселенный элементъ хлопоталъ о дарованіи имъ правъ на болѣе тѣсную связь съ интересами коренного населенія, и тогда бы интеллигентные ссыльные прониклись истинно культурными и насущными задачами края. Я вѣрю, что въ будущемъ высшая администрація сама придетъ къ такому рѣшенію о таежныхъ интеллигентахъ и воспользуется ими для блага приполярнаго края, и тогда уже нельзя будетъ упрекать культуртрегеровъ тѣмъ, что они занимаются пустяками.

Мы подходили къ городу, и я поторопился спросить моего спутника:

— Теперь ты получилъ право жить въ Россіи, но скоро ли ты разсчитываешь получить работу?

— Не знаю. Не къ кому обратиться...

На этомъ разговоръ нашъ нѣсколько затянулся, и въ городъ мы вернулись тогда, когда время уже близилось къ приходу ночного поѣзда, съ которымъ я долженъ былъ ѣхать обратно домой.

— Черезъ двое сутокъ буду у себя въ Петербургѣ,— произнесъ я,—дай Богъ и тебѣ устроиться поскорѣе...

Вадимъ бодро отвѣтилъ:

— Мы, жители дикой тайги, не требовательны.

Простившись съ Вадимомъ, я не переставалъ въ вагонѣ желѣзной дороги думать о дальнѣйшей судьбѣ «мерзлаго русскаго» и не могъ не чувствовать за него тихой радости и гордости.

Изъ тайговой жизни.

(„Историч. Вѣстникъ“ 1897 г. № 10).

I.

Истекшіе сроки и манифесты вернули многихъ лицъ изъ Сибири въ Россію, и встрѣча съ ними взволновала меня теперь... Вѣдь 20 лѣтъ мы не видѣлись и думали никогда не свидѣться вновь. А молодость прошла вмѣстѣ, и какъ было не обрадоваться товарищамъ по судьбѣ! Вѣдь мы воспитались на однѣхъ и тѣхъ же традиціяхъ, разочаровались въ однихъ и тѣхъ же средствахъ, но сохранили одни и тѣ же идеалы. Прошлое воспитало изъ насъ братьевъ и, неудивительно, что намъ дорога̀ наша семья... Стали пріѣзжать и женщины, когда-то молодыя изъ зажиточныхъ и культурныхъ семей, съ дѣтства избалованныя родными и окруженныя въ обществѣ постояннымъ вниманіемъ и любезностями. А теперь онѣ были сѣдыми, съ короткими и плохо растущими волосами на головѣ, съ неровною походкой, вслѣдствіе продолжительныхъ заключеній въ одиночныхъ камерахъ, и только глаза сохранили свое честное и цѣломудренное выраженіе. Оживленный и умный разговоръ, одно интереснѣе другого воспоминаніе, пробуждали въ слушателяхъ участіе къ прожитой ими жизни.

— Тяжелаго я коснусь только вскользь, — начала моя знакомая изъ той же приполярной тайги.—Но не коснуться его и забыть совсѣмъ мнѣ просто жаль...

Она говорила объ этомъ съ улыбкой и плѣняла меня примиренностью къ скорбнымъ годамъ своей жизни. Что съ возу упало—то пропало; а пропала молодость, красота и счастье...

— О, нѣтъ,—замѣтила она:—счастье не только во внѣшнемъ положеніи, но и во внутреннемъ ростѣ человѣка. . Это тоже счастье чувствовать себя хорошо среди интеллигентнаго меньшинства и понимать его.

— Благородное существо—человѣкъ!—невольно вырвалось у меня.—Ничѣмъ его не обидишь, и все-то онъ воспоетъ во славу Божію.

— Я согласна! Съ этимъ только условіемъ я и вспоминаю минувшую жизнь. Какъ она ни тяжела, но ей я обязана многимъ... Очень многимъ. Я была привезена на каторгу съ самыми фантастичными представленіями о человѣкѣ и о своей родинѣ. Знаніемъ себя и людей я обязана Сибири.

Я попросилъ ее вновь въ краткихъ чертахъ разсказать свое прошлое.

— Комендантомъ нашимъ,—начала она:—былъ пожилой генералъ, желавшій установить хорошія отношенія съ ссыльно-каторными, среди которыхъ было много хорошо воспитанныхъ людей, и жаловаться намъ на него было бы грѣшно... Я пріѣхала одной изъ первыхъ каторжанокъ, и онъ встрѣтилъ меня словами:

— Куда же я васъ дѣну? Мнѣ некуда васъ посадить.

— Это уже не мое дѣло заботиться о пріисканіи себѣ тюрьмы.

— Да, конечно,—согласился онъ и, пользуясь законнымъ предлогомъ, поселилъ меня на вольныхъ выселкахъ.

— Бѣжать вамъ не придется,—замѣтилъ онъ,—а казенныхъ работъ пока не предвидится.

На выселкахъ я прожила достаточно долгое время одна; но потомъ стали пріѣзжать на каторгу и другія женщины, жены осужденныхъ мужчинъ.

И они размѣстились на вольныхъ выселкахъ, откуда приходили къ своимъ мужьямъ въ тюрьмы, приносили имъ обѣдъ и своею близостью смягчали ихъ тяжкую участь.

По прошествіи многихъ лѣтъ, всѣ стали дожидаться «сроковъ» и «манифестовъ». Многихъ переводили въ это время въ дальніе рудники, другіе выходили на поселеніе. Приходилось разлучаться очень близкимъ между собою людямъ и хлопотать вновь черезъ Петербургъ о совмѣстной жизни. Не одна слезинка была пролита всѣми нами при

этихъ перемѣнахъ, но всѣ жили надеждой на лучшее будущее, и это многихъ успокоивало при переходѣ съ каторги на поселеніе пожизненно.

Она на минуту задумалась и потомъ стала продолжать разсказъ:

— Не радовало меня мое будущее на поселеніи, и мнѣ страстно хотѣлось вернуться въ Россію. Разговоры о ней были у насъ постоянные. Я стала хворать, мелкія непріятности и физическія неудобства портили характеръ и взаимныя отношенія между ссыльными. Терпѣніе истощалось. Комендантъ не переставалъ быть внимательнымъ къ нашимъ нуждамъ, но ждать смерти на чужбинѣ было такъ мучительно... Невольно зарождалась мысль о побѣгѣ и преслѣдовала насъ при каждомъ крикѣ въ тайгѣ коростеля и кукушки. О, какой мучительницей каждаго поселенца и заключеннаго является эта кукушка изъ сосѣдняго сосноваго лѣса! Безъ волненія и грѣшной мысли о побѣгѣ и бродяжничествѣ нельзя ей внимать... «Генералъ Кукушкинъ» зоветъ въ лѣсъ, говорятъ каторжники.

Она вынула у меня изъ книжнаго шкафа «Сибирь и Каторгу» С. Максимова и прочла: «въ это время, у нѣкоторыхъ страсть къ бродяжеству принимаетъ форму какого-то особаго рода помѣшательства, со всѣми признаками настоящей серьезной болѣзни, которая требуетъ радикальныхъ средствъ, мучитъ и преслѣдуетъ больного, какъ какая нибудь перемежающаяся лихорадка, имѣя форму болѣзни періодической. Съ каждой весной такой заключенный начиналъ непремѣнно испытывать ея тяжелые, упорные припадки. Онъ начиналъ всѣхъ бояться, дѣлался задумчивымъ, молчаливымъ, равнодушнымъ ко всему, его окружающему; старался уходить куда-нибудь въ уголъ, прятался въ укромныя и темныя мѣста. На работахъ онъ испытывалъ тоску, которая доводила его до истерическихъ слезъ. Слезы эти и тоска разрѣшались обыкновенно тѣмъ, что онъ улучалъ таки время и убѣгалъ. Больной пропадалъ обыкновенно все лѣто; къ осени появлялся въ заводъ оборваннымъ, исхудалымъ, но веселымъ. Лицо его было исцарапано, руки и ноги въ синякахъ и въ занозахъ; знакъ, что больной гулялъ не просто, не жилъ въ наймахъ по заимкамъ (иначе принесъ бы мозоли), но, совершая свои экскурсіи, прятался отъ люд-

ского глаза въ лѣсныхъ чащахъ. Отшельникъ этотъ на все лѣтнее время отвыкалъ отъ хлѣба и легко примирялся съ дикою пищею, употреблялъ ягоды: бруснику, малину и боярку, и разные коренья и травы: черемшу, сарану, мангиръ и бѣлый корень, называемый козьимъ звѣробоемъ. Возвратившись на каторгу, онъ получалъ розги и всю осень и зиму весело жилъ на работахъ; работалъ за двоихъ послушливо и безпрекословно, такъ что всѣхъ приводилъ въ удивленіе, но трудился такимъ образомъ только до весны, до кукушки.

— «Ваше благородіе!—молитъ онъ смотрителя.—Кукушка кукуетъ—уйду. Слышать не могу, соблазняетъ: уйду. Либо прикажите связать, либо на цѣпь къ стѣнкѣ приковать и лису наложить, либо сдѣлайте, что хотите. Не втерпежъ мнѣ это дѣло стало: я что нибудь самъ надъ собой сдѣлаю».

— Вотъ что значитъ «идти на вѣсти къ Кукушкину-генералу»,— прервала она чтеніе и продолжала:

— Надо быть тутъ въ Забайкальѣ или «Якуткѣ», чтобы понять эту генеральшу-птичку въ тайгѣ, съ пѣснями которой здѣсь часто мѣняется жизнь всего ссыльно-каторжнаго населенія. Мы рѣшились бѣжать. Прежде въ Америку черезъ Владивостокъ, а оттуда въ Россію... Непремѣнно умереть на родинѣ и повидать хоть разъ покинутыхъ родныхъ и милыхъ намъ лицъ. До головокруженія эта мысль томила насъ, и трое изъ нашихъ рѣшились осуществить ее. Я была съ ними.

Она закашлялась и попросила дать ей отдохнуть. Черезъ нѣсколько минутъ она возобновила разсказъ.

— Вы хотите знать,—начала она:—какъ выслѣдили насъ тунгусами среди сибирскихъ пропастей и вернули съ солдатами обратно на каторгу? Эта исторія о томъ, какъ страшно трудно бѣжать изъ Сибири кому бы то ни было; какъ всѣ слѣдятъ тамъ за поселенцами: и крестьяне *), и бурята, и начальство; какъ всѣ отлично узнаютъ бѣглаго на дальнемъ разстояніи и рѣдко смѣшаютъ его даже съ золотопромышленниками. Сороки, вороны и тѣ каркаютъ

*) Сибирякъ не любитъ бѣглаго. „Бѣглый ѣстъ прошеное, носитъ брошеное и живетъ краденымъ“.

надъ его головой въ безлюдной тайгѣ и выдаютъ его присутствіе полиціи. Эту исторію побѣговъ, съ облавами на бродягъ мы знали отлично. «Бѣжать легко,—говоритъ одинъ опытный бѣглый: опасность побѣга и весь рискъ представляются лишь потомъ, когда поднимутся облавы. Сущность сибирской облавы состоитъ въ томъ, что по окрестнымъ селамъ сообщаются примѣты бѣглецовъ, и всюду принимаются слѣдить за проѣзжающими и приходящими по этой мѣстности. Такъ какъ движеніе слабо, то чужому человѣку проскользнуть незамѣтно оказывается рѣшительно невозможнымъ. Достаточно будетъ показаться въ деревнѣ, чтобы быть арестованнымъ. Такъ какъ разъ объявлена облава по деревнямъ, то хватаютъ всѣхъ мало-мальски подозрительныхъ личностей; тутъ даже не справляются о примѣтахъ, а берутъ всякаго, кто не можетъ дать объясненій—кто онъ и куда идетъ или ѣдетъ. Помощь извнѣ необходима. Она должна заключаться въ томъ, чтобы снабдить бѣглецовъ съѣстными припасами, чтобы они спокойно могли сидѣть въ укромномъ мѣстечкѣ, гдѣ либо въ лѣсной трущобѣ не заходя въ деревни и выжидая время, пока уляжется облава въ окрестности и жизнь войдетъ въ свою нормальную колею,—и только тогда, выйдя изъ своего убѣжища, двигаться куда надо. Всякій же поселенецъ, проходящій въ моментъ облавы, считается человѣкомъ подозрительнымъ: его останавливаютъ, требуютъ паспортъ и арестуютъ, или же распрашиваютъ его къ какой деревнѣ онъ приписанъ—и узнаютъ все. Отдѣлаться вымысломъ невозможно. Восточный сибирякъ, особенно иркутчанинъ,—комерсантъ и промышленникъ; на нѣсколько сотъ верстъ по селамъ у него имѣются знакомые; онъ знаетъ по именамъ почти всякаго лавочника за тридевять земель; ваша ложь будетъ обнаружена немедленно».

Мы долго готовились къ побѣгу.

Надо было прежде всего выбрать такой домъ на выселкахъ, въ которомъ не жили бы сами хозяева. Мы разсчитывали, что при хозяевахъ нельзя будетъ уйти изъ дому, чтобы утромъ они не замѣтили наше отсутствіе и не донесли бы о немъ. Долго ждали мы такого случая, и наконецъ онъ представился намъ. Мы поселились въ домѣ трое. Постепенно мы стали покупать лошадей и обработывать

на нихъ какое-то поле, чтобы этимъ объяснить пріобрѣтеніе лошадей. Когда всѣ къ этому привыкли, стали изучать карту Сибири и тракты бѣглыхъ; пріучались узнавать дороги по звѣздамъ и компасу. Наконецъ, приступлено было къ розыску проводника-бывальщика. Надо сказать, что какъ ни обширна тайга, но всѣ проходы въ ней извѣстны наперечетъ въ мѣстныхъ административныхъ пунктахъ и, въ случаѣ побѣга важныхъ преступниковъ, эти проходы занимаютъ исправники съ солдатами и бѣглецовъ ловятъ. Никто въ тайгѣ не пойдетъ новыми дорогами, а всѣ идутъ проторенными. Избави Богъ, сбиться съ этихъ тропъ! Тотчасъ набредешь на обширныя рѣки, на рядъ отвѣсныхъ скалъ или на непроходимыя розсыпи изъ обломковъ откуда-то свалившихся горъ и разбившихся на огромные куски, разбросанные на протяженіи десятковъ верстъ. Горе бѣглымъ, у которыхъ нѣтъ проводниковъ, знающихъ броды въ рѣкахъ и окольныя дорожки кругомъ розсыпей. Затеряется здѣсь несчастный хуже, чѣмъ въ невылазной, лѣсной и болотистой тайгѣ; затрутъ его горы и рѣки въ такъ называемыя «щеки», изъ которыхъ часто нѣтъ выхода впередъ,—въ эти «пади» (горныя долины), которыя кончаются моремъ, пропастью, деревней или казеннымъ промысломъ. Во всѣхъ случаяхъ, бѣглому грозитъ поимка. Вотъ почему, очутившись въ такой «пади», бѣглые испуганно восклицаютъ: «а мы вѣдь въ пади какой-то, и куда-то она насъ выведетъ?» Ничего нѣтъ легче облавнымъ образомъ выловить всѣхъ бѣглыхъ въ такихъ «падяхъ», и эти «пади» хорошо извѣстны каждой заводской командѣ, и миновать ихъ неопытному варнаку почти невозможно. Эти долины очень соблазнительны для бѣглаго, измученнаго на горныхъ кручахъ и переправахъ черезъ рѣки. Мы все это испытали на себѣ! Но не лучше и на тропахъ. Здѣсь бурята съ винтовкой, эти «таежные волки», или сибирскіе солдаты, устраиваютъ засады на бѣглыхъ; первые убиваютъ ихъ, пронизывая на узкой тропѣ одной пулей двухъ и даже трехъ подъ рядъ, а вторые возвращаютъ обратно къ начальству. Тунгузы и бурята безошибочно выслѣдятъ всякаго преступника, котораго хотятъ поймать, несмотря на переходы бѣглымъ значительныхъ рѣкъ и безчисленные его спуски съ однѣхъ горъ на другія. Только опытный проводникъ и умѣнье опередить нѣсколькими днями

распоряженіе о поимкѣ бѣглыхъ могутъ спасти послѣднихъ. Проводникомъ можетъ быть только бывшій «варнакъ». Это слово вотъ что значитъ. Побѣги въ Сибири всюду: и въ тюрьмахъ, и на каторгѣ; но между ними огромная разница. Изъ тюремъ бѣжитъ мелкота, которая, погулявъ въ лѣсу до заморозковъ, сама возвращается потомъ въ острогъ съ повинной.

«Не таковъ бѣглый съ каторги,—говоритъ С. Максимовъ:—тертый калачъ, мятые бока, *варнакъ*—посибирски, *чалдонъ*—покаторжному. У этого другая цѣль и другая сноровка, иные пути, но пути намѣчены вѣрно и ладно и твердо изучены; онъ на нихъ не заблудится, его не спутаетъ никакой законникъ, не запутаютъ никакія трущобы: ни географическія, ни юридическія. Варнакъ берется за дѣло побѣга, какъ за важное, политическое; онъ, какъ артистъ, смѣло постоитъ за свое искусство: и въ лѣсу онъ, какъ рыба въ водѣ, а въ ремеслѣ своемъ, какъ виртуозъ и мастеръ. Бѣглеца тюремнаго поищутъ два-три человѣка только для виду, ради службы и начальства, да и само начальство на такихъ невинныхъ гулякъ одной рукой машетъ, а другой вычеркиваетъ ихъ имена изъ списковъ содержащихся и помѣтитъ въ числѣ бѣжавшихъ. Но бѣжитъ варнакъ-бѣглецъ съ каторги: за нимъ для поимки сбивается и посылается цѣлая облава конныхъ и пѣшихъ, отправляются впередъ и назадъ, во всѣ стороны, кучи повѣстокъ и извѣщеній». Много разъ изловятъ «варнака», прежде чѣмъ онъ изучитъ въ Забайкальѣ, вблизи Карійскихъ промысловъ, «варнацкую дорогу» къ сѣверу отъ почтоваво тракта на село Торгинское и отъ него хребтомъ на Читу, съ Читы къ Баргузину, оттуда на рѣку Селенгу и въ Байкалъ; переплывъ его, войдетъ въ истокъ Ангары и по тайговымъ лѣсамъ, придерживаясь почтоваго тракта, подойдетъ къ Иркутску, Красноярску, Томску и за Уралъ... Не коротка «варнацкая» дорога. Труденъ побѣгъ изъ Сибири! Очень труденъ! Эта обширность лѣсовъ съ горными пропастями и многоводными рѣками не укрываютъ, а губятъ человѣка.

Мы розыскали себѣ, наконецъ, проводника, который въ ранніе годы много разъ находился въ бѣгахъ и хорошо зналъ въ свое время тайгу. Съ трудомъ намъ удалось подбить его вести насъ не къ Иркутску, а къ Владивостоку.

— Не берусь,—говорилъ онъ:—давно ходилъ на востокъ, а теперь забылъ дороги. Въ Китай собьюсь или въ безлюдную степь.

Мы его молить и просить, а онъ ссылается на свои годы и признается откровенно, что онъ не увѣренъ въ своихъ знаніяхъ проводника.

— Лѣса вырублены, зарубки и затесы погибли, а рѣки измѣнили теченье... Гдѣ былъ бродъ, теперь утонешь. Новыя горныя розсыпи загораживаютъ путь, и мы не уйдемъ отъ погони.

— А, можетъ быть... Все Богъ! По зарямъ дойдемъ и не собьемся. По корѣ деревъ будемъ искать дорогу. Свѣтлая кора на юго-востокъ, а темная и крытая густымъ мхомъ — на сѣверъ... Рѣшайся, заплатимъ хорошо.

Но не деньги, а отвага сдѣлали свое дѣло, и онъ далъ слово вести насъ. Лѣта его были не малые, но изъ себя онъ былъ сильнымъ старикомъ, и на слова его, казалось, можно было положиться.

— Я не обманываю васъ, господа,—сказалъ онъ.—Приготовляйтесь, а только твердо я не знаю тайгу... Забылъ. Давно это было... Теперь я вольный и давно не былъ въ тайгѣ. Бывало тянетъ послушать кукушку, а теперь отсидѣлъ срокъ и боюсь уходить отсюда. Никого изъ родныхъ у меня на родинѣ нѣтъ въ живыхъ, а послѣдній побѣгъ былъ чуть помню. Знаю, что надо идти къ Становому хребту, а за нимъ будетъ тайга, а тамъ во Владивостокъ по рѣкѣ дойдемъ. А что встрѣтимъ на пути—не знаю...

— Только ты не сбѣги отъ насъ въ дорогѣ, а вмѣстѣ какъ нибудь и выберемся. Соглашаешься? Рѣшайся!

Щеки старика покраснѣли отъ волненья, и отвага загорѣлась въ его глазахъ. Онъ перекрестился на образъ и сказалъ, что черезъ двѣ недѣли будетъ готовъ идти съ нами.

Послѣдніе дни мы провели въ приготовленіи сухарей: пекли хлѣбъ, толкли его и порошекъ ссыпали въ кожаные мѣшки. Заготовили лекарство на всякій случай, пороху, дроби и ружья. Я достала себѣ также мужской костюмъ и выучилась ѣздить верхомъ на лошади. Къ концу второй недѣли все было готово... Мысль о комендантѣ сильно сму-

щала насъ, но жить для его спокойствія мы тоже не могли и успокоивали совѣсть эгоистически. Получитъ онъ изъ-за насъ непріятную бумагу изъ Петербурга, и семья его на этотъ день не увидитъ его доброй улыбки на лицѣ; вотъ и все. А мы, такъ уже много страдавшіе, хотѣли бы только умереть покойно у себя на родинѣ, а не здѣсь близъ рудниковъ и тюремъ.

Поздно ночью мы вышли изъ дому одни, а проводникъ увелъ лошадей съ вьюками впередъ. Съ ними онъ переплылъ рѣку, а мы перешли ее по мосту по очереди. Никто намъ не встрѣтился; ночь была темная, и всѣ спали на выселкахъ. Мы ѣхали день—другой по знакомой проводнику дорогѣ въ увѣренности что наше отсутствіе еще не замѣчено. Скоро пришлось ѣхать напрямикъ, по отдаленнымъ примѣтамъ относительно направленія. Были уже пятыя сутки нашего бѣгства, и проводникъ сталъ задумываться относительно дороги. Узкими тропами ѣхали мы на лошадяхъ, а иногда попадались горы съ такими крутыми спусками, что лошади наши обрывались и катились книзу кубаремъ, вмѣстѣ съ вьюками. Сколько разъ мы думали найти ихъ внизу разбитыми на смерть и сколько разъ находили ихъ въ обморочномъ состояніи. Подняться съ вьюками онѣ не могли и лежали ногами кверху. Мы ихъ разнуздывали, давали имъ перевести духъ и вновь тащили на кручи, иногда поддерживая ихъ сзади, иногда спуская ихъ на своихъ плечахъ. Благодарныя животныя были осторожны и понимали, какъ мы нужны другъ другу. Среди этихъ опасностей мы стали друзьями безъ преувеличенія. На шестой и седьмой день, среди густого лѣса, нашъ проводникъ нашелъ старыя зарубки на деревьяхъ и успокоилъ насъ относительно направленія. Но на десятый день онъ уже не могъ сказать, куда мы идемъ. Всюду тянулся лѣсъ и какой мертвый лѣсъ: ни птицы, ни звѣря не попадалось въ пути. За все время мы поймали въ одной рѣченкѣ двѣ форели, а впереди ничего не было видно, кромѣ пустыни. Скоро неизвѣстная намъ рѣка преградила намъ путь. На ея берегу мы поняли, какъ безполезны въ подобныхъ странствованіяхъ и компасъ, и карты. Ничего нельзя было понять, и даже опытъ стараго бродяги ничего ему не подсказывалъ.

— Не былъ въ этой сторонѣ,—произнесъ онъ.—Видно,

сбился. Не знаю бродовъ въ рѣкѣ, а переплыть ее страшно... Ишь, ревутъ бѣляки-то между камнями. Ищите попокойнѣе мѣста.

Мы шли берегомъ, но съ каждымъ шагомъ рѣка становилась все грознѣе и грознѣе.

— Нужно ли переходить ее?—спросилъ кто-то въ отчаяніи.

Никто не отвѣтилъ. Проводникъ не рѣшался плыть на лошади.

— Я поплыву,—заявилъ одинъ изъ насъ.—Свяжите веревки отъ всѣхъ узловъ между собой и дайте мнѣ въ руку.

Онъ поплылъ на лошади, и скоро послѣдняя начала погружаться все глубже и глубже. Одна только морда виднѣлась, но умное животное продолжало плыть и, переплывъ быстрину, пошло легче. Веревки уже не хватало, но нашъ товарищъ добрался до другого берега. Надо было слѣдовать его примѣру. Наши лошади были хуже его, и намъ стоило большого труда переплыть рѣку. Проводникъ нѣсколько разъ срывался съ лошади, и мы думали, что онъ погибнетъ въ волнахъ. Онъ вышелъ на берегъ съ молитвой на устахъ.

Едва только мы обсохли и тронулись далѣе въ путь по равнинѣ, какъ вдругъ показались конные. То ѣхали бурята на одно изъ своихъ религіозныхъ празднествъ; они приняли насъ за золотопромышленниковъ. Мы, однако, побоялись разспрашивать ихъ о дорогѣ и шли попрежнему наугадъ.

— Я сбился и веду, не зная куда,—повторялъ проводникъ.—Посидите здѣсь и ждите меня сутки. Я поѣду одинъ и разузнаю, куда лучше идти.

Мы дали ему лучшую лошадь, и онъ съ ней скрылся. Долго мы ждали его. Прошли сутки—онъ не показывался; въ концѣ другихъ сутокъ мы рѣшили, что онъ насъ покинулъ.

— Испугался отвѣтственности или голода... Но неужели мы сбились съ дороги, и намъ грозитъ поимка?—думали мы.

II.

Въ слѣдующіе дни мы наткнулись на инородческіе улусы; но, рискуя быть схваченными и связанными, боялись зайти туда. Насъ, однако, замѣтили, благодаря нашей неосторожности. Уходя въ глубь лѣса и считая себя уже со-

вершенно укрытыми, мы разложили костеръ и съ ужасомъ замѣтили, что затушить его нѣтъ силъ. Поднялся вѣтеръ, сосновыя иглы вспыхнули, и лѣсной пожаръ готовился разыграться и погубить насъ. Мы знали, что тушить лѣсные пожары въ Сибири бѣгутъ сибиряки и инородцы; огонь опустошая лѣса, губилъ и скотъ, пасущійся тамъ. Поджоги караются самосудомъ, и намъ грозила опасность отъ огня и отъ людей. Мы бросились тушить пожаръ изъ всѣхъ силъ, развязавъ тюки и выбрасывая всю свою запасную одежду на огонь и преграждая ему путь къ высокимъ деревьямъ. Ногами топтали его, руками тушили, — словомъ, настоящая битва была съ огнемъ, и, наконецъ, намъ удалось погасить его.

— Теперь спасайся,—сказали мы.—Вѣроятно, бурята видѣли дымъ и прискачутъ сюда. На всякій случай ружья и револьверы слѣдуетъ имѣть наготовѣ. Мы поѣхали быстрѣе обыкновеннаго, но погони за собой не замѣтили и впослѣдствіи узнали, что бурята этихъ улусовъ были на пожарищѣ, но за нами не погнались, и даже при опросѣ полицейскихъ чиновниковъ о бѣглыхъ ничего имъ не сказали о насъ, исключительно изъ боязни связываться съ представителями администраціи по какому бы то ни было дѣлу. Такимъ образомъ мы ѣхали долго тайгой безпрепятственно, но затѣмъ вновь наткнулись на широкую рѣку, совершенно безъ бродовъ. Ѣдемъ и слышимъ издали, что гдѣ-то, за лѣсомъ, бурлятъ и шумятъ волны. Наконецъ, увидѣли и рѣку. Течетъ она въ непролазныя горы, и необходимо ее переплыть, чтобы не застрять въ ущельяхъ на нашемъ берегу. Страхъ овладѣлъ нашими душами. Хорошо, что между нами былъ не боящійся смерти товарищъ.

— Не все ли равно,—сказалъ онъ,—погибать въ рѣкѣ или съ голоду даже на обратномъ пути въ каторгу? Путь лежитъ черезъ рѣку, и напрямикъ нѣтъ дорогъ.

Мы это и сами сознавали. Опять связали веревки, и вновь онъ поплылъ на лошади. Видимъ, тонетъ онъ съ нею, а все плыветъ, плыветъ, но уже не поперекъ, а теченьемъ несетъ ихъ въ сторону.

— Потонешь! Потонешь!—вдругъ услышали мы съ того берега ломаный голосъ тунгуза.

Но уже мы не боялись этого дикаря, а всецѣло были

поглощены спасеньемъ товарища. Онъ сорвался съ лошади и бился среди волнъ, а мы веревкой тащили его къ себѣ. Къ удивленію нашему, лошадь, почувствовавъ себя безъ сѣдока, вернулась къ намъ обратно, а не поплыла безъ него на тотъ берегъ. Мы ихъ вытащили къ себѣ, а тунгузъ продолжалъ стоять на противоположной сторонѣ и кричать:

— Потонешь! Не ходи въ рѣку! Лошадь тонетъ и человѣкъ тонетъ.

— Перевези, другъ,—взмолились мы.—Заплатимъ тебѣ.

— Постой, сбѣгаю за быками,—отвѣтилъ онъ и черезъ часъ пригналъ къ рѣкѣ двухъ огромныхъ быковъ.

На этихъ быкахъ онъ переплылъ къ намъ и перевезъ всѣхъ насъ. Лошадей мы едва-едва перетащили за поводъ: часто онѣ погружались совсѣмъ въ воду и вновь выныряли. Оборвись поводъ, каждая изъ нихъ неминуемо погибла бы, несмотря на то, что мы ѣхали верхомъ на быкахъ, а лошади были безъ сѣдоковъ. Быки давно привыкли къ этой рѣкѣ и переплывали ее легко. Видимо, дикарь-тунгузъ просто пожалѣлъ насъ и былъ счастливъ отъ подарковъ и небольшихъ денегъ. Мы простились съ нимъ и узнали отъ него, что здѣсь нигдѣ не виденъ Становой-Яблоновый хребетъ. Мы этимъ смутились, но пошли далѣе. Пришлось переплыть еще третью рѣку, и тогда только мы узнали издали вершины желанныхъ горъ.

— Перевалить только этотъ хребетъ, и тогда путь будетъ легче.

— Черезъ день-два мы будемъ по ту его сторону.

Разговаривая такимъ образомъ, мы шли впередъ, но путь становился все труднѣе и труднѣе. Встрѣчались отвѣсныя горы, на которыя подняться съ лошадьми не было силъ; тянулись расколотыя горы на мелкіе куски, и ихъ нельзя было перейти; отчаяніе овладѣвало самымъ неустрашимымъ изъ насъ. Провіантъ былъ уже на исходѣ, а тайга оставалась все также безжизненною и мертвою. Мы скоро замѣтили, что и вершины дальнихъ горъ стали пропадать.

— Неужели это не Становой хребетъ, и мы блудимъ?

Никто не зналъ, что сказать на это, а двигаться впередъ было почти невозможно. Даже о возвращеніи назадъ нельзя было помыслить, и дорога была забыта и испол-

нена такихъ опасностей, что вторично преодолѣть мы были бы не въ состояніи.

— Все впередъ и впередъ!

— Но и впереди смерть и, можетъ быть, отъ голода,— говорили мы между собой въ отчаяніи и упрекали другъ-друга за то, что выбрали путь на Владивостокъ, а не общую «варнацкую»: съ Кары по хребтамъ на Читу, съ Читы на рѣки Хилокъ, Чику, Селенгу и въ Байкалъ и къ Иркутску, въ тайговые лѣса, параллельно почтовому тракту къ Россіи.

— А бурята, эти «братскіе», перешедшіе на русскую сторону въ православіе... убьютъ — попадись имъ на глаза.

При упоминаніи о «братскихъ» бурятахъ, мы невольно вспомнили описаніе ихъ у того же С. Максимова.

— Вотъ оно... Я его прочту,—сказала она и развернула книгу.

«Между бурятами ведутся такіе молодцы, которые иногда цѣлью жизни своей поставляютъ охоту за горбачами, а горбачъ—тотъ же бродяга съ неизмѣнною котомкою на спинѣ. Эти звѣри изъ монгольскаго племени отыскиваютъ жертву по огоньку, который разводятъ бродяги по сибирской привычкѣ, чаще для того, чтобы обогрѣться или сварить себѣ грибовъ, кашицу, или обогрѣть и дать отойти деревенѣющимъ отъ ходьбы членамъ. Засвѣтился этотъ огонекъ въ сторонѣ, далеко отъ жилого мѣста, въ дикомъ лѣсу, и идетъ по этому мѣсту варнацкая дорога, — бурятъ налетаетъ, выстрѣломъ кладетъ одного; на всемъ лошадиномъ скаку заряжаетъ винтовку во второй разъ, кладетъ другого и затѣмъ третьяго, если этотъ не успѣлъ бѣжать. Лопатина (носильное платье бродяги) награда буряту за выстрѣлы, а мертвыя тѣла уберетъ начальство земское, если натолкнется, или съѣдятъ волки, если нанюхаютъ. Случается иная расправа. Встрѣтитъ бурятъ бѣглыхъ безъ ружей, а самъ сидитъ на конѣ: либо захочетъ живыми взять и готовыхъ представить, тогда велитъ перевязать другъ дружку, третьяго спутаетъ самъ; либо велитъ сѣсть на колоду рядомъ, отъѣдетъ въ сторону да пулей изъ винтовокъ пронижетъ всѣхъ троихъ разомъ. Въ его это волѣ». Но, говоритъ одинъ бѣглый: «если въ какой-либо глухой мѣстности появлялся охотникъ на «горбачей», то объ этомъ тотчасъ расходилась

далеко вѣсть по острогамъ и тюрьмамъ, и бродяги сговаривались мстить. И мстили такимъ охотникамъ иногда весьма жестоко. Убить бродягу во время его странствованія не представляло бы никакой опасности, еслибы другіе бродяги не являлись мстителями».

Не менѣе страшны были для насъ и другія строки г. Максимова о бѣглыхъ на общей варнацкой дорогѣ: «многіе бѣглые, не доходя еще до Байкала, погибаютъ: кто заблудится въ глухихъ тайговыхъ мѣстахъ и умретъ тамъ съ голода; кто, дерзко довѣрившись утлой лодкѣ, потонетъ на бурливомъ безпокойномъ Байкалѣ—морѣ, «отправится на дно омулей ловить»; иного изломаетъ медвѣдь въ лѣсу, отощавшаго и измученнаго тѣмъ болѣе, что горы и отроги Яблоноваго хребта такъ многочисленны, перевиты и перепутаны, такъ много въ нихъ фальшивыхъ падей, обманчивыхъ колковъ, что и самый опытный бродяга имѣетъ полное право растеряться, прійти въ отчаяніе, потерять рѣшимость и твердость духа и заблудиться или провалиться. Нѣкоторые бродяги, счастливо одолѣвшіе лабиринтъ лѣсовъ и горъ, сейчасъ же за ними попадаютъ въ новыя опасныя мѣста съ правомъ умереть съ голоду на обширной Братской степи, гдѣ самъ бурятъ ѣстъ плохо, живетъ разбросанно и все стремится встать жильемъ по окраинамъ степи поближе къ жильямъ русскимъ и къ лѣсамъ, а, стало быть, и къ водѣ. Не лучше и дальше, если попадетъ онъ на такъ называемую кругобайкальскую дорогу или кругоморской путь, идущій безлюдными мѣстами, съ которыми вотъ уже сколько лѣтъ не можетъ сладить искусство сибирскихъ инженеровъ и старанія подрядчиковъ! О многихъ бродягахъ высылаются только глухіе рапорты многихъ уѣздныхъ полицейскихъ властей, что вотъ найденъ въ такомъ-то «зимовьѣ неизвѣстный бродяга замерзшимъ», на такой-то «заимкѣ, въ банѣ, столько-то умершихъ, вѣроятно, отъ угара». Великое множество бродягъ представляется въ заводъ и на судъ въ саняхъ и телѣгахъ съ отмороженными руками и ногами, окоченѣвшими на морозѣ до смертельной агоніи. Серьезныхъ ушибовъ и разныхъ вывиховъ бродяги уже въ счетъ не ставятъ: дѣло обыкновенное, каждому набѣжать приводится. Рѣдкій изъ вернувшихся не вывихнулъ либо руки, либо ноги; не зашибъ спины, либо боковъ и груди».

Всѣ эти ужасы намъ пришлось теперь испытать на себѣ не за книгой въ теплой комнатѣ, а лицомъ къ лицу съ ними.

Мы продолжали идти наугадъ, запутываясь все болѣе и болѣе между рѣками и горными пропастями. Только что мы преодолѣли и переплыли рѣку и выбрались изъ ея каменистыхъ береговъ, какъ намъ предстояло опять подняться на кручи съ измученными лошадьми. Это былъ своего рода Ганнибаловскій переходъ Альпъ, и мы его совершили къ вечеру. Солнце было высоко, когда, поддерживая своихъ лошадей, мы подымались на горы и, поднявшись, уже застали его послѣдніе лучи. Но какое ужасное положеніе они освѣтили намъ! Мы поднялись на плоскогорье, которое черезъ полверсты оканчивалось прямо отвѣсною стѣной, а внизу бурлило, казалось, цѣлое море... Неизвѣстная намъ рѣка билась объ утесы съ страшною силой, и мы не могли сойти съ своего плоскогорья ни впередъ, ни взадъ.

— Вотъ положеніе!—воскликнули мы въ одинъ голосъ.— Сами попали въ ловушку, какъ Робинзонъ Крузо...

— Православные, отзовитесь! — пронеслось вдругъ въ воздухѣ.

Мы въ изумленіи посмотрѣли другъ на друга и замѣтили вдали на другихъ горахъ перебѣгающія тѣни.

— Это солдаты... Прятаться безполезно,—сказали мы, оставаясь на открытомъ мѣстѣ подъ лучами заходящаго солнца.

— Православные, отзовитесь! — опять раскатилось по горамъ.

— Насъ выслѣдили... да и хорошо! Здѣсь бы мы и погибли...

Голоса стали раздаваться съ разныхъ концовъ по направленію къ намъ:

— Не стрѣляйте... Вы окружены. Ишь, забрались! Да васъ и не снять оттуда.

Мы узнали внизу по формѣ исправника, и солдаты уже приближались къ намъ. Было горько и досадно на неудачный побѣгъ, но въ минуту поимки мы встрѣтили солдатъ, какъ избавителей отъ неминуемой гибели. Теперь она казалась и намъ несомнѣнной.

— Ну, и помучили вы меня,—произнесъ исправникъ.— Если бы не тунгусъ, мы бы не розыскали васъ: но онъ выслѣдилъ всѣ ваши переходы и ночлеги. Онъ даже удив-

лялся, какъ вы могли переплыть рѣки и перейти хребты. А теперь сдайте свое оружіе и вещи.

Мы стали спускаться обратно въ путь, и при спускѣ одна лошадь убилась до смерти.

Жалѣли мы эту лошадь. Она была такъ понятлива и предана намъ, что владѣлецъ ея плакалъ о ней, какъ надъ человѣкомъ.

Исправникъ торопилъ насъ и все удивлялся, какъ можно было преодолѣть пройденный нами путь.

Обратная дорога съ проводникомъ тунгузомъ была прямѣе и безопаснѣе. Тѣмъ не менѣе мы такъ далеко углубились въ тайгу, что возвращеніе было продолжительно. Я успѣла простудиться и была оставлена въ одномъ изъ встрѣчныхъ по пути городковъ въ мѣстной больницѣ для ссыльно-каторжныхъ. Она была переполнена... Я заболѣла сыпнымъ тифомъ, а служителей для ухода не было, и, пока я лежала, прибывали все новые больные и, между ними, много знакомыхъ и друзей. Мы сбились въ одну кучу, безъ различія пола, и лежали въ безпамятствѣ рядомъ, приходя минутами въ себя и пользуясь ими, чтобы наколоть льду и положить его на голову сосѣда или сосѣдки. Босыми ногами бѣжишь бывало по полу колоть ледъ и, оказавъ помощь, сваливаешься въ ту же минуту тутъ же на койку. Другой больной замѣнялъ прежняго, и такъ въ полусознаніи мы выходили самихъ себя. Часто, не имѣя силы шевельнуться, мы слышали голосъ доктора, увѣренно говорившаго о томъ, кто изъ насъ умретъ черезъ часъ, или шопотъ товарища, что ему холодно лежать уже съ окоченѣлымъ трупомъ сосѣда... А сальныя свѣчи въ палатѣ оплываютъ и чадятъ при аккуратномъ и всегда безъ результата окрикѣ проходящаго сторожа: «Самый нагаръ!» Это повторялось въ теченіе ночи нѣсколько разъ, иногда въ одинъ голосъ съ раздраженнымъ больнымъ: «Пошолъ къ чорту!» Ко всему этому присоединялись голодъ и холодъ. Наступила зима и меня послали по этапу къ мѣсту назначенія. Этапы были холодные и, приближаясь къ нимъ, солдатъ кричалъ: «Затыкай окно соломой... А не хочешь, тебѣ же будетъ холодно». Проѣздомъ черезъ тотъ или другой городишко кто-нибудь, свой же братъ, броситъ денегъ, одѣяло или пальто, и вотъ съ такими средствами я добралась на-

конецъ на свой заброшенный рудникъ. Я понимала, что за побѣгъ подлежу большой отвѣтственности, и срокъ каторги будетъ продолженъ.

Комендантъ встрѣтилъ меня именно этими словами:

— Мнѣ все равно,—иронически замѣтилъ онъ:—вы или другіе будутъ у меня на каторгѣ, или умрете вы въ бѣгахъ по таежнымъ лѣсамъ отъ голода и изнуренія. Не убудетъ и не прибавитъ меня, но на будущее время не рискуйте безъ надежнаго проводника покидать меня. Какъ ни худо жить здѣсь, но ухудшить положеніе вы можете, а исправить никогда. Не совѣтую вамъ рисковать жизнью, а другаго разговора на каторгѣ не можетъ быть. По закону, вы будете приговорены къ плетямъ за побѣгъ, но губернаторъ, обыкновенно, смягчаетъ такой приговоръ для интеллигентныхъ и плети отмѣняются имъ. Все однако въ его волѣ... На усмотрѣніе будетъ приговоръ посланъ.

Меня и моихъ товарищей по бѣгству посадили въ казематы въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Отъ другихъ заключенныхъ мы узнали, что комендантъ первое время придавалъ нашему бѣгству видъ самовольной отлучки и не увѣдомлялъ о томъ губернатора. Но, по наведеніи справокъ, когда оказалось, что мы брошены въ тайгѣ проводникомъ, онъ съ грустью сказалъ: «теперь они все равно погибли... Дорога, выбранная ими, ведетъ на такія розсыпи и «пади», что они тамъ и запутаются. Теперь уже нужно скорѣе увѣдомить губернатора, и пусть исправники ловятъ ихъ для ихъ же спасенія». Мы дѣйствительно были взяты наканунѣ гибели...

— Удивительно, право, этотъ комендантъ благородный!— перебилъ я ее.

— Просто добрый человѣкъ. Ну, чего ему ссориться съ ссыльно-каторжнымъ населеніемъ, когда оно и безъ того подъ надежной охраной среди непроходимыхъ лѣсовъ, горъ и рѣкъ. Онъ понималъ это и старался облегчить взаимныя отношенія, зная хорошо, что злоупотреблять ими мы не можемъ. Нашъ побѣгъ убѣдилъ его еще болѣе въ томъ, что мы безпомощны при самомъ добромъ и снисходительномъ къ намъ отношеніи администраціи; что здѣсь не нужны суровыя мѣры и гораздо лучше съ обезсиленными людьми познакомиться по-семейному.

— Это все благородно!

— Ну, конечно. Благородно и умно въ административномъ смыслѣ. Все у него на каторгѣ было спокойно, а побѣги кончались неудачами.

— Наконецъ,—спросилъ я ее:— кому опасенъ побѣгъ въ Америку и даже въ Россію, куда придетъ человѣкъ доживать остатокъ жизни съ явнымъ разумѣніемъ своихъ малыхъ силъ и огромнаго могущества едва тронутой культурой родины? Не понимаю!.. Вообще, по моему, вашъ комендантъ былъ образцовымъ администраторомъ.

— Много хлѣба-соли пришлось намъ съѣсть вмѣстѣ,— отвѣтила она.—Наконецъ, я получила право вернуться въ Россію, и изъ всѣхъ администраторовъ по тюрьмамъ въ Сибири онъ одинъ не прибавилъ къ нашимъ страданіямъ новыхъ... Я простилась съ нимъ при отъѣздѣ, глубоко признательная ему за то, что онъ ни разу не унизилъ меня за все время моего арестантскаго житья. Возвращеніе въ Россію было очень трогательно: съ каждымъ днемъ я была къ ней ближе, и чувства мои выливались взрывами радости и слезами. Я была особенно потрясена при приближеніи къ Екатеринбургу, гдѣ между деревнями Марково и Тугулинской, находится «граница» Азіи и Европы: это каменная колонна, болѣе сажени вышины, съ безчисленными надписями и фамиліями несчастныхъ лицъ, которыя не по своей волѣ переступали «границу». Невольно я вспомнила англійскаго путешественника, который трогательно говорилъ о колоннѣ.

— Я могу напомнить вамъ то, что онъ говоритъ...

— Сдѣлайте одолженіе, если у васъ есть его книги.

Я развернулъ англійскій журналъ и прочиталъ ей слѣдующія строки: «Это былъ сибирскій пограничный камень. Ни съ однимъ пунктомъ, отъ Петербурга до Тихаго океана, не связано въ Россіи столько печальныхъ воспоминаній, какъ эта маленькая лѣсная поляна и этотъ каменный столбъ, освященный печалью и людскимъ несчастьемъ. Сотни тысячъ человѣческихъ существъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, князей, дворянъ и крестьянъ, сказали здѣсь отечеству, родинѣ, друзьямъ и роднымъ послѣднее прости. Ни одинъ пограничный столбъ въ мірѣ не былъ свидѣтелемъ такого горя, такихъ тяжелыхъ невзгодъ, какъ этотъ: безчисленныя существа съ

разбитыми сердцами миновали его. Такъ какъ столбъ этотъ находился почти на полпути между послѣднимъ европейскимъ этапомъ и первымъ сибирскимъ, то съ незапамятныхъ временъ существуетъ обычай дать ссыльнымъ здѣсь отдохнуть и сказать послѣдній привѣтъ родинѣ. Простой русскій крестьянинъ, будь онъ даже самый закоренѣлый преступникъ, проникнутъ самою горячею любовью къ родинѣ; не удивительно, что здѣсь часто разыгрываются самыя душераздирательныя сцены. Одни предаются вполнѣ обуревающему ихъ горю, другіе ищутъ утѣшенія въ слезахъ; третьи падаютъ ницъ и прижимаются лицомъ къ любимой родной землѣ или цѣлуютъ холодный каменный столбъ, какъ будто бы онъ былъ для нихъ символомъ всего дорогого, что они покинули».

— Да, все это вѣрно! все вѣрно!—воскликнула она.— Со слезами на глазахъ и я вступила въ Европейскую Россію, но на родинѣ скоро зажили мои раны, и воспоминанія о Сибири стали глубже и неразрывны съ признательностью ей за то, что она не сгубила во мнѣ ни любви къ людямъ, ни восторговъ къ ея богатѣйшимъ ландшафтамъ... А люди были хорошіе въ Сибири. Много было хорошихъ! Даже нашъ комендантъ... Такихъ людей административная и чиновная Сибирь ждетъ, и они должны быть у ней. Сибирь теперь страна неузнаваемая: университетъ, музеи, библіотеки, школы и развитое общество. Было бы ужасно, если бы рядомъ съ этимъ въ Сибири не шло обновленіе въ административныхъ сферахъ. Вотъ куда бы вамъ ѣхать служить,—неожиданно закончила она разсказъ.—Много добра бы сдѣлали... А какъ тамъ нужны честные и благородные дѣятели въ офиціальномъ мірѣ! Какъ нужны! Страна съ большимъ будущимъ.

Я былъ очень удивленъ тѣмъ, что она посылаетъ хорошихъ людей за Уралъ, гдѣ сама провела молодую жизнь въ неволѣ и страданіяхъ. А между тѣмъ она продолжала восторженно говорить объ этой странѣ:

— А какъ хороша сибирская природа! Какъ ее можно полюбить...

Разказчица на минуту замолкла, мысленно переносясь «на край свѣта». Я посмотрѣлъ ей въ лицо, и въ эту минуту слѣдовъ каторги на немъ уже не было, а оно все сіяло добротой и тихой скорбью.

— Людей жаль,—произнесла она.—Ахъ какъ жаль тѣхъ, что тамъ остались... Цинга, чахотка, сыпные тифы, голодъ—всего и не прочтешь. Жаль... Сама я уже не чувствую страданій за разбитую жизнь, а вотъ ихъ жаль... Я даже полюбила свое прошлое и свои муки. У меня къ Сибири сохранились необыкновенно нѣжныя чувства, и я ни разу не раскаивалась въ нихъ. Какъ-то все облагораживало ихъ, а не грязнило. Однажды, — воскликнула она, — мальчикъ моей подруги по каторгѣ игралъ на дворѣ съ собакой, а комендантъ, проходя, замѣтилъ ему:

— Послѣ того, какъ узнаешь людей, другъ мой, будешь любить собакъ...

— Неправда, комендантъ! Неправда! — закричала изъ окна тюрьмы мать ребенка.—Онъ видѣлъ уже много хорошихъ людей и не промѣняетъ ихъ на собакъ.

— Вотъ и мнѣ бы хотѣлось теперь закричать, вспоминая Сибирь: я видала тамъ много хорошихъ людей, и черезъ нихъ мнѣ открылось гораздо больше познаній жизни, чѣмъ при иной моей судьбѣ... Я не жалуюсь на нее. Приходилось много читать, размышлять, присутствовать при потрясающихъ картинахъ на этапахъ и въ переполненныхъ больницахъ для ссыльно-каторжныхъ, но и здѣсь наткнуться на благороднѣйшія чувства людей и отвѣчать имъ тѣмъ же. А многіе ли знаютъ съ этой стороны себя и ближнихъ!? А какая природа тамъ, — съ дѣтскимъ восхищеніемъ продолжала она:—ахъ, какая природа! Цвѣты какіе въ полѣ... У насъ въ саду только разводятъ такіе. Ахъ, какіе цвѣты! Безъ запаха... Почва слишкомъ водяна... Но красивые цвѣты и въ такомъ изобиліи!.. А тайга, а лѣса, а рѣки—то валонами льющіяся и огибающія горы, то шумящія, точно на одномъ мѣстѣ, между камнями; а горы—то отвѣсныя, или розсыпи непроходимыя... Не забыть мнѣ Сибири и ея хорошихъ людей! Никогда не забыть!—повторяла она съ волненіемъ въ голосѣ и украдкой отерла слезу на глазахъ.

— Испытанія ужъ очень тяжки, — произнесъ я, чтобы что нибудь сказать ей.

Она начала вспоминать ихъ и опять съ тѣмъ же восторженнымъ состояніемъ души отвѣчала:

— Можно было десять разъ уступить имъ и купить себѣ сравнительный покой и льготы. Но теперь я имъ бла-

годарна: тяжкія испытанія и дурные люди также нужны для лучшаго познанія благородныхъ людей. Никому мы такъ не обязаны болѣе, какъ тѣмъ, въ комъ мы обманулись.

Она произнесла горячій спичъ по ихъ адресу, и я также увлекся ея настроеніемъ,ославъ недоброжелателямъ отъ полноты сердца хоть частицу того сладкаго восторга, когда человѣкъ прощаетъ людямъ свои обиды и находитъ, что онѣ были ему нужны для высшаго разумѣнія собственнаго сердца.

Мы дѣтски хохотали, разсказывая другъ другу свои огорченія. Мнѣ также пришлось немало хлебнуть изъ общей съ ней чаши «испытаній», и потому у насъ нашлись и общія чувства, и общіе друзья.

— Многіе изъ нихъ,—продолжала она,—играютъ значительную роль въ культурныхъ теченіяхъ Сибири. Одни изъ нихъ члены Императорскаго географическаго общества, полезны Сибири, какъ экскурсанты въ экспедиціяхъ по изученію края, монгольскихъ надписей, памятниковъ былого, геологіи, палеонтологіи, антропологіи, этнографіи, филологіи и т. д. Другіе изъ нашихъ,—продолжала она,—изучаютъ золотопромышленность и, наконецъ, мечтаютъ на основаніи фактовъ о «приполярномъ земледѣліи». Порфирій Войнаральскій пытается укрѣпить мысль, что звѣроловство, скотоводство и рыбоводство на сѣверѣ все менѣе и менѣе обезпечиваютъ жизнь инородцевъ, и что, для спасенія отъ вымиранія, имъ необходимо земледѣліе. На собственномъ участкѣ, въ самой сѣверной части Якутскаго округа, на берегу рѣки Алдана, онъ развелъ собственное хозяйство и пытается доказать торжество земледѣльческой формы труда, но не владѣльческаго-промышленнаго, а лично-трудового, мелкаго... Онъ подбираетъ на своемъ опытномъ полѣ мѣстныя сѣмена, взвѣшиваетъ, вымѣряетъ ихъ; культивируетъ болѣе выносливые сорта полезныхъ растеній, составляетъ опись препарированныхъ растеній въ различные періоды ихъ развитія, таблицы, измѣренія, рисунки—и все въ надеждѣ, что его мечта о приполярномъ земледѣліи обратитъ на себя вниманіе прессы, ученыхъ обществъ и спеціальныхъ учрежденій. Бѣдный труженикъ! Труженикъ-идеалистъ, согрѣвающійся «бузой» въ юртѣ якутки, съ четырьмя отъ него дѣтьми, прививаетъ земледѣльческіе корни въ тайговую почву и вѣритъ въ правоту своихъ идей...

— Колумбъ безъ Америки!.. думалъ я, и вспомнилъ его, когда онъ былъ помѣщикомъ Пензенской губерніи, мировымъ судьей, съ университетскимъ образованіемъ и съ рѣдко доброй, довѣрчивой душой. Если изъ его трудовъ не останется практическихъ результатовъ, то нравственный обликъ боряшагося интеллигента у холоднаго полюса за благосостояніе тайговаго обывателя волнуетъ сердце и воспитываетъ въ насъ лучшее представленіе о людяхъ.

— О, да! — горячо поддержала она. — Такихъ людей и въ тайгѣ уже мало осталось. Въ Сибири было много хорошихъ людей, любящихъ и вѣрящихъ въ человѣчество. Дай Богъ имъ силы и на радость, и на горе здѣсь на волѣ въ кругу «присныхъ», и тамъ, гдѣ они заслужили довѣріе и право вернуться домой своими многолѣтними испытаніями изъ тайговой жизни.

— На этомъ и кончаются ваши воспоминанія о самой себѣ и друзьяхъ? — спросилъ я.

— Да, кончаются... Многаго я не успѣла вамъ сказать, и словами не передать того, что чувствовалъ человѣкъ; но если настроеніе мое вы поймете, я буду довольна... Когда меня спрашиваютъ, что мы сдѣлали хорошаго въ жизни? я отвѣчаю: «самихъ себя», но для этого нужно понять наше настроеніе и тогда судить насъ...

Подъ вліяніемъ живыхъ воспоминаній и поэтическаго отношенія къ страданіямъ, я невольно воскликнулъ, что если душа раскрыта высокимъ впечатлѣніямъ, то не надо завидовать и тѣмъ людямъ, которыхъ воспитывали для счастья.

Въ народѣ.

(Напеч. въ „Живоп. Обозр.“ въ 1894 г. № 6 подъ заглавіемъ: „Профиль“).

Какіе чудные были у ней тогда ея черные глаза: они загорались, вспыхивали, потухали и таяли, какъ-то послѣдовательно чередуясь и лишая васъ сознанія. Да, эти глаза нельзя забыть, не смотря на то, что ихъ цвѣтъ и выраженіе неуловимы. То счастливыми, то пострадавшими смотрѣли они на Божій міръ, и въ обоихъ случаяхъ хотѣлось узнать ихъ желаніе и служить имъ. Но чаще, прикрытые длинными и опущенными внизъ рѣсницами, они прятались отъ любящаго ихъ взгляда и наблюденія.

Мнѣ было 19 лѣтъ и въ эти годы жизнь кажется безконечной, и любовь легко приносится въ жертву идеѣ. Тѣмъ болѣе, что отрицаніе личной жизни усиленно пропагандировалось въ русской и переводной литературѣ семидесятыхъ годовъ въ духѣ великаго поэта о томъ, чтобы не приближать къ себѣ «трепетную лань». Чудные очи «Маруси Николаевны» уничтожались моимъ ригоризмомъ о служеніи народу въ положеніи свободнаго и не связаннаго семьей человѣка... Мы были сча́стливы «умственной солидарностью»... Теперь этого не поймутъ и лучше вернуться къ разсказу по порядку.

Мы пошли съ Марусей изучать народъ... Я звалъ ее Анисьей, а она меня «мой мужикъ».

Такъ на вечеринкѣ она узнала, что я иду «въ народъ» и попросила меня взять ее съ собой.

Въ первый разъ мы видѣлись здѣсь и, не справляясь другъ о другѣ, выѣхали изъ Петербурга въ провинцію, беззаботно смѣясь и сочиняя себѣ стихи:

Паспортъ, котомка,
Дюжина съ лишнимъ „изданій“...
Крѣпкія ноги...
Множество плановъ, мечтаній.

Скоро замаскированные и счастливые, оба девятнадцати лѣтъ, мы очутились подъ южнымъ солнцемъ и мы ничего лучшаго не искали другъ въ другѣ, и рѣдко когда хорошо помнили дорогу изъ деревни въ деревню.

Было чѣмъ помянуть наше сближеніе съ народомъ!

— Мастера-то вы мастера, да видно не по этой части и не по нашей странѣ, отзывались не безъ иронiи мужики, убѣдившись разспросами, что мы ничего не понимаемъ ни въ ихъ хозяйствѣ, ни въ ихъ ремеслахъ, но отлично говоримъ о заграничной жизни и ея рабочемъ классѣ.

Маруся первая сообразила, что будетъ лучше, если мы такъ и станемъ выдавать себя за русскихъ рабочихъ, возвращающихся домой съ заработковъ изъ-за-границы, гдѣ работали надъ добываніемъ кислорода для аптекъ...

— Это прелестно!—воскликнулъ я.—Никто насъ не смутитъ разспросами о нашей профессіи, а мы можемъ говорить, что кислородъ нуженъ не только тяжко-больнымъ, но и здоровымъ, и какъ и почему недостаетъ его въ жизни бѣдныхъ людей... Это прелестно, что ты придумала! Правда, наши лица, руки и привычки часто выдаютъ насъ... А теперь мы скажемъ, что за-границей и рабочіе, и порядки иные, чѣмъ здѣсь. Будетъ о чемъ сразу говорить съ мужикомъ и мы найдемъ себѣ оправданіе во всякомъ промахѣ.

А промахи были уморительные...

Ночью приходилось выходить изъ избы и Маруся зажигала огонь, обувала ноги въ маленькіе сапожки и безъ нихъ боялась ступить босой ногой на полъ. А мужики смѣялись и острили:

— Поди-жь ты! И собакъ боится, и ногу спортить опасается... А наши-то бабы просто выбѣгаютъ въ сѣни за дверь по надобности...

— У насъ... за границей... по другому!—кричу.

Но и самому мнѣ случалось попадать въ просакъ.

Нагибаясь за обѣдомъ надъ миской со щами и держа надъ нею свою ложку, чтобы не капать на столъ, я вдругъ получалъ легкій по ней ударъ такой-же ложкой отъ сосѣда

и тотчасъ-же откидывался назадъ, вспомнивъ, что мужики не ѣдятъ надъ миской и ложки кладутъ прямо на столъ послѣ каждаго глотка изъ нее...

— За-границей у каждаго за обѣдомъ свой приборъ, такъ что я привыкъ надъ приборомъ ѣсть, смущенно отвѣчаю я и вижу, что нужно опять бесѣдами о заграничной жизни разсѣять подозрительность мужиковъ и плѣнить ихъ воображеніе лучшей жизнью въ чужихъ странахъ.

— Они охотно слушаютъ насъ о лучшемъ будущемъ,— замѣчала Маруся,—но хотятъ готовенькими получить земныя блага, а не жертвовать для нихъ собою.

— Ты ошибаешься!—возражалъ я горячо, загипнотизированный ученіемъ Лассаля о рабочемъ классѣ и совершенно не понимая окружающей меня дѣйствительности.

Мужики сами говорили въ отвѣтъ на мои заманчивыя предложенія:

— Съ нашимъ народомъ такъ нельзя! Готовы всѣ другъ дружку въ землю закопать, а не токмо что хорошее... Говорить и мы говоримъ съ тобой о нашихъ бѣдахъ, а нужно ждать царской милости... По доброму!

Эти замѣчанія мужиковъ являлись неистощимымъ источникомъ для моихъ споровъ съ Марусей, въ особенности, когда переходя изъ однѣхъ деревень въ другія, мы оставались одни въ лѣсу или въ полѣ.

Но кромѣ отвлеченныхъ и до-нельзя наивныхъ бесѣдъ съ нею, я испыталъ и нѣкоторое страданіе съ нею, легко пережитое въ то юное и смѣлое время.

Былъ августовскій вечеръ. Солнце спряталось въ облака, и вѣтерокъ подымался порывисто со всѣхъ сторонъ. А между тѣмъ мы хотѣли переночевать въ дальней деревнѣ и пошли полемъ къ лѣсу.

— Все держитесь влѣво,—говорили мужики.—Вправо дороги идутъ на сѣнокосы. Не сбейтесь въ лѣсу... У насъ болота.

Не знаю, кто изъ насъ былъ правъ, когда мы пришли въ лѣсъ и стали попадаться три-четыре дороги разомъ. Я тянулъ влѣво, а она вправо и увѣряла, что я плохо понялъ мужиковъ.

— Ты ничего ни слушаешь,—говорила она.—Сколько разъ просила... Ему даютъ указанія, а онъ...

— Что онъ? Договаривай.

— Воронъ считаешь.

— Врешь! На тебя засмотрюсь и все пропущу мимо ушей.

— Оправданіе какое! Вотъ теперь, куда идти?

— Влѣво.

— А-нъ нѣтъ...

— Что это за «анъ»? Такое слово есть въ русскомъ языкѣ.

— Есть!

— Тонуть будемъ и все-таки закричишь: бритый! бритый!

— И потонешь! Съ тобой потонешь! Ну куда мы идемъ? Видишь, озеро какое...

— Болото, а не озеро. Ты географію-то знаешь?

— Я больше знаю любовные стихи Гейне, котораго ты всю дорогу напѣваешь.

— О, глупая!—краснѣя, воскликнулъ я.

— Что? поймали на мѣстѣ преступленія?

Я еще болѣе начиналъ браниться, но уже въ серьезъ за то, что она смѣетъ думать, будто я для нея напѣваю нѣжные стихи бѣднаго Генриха. А тѣмъ временемъ мое сердце колотилось до боли и въ лѣсу не хватало воздуха для моей молодой груди. Черные ея глаза были особенно хороши, помню я, въ этотъ вечеръ. Солнце на минуту выглянуло изъ-за облаковъ, и золотые лучи покрыли съ ногъ до головы переряженную барышню.

— А будетъ дождь, — тихо сказала она, чувствуя, что мое волненіе сообщается и ей.

— Гроза будетъ.

— Неужели?—испуганно воскликнула она,—Боже мой! Я боюсь грома...

— Полноте.

— Боюсь! боюсь! Пойдемъ, ради Бога... Скорѣе въ деревню, скорѣе!

— Куда ты? тутъ топко...

— Скорѣе! Скорѣе!—повторяла она съ поблѣднѣвшимъ личикомъ.

Вдали послышались раскаты грома, и вершины деревьевъ зловѣще зашумѣли.

— Надо переждать грозу.

— Какъ? Да я умру...

— Маруся, будь мужественна... Мы сбились съ дороги.

— Идемъ! идемъ! Подъ деревомъ убьетъ громомъ.

— Развѣ ты боишься смерти?

— Ахъ, оставь! Все глупости...

— Почему?

— Все ты глупости говоришь!

— Какія глупости! Какъ пойдутъ эти женскіе нервы...

— Ну, конечно! Мы женщины, низшія созданія... Оставьте мою руку...

— Не капризничай... Ты упадешь.

— Оставьте мою руку.

— А, чортъ!...—сорвалось у меня съ досады, и я пересталъ поддерживать ее.

Маруся пошла напрямикъ большими шагами, обрываясь на выбитыхъ колесами телѣгъ колеяхъ и сильно наклонясь всѣмъ тѣломъ впередъ.

— Ты упадешь,—сказалъ я холодно.

— Не ваше дѣло...

— Переломите себя, Маруся,—началъ я также говорить на вы, но уже нѣжнѣе и идя на мировую.—Дождь идетъ... Скользя вы разобьетесь.

— Вы только обижать умѣете,—произнесла она, остановившись, вся обезсиленная.

— Я?

— Вы! Вы! Не хотѣли идти направо и вотъ теперь некуда двинуться... Вы нарочно завели меня сюда.

— Маруся! Я тоже умѣю сердиться... За что вы меня оскорбляете?

— Зачѣмъ вы меня не слушались... Ай!—закричала она, бросившись ко мнѣ на руки и вся застыла въ ужасѣ отъ разразившагося у насъ надъ головами грома.

Тучи заволокли небо и спустились книзу. Въ лѣсу стало совершенно темно, а впереди насъ тянулись болота, мѣстами моховыя, а мѣстами топкія.

— Некуда идти,—сказалъ я, беря испуганную дѣвушку подъ руку.—Станемъ подъ дерево. Мы всѣ измокнемъ, если не спрячемся.

Она перестала кричать и молча вздрагивала при каждомъ ослѣпительномъ блескѣ молніи. Дождь усилился, и густая сосна уже не защищала насъ. При порывахъ вѣтра,

вода лилась съ вѣтвей ручьемъ прямо намъ на плечи и за шею. Моя урсовая поддевка кое-какъ защищала меня, но стеганная на легкой ватѣ кофточка Маруси пропиталась водой, и она въ ней дрожала отъ холода. Ботинки ея также размокли и сползли съ ея тонкихъ ножекъ. Она еще не сознавала вполнѣ, что значитъ заблудиться въ лѣсу, и все надѣялась найти изъ него дорогу и понукала меня искать ее вправо.

— Влѣво, а не вправо! — закричалъ я, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія.—Да теперь все равно...

— Какъ все равно?

— Все равно мы не найдемъ дороги до утра... Ночь уже наступаетъ.

— Боже мой! Боже мой!

— Ахъ, не кричите... И безъ того тошно! Зачѣмъ шли въ народъ, если боитесь грозы и лѣсу. Оставались бы въ Питерѣ и катались бы теперь съ офицерами на острова...

Она закрыла лицо руками и горько плакала, но меня не трогали ея слезы. Я былъ въ томъ возрастѣ, когда женскія слезы кажутся сантиментальностью или глупымъ предразсудкомъ. Чѣмъ больше она всхлипывала, тѣмъ болѣе я укорялъ ее въ изнѣженности и непослѣдовательности. Я пропагандировалъ ей равенство съ мужчиной, а она отъ холода не попадала зубъ на зубъ.

— Да не мучьте меня! — застонала она опускаясь на мокрое дерево и не въ силахъ уже идти далѣе.—Я иззябла... Со мной лихорадка.

Звукъ ея голоса проникъ въ мое сердце и растерявшись, я набросилъ на нее свою поддевку, а самъ остался въ одной русской рубахѣ. Я стащилъ съ нея ея мокрыя ботинки и надѣлъ ей свои сапоги. Я грѣлъ ея руки на своей груди, цѣловалъ ихъ, дышалъ на нихъ, но она продолжала дрожать и вздрагивать при каждомъ ударѣ грома. Дождь не переставалъ всю ночь, а мы не могли себя согрѣть даже ходьбой, тотчасъ же попадая въ тинистые берега болотъ. Она опустилась головой ко мнѣ на колѣни, и я цѣловалъ ея шею, плечи и губы. Я не помнилъ, что дѣлалъ, стараясь ее согрѣть и оживить. Она только разъ отвѣтила мнѣ поцѣлуемъ и сказала: «мнѣ хорошо, мнѣ хорошо», а потомъ все плакала и дрожала отъ холода.

Я истощилъ всѣ усилія и безмолвно держалъ ее у себя въ объятіяхъ. Такъ продолжалось до утра. Дождь пересталъ не задолго до свѣту, и при первыхъ лучахъ утренней зари мы хотѣли продолжать путь.

— Куда идти? Ты опять вправо?

— Милый!—произнесла она, и я почувствовалъ, какъ она прижалась ко мнѣ.—Иди, куда хочешь... Я всюду за тобой пойду.

Я круто повернулъ налѣво, и поддерживая свою спутницу, старался держаться одного направленія. Вся душа моя ликовала при трогательномъ признаніи молодой дѣвушки, но я старался вспомнить, что мы не принадлежимъ себѣ и не имѣемъ права пользоваться личнымъ счастьемъ. Невдалекѣ отъ насъ раздался выстрѣлъ ружейнаго охотника. Я сталъ кричать: Гопъ! Гопъ! и скоро на мой крикъ вышелъ мѣстный крестьянинъ съ одностволкой за плечами; пара утокъ болтались у него на поясѣ, связанныя лычкомъ за ноги.

— Выведи, другъ... Мы заплатимъ! Заблудились въ лѣсу.

— Откели вы сами-то будете?

— Дальніе!.. Показывай дорогу... Можетъ быть свезешь въ городъ?

— Отчего не свезти. Можно свезти. Праздничное время.

— Дай, братъ, пожалуйста, свой армякъ барышнѣ... то, есть моей хозяйкѣ,—поправился я, сбившись на словахъ.—Иззябла.

— Стыдь ночью въ лѣсу,—произнесъ мужикъ и тотчасъ же стащилъ съ себя армячишко.

Маруся, переодѣвшись въ сухую одежду, засмѣялась весело.

— Вотъ и красное солнышко,—сказалъ я.

— Гдѣ?

— Да ты сама...

Она опять разсмѣялась, и я былъ вознагражденъ этой улыбкой за всю ночь моихъ хлопотъ и безпокойствъ о ней.

Мужикъ насъ скоро вывелъ изъ лѣсу, и въ его избѣ Маруся скоро почувствовала, что ночь подъ дождемъ не пройдетъ ей даромъ.

— Потрясающій ознобъ,—повторяла она.—Я вся простудилась.

— Можетъ быть, вернуться въ Питеръ?

— Не доѣду. Лучше въ ближайшій городъ.

Мы наскоро закусили и тотчасъ же велѣли запрягать лошадь. Едва Маруся сѣла въ телѣгу, какъ тотчасъ же почувствовала себя хуже.

— Знобитъ меня. Гдѣ мы остановимся?

— Въ гостинницѣ... У меня нѣтъ знакомыхъ въ этомъ городѣ.

— Ты не боишься? Оставь меня одну...

— Ни за что? Не смѣй говорить такъ... Развѣ я заслужилъ?

— Прости.

— То-то!

Она опять улыбнулась, но эта улыбка была послѣдней... Съ ней сдѣлалось дурно и я привезъ ее въ городъ со всѣми признаками воспаленія въ легкихъ.

Насъ прописали въ гостинницѣ, но все время подозрительно смотрѣли на наши костюмы и званіе. Я платилъ за скромность корридорнымъ большія деньги, принималъ доктора со страхомъ и трепетомъ, когда онъ нагибался выслушать грудь мододой дѣвушки и казался изумленнымъ изяществомъ ея тѣла; для меня самого тянулись мучительно дни и ночи, которые я провелъ у больной, обтирая ея тѣло уксусомъ, обкладывая его компрессами. Наступило время кризиса. Деньги у насъ почти всѣ вышли, а свои золотые часы я берегъ для продажи, когда придется ѣхать обратно въ Петербургъ. Но докторъ прописалъ дорогое вино для поддержанія силъ больной, и часы были проданы. Я поилъ ее виномъ и ждалъ, когда она придетъ въ сознаніе или умретъ. Какъ я проклиналъ свою житейскую неопытность въ томъ, что ранѣе не узналъ адресъ ея отца и теперь не могъ увѣдомить его объ опасномъ положеніи дочери. Къ счастью, кризисъ миновалъ; температура сразу пала, но больная была очень слаба.

Первыя ея слова были о телеграммѣ къ отцу и, сообщивъ его адресъ, она схватила мою руку къ себѣ на подушку и такъ заснула вмѣстѣ съ ней. Чего-же мнѣ было желать и не былъ ли я счастливъ совершенно? Да, я былъ счастливъ и гордъ тѣмъ, что могу по опыту говорить о господствѣ идей надъ личными чувствами и по преимуще-

ству въ молодые годы честныхъ людей. Я тогда все идеализировалъ и, кажется, это-то и помогло мнѣ пережить впослѣдствіи удары и разочарованія жизни.

Съ этими мыслями я проводилъ безсонныя ночи у дорогой мнѣ дѣвушки, прислушиваясь къ ея дыханію, поправляя сбившуюся на полъ тяжелую косу, помогая больной приподняться и считая каждую улыбку мнѣ... Ея длинныя рѣсницы открывали воскресающіе глаза, особенно, когда они встрѣчались съ моими и часто, казалось, она хотѣла что-то сказать мнѣ и наконецъ сказала:

— А я спасена вами... Помните въ лѣсу, а здѣсь-то...

— Охота помнить! Лучше поговоримъ о настоящемъ.

— Настоящее хорошо.

Она потянулась ко мнѣ и обхватила мою голову своими исхудалыми руками. О какое это было чистое и безгрѣшное время въ моей жизни! Можно ли его забыть и зачѣмъ забывать!

— Постой, кто-то стучитъ?

— Да, кажется...

Я отперъ номеръ и увидѣлъ передъ собой высокаго старика, со строгимъ выраженіемъ лица.

— Кто вы?—спросилъ онъ рѣзко.

— А, да это не интересно...

— Папа!—воскликнула Маруся.—Папа...

— Кто вы?—повторилъ онъ. — Вы носите чужое имя... Моя дочь тоже...

— Прежде позаботьтесь о ней... Съ ней дурно,—отвѣтилъ я, желая отвлечь его вниманіе отъ себя.

Я не зналъ, что говорить ему, но отлично помнилъ, что въ губернскомъ городѣ, куда лежалъ мнѣ путь, ждетъ меня типографія, книги и новые товарищи... Я чувствовалъ, что интересъ дѣла былъ сильнѣе зарождающагося чувства во мнѣ къ выздоравливающей Марусѣ и что отказаться отъ нее такъ льститъ моему геройски настроенному самолюбію... Едва она пришла въ себя, я горячо поцѣловалъ ее въ голову и тихо произнесъ:

— Я иду... Здѣсь я болѣе не нуженъ... Увидимся-ли?!

Она испуганно вскрикнула, но я быстро вышелъ изъ номера и черезъ часъ ушелъ совсѣмъ изъ уѣзднаго города той самой дорогой, по которой пріѣхалъ съ Марусей.

Легко понять, что долженъ былъ я почувствовать, минуя лѣсъ, въ которомъ она провела всю ночь въ слезахъ, согрѣваемая моимъ дыханьемъ и лаской; что чувствовалъ я, вспоминая мои заботы у постели больной и мой уходъ отъ нея... Иногда раскаяніе сжимало мое сердце, и я порывался вернуться.

— Еслибы я любилъ ее больше всего на свѣтѣ, я не ушелъ бы...

Эта простая мысль успокоительно дѣйствовала на мои нервы и работала въ томъ направленіи, что я еще молодъ думать о личной жизни, и что нельзя впречь въ одну телѣгу коня и трепетную лань. Я все сдѣлалъ для больной дѣвушки и, возвративъ ее отцу здоровой и безупречной, размышлялъ, что каждый изъ насъ долженъ идти далѣе своей дорогой. Длинна была эта дорога, и что я вынесъ на ней, у меня никогда не хватитъ силъ разсказать. Новыя лица и новыя положенія изгладили въ моей памяти образъ очаровательной дѣвушки, и скрытые подъ длинными рѣсницами глаза не свѣтились мнѣ болѣе въ жизни... Съ кѣмъ и кто любовался ими—я не зналъ и стараюсь объ этомъ не думать.

Сѣдой волосъ уже пробился въ мою бороду — и немудрено, что я забылъ Марусю: видно и вспоминать было нечего...

Но въ минувшемъ году на одномъ журфиксѣ я встрѣтился неожиданно съ ней.

Она сидѣла съ мужемъ, который видимо былъ въ большихъ чинахъ и до такой степени уважалъ себя, что не считалъ нужнымъ съ кѣмъ-нибудь разговаривать. Между тѣмъ жена его самоувѣренно спорила противъ воспитанія дѣтей по новому.

— Нельзя насиловать совѣсть ребенка!—говорила она.— Надо воспитывать дѣтей въ тѣхъ-же понятіяхъ, которыхъ держится все общество. А когда ребенокъ выростетъ, онъ самъ можетъ отказаться или не отказаться отъ старыхъ идеаловъ. А то мы сами живемъ грѣшно, а дѣтей воспитываемъ идеалистами. Я готова отбирать ихъ у такихъ родителей...

— Кто же имѣетъ право отбирать!—перебила ее хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ...

— Но вѣдь отбираемъ же мы дѣтей у жестокихъ родителей... А воспитывать дѣтей не на землѣ, а такъ... отвлеченно... еще хуже!..

— Это нравственное увѣчье,—пояснилъ ея мужъ, не распространяясь.

— Но куда же отбирать?

— А хоть родственникамъ отдавайте,—продолжала Марія Николаевна.—Это вѣдь не посторонніе... И чужіе люди бываютъ хорошими людьми.

— Васъ тяжело слушать,—энергично возстала хозяйка. Родственники сдѣлаютъ изъ моей дочери пансіонерку, а изъ сына кадета. Я мать и знаю, что лучше для нихъ. У меня старшій сынъ былъ кадетомъ... Сначала обиралъ сестеръ, а потомъ сталъ распускать про нихъ дурные слухи...

— Это исключеніе.

— Вѣроятно... Но я не хочу болѣе кадетовъ въ своей семьѣ.

— Подите вы!!

— Куда мнѣ идти изъ собственнаго дома, — обидчиво воскликнула хозяйка.—Я у себя...

Болѣе она не могла говорить и замолчала.

А Марія Николаевна развязно продолжала:

— Власть родителей должна быть ограничена, если они не воспитываютъ дѣтей такъ, чтобы тѣ пользовались большимъ количествомъ правъ и были бы счастливы.

Въ это время наши глаза встрѣтились, но она тотчасъ овладѣла собой и отвернулась отъ меня въ профиль. Весь вечеръ я не видѣлъ болѣе ея лица. Передъ уходомъ, она быстро подошла ко мнѣ съ непонятнымъ для меня испугомъ, произнесла:

— Я васъ узнала...

— А я нѣтъ...

— Да?!. А, понимаю... Мой разговоръ... Я измѣнилась. Но вѣдь съ тѣхъ поръ мы оба поумнѣли... Мнѣ стыдно вспоминать ребяческія бредни... Я хочу просить васъ... Вы не сердитесь... Если вы познакомитесь съ моимъ мужемъ, не говорите ему о нашемъ прошломъ. Помните?

— Ничего не помню.

— Хожденіе въ народъ... Мнѣ такъ стыдно...

— Ничего не помню.

— Хотите, я познакомлю васъ съ мужемъ?

— Не хочу.

— А-то приходите къ намъ... Какъ-нибудь!

— «А-то» не придетъ,—сказалъ я, усмѣхнувшись, и отошелъ въ сторону.

— Постойте! Постойте! Когда васъ застать можно?

— Въ 11 часовъ утра по воскресеньямъ.

— Но развѣ вы не у обѣдни?.. Вотъ то-то! Всѣ вы, передовые, такіе... Все мало времени. Надо книжки читать, а о душѣ не думаете... Ваши мысли хороши и полезны, но онѣ не своевременны.

— Будемъ говорить лучше, Марія Николаевна, о томъ, въ чемъ мы согласны.

— Да, мы согласны, вѣроятно, только относительно одной погоды!—сказала она, прощаясь со мной.

Съ тѣхъ поръ, я часто встрѣчаю ее въ театрахъ и концертахъ, но всякій разъ ея лицо повертывается ко мнѣ въ профиль и первое время я не узнаю его. Она этому рада и избѣгаетъ меня...

Карійка.

«Изъ воспоминаній».

(„Новый міръ“, 1902 г., №№ 74 и 75).

I.

Шумно выходила изъ-за стола семья Толмазовыхъ. Солнце проникало и въ столовую, несмотря на спущенныя на всѣхъ окнахъ шторы, а оживленные разговоры за обѣдомъ разгорячили и малыхъ и старыхъ.

— На балконъ! на балконъ, мама! — кричали дѣти, вырывая изъ рукъ прислуги скатерть и убѣгая съ нею въ садъ.

На веранду они притащили и чайный приборъ, дожидаясь прислугу съ самоваромъ.

— Лизокъ, завари!—сказалъ мать и передала пятнадцатилѣтней дочери чайникъ. — Я все еще не могу привыкнуть, Наташа... Такъ неожиданно ты вернулась къ намъ, — продолжала она, обращаясь къ другой дочери и пересаживаясь съ передняго угла стола къ ней рядомъ на середину.

— А я-то,—отвѣтила та престарѣлой матери: — я-то... Совсѣмъ уже не ожидала быть снова въ родной усадьбѣ. Многое измѣнилось у насъ за эти годы... Папа умеръ... Отъ стараго дома... я хорошо помню его... ничего не осталось. Этотъ новый и просторнѣй, да нужно къ нему привыкать. У меня въ памяти день, когда меня увезли отъ васъ, и теперь я начинаю жизнь какъ бы снова съ того самаго дня... Вѣдь потомъ у меня ничего не было...

Она замолчала и вдругъ крѣпко поцѣловала мать.

— Ты выглядишь моложе меня...

— Вотъ что еще выдумала, Наташа...

Мать не могла продолжать и слезы обильно потекли у ней по щекамъ.

Наташа, первенецъ въ семьѣ Толмазовыхъ, была арестована двадцати лѣтъ, и вернувшись изъ Сибири, дѣйствительно, лицомъ казалась старше своей матери.

Обѣ онѣ всплакнули, но вдругъ одновременно улыбнулись другъ другу и развеселились.

Дѣти подсунули имъ по тарелкѣ съ малиной, а также весело набивали себѣ ротъ ягодами.

— Перепачкались, малыши... Бѣгите на прудъ. Умойте руки и лицо,—сказала Наташа, ласково обращаясь къ дѣтямъ.

Тѣ начали прыгать прямо съ балкона на дорожку сада, гдѣ тотчасъ ихъ окружили дворовыя собаки, съ нетерпѣніемъ выжидавшія кусковъ хлѣба и костей. Дѣтвора бросилась на кухню, сопровождаемая визгомъ и лаемъ своихъ друзей.

На балконѣ остались только мать и старшая дочь.

— Наташа,—произнесла первая смущеннымъ голосомъ: —если тебѣ не тяжело... Продолжать разсказъ о прошломъ... Если хочешь... Ты вчера начала разсказывать свою жизнь и не кончила...

— Съ удовольствіемъ, мамуся. Если ты не устала меня слушать... Всѣ дни мы разговариваемъ о прошломъ и ты плачешь.

— Говори... говори,—перебила мать.

— Я уже не буду касаться тяжелой стороны,—отвѣчала дочь.—Послѣ когда-нибудь... Сойдемъ... Туда въ бесѣдку. Я сейчасъ уберу со стола.

Она быстро перемыла чашки и позвонила въ колокольчикъ.

Прислуга унесла самоваръ, а Наташа захватила подносъ съ чашками и ушла въ комнаты. Проходя обратно мимо гостиной, она машинально остановилась передъ роялемъ и одной рукой быстро извлекла изъ него нѣсколько звучныхъ аккордовъ.

— Ты не разучилась?—крикнула мать на балконѣ.

— Нѣтъ, мамуся... Мы и на каторгѣ концертировали.

— Вотъ какъ!—изумленно повторила мать и вошла къ ней въ комнату.

— Да, мама. У насъ на каторгѣ былъ и рояль, и даже театръ. Пойдемъ въ садъ. Я разскажу тебѣ.

Она прошла съ матерью въ орѣховую аллею, въ концѣ которой помѣщалась старая бесѣдка на высокомъ берегу большого пруда. Домашнія утки, замѣтивъ въ бесѣдкѣ людей, тотчасъ стали подплывать къ берегу, очевидно привыкшія къ хлѣбнымъ коркамъ не въ счетъ абонемента.

— Господи,—воскликнула Наташа,—какъ все это близко мнѣ. Маленькой дѣвочкой бѣгала я сюда кормить гусенятъ и уточекъ, восхищалась ихъ проворствомъ и ныряньемъ.

— Сестры тоже всякій день носятъ сюда остатки булокъ и хлѣба отъ стола... Вонъ уже Лизокъ съ Азоромъ несутся сюда. Собаченка хочетъ вырвать изъ рукъ куски хлѣба, а та не даетъ. У меньшихъ дѣтей Азоръ выпроситъ, а Лизокъ строга и не даетъ собакамъ обижать птицу.

— Помнишь, мама, я тоже враждовала съ собаками, когда они бѣгали за мной на прудъ и кидались въ воду за хлѣбомъ?

— Ахъ, милая Наташа... Я все помню... Помню даже, какъ размахнувшись, чтобы кинуть хлѣбный шарикъ подальше къ обиженному утенку, ты сорвалась съ берега и упала въ воду... Чуть не утонула...

— Ахъ и я помню... Точно вчера.

Залитыя косыми лучами солнца и защищаясь отъ нихъ руками, онѣ смотрѣли, какъ изъ поросшихъ осокой береговъ пруда выплывали утки, торопясь къ Лизѣ, усѣвшейся на травѣ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ бесѣдки.

Въ лугахъ начали покрикивать коростели...

— Помню,— тихо замѣтила Наташа:— эти карастели бѣгали съ луговъ въ нашъ садъ подъ самый балконъ и орали всю ночь неистово...

— Прибѣгутъ и сегодня,—отвѣтила мать.— Попозднѣе вмѣстѣ съ туманомъ на болотахъ... Ты эти дни съ дороги устала и не слыхала ихъ криковъ?

— Не слыхала, мамуся... Послѣ десятилѣтней разлуки, я крѣпко сплю. Хорошо у васъ здѣсь.

— Тебѣ нравится? Ты не отвыкла?

— Всѣ годы я была съ вами, мамуся... Только и мечтала застать въ живыхъ тебя, папу и сестеръ... Тяжело мнѣ было безъ васъ.

— Я думаю... Ты у меня всегда была такая сострадательная, нѣжная... Безъ поцѣлуя отца заснуть не могла... Отецъ оттого и померъ, что много вспоминалъ о тебѣ...

— О, папа... Дорогой папа!

Замѣтивъ на лицѣ дочери выраженіе страданія, мать поспѣшила прибавить:

— Мы съ отцомъ не осуждали тебя, но не понимали того, что творилось вокругъ насъ. Зачѣмъ пріѣзжалъ къ тебѣ всегда съ книгами этотъ... Какъ его? Ну все равно. Докторомъ теперь въ Петербургѣ, имѣетъ практику... Если бы узналъ, что ты вернулась, то съ визитомъ къ тебѣ не пріѣхалъ бы... Меня не узнаетъ, а встрѣчались въ театрѣ...

— Конечно, мамуся... Я была такъ наивна, что сама посѣтила одного изъ такихъ же... Писателемъ теперь сталъ. Встрѣтились мы въ редакціи, застегнутъ на всѣ пуговицы сюртука, разговариваетъ стоя и прощаясь говоритъ: «заходите какъ-нибудь... Дома меня рѣдко можно застать, а здѣсь бываю черезъ день». Помню, мамуся, что онъ первый вліялъ на мое направленіе и я тотчасъ вспомнила объ немъ, когда проѣзжала Петербургъ. А онъ? Даже не спросилъ, гдѣ я остановилась и когда пріѣхать ко мнѣ. Мы старики уже съ нимъ... Было бы что вспомнить, а можетъ быть и поддержать въ чемъ себя или другого товарища. А онъ показался мнѣ чужимъ, совсѣмъ чужимъ... Горько я плакала, когда ушла. Точно съ его похоронъ.

— Ты у меня до сихъ поръ сердцемъ живешь. Вотъ и теперь слезы.

— Это послѣднія... Мы такъ много страдали... Даже чиновники уважали насъ, а тутъ друзья забываютъ прошлое. Когда я была привезена на каторгу, то къ моимъ страданіямъ даже комендантъ отнесся участливо и тепло. Объ этомъ я и хочу разсказать тебѣ... Видишь-ли, мамуся,—начала она,—комендантъ разрѣшилъ мнѣ жить на вольномъ поселкѣ. Онъ справлялся о моихъ нуждахъ и жалѣлъ меня, но я сама уклонялась отъ всякаго ко мнѣ участія... Одинокая моя жизнь въ тайгѣ скоро улучшилась тѣмъ, что вслѣдъ за мной пріѣхали добровольно и жены сосланныхъ въ рудники мужей. Онѣ были свободны, и выбрали тотъ самый поселокъ, гдѣ и я жила. Комендантъ хотѣлъ не только примирить мѣстное населеніе и администрацію съ нами, но чтобы мы вошли въ ихъ среду и чтобы въ этомъ общеніи съ обществомъ облегчилось до нѣкоторой степени наше поднадзорно-ссыльное житье. Намѣренія его были бла-

городны и многія дамы охотно откликнулись на его приглашеніе заходить къ нему въ домъ и въ семейства его сослуживцевъ. Все шло хорошо и вдругъ коменданту пришла несчастная мысль воспользоваться присутствіемъ на каторгѣ интеллигентныхъ лицъ для оживленія мѣстнаго населенія. Надо сказать, что это населеніе, кромѣ каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, состоитъ изъ чиновниковъ и офицеровъ, составляющихъ мѣстную администрацію. Для нихъ это собственно комендантъ и задумалъ устроить домашніе спектакли, а можетъ быть, по своему джентльменству, онъ думалъ развлечь пріѣзжихъ дамъ предложеніемъ участвовать въ спектакляхъ и войти такимъ образомъ постепенно въ мѣстное общество. Началась совершеннѣйшая трагикомедія. Жены каторжниковъ играютъ на сценѣ и развлекаютъ администрацію каторги, а мужья ихъ сидятъ въ казематахъ и многіе товарищи безнадежно больны. Одинъ былъ близокъ къ сумасшествію, другой — умиралъ въ послѣднемъ градусѣ чахотки. А дамы участвуютъ въ спектакляхъ и комендантъ воображаетъ, что доставляетъ имъ большое удовольствіе. Отказаться имъ—значитъ навлечь на себя его гнѣвъ, а можетъ быть, и на ихъ мужей. Послѣдніе прибыли сюда въ кандалахъ, а онъ велѣлъ расковать ихъ и не брить имъ головы... Ну, какъ онъ опять надѣнетъ на нихъ желѣзныя украшенія, если отказать ему въ его невинномъ желаніи увеселять населеніе игрой петербургскихъ дамъ въ концертахъ и театрѣ? Вопросъ этотъ ужасно насъ волновалъ и въ то же время одна изъ насъ продолжала играть на роялѣ, другія—были актрисами и режиссерами. Недоставало, чтобы мы танцовали и пѣли чувствительные романсы. Мужья наши и товарищи по судьбѣ выражали тоже намъ свое неудовольствіе и не хотѣли понять, что мы это дѣлали для нихъ же... А администрація ничего этого не подозрѣвала и чувствовала себя гуманнѣйшей и по отношенію къ заключеннымъ, и ихъ женамъ. Никто не открывалъ коменданту глаза на скрытое недовольство въ нашихъ молчаливыхъ и испуганныхъ лицахъ, когда онъ приглашалъ насъ къ себѣ для переговоровъ по устройству концерта или лоттереи-аллегри. Дамы благодарили его и долго не имѣли силъ сказать ему, чтобы онъ оставилъ ихъ въ покоѣ.

Припоминая дальнѣйшій ходъ событій, она продолжала:

— Да, и какъ сказать? Что сказать-то? «Мы, жены заключенныхъ мужей, не хотимъ развлекать своими талантами ни военныхъ, ни статскихъ лицъ, составляющихъ нашу администрацію?» Но какже это сказать старику, который былъ къ намъ всегда добръ и любезенъ, который и не подозрѣвалъ, что судьба вырыла между нами пропасть и что мы благословимъ его только въ томъ случаѣ, если онъ оставитъ насъ доживать наши сроки, не насилуя наши досуги и симпатіи. Но вѣдь сказать это такъ жестоко! Такъ неделикатно! Это всѣ мы понимали, а товарищи въ заключеніи судили со стороны и перетолковывали наше поведеніе съ укоромъ въ безхарактерности нашей и безтактности. Съ обѣихъ сторонъ насъ давила гроза тѣмъ болѣе тяжелая, что комендантъ старался насъ все болѣе и болѣе приблизить къ своему семейству и мѣстному обществу. Всѣ были въ восторгѣ отъ нашего ума, обращенія и даже разговоровъ о политикѣ. Одна изъ насъ получила мѣсто учительницы въ мѣстномъ пріютѣ, другія—имѣли также занятія.

II.

Что касается меня, то, лишенная всѣхъ правъ, я очень оффиціально держалась. Меня пугала мысль, что, послѣ привѣтливости и дружелюбія, каждый офицеръ всетаки, если захочетъ, имѣетъ право еще болѣе унизить меня. Самымъ удобнымъ я считала для себя оставаться «каторжанкой» и не забывать никогда своего положенія, Когда комендантъ звалъ меня по дѣлу въ канцелярію для передачи мнѣ письма или я сама отправляла черезъ него письмо въ Россію, онъ предлагалъ мнѣ садиться на стулъ, я скромно отвѣчала: «благодарю!» и продолжала стоять, пока оканчивала свое дѣло. Также оффиціальнымъ поклономъ я прощалась съ нимъ. Немного это ему не нравилось и скрытое раздраженіе противъ меня не замедлило прорваться въ немъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

— Надо тебѣ сказать,—продолжала она, отдохнувъ:— на каторгѣ имѣется пріютъ для арестантскихъ дѣтей и завѣдывалъ имъ одинъ мой пріятель. Въ пріютѣ онъ имѣлъ казенную квартиру. Я сидѣла однажды въ его комнатѣ, когда случайно къ нему зашелъ комендантъ. Я не успѣла

ему поклониться, а самъ онъ торопился и не поздоровался со мной. На слѣдующее утро пришелъ вѣстовой и сказалъ, что меня требуетъ къ себѣ комендантъ.

— Ну, начинается,—подумала я и мысленно приготовилась къ тому, что меня съ вольнаго поселенія запрутъ въ казематъ или нарядятъ на казенныя работы. Срокъ каторги еще не истекъ мнѣ и гуманный комендантъ дастъ мнѣ его почувствовать.

Я пришла въ канцелярію и застала коменданта ходящимъ въ возбужденномъ видѣ взадъ и впередъ.

— Прошу садиться!—произнесъ онъ.—Намъ надо объясниться и разъяснить другъ другу наши взаимныя отношенія.

— Они очень просты и ясны,—отвѣтила я.—Вы комендантъ, а я каторжанка. Кажется, чего проще и чего тутъ разъяснять. Я всегда старалась не забывать своего званія и даже теперь, на предложеніе сѣсть на стулъ, я продолжаю стоять и нахожу, что мнѣ такъ лучше...

— Вотъ вы теперь такъ говорите, а вчера вы мнѣ не сочли нужнымъ даже поклониться. Я былъ въ казенномъ зданіи, а не гостемъ у частнаго лица и для васъ я всюду комендантъ. Но я не хочу портить наши отношенія,—продолжалъ онъ.—Вѣрьте, что мнѣ самому очень больно за васъ, но вы тоже должны щадить и меня немножко... Я стараюсь облегчить вашу жизнь на сколько это я въ силахъ сдѣлать.

— Благодарю, комендантъ. Я не жалуюсь... Вы дѣйствительно были къ намъ добрымъ и внимательнымъ человѣкомъ.

— Благодарю и васъ за эти слова, если вы такъ думаете,— произнесъ онъ, и мы разстались при взаимныхъ благодарностяхъ.

III.

Осталось, однако, между нами недоговореннымъ то, какъ чувствуютъ себя наши дамы, приглашаемыя имъ играть концерты и музицировать на нихъ. Я считала себя не въ правѣ говорить за своихъ подругъ, а послѣднія волновались, обсуждали свое положеніе въ связи съ положеніемъ мужей и долго колебались идти противъ коменданта. А тотъ продолжалъ отличаться въ смыслѣ доставленія нашимъ дамамъ

развлеченій и придумалъ устроить торжественную лотерею-аллегри. Для сего одинъ ссыльный былъ торжественно посланъ въ городъ закупить для лотереи коробокъ, конфектъ и разныхъ бездѣлушекъ; многимъ были разосланы приглашенія и даже назначенъ день для торжества. Самыя видныя въ немъ роли выпали на тѣхъ же ссыльныхъ женъ... Чаша переполнилась.

— Мы не пойдемъ на это гулянье съ лотереей,—заговорили дамы, которыхъ особенно отличилъ комендантъ.— Не пойдемъ, и другимъ скажемъ не идти.

— А если онъ кандалы надѣнетъ на мужчинъ и запретитъ свиданія съ ними? Вы знаете, какимъ раздраженнымъ онъ чувствуетъ себя, когда у него желчь разливается.

— Теперь у него печень въ порядкѣ, — съ ненавистью отзывалось большинство изъ насъ и тотчасъ-же почувствовали, что несправедливы къ коменданту.

Ни разу къ ихъ мужьямъ онъ не проявилъ жестокосердія, а ихъ жены своей участью и самоотверженной къ нимъ любовью умиляли и растрогивали его душу. Онѣ перевоспитывали старые взгляды коменданта на женщину и вносили въ его устарѣлую душу предчувствіе, что міръ мѣняется и, что съ пріѣздомъ сюда женщинъ, каторга стала не худшимъ уголкомъ земного шара... Его собственная жена и дѣти полюбили насъ, а мы ихъ и все это наканунѣ готовящейся катастрофы, стихійно созрѣвшей во взаимныхъ отношеніяхъ сторонъ. Не скажу, чтобы съ моей стороны не было никакого вліянія на рѣшеніе дамъ прекратить свои посѣщенія коменданта, особенно на званые его вечера. Но я не хочу говорить, что безъ меня онѣ рѣшили бы иначе свое дѣло. Однако, комендантъ почему-то вообразилъ, что мнѣ въ особенности могли не нравиться установившіяся отношенія поселенныхъ на выселкахъ лицъ съ администраціей. Его подозрительность сообщалась мнѣ и наши отношенія были натянуты. Онъ пробовалъ приручить меня къ своему семейству, а я боялась всякой близости къ людямъ, которые имѣютъ надо мной безграничную власть, а я никакой. Я не могла чувствовать себя свободной съ ними и тяготилась своей замкнутостью среди нихъ.

— Да ради чего это,—думала я:—и безъ того жизнь тошна, а тутъ еще добровольно я лишаю себя нравствен-

ной независимости! Да ни за что! Этого уже никто меня не лишитъ и на каторгѣ! Я останусь въ согласіи съ своей совѣстью и какъ-нибудь дотяну послѣдніе годы каторги.

Я утѣшала себя этой мыслью, но видѣла, что событія слагаются угрожающимъ образомъ. Одинъ комендантъ безпечно ждалъ дня открытія аллегри и веселилась душа его наканунѣ болѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ далъ льготы заключеннымъ. Ихъ жены могли проводить у нихъ въ казематахъ значительно бо̀льшее число часовъ и самыя свиданія были учащенными. Мы все это въ немъ цѣнили и поражались только тѣмъ, что онъ и его ближніе были страшно далеки отъ мысли, что намъ, женамъ и друзьямъ заключенныхъ, было не до музыки, не до домашнихъ театровъ и не до разговоровъ съ чиновниками и офицерами.

Преглупое положеніе всюду, но здѣсь на каторгѣ оно было отчаяннымъ.

— Надо будетъ предупредить другихъ, которые живутъ на дальнихъ выселкахъ,—говорили мы.—Вѣдь мы не пойдемъ на гулянье, а они явятся и станутъ пенять намъ за то, что мы не предупредили ихъ.

А какъ предупредить? Завтра будетъ уже поздно. Ночью идти изъ нашего выселка въ дальній за 5—6 верстъ не совсѣмъ было безопасно. По дорогѣ постоянно шлялись бѣглые каторжники и, кромѣ того, многія изъ насъ не имѣли права отлучаться за черту своего поселка. Уходъ за нѣсколько верстъ примутъ за бѣгство и готова цѣлая исторія. Но кому-нибудь надо было идти и идти рѣшилась я. Мнѣ выпало на долю идти изъ нашего поселка въ дальній и извѣстить тамошнихъ дамъ о томъ, чтобы и онѣ отказались отъ участія въ лотереѣ и спектакляхъ. Тамъ давно уже тяготились ими и убѣждать мнѣ никого не пришлось. Тутъ я переночевала, а утромъ вернулась домой. Мой самовольный уходъ на цѣлую ночь изъ назначеннаго мнѣ поселка былъ однако замѣченъ и комендантъ тотчасъ же узналъ о немъ въ связи съ отказомъ нашихъ женщинъ отъ участія въ вечерѣ съ аллегри. Гнѣвъ его былъ ужасенъ. Первое время онъ не вѣрилъ отказу, а затѣмъ закричалъ, что онъ сумѣетъ заставить насъ дѣлать то, что ему хочется. Но какъ только онъ немного успокоился, онъ собралъ всѣхъ насъ къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ:

— Я разослалъ извѣщеніе объ аллегри, многіе пріѣдутъ издалека и въ какое положеніе вы ставите меня передъ всѣми?

— Мы виноваты передъ вами... Надо было ранѣе увѣдомить васъ. Это было такъ тяжело намъ. Мы не предупредили своевременно...

— А, что формальность!—съ гнѣвомъ воскликнулъ онъ.— Когда я былъ съ вами формалистомъ?

Онъ перебѣгалъ отъ одной къ другой и не давалъ намъ ничего отвѣтить ему. Мы были смущены и совершенно подавлены, особенно, когда гнѣвъ его стихъ и горькое разочарованіе свѣтилось въ его симпатичномъ лицѣ.

— Насильно милъ не будешь,—сказалъ онъ уныло.—Но только я старался всегда быть вамъ полезнымъ и, по своему возрасту, всѣмъ вамъ гожусь въ отцы... Видѣть въ этомъ суровомъ краѣ и при этой обстановкѣ интеллигентную женщину безъ участія къ ней—я не могъ... Такъ уже я воспитанъ! Вѣдь и я былъ молодъ, и считалъ за честь протянуть руку помощи болѣе слабому существу, чѣмъ мужчина. Отъ этого мнѣнія я не могъ откататься и здѣсь, когда увидѣлъ васъ, привезенныхъ сюда плохо одѣтыми, безъ денегъ, безъ поддержки и теплаго привѣта... А теперь вы вотъ чѣмъ отплатили мнѣ за мои невинныя радости, когда вы приходили ко мнѣ въ домъ и вносили въ него честный, цѣломудренный міръ... Идите къ себѣ домой... Я не могу васъ принуждать помочь мнѣ въ мѣстныхъ празднествахъ и развлеченіяхъ; да мнѣ и самому теперь тяжело васъ видѣть. Прощайте...

IV.

— Постойте! — крикнулъ онъ, когда мы тронулись къ выходу.—Вы, обратился онъ ко мнѣ,—останьтесь здѣсь...

Я остановилась, но вмѣстѣ со мной остановились въ дверяхъ и мои подруги. Онѣ поблѣднѣли и гораздо болѣе встревожились, чѣмъ я.

— Идите всѣ, одна она останется,—повелительно крикнулъ комендантъ.

Мы остались съ нимъ въ комнатѣ одинъ на одинъ и молча смотрѣли другъ другу въ лицо. Если бы я была виновата передъ нимъ, вѣроятно, я не вынесла бы его прони-

цательнаго и строгаго взгляда. Предо мной стоялъ тотъ самый комендантъ, который во время разлитія желчи, объѣзжая подвѣдомственные ему рудники, жестоко наказывалъ уголовныхъ арестантовъ, которые ухитрялись пропить и проиграть въ карты казенную одеженку и ходили по казематамъ и на работу голыми. Они раздражали его, ожесточали и онъ умѣлъ быть жестокимъ, когда находилъ нужнымъ показать власть надъ ними.

Прерывисто дыша, онъ два раза подходилъ ко мнѣ, желая что-то произнести, и съ гнѣвомъ отходилъ къ окну, чтобы успокоиться.

— Г. Комендантъ!—начала я первая.

— Молчать! Кто вамъ разрѣшилъ говорить со мной? Вы обязаны только отвѣчать на вопросъ, когда васъ будутъ спрашивать.

— Я всегда держалась этого правила съ вами, и только теперь...

— Ну, и теперь молчать! Именно теперь,—воскликнулъ онъ.—Я напомню вамъ, что вы каторжница и должны сидѣть въ тюрьмѣ, а не на волѣ жить.

Онъ приблизился ко мнѣ и взглядъ его упалъ на рубище, въ которомъ я была одѣта. Простой мужицкій армякъ былъ на мнѣ. Вѣдь мнѣ приходилось самой дрова рубить для отопленія избы, самой стирать бѣлье и неудивительно, что я привыкла къ моему армяку. На этотъ разъ мой костюмъ возбудилъ въ немъ не жалость, а рѣзкій окрикъ.

— Всѣ женщины одѣваются прилично, а вы какъ?

— Вы забываете, комендантъ, что большинство изъ нихъ добровольно послѣдовавшія за осужденными мужьями, а я каторжанка.

— Это я помню лучше васъ самой! Пустые разговоры... Вы берете свои деньги не на одежду, а тратите на другихъ! Я знаю... Съ большимъ трудомъ и тактомъ мнѣ удалось установить наиболѣе удобныя при каторгѣ отношенія между администраціей и вольными поселками, но вы задались цѣлью испортить эти отношенія и вооружили всѣхъ женщинъ противъ меня. Но я покажу вамъ себя, каковъ я есть! Вы раскаетесь, что злоупотребили своей свободой.

— А вы, комендантъ, раскаетесь въ этомъ крикѣ и тонѣ...

— Никогда!! Что я говорилъ о женщинахъ сейчасъ—къ вамъ не относится... Вы думаете, я не знаю, куда вы ходили безъ моего разрѣшенія прошлою ночью и съ какою цѣлью?

— Ну, съ какой, съ какой цѣлью?—гнѣвно перебила я его.

— Вы виновница того, что всѣ женщины отказались отъ участія навсегда отъ театровъ, концертовъ и даже на аллегри не будутъ сегодня... Вы одна виновница всему!

Онъ стоялъ предо мной съ искривленнымъ лицемъ и топалъ ногой. Но я не боялась его. Я во всемъ была права и рѣшительно сказала ему:

— Г. комендантъ, если вы дадите мнѣ слово не перебивать меня и объяснить вамъ, какъ вы глубоко заблуждаетесь о моемъ могуществѣ здѣсь, то я буду говорить; если вы не дадите слово выслушать меня, то не кричите мнѣ подъ ухомъ о моей виновности... Это право смѣшно.

— Смѣшно? Для васъ смѣшно это? А мнѣ эта исторія о неудавшемся примиреніи ссыльнаго элемента съ мѣстнымъ населеніемъ нисколько не смѣшна... Ну, говорите! Я васъ слушаю. Садитесь.

— Благодарю... Я могу и стоя изложить вамъ свои мысли.

— Говорите, если есть что сказать!—произнесъ онъ и опустился въ кресло за столъ.

Я сдѣлала шагъ къ столу и не замѣтила, какъ взялась руками за него. Вся моя кротость разомъ исчезла и я горячо воскликнула:

— Вы лучше многихъ комендантовъ въ разныхъ отношеніяхъ, но въ своемъ родѣ вы во всѣхъ насъ поселили ненависть...

— Не смѣйте этого говорить за всѣхъ!..

— Да, да, во всѣхъ! Не я одна! Не стучите по столу и не перебивайте меня, комендантъ... Вы слово дали. Я держу васъ на словѣ.

— Говорите!

— Вы не поняли, что нельзя сажать женщину за рояль и играть «Руслана» для конвойныхъ офицеровъ, которые только-что сдали ея мужа на каторгу! Такъ-ли я говорю, г. комендантъ? Да отвѣчайте же... Что вы хотите съѣсть меня глазами?

— Госпожа... Госпожа... Да нѣтъ, продолжайте...

Онъ двинулся въ креслѣ къ столу.

— Васъ обидѣлъ отказъ ихъ бывать на этихъ вечерахъ и эту деликатность чувствъ въ нихъ вы считаете черной неблагодарностью?

— Вы допросъ мнѣ дѣлаете?

— А какъ же? Вы думали, что я оправдываюсь? Развѣ вы теперь не видите, что вся разыгравшаяся исторія лежала не во мнѣ и никто въ ней не виновенъ.

— Никто?—глухо спросилъ онъ и голосъ его дрогнулъ. Онъ ждалъ, что я буду говорить.

— Никто, комендантъ! Васъ всѣ любятъ и никто ни въ чемъ не обвиняетъ...

— Никто?

— Да никто же!—повторила я.

Комендантъ поднялся съ кресла и, взявъ меня за руку, растроганно произнесъ:

— Никого изъ васъ и я не хотѣлъ огорчить... Скажите это другимъ.

— Я скажу, комендантъ... Всѣ давно это знаютъ...

— Да, да, скажите! Пусть все будетъ попрежнему. Играть онѣ не будутъ спектакли, но двери моего дома всегда раскрыты для ихъ нуждъ. Вѣдь ихъ такъ много у васъ... О, какъ еще много! А вы живите на поселкахъ попрежнему и обѣщайте мнѣ никогда не стоять передо мной, какъ каторжница...

— Обѣщаю и благодарю.

Онъ протянулъ мнѣ вновь руку и теперь я охотно пожала ее.

Онъ повеселѣлъ и, расхаживая по комнатѣ, нѣсколько разъ повторялъ:

— Да, вотъ, такими должны быть здѣсь всѣ женщины... Карійка! Сдержанная и почтительная, но всегда умная и смѣлая, гдѣ идетъ рѣчь о человѣческомъ достоинствѣ и о друзьяхъ! И всѣ вы такія... Я вѣдь знаю.

— Можетъ-быть,—отвѣтила я взволнованно:—не всякій и изъ насъ проявилъ бы на вашемъ мѣстѣ столько такта и доброты, какъ вы... Примите и отъ меня увѣреніе въ томъ, что вы научили насъ цѣнить людей во всякомъ званіи.

— Ну, вотъ мы и поквитались!—радостно воскликнулъ онъ.—Дай Богъ, чтобы это была правда и пусть все будетъ по-прежнему. Идите къ своимъ.

Тамъ, на выселкахъ, всѣ ждали меня въ большой тревогѣ.

— Все по-прежнему! Все по-прежнему! — закричала я издали, видя встревоженныя и испуганныя лица друзей.

— По-прежнему? Тебя не запрутъ въ казематъ?

— Нѣтъ! Нѣтъ, не запрутъ. Все по-прежнему. Только играть не будете на сценѣ.

— Какъ-же это? Разскажи!.. Благородный комендантъ! Расцѣловать его мало! Пойдемте, mesdames, благодарить его.

— Разыграемъ въ послѣдній разъ ему лоттерею... Въ послѣдній разъ!

— Правда, одинъ разъ можно... Какъ вы думаете?

— Да, можно... Одинъ-то разъ и больше никогда!

— Неловко, господа,—замѣтила болѣе спокойная изъ насъ. Выйдетъ вся исторія менѣе серьезной, чѣмъ она есть! Неловко! Право неловко! Что за комедія, можетъ подумать комендантъ и обидѣться.

Этотъ доводъ убѣдилъ всѣхъ разомъ и намѣреніе присутствовать на послѣдней алллегри не состоялось. Когда объ этомъ дошло стороной до коменданта, онъ призвалъ меня и просто сказалъ:

— Жертвъ для меня больше не нужно. Ихъ и такъ отъ васъ слишкомъ много требуется и безъ меня. Будьте болѣе просты и откровенны со мной здѣсь на каторгѣ. Во многомъ и я могу быть полезенъ вамъ.

— Весь нашъ покой зависитъ исключительно отъ васъ.

— А многаго и я не могу сдѣлать для васъ. Истекаютъ сроки нѣкоторымъ заключеннымъ и когда-то еще придетъ бумага объ освобожденіи ихъ съ каторги на поселеніе.

— А развѣ поселеніе обязательно?

— Съ каторги—да... По манифесту бываютъ милости и тогда сроки и разстоянія отъ Россіи сокращаются.

Мнѣ истекалъ послѣдній годъ каторги, а по сокращенію сроковъ поселенія—я получила позволеніе выѣхать на родину.

— Теперь мы не разстанемся,—радостно воскликнула она и горячо обняла мать.

— Не разстанемся,—отвѣтила та.

Обѣ сѣдыя женщины, изъ которыхъ трудно было отличить, кто изъ нихъ мать и дочь, цѣловали другъ друга и радостно плакали...

Наша Вандея.

(„Русская Старина“ 1900 г. № 3).

Русская исторія XIX в. хранится большею частію въ архивахъ правительственныхъ учрежденій и изрѣдка пополняется устными разсказами современниковъ. Къ сожалѣнію, эти разсказы не заносятся на бумагу и не попадаютъ въ печать. Историку трудно воспроизвести интереснѣйшіе анекдоты, легенды и дѣйствительные факты, могущіе прекрасно иллюстрировать переживаемое или минувшее время. Вотъ почему я охотно записалъ разсказъ бывшаго мирового посредника Тверской губерніи, Н. М. Полторацкаго, объ оригинальномъ народномъ бунтѣ, бывшимъ въ Тверской губерніи въ 1881 г. въ Весьегонскомъ уѣздѣ въ заштатномъ городѣ «Красный Холмъ». Это огромное селеніе, напоминающее уѣздный городокъ съ базаромъ и нѣсколькими церквами. Оно населено зажиточными крестьянами и торговцами, носящими до сихъ поръ на себѣ печать нравственной независимости и даже нѣкоторой удали. Благодаря исправнымъ платежамъ въ государственное казначейство, населеніе Краснаго Холма было всегда въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ начальствомъ. Чѣмъ менѣе было у него столкновеній съ властью и чѣмъ болѣе Красный Холмъ становился зажиточнѣе, тѣмъ идеальнѣе жители его и окрестныхъ селъ относились къ царю и закону. Извѣстіе о событіи 1 марта 1881 г. дошло въ Красный Холмъ нѣсколько позднѣе и вызвало большіе толки, особенно въ день Благовѣщенія, когда въ Красный Холмъ съѣзжается масса народу изъ сосѣднихъ мѣстечекъ поторговать и Богу помолиться. Повсюду скорбѣли о почившемъ императорѣ, и многіе об-

виняли полицію, не умѣвшую сберечь Царя-Освободителя, а нѣкоторые обвиняли воображаемыхъ господъ, которые хотятъ вернуть крѣпостное право и повелѣвать самимъ царемъ.

Общее горе отразилось даже въ томъ, что мужики стыдились идти въ кабакъ и пѣть пѣсни. Всѣ они пріѣхали изъ сосѣднихъ деревень въ Красный Холмъ безъ колокольчиковъ и бубенчиковъ. Извѣстно, что колокольчикъ—знакъ всселья; его подвязываютъ на свадьбахъ, на катаньяхъ на масляницѣ. Въ торжественную минуту, когда народъ только что вышелъ изъ церкви и кучами стоялъ посреди Краснаго Холма, въ воздухѣ вдругъ, издалека, пронеслись дребезжащіе звуки валдайскаго колокольчика чьей-то тройки, смѣло мчавшейся съ большой дороги на главный трактъ заштатнаго городка. Ѣхалъ исправникъ. Народъ видѣлъ, какъ самъ онъ вышелъ изъ саней и отправился въ гостиницу, не подозрѣвая, какую смуту внесъ его колокольчикъ въ патріотическую массу.

— Что жь это, братцы! —послышалось въ разныхъ концахъ сельской площади,—царь скончался, а онъ, на-тка, съ двумя колокольчиками ѣздитъ?... Можно ли это допустить?

— Шесть недѣль не прошло, а онъ съ бубнами на тройкѣ...

— Ему и печали нѣтъ о царѣ!

Село волновалось. Кто-то крикнулъ, но такъ, что близъ стоявшіе услыхали и подхватили:

— Да, да, запретимъ ему ѣздить съ колокольчикомъ! Чего на него смотрѣть!

Струсилъ кучеръ исправника, — когда толпа трезвыхъ мужиковъ прихлынула къ подъѣзду гостиницы.

— Подвяжи колоколецъ,—сказали ему степенно передніе ряды.

— Не своя воля, братцы...

Толпа настаивала, чтобы онъ добровольно подвязалъ колокольчикъ къ дугѣ, а кучеръ блѣдный нерѣшительно указывалъ рукой на окна гостиницы, гдѣ находилось начальство.

Становой вышелъ на крыльцо и, узнавъ, въ чемъ дѣло, пошелъ доложить исправнику.

— Никакъ нельзя позволить имъ этого—отвѣтилъ послѣдній.—Какъ-такъ! Мало-ли чего имъ хочется? Позволь имъ эту малость, они и до бо́льшаго доберутся!.. Сегодня

не ѣзди съ колокольчиками, завтра не носи свѣтлыхъ пуговицъ, а потомъ и за податями не пріѣзжай. Да что вы, милѣйшій, — закричалъ онъ на становаго, — это настоящій бунтъ; развѣ не видите... Я самъ выйду къ нимъ!.. Чего собрались?—закричалъ онъ.—Что вамъ помѣшалъ мой колокольчикъ? Первый разъ, что-ли, я ѣзжу такимъ образомъ къ вамъ. Ишь обступили крыльцо, куда лѣзете?

Народъ напиралъ: каждый хотѣлъ слышать, что̀ онъ говоритъ и что̀ отвѣтятъ ему передніе ряды. Раздались отдѣльные голоса о томъ, что̀ шесть недѣль не прошло и ѣздить съ колокольчиками и бубнами—теперь нельзя.

— Что вы меня учите!—покрылъ исправникъ ихъ всѣхъ своимъ крикомъ. — Я знаю свои права... Полиція обязана ѣздить съ колокольчикомъ.

— Не въ такое время,—перебилъ его одинъ изъ сѣдыхъ торговцевъ.

— Точно! ты во всякое время имѣешь право ѣздить съ колокольцемъ, но не теперь,—подтвердили другіе. Ты знаешь-ли, что съ царемъ-то сдѣлали? Какъ же такъ: нѣшто можно теперь съ колокольцемъ или гармоніей. Богу молиться надо. За грѣхи наши Господь допустилъ совершить такое дѣло!

Исправникъ горячился:

— Все это я знаю безъ васъ и лучше васъ! — остановилъ онъ мужиковъ.—Что вы тутъ бунтуете? Расходитесь... Не то дамъ знать губернатору...

— А... Губернатору! Мы бунтовщики, а ты кто такой?

Шипящій гулъ перешелъ въ ревъ, и нѣсколько рукъ мгновенно протянулись къ погонамъ исправника. Тутъ же при одномъ словѣ «бунтовщики» нѣсколько камней и палокъ полетѣло въ стекла и рамы гостиницы. Исправникъ быстро приперъ желѣзной задвижкой крыльцо подъѣзда. Народное негодованіе охватило всю площадь, и тысяча голосовъ по своему толковали слова исправника.

— Солдатами грозилъ!—сочиняла народная фантазія.— Бунтовщиками называлъ. Онъ за-одно съ господами.., Царя нашего не почитаетъ! Полиція во всемъ виновата... Чего глядѣла? Гдѣ была?

Бабы и ребятишки присоединились къ мужикамъ. Крѣпкая гостиница трещала отъ камней, но крыльцо съ желѣз-

ными запорами блестящимъ образомъ вылерживало блокаду. Исправникъ и становой забились на чердакъ и ожидали смерти, не надѣясь спрятаться отъ народнаго гнѣва.

Нашелся благоразумный мѣщанинъ, видѣвшій или слыхавшій о подобныхъ исторіяхъ. Онъ забрался на колокольню и ударилъ въ набатъ. Первые зловѣщіе звуки церковнаго колокола напомнили разъяренной толпѣ, что гдѣ-то пожаръ. Всѣ бросились къ своимъ телѣгамъ... Дыма нигдѣ не было видно, а между тѣмъ церковный набатъ продолжалъ бить тревогу. Жители Краснаго Холма разбѣжались по избамъ и на минуту забыли исправника и становаго. Несчастные узники воспользовались этимъ моментомъ и бѣжали, никѣмъ не замѣченные. Черезъ нѣсколько дней изъ уѣзднаго города пришла рота солдатъ съ офицерами. Солдаты удивленно посматривали на совершенно покойное, торговое село съ опустѣвшей площадью и полуразбитой гостинницей. Жители Краснаго Холма приняли войско съ хлѣбомъ-солью и по-божески разсказали, какъ было дѣло.

Конечно, правосудіе не замедлило найти болѣе или менѣе виновныхъ въ этомъ событіи, но нужно сказать, что прокурорская власть и присяжные отнеслись весьма гуманно къ подсудимымъ, посмотрѣвъ на это дѣло, какъ на событіе, возникшее изъ самыхъ чистыхъ патріотическихъ намѣреній. Что касается исправника, то вся эта исторія такъ спутала его понятія о бунтѣ, что онъ оставилъ службу и сдѣлался совершенно психически-больнымъ человѣкомъ.

Первый въ Россіи санкюлотъ.

(„Россія“ отъ 20 марта 1901 г.).

Разсказъ о первомъ русскомъ санкюлотѣ я записалъ со словъ бывшаго мирового судьи въ Тверской губерніи Н. М. Полторацкаго, и было бы жаль не сохранить его остроуміе и историческую основу.

Передъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости были образованы въ провинціяхъ губернскіе комитеты, въ которыхъ вырабатывались мнѣнія дворянъ-помѣщиковъ о предстоящей реформѣ крестьянскаго быта. Мнѣнія губернскихъ комитетовъ препровождались въ с.-петербургскую редакціонную комиссію, которая и придала имъ окончательную форму для дальнѣйшей выработки «Положенія» 19 февраля. Историческія изслѣдованія объ освобожденіи крестьянъ свидѣтельствуютъ, что большинство дворянъ не было расположено къ реформѣ. Это доказано въ знаменитой запискѣ 1859 г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ С. Ланского; въ запискѣ товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Левшина; въ гнѣвныхъ примѣчаніяхъ Государя на адресѣ крѣпостника - камергера М. Безобразова; въ корыстныхъ толкованіяхъ дворянскими комитетами (курскаго, новгородскаго, тамбовскаго, херсонскаго, виленскаго и др.) первыхъ рескриптовъ о надѣленіи крестьянъ усадебной, но не полевой землей; въ консервативныхъ рѣчахъ М. Н. Муравьева, В. А. Долгорукова, графа В. А. Адлерберга, графа Панина, митрополита Филарета; въ дерзкихъ отвѣтныхъ тостахъ за здоровье Кавелина и Унковскаго о томъ, что «ужъ если пить за всѣхъ трудящихся по крестьянскому вопросу, то

лучше начать съ начала, съ перваго, кто трудился за крестьянъ... съ Пугачева!» То же самое противодѣйствіе дворянъ предстоящей реформѣ слышалось въ повсемѣстныхъ разговорахъ о томъ, что прежде всего нужно уменьшить въ народѣ пьянство, образовать духовенство, чтобы оно подобно лютеранскому могло дѣйствовать на совѣсть народа, а уже потомъ освободить послѣдняго отъ помѣщика.

Въ популярной книгѣ г. Джаншіева: «Эпоха великихъ реформъ» сказано: «въ первыхъ рескриптахъ и разъяснительномъ циркулярѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ помѣщикамъ «сохранялось право собственности на землю», крестьянамъ же предоставлялось пріобрѣсти въ собственность только «усадебную осѣдлость», т. е., какъ разъяснилъ министръ, «избу или хату, въ которой живетъ крестьянинъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородомъ и землею подъ оными». Остальная земля, составляя собственность помѣщика, отдавалась лишь въ пользованіе крестьянъ, которые должны были, или отбывать натуральныя повинности, или платить оброкъ деньгами, либо произведеніями. Уничтоженіе крѣпостного права должно было совершиться не вдругъ, а постепенно, при чемъ переходное состояніе могло длиться до 12 лѣтъ. За помѣщиками сохранялась вотчинная полиція. Неопредѣленность выраженій означенныхъ офиціальныхъ документовъ, которые въ лучшемъ случаѣ могли быть истолкованы въ смыслѣ установленія феодальной собственности, а въ худшемъ—въ смысдѣ возможности полнаго обезземеленія крестьянъ, ввела въ искушеніе большинство дворянства исказить по своекорыстнымъ побужденіямъ основный смыслъ намѣренія правительства».

Они предлагали въ своихъ проектахъ, по истеченіи переходнаго времени, совсѣмъ лишить крестьянъ земли, предоставить имъ одну «волчью волю», по выраженію народа. Въ тверскомъ губернскомъ комитетѣ, по данному вопросу, образовалось два мнѣнія: одно требовало освобожденія крестьянъ съ одновременнымъ и обязательнымъ выкупомъ, какъ усадебной, такъ и надѣльной полевой земли, а другіе настаивали на постепенномъ освобожденіи крестьянъ съ временно обязанными отношеніями къ бывшимъ помѣщикамъ. Во главѣ перваго мнѣнія стоялъ предводитель тверскаго дворянства Алексѣй Михайловичъ Унковскій, впослѣдствіи

с.-петербургскій присяжный повѣренный и интимный другъ М. Е. Салтыкова *).

Мысль о полномъ освобожденіи крестьянъ съ выкупомъ земли въ полную ихъ собственность, а не временнаго ей пользованія—была впервые высказана въ литературѣ Кавелинымъ, Герценомъ и Чернышевскимъ. Она такъ многихъ напугала, что Кавелина даже уволили изъ преподавателей русскаго права цесаревичу Николаю Александровичу. Тѣмъ болѣе освобожденіе съ землею долгое время пугало не только членовъ тверскаго комитета, но и самое правительство. Послѣднее долгое время запрещало разсуждать о полевой землѣ, и адресъ тверского дворянства отъ 16 октября 1859 года, подписанный его предводителемъ А. М. Унковскимъ и др., возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе въ правительственныхъ сферахъ. Между тѣмъ въ концѣ 1859 года въ Твери должно было состояться обыкновенное очередное дворянское собраніе. На выборы съѣхалась масса дворянъ, и среди нихъ естественно должны были возникнуть разговоры о начатой крестьянской реформѣ.

— Въ одно изъ засѣданій нашего собранія, — говорилъ мнѣ Н. М. Полторацкій,—былъ полученъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского циркуляръ, въ которомъ объяснялось, что такъ какъ въ Петербургѣ существуетъ комиссія, имѣющая своимъ предметомъ улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ, готовящихся выйти изъ крѣпостной зависимости, то всякія обсужденія въ дворянскомъ собраніи означеннаго предмета воспрещаются. Сегодня циркуляръ о воспрещеніи обсуждать въ дворянскихъ собраніяхъ крестьянскій вопросъ былъ намъ объявленъ, а завтра дворянинъ Александръ Европеусъ, съ языкомъ, какъ бритва, вооруженный томами россійскихъ законовъ, открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой доказывалъ, что по закону, дарованному Императрицею Екатериною дворянамъ, послѣдніе имѣютъ право обсуждать предметы, касающіеся ихъ нуждъ, и что такой законъ не можетъ быть отмѣненъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ.

*) Конечно, А. М. Унковскій—типичный шестидесятникъ, но я печатаю о немъ въ моихъ „Семидесятникахъ“ нѣкоторыя частныя о немъ свѣдѣнія изъ опасенія забыть о нихъ въ моихъ будущихъ работахъ.

Въ книгѣ Джаншіева сказано: «Ссылаясь на то, что дворянство, въ силу закона (зак. о сост. по IX св. зак.), имѣетъ право разсуждать о своихъ пользахъ и нуждахъ; что крестьянскій вопросъ непосредственно касается дворянства, и что право, признанное писаннымъ закономъ, не можетъ быть отмѣнено (ст. 77 основныхъ законовъ *) объявленнымъ министромъ Высочайшимъ повелѣніемъ, и усматривая въ циркулярѣ министра именно такую отмѣну, Европеусъ предложилъ по телеграфу сдѣлать представленіе министру. Предложеніе было принято огромнымъ большинствомъ: 185 голосами противъ 54».

Европеусъ, одинъ изъ дѣятелей исторіи Петрашевскаго, былъ приговоренъ въ 1848 году къ смертной казни, помилованъ и сосланъ на Кавказъ солдатомъ. Тамъ онъ отличился, былъ раненъ, получилъ Георгія и, наконецъ, возвращенъ на родину.

Рѣчь его въ собраніи была встрѣчена сочувственно. Но такъ какъ губернаторъ не утвердилъ постановленія дворянскаго собранія, то рѣшено было послать въ Петербургъ депутацію съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ циркуляра министра и о разрѣшеніи собранію дворянъ приступить къ обсужденію предметовъ, касающихся ихъ нуждъ.

— Прошеніе,—говорилъ Полторацкій,—было подписано почти всѣми присутствующими, и депутація изъ нѣсколькихъ человѣкъ была отправлена въ Петербургъ на экстренномъ поѣздѣ. Въ ожиданіи исхода депутатскаго посольства, мы—дворяне—не собирались, а тихо и смирно сидѣли по гостинницамъ и ждали: что будетъ? Помню, однажды, рано по утру, я взглянулъ въ окно и былъ пораженъ необыкновеннымъ движеніемъ людей и экипажей на улицѣ. Ну, думаю, вѣрно есть отвѣтъ. Быстро одѣвшись, я взялъ извозчика и поѣхалъ къ Унковскому. Жилъ онъ въ собственномъ маленькомъ домикѣ, но подъѣхать къ нему не было никакой возможности. Я принужденъ былъ слѣзть съ извозчика

*) Вотъ что гласитъ ст. 77 основ. закон.: „Еслибъ предписаніемъ министра, содержащимъ въ себѣ объявленіе Высочайшаго повелѣнія, отмѣнялся законъ или учрежденіе, за собственоручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданные, тогда начальство, ему подчиненное, обязано, не чиня исполненія, представить о семъ министру. Если же и засимъ предписаніе будетъ подтверждено, то начальство обязано представить сей случай правительствующему сенату на окончательное разрѣшеніе“.

и едва могъ пробиться къ крыльцу дома. Было уже извѣстно, что на имя губернатора прислана телеграмма отъ министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что предводитель дворянства Унковскій отрѣшенъ отъ должности, а дворянскому собранію предписывается окончить свои засѣданія въ законномъ установленный срокъ. Самъ Унковскій встрѣчалъ каждаго изъ насъ остроумнымъ замѣчаніемъ:

— Я первый въ Россіи санкюлотъ *).

Предводителямъ дворянства въ то время были присвоены особые брюки съ бѣлыми лампасами, и разжалованный Унковскій, здороваясь съ нами, былъ въ обыкновенномъ платьѣ. Вечеромъ всѣ мы были въ залѣ дворянскаго собранія и Унковскій занялъ мѣсто въ обыкновенномъ креслѣ, а не въ томъ, которое было за нимъ ранѣе. Собраніе было крайне возбуждено. Отрѣшеніемъ предводителя дворянства отъ должности было унижено самое званіе выборной должности. Всякій, кому предлагали занять вакансію Унковскаго, отклонялъ отъ себя это предложеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ выборныя мѣста оказались вдругъ пустопорожними. Никто не хотѣлъ на нихъ баллотироваться. Предлагали баллотироваться въ предводители дворянства и другія избирательныя должности бывшимъ становымъ, но и тѣ отказывались. Наконецъ, рѣшено было приступить къ выборамъ по алфавиту. Но и здѣсь хорошіе люди забаллотировались, такъ какъ никто не хотѣлъ, чтобы достойный человѣкъ занялъ выборную должность, съ которой его могутъ во всякое время прогнать по телеграммѣ. Бѣлые шары клали захудалымъ и сомнительнымъ дворянамъ, а джентельмэнамъ—черные. Когда выборы кончились, собраніе было распущено. Черезъ нѣсколько дней Европеусъ былъ административнымъ порядкомъ сосланъ на житье въ Пермь, а «первый въ Россіи санкюлотъ» Унковскій—въ Вятку.

«Петербургскіе крѣпостники,—замѣчаетъ Джаншіевъ,—надѣялись, что эта крутая мѣра вызоветъ какую-нибудь нелегальную демонстрацію или движеніе, которымъ можно будетъ воспользоваться въ интересахъ отсрочки крестьянской реформы. Но расчеты оказались ошибочными. Твер-

*) Названіе санкюлотовъ распространено на революціонную толпу въ эпоху французскаго террора. Sans (безъ), culotte (штаны).

ское дворянство продолжало стоять на почвѣ законности. Большинство считало себя вполнѣ солидарнымъ съ Унковскимъ. Неудовольствіе свое дворянство выразило тѣмъ, что оставило должность губернскаго предводителя не замѣщенною, равно какъ и должности предводителей и депутатовъ въ 8 уѣздахъ (въ трехъ, гдѣ либералы были въ меньшинствѣ, выборы были произведены, за что эти уѣзды и получили благодарность отъ министра внутреннихъ дѣлъ). Кромѣ того, постановлено было учредить по подпискѣ 12 стипендій имени А. М. Унковскаго въ мѣстѣ его воспитанія, въ московскомъ университетѣ, съ предоставленіемъ ему права назначать стипендіатовъ, а также рѣшено было заказать его фотографическіе портреты».

Ссылка лучшихъ представителей тверскаго дворянства продолжалась всего 8 мѣсяцевъ и къ сент. 1860 г. Унковскій и Европеусъ были возвращены.

Время дѣлало свое дѣло и вопросъ о полевыхъ надѣлахъ для крестьянъ пересталъ быть нелегальнымъ. Идеи тверскаго комитета объ освобожденіи крестьянъ захватывали не только экономическую, но и юридическую жизнь народа.

Многое въ нихъ не вошло въ «Положеніе» 19 февраля, но все лучшее въ крестьянской реформѣ несомнѣнно въ значительной степени обязано и «первому въ Россіи санкюлоту».

Въ 1866 г. онъ перешелъ въ составъ с.-петербургской адвокатуры и «это вступленіе, говоритъ Джаншіевъ,—лица съ такимъ славнымъ и извѣстнымъ на всю Россію прошлымъ, каково было прошлое Алексѣя Михайловича, сообщило молодому институту сразу необыкновенный блескъ и нравственную привлекательность».

Въ ночь на 20 декабря 1893 г. онъ скончался въ Петербургѣ, испытавши при отмѣнѣ крѣпостного права не только терніи, но и торжество своихъ идей объ обезпеченіи освобожденнаго крестьянина землей и гласностью.

Предшественники Льва Николаевича Толстого.

(„Вѣстникъ Европы“, 1904 г., № 9).

I.

Въ Вильнѣ, 8-го марта 1904 г., скончался 63-хъ лѣтъ Александръ Капитоновичъ Маликовъ, извѣстный не столько своими литературными трудами: «Край безъ будущаго» и «На задворкахъ фабрики», сколько значительнымъ вліяніемъ, которое онъ оказывалъ въ семидесятыхъ годахъ на молодежь, являясь съ своимъ кружкомъ предтечей Л. Н. Толстого въ ученіи о непротивленіи злу силой и о борьбѣ съ нимъ исключительно христіанскими мѣрами. Какъ бы ни смотрѣть на поднадзорную жизнь Маликова въ шестидесятыхъ годахъ и на ея переломъ къ семидесятымъ годамъ въ сторону христіанской жизни,—несомнѣнно, что «маликовцы» представляютъ собою любопытный эпизодъ въ исторіи умственныхъ теченій среди русскаго общества семидесятыхъ годовъ и заслуживаютъ полнаго вниманія.

Многіе считали ихъ людьми ненормальными, витающими въ области для нихъ самихъ неясныхъ умозрѣній, воображающими себя въ силахъ пересоздать жизнь и людей посредствомъ туманныхъ фразъ. Но, въ концѣ концовъ, они остались одинокими и, убѣдившись въ нелѣпости своихъ мечтаній, начали обращаться къ нормальному порядку вещей: поступаютъ служить на желѣзную дорогу, и т. под. Хорошіе, но нелѣпые люди... Добродушный некрологъ—вотъ все, что они заслуживаютъ. Возводить же ихъ въ герои было бы странно и даже забавно.

Если это и такъ,—замѣтимъ мы,—то все же это настоящія страницы изъ исторіи интеллигентнаго русскаго

общества... Развѣ не полезно сказать ему горькую о немъ правду? Дѣйствительно, оказывается, что, несмотря на многочисленность у насъ радикальныхъ ученій, представители ихъ не отличались обоснованностью своихъ убѣжденій и вѣрностью имъ. Достаточно какой-нибудь красиво построенной теоріи Маликова о всемірномъ братствѣ, чтобы къ ней примкнули даже представители крайняго направленія (Чайковскій). Русскіе радикалы уѣзжаютъ въ Америку, обращаются въ фермеровъ, и то плохонькихъ... А послѣ неудачныхъ опытовъ съ собою на живомъ дѣлѣ, эти «русскіе интеллигенты» возвращаются на старыя, проторенныя дороги и нерѣдко ренеганствуютъ съ такимъ же азартомъ, съ какимъ прежде новаторствовали. Все это весьма справедливо, но тѣмъ не менѣе эта исторія изъ жизни безхарактернаго русскаго интеллигента должна быть изучена такъ же тщательно, какъ изученъ и расколъ темныхъ русскихъ массъ. И то, и другое вытекало изъ умственныхъ движеній русской націи, въ связи съ ея воспитаніемъ и государственными порядками. Эти «отщепенцы» такъ же нормальны и характерны для исторіи, какъ и торжествующіе практики, никогда не воображающіе «пересоздавать» людей, но отлично умѣющіе пользоваться ихъ безправіемъ для своихъ частныхъ интересовъ. Если русскіе общинники не могли устроиться на американской почвѣ, предварительно пройдя у себя на родинѣ всѣ стадіи нигилизма и перерождаясь подъ вліяніемъ его крайностей въ сторонниковъ мира, то исторія о нихъ—цѣлый историческій романъ. Онъ не менѣе интересенъ для пониманія умственной жизни русскаго общества, чѣмъ многіе, обращающіеся на книжныхъ рынкахъ, романы. Пусть русскіе люди не доросли до практическаго осуществленія возвышенныхъ истинъ о христіанской жизни, но хорошо и то, что среди нихъ были люди, завѣщавшіе интересы нравственнаго совершенствованія болѣе подготовленнымъ къ нему будущимъ поколѣніямъ.

Молодежь семидесятыхъ годовъ отличалась большимъ ригоризмомъ и пуританствомъ. Мысль о разрывѣ съ привилегированнымъ положеніемъ, о сліяніи съ народомъ—преобладала надъ всѣми прочими задачами. Къ воспринятію этихъ задачъ русская молодежь, конечно, была подготовлена значительно ранѣе и болѣе близкими ей бытовыми

фактами. Часть этой революціонной молодежи выродилась въ «маликовцевъ» и интеллигентныхъ пахарей у А. Н. Энгельгардта (см. мою о немъ статью). Гораздо позднѣе появились «толстовцы» и потомъ «марксисты».

Я, въ то время еще очень молодой человѣкъ, былъ также солидаренъ со своимъ поколѣніемъ. Посѣщая различныя мѣстности съ запасомъ запрещенныхъ книгъ, я завернулъ, въ 1873 г., въ г. Орелъ и тамъ познакомился съ Александромъ Капитоновичемъ Маликовымъ, извѣстнымъ мнѣ ранѣе за человѣка радикальнаго образа мыслей.

Біографія его чрезвычайно интересна для характеристики культурныхъ теченій въ русскомъ обществѣ. Маликовъ происходилъ изъ крестьянской среды и кончилъ курсъ образованія въ московскомъ университетѣ, благополучно переживъ въ шестидесятыхъ годахъ такъ называемыя «студенческія волненія». Изъ его устныхъ воспоминаній объ этомъ времени мнѣ помнится разсказанный имъ случай, когда студенты окружили одного своего талантливаго профессора, занимавшаго впослѣдствіи высокій государственный постъ, и требовали отъ него объясненій: почему гг. профессора не оказываютъ студентамъ нравственной поддержки въ ихъ «исторіяхъ»?

Посмотрѣвъ на взволнованныя лица слушателей, профессоръ откровенно сказалъ имъ:

— Вы придали своимъ желаніямъ такую форму, которая не можетъ встрѣтить среди насъ сочувствія. Мы, люди съ положеніемъ и семейные, не можемъ бѣгать на сходки и имѣть столкновенія съ полиціей. Въ этомъ направленіи, повѣрьте, люди науки не пойдутъ за вами, и не мы, а вы виноваты въ томъ, что вы остались безъ поддержки со стороны своего ближайшаго начальства. Вы придали своимъ ходатайствамъ характеръ, при которомъ вамъ придется имѣть дѣло съ полиціей, а не съ профессорами.

Нѣкоторыхъ студентовъ, въ томъ числѣ и Маликова, эта рѣчь заставила подумать о неравномѣрности борьбы, и они благополучно окончили курсъ наукъ въ стѣнахъ университета. Маликовъ поѣхалъ служить судебнымъ слѣдователемъ въ Жиздринскій уѣздъ, Калужской губерніи,—исполненный надеждъ, что близость его къ мальцевскому району, съ заводскимъ населеніемъ, дастъ ему возможность близко озна-

комиться съ мѣстными нуждами и быть полезнымъ населенію въ его бытовыхъ и уголовныхъ дѣлахъ. Молодой слѣдователь, воодушевленный самыми лучшими и законными намѣреніями, однако, возбудилъ противъ себя подозрѣніе въ излишнемъ сочувствіи къ рабочему населенію, особенно когда возникло у него столкновеніе съ однимъ изъ мѣстныхъ тузовъ. Губернаторъ потребовалъ къ себѣ Маликова для объясненій, но послѣдній считалъ себя въ вѣдѣніи министерства юстиціи, а не внутреннихъ дѣлъ, и, кромѣ того, не имѣлъ права по закону оставлять свой участокъ, не передавъ дѣла своему замѣстителю. Онъ не поѣхалъ къ губернатору. Понимая, однако, неравность борьбы съ администраціей, онъ вспомнилъ московскаго профессора, который ранѣе произвелъ на него глубокое впечатлѣніе своей искренностью и правдивымъ отношеніемъ къ студентамъ. Маликовъ написалъ ему письмо, съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ своего дѣла, замѣчая въ письмѣ, что «связь студентовъ съ своимъ профессоромъ продолжается не только въ стѣнахъ университета, но должна длиться на всю жизнь, если они соединены между собою именемъ науки и истины». На это онъ вскорѣ получилъ отвѣтъ, въ которомъ было сказано: «Зло не въ Мальцевыхъ и Спасскихъ, а его вездѣ много. Всюду можно быть полезнымъ, и потому слѣдуетъ оставить вамъ ваше мѣсто и бѣжать оттуда»... Маликовъ былъ въ то время самоувѣреннымъ молодымъ человѣкомъ и, на совѣтъ профессора, отвѣчалъ рѣзко: «Если зло во всей Россіи, то куда же я побѣгу? Зачѣмъ вы меня хотите обратить въ зайца? Я ждалъ отъ васъ поддержки въ борьбѣ со зломъ, а не въ бѣгствѣ отъ него. Я предпочитаю оставаться на своемъ посту, какъ солдатъ на службѣ, чѣмъ послѣдовать вашему совѣту». Въ этомъ духѣ была переписка молодого человѣка съ заслуженнымъ профессоромъ. Послѣдній ему, конечно, ничего не отвѣчалъ, а Маликовъ тѣмъ временемъ былъ уволенъ со службы по III-му пункту. Вотъ тутъ-то московскій профессоръ, забывая заносчивый тонъ послѣдняго письма Маликова, выказалъ къ нему искреннее участіе и вызвалъ его къ себѣ для переговоровъ. Послѣ долгихъ хлопотъ, благодаря большимъ связямъ профессора въ правящихъ сферахъ, Маликову были возвращены всѣ его права, и онъ вновь поступилъ на служ-

бу судебнымъ слѣдователемъ въ Холмскій уѣздъ, Псковской губерніи. Здѣсь онъ женился на дѣвушкѣ крестьянскаго сословія и, своей заботливостью о ней, съумѣлъ повысить ея пониманіе жизни; но вскорѣ Маликовъ былъ арестованъ по другому «политическому» дѣлу, судимъ и осужденъ въ ссылку въ Холмогоры. Пребывая на дальнемъ сѣверѣ и вращаясь исключительно среди единомышленниковъ, онъ еще болѣе укрѣплялся мыслью въ вѣрности пути, которымъ шелъ ранѣе, и дошелъ до Холмогоръ, гдѣ уже не было никакихъ «путей» и оставалось только ежедневно являться въ участокъ на повѣрку. Въ то же время знакомый ему московскій профессоръ переѣхалъ въ Петербургъ и занялъ значительный постъ въ служебной іерархіи. Онъ не забылъ объ идеалистѣ-юношѣ, и участіе ученаго сановника выразилось въ томъ, что Маликовъ однажды получилъ отъ него заказное письмо. Оно было весьма дружественное, съ разспросами о томъ, какъ и чѣмъ теперь Маликовъ занимается; вмѣстѣ съ тѣмъ было сказано, что новый губернаторъ будетъ проѣзжать Холмогоры, къ нему Маликовъ можетъ обратиться съ просьбой объ облегченіи своей судьбы или о переводѣ его въ центральныя губерніи. Въ письмѣ было предупредительно вложено ровно двадцать марокъ на дальнѣйшую съ нимъ переписку. Маликовъ былъ очень тронутъ и этой подробностью, и всѣмъ содержаніемъ письма. Онъ отвѣтилъ на письмо горячей признательностью и подробно описалъ свою жизнь въ ссылкѣ, упомянувъ, между прочимъ, что онъ занятъ теперь переводомъ одной нѣмецкой книги. Въ свою очередь Маликовъ получилъ также вскорѣ отвѣтъ —съ совѣтомъ, между прочимъ, бросить переводъ книги, о которой было упомянуто въ письмѣ. Эта приписка разсердила Маликова, и онъ вновь пишетъ письмо, оканчивая его крайне неучтиво: «Вѣдь я вамъ не совѣтую, что̀ вамъ читать и чѣмъ заниматься въ Петербургѣ; предоставьте же и мнѣ здѣсь такую свободу»... Несмотря на такого рода письмо, Маликовъ, по ходатайству мѣстнаго губернатора, былъ переведенъ въ Орелъ. Изъ Орла онъ самъ просилъ своего петербургскаго корреспондента походатайствовать о переводѣ съ сѣвера въ Воронежъ извѣстнаго писателя Шашкова. Вотъ какія были отношенія Маликова, со студенческихъ временъ, къ человѣку, котораго онъ уважалъ на каѳедрѣ и который игралъ значительную роль въ его личной жизни.

Въ Орлѣ я коротко познакомился съ Маликовымъ. Его жена уже училась въ Петербургѣ на фельдшерскихъ курсахъ, а самъ онъ жилъ съ дѣтьми и занималъ хорошее мѣсто въ управленіи желѣзнодорожника Голубева. Конецъ 1873 года я провелъ въ горячихъ бесѣдахъ съ Маликовымъ объ «отдаленномъ будущемъ», и эти бесѣды были въ духѣ моего собственнаго въ то время направленія. Но въ февралѣ или мартѣ 1874 года, вернувшись однажды изъ экскурсіи по деревнямъ и селамъ, я засталъ Маликова въ страшно возбужденномъ состояніи. Онъ встрѣтилъ меня громкими восклицаніями:

— Несчастный вы человѣкъ! Свѣтъ Божій скрытъ отъ васъ! Вы гдѣ были? Чего вы хотите достигнуть?

Я сталъ ему говорить объ удивительныхъ субъектахъ, встрѣчаемыхъ мною среди крестьянъ, о сочувствіи ихъ моимъ идеямъ и т. д.

— Эти идеи,—перебилъ онъ,—представляются мечтаніями даже на Западѣ, а вы, въ качествѣ вымышленнаго рабочаго, возвращающагося на родину изъ-за границы, выдавали мечты какъ совершившійся повсемѣстно фактъ. Этой ложью вы хотите воспитать въ народѣ идеалы, за которые бы онъ боролся. Честно ли такъ обманывать его?

— Врачъ также поступаетъ съ паціентомъ.

— А, вотъ какъ!.. Народъ—паціентъ! Но кто же, какъ не вы, говорили, что народъ, живущій общиной и мірской сходкой, нравственнѣе интеллигенціи, погрязшей въ индивидуальной жизни? Кто говорилъ, что народъ, по своему положенію, гораздо глубже понимаетъ несовершенство существующей жизни, чѣмъ интеллигентное меньшинство? А теперь вы говорите о немъ, какъ о паціентѣ, которому можно толковать о несуществующемъ нигдѣ идеальномъ бытѣ. И чѣмъ вы ослѣплены? Народнымъ вниманіемъ къ вашимъ бесѣдамъ? Но вѣдь народъ не менѣе жадно слушаетъ каликъ перехожихъ и убогихъ странницъ о святой землѣ и бѣсовскихъ видѣніяхъ, одолѣвающихъ богомольцевъ по дорогѣ къ святымъ мѣстамъ. А вы это стремленіе къ обмѣну мыслей приписываете исключительно себѣ и своимъ радикальнымъ идеямъ. Бѣдный, заблуждающійся юноша!

Вся рѣчь Маликова состояла изъ однихъ восклицаній, произнесенныхъ негодующимъ и страстнымъ голосомъ. Я

былъ подавленъ его пламенною рѣчью и всей ея декоративной стороной. Взволнованный и совершенно забывая свои собственныя убѣжденія, жадно слѣдилъ я за новымъ словомъ, готовымъ сорваться съ его устъ.

— Но нѣсколько дней тому назадъ вы говорили иначе? — замѣтилъ я.

Возбужденное лицо Маликова мгновенно успокоилось, и счастливая улыбка показалась на его устахъ. Весь сіяя, онъ отвѣтилъ торжественно:

— Я все думалъ послѣдніе дни о томъ, какъ поступить мнѣ съ моими дѣтьми. Вы этому удивляетесь, а между тѣмъ это такъ просто: съ дѣтьми я не могу всецѣло посвятить себя дѣлу, а долженъ жить для дѣтей и воспитывать ихъ. Съ вашимъ дѣломъ я не могу связать частные мои интересы, а теперь я нашелъ общее дѣло, изъ-за котораго мнѣ не надо бросать дѣтей на произволъ судьбы.

— Объяснитесь, Александръ Капитоновичъ... Вы такъ взволнованы.

— О, да! Я едва владѣю собой... Видите, я уже рыдаю и не могу остановить слезъ отъ радости... Въ ваше отсутствіе я пересталъ быть «ветхимъ» человѣкомъ. Послушайте, — сказалъ онъ, съ сильнымъ порывомъ участія ко мнѣ:—вскройте и вы въ себѣ «божественную душу». Сдѣлайтесь христіаниномъ. Откажитесь отъ мысли—насиліемъ уничтожить насиліе, огонь залить огнемъ. Въ нашъ вѣкъ борьба со зломъ имѣетъ совсѣмъ иную физіономію, чѣмъ прежде. Милитаризмъ такъ силенъ, что даже на Западѣ баррикады перестали играть роль въ исторіи, уступая мѣсто мирной избирательной борьбѣ... Эта борьба должна идти исключительно на нравственныхъ и умственныхъ началахъ. Противъ насилія пойдемте съ любовью. Это даже безопаснѣе, чѣмъ идти съ топоромъ или дубиной. Пугачевъ немыслимъ при новѣйшей организаціи военнаго дѣла... Опомнитесь. Дайте мнѣ руку, и я васъ выведу на путь истины и добра — къ религіозному возрожденію человѣчества. Не въ наукѣ и не въ политической организаціи наше спасеніе, а въ союзѣ человѣка съ человѣкомъ во имя Христа. Вы же остаетесь носителемъ вражды, а не примиренія и единенія. Что сдѣлало ваше ученіе о Каинѣ и Авелѣ? Революціи смѣнялись реакціями, реакціи опять революціями съ тѣми же

послѣдствіями. Добрыя и гуманныя начала даются намъ христіанствомъ, которое существуетъ при любомъ порядкѣ вещей. О, какое счастье и какой свѣтъ я ощущаю въ душѣ своей съ тѣхъ поръ, какъ открылъ въ себѣ божественную душу!

Онъ схватилъ на руки двухъ своихъ маленькихъ дѣтей и счастливымъ голосомъ произнесъ:

— Какъ я счастливъ, имѣя этихъ малютокъ! А давно ли, дѣти мои, я ужасался вашей будущности, догадываясь, что изъ васъ должны вырости люди со враждою къ человѣчеству. Кто готовъ во имя своихъ идеаловъ творить расправу съ противниками и дѣйствовать насиліемъ, тотъ долженъ быть готовъ къ такому же воздѣйствію. Бѣдный ветхій человѣкъ! И какъ я страдалъ, не умѣя предотвратить эту чашу! Но Богъ вдохнулъ въ меня свою душу, и мнѣ стало ясно назначеніе человѣка. Вотъ третьи сутки я почти не сплю и не ѣмъ... Я говорю моимъ дѣтямъ: любите человѣка на всѣхъ ступеняхъ его развитія, такъ какъ онъ есть часть великаго божества, и, оскорбляя одного изъ нихъ, вы оскорбляете все богочеловѣчество.

„Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ“...

— Всѣ мы миротворцы... И нищій, и капиталистъ, и судья, и подсудимый — всѣ богочеловѣки... Всѣ одинаково олицетворяютъ загадку и силу Творца. Кто возлюбитъ человѣчество, тому не трудно перенести отъ него обиду и простить его. Любите ближнихъ, и вы устраните вражду. Работать для нихъ—станетъ блаженствомъ, а не рабствомъ. Забудьте на своемъ языкѣ слова: врагъ, непріятель, война, подлость и прочія наименованія языческаго міра. Будьте въ этихъ случаяхъ какъ дѣти, и исчезнутъ со свѣта непріятели. Останутся наши ближніе, которые, заботясь и любя другъ друга, «творятъ волю пославшаго Небеснаго Отца». Небеса со всѣми тайнами и Творцомъ вселенной останутся въ томъ же величіи и недоступности, въ которой пребываютъ до сихъ поръ для человѣка; но мы поймемъ свои обязанности здѣсь, на землѣ. Каждый сборщикъ податей—вашъ братъ, созданный по образу и подобію Бога. Всѣмъ намъ одинаково Онъ вздохнулъ свою душу и сдѣ-

лалъ насъ богочеловѣками. Мы можемъ вразумлять другъ друга и указывать на грѣхи, не забывая наше божественное происхожденіе и родство со всѣми. Если у васъ берутъ послѣднюю корову на дурное дѣло—не молчите объ этомъ и не помогайте имъ дѣлать дурное дѣло; но не будьте врагомъ, если ваша мольба не тронула ихъ. Это та же боль въ вашей собственной головѣ: если она не прошла по рецепту врача, то нельзя снять съ плечь силой самую голову. Протестуйте пассивно и, какъ Христосъ, приказывайте вложить мечь въ ножны. А вы въ какой степени слѣдуете этому примѣру?

Продолжая въ томъ же духѣ говорить, Меликовъ указалъ рукою на старуху прислугу, возившуюся въ кухнѣ.

— Слышите шумъ работы моего домашняго раба,—сказалъ онъ.—До сихъ поръ между нами не было никогда христіанской связи. Я не дорожилъ пребываніемъ ее въ моемъ домѣ, а она—ничтожной платой, получаемой за трубъ. Теперь она—членъ моего семейства и равный мнѣ человѣкъ; она и я суть атомы общаго намъ Бога въ человѣчествѣ. Мы связаны божественнымъ равенствомъ, любовью и заботливостью другъ о другѣ. Это ученіе примиряетъ народъ со всѣми сословіями... Картина совсѣмъ иная, чѣмъ была нѣсколько дней тому назадъ.

На глазахъ Маликова отъ умиленія показались опять слезы. Успокоившись, онъ продолжалъ свою проповѣдь.

— Мое ученіе покоряетъ сердца, но оно не чуждо уму и образованію. Вамъ не безъизвѣстна Гегелевская тріада: теза, антитеза и возвратъ къ тезѣ съ большимъ содержаніемъ,—по которой совершается развитіе каждаго историческаго явленія. Въ настоящее время религіозное чувство человѣка возвращается къ первоначальной тезѣ. Слѣпое поклоненіе передъ неодушевленными предметами на землѣ (фетишизмъ) переродилось въ идею о Богѣ на небѣ. Но вслѣдъ затѣмъ Небесный Отецъ послалъ на землю вочеловѣчившагося Сына съ апостолами и простыми праведниками. Религіозное чувство совершило свой циклъ и вернулось опять на землю. Но только грубые фетиши замѣнились людьми. Изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ одно религіозное чувство совершило полный путь по Гегелевской тріадѣ, и только оно достигло высшаго своего развитія. Любовь

къ ближнимъ—безъ раздѣленія на добрыхъ и злыхъ—создаетъ новый культъ божества. Порокъ исправляется пассивнымъ протестомъ, т.-е. словеснымъ неодобреніемъ извѣстнаго рода поступковъ, безъ угрозъ и насилія. Больную руку нельзя ненавидѣть, такъ какъ она—часть общаго тѣла. Тоже и дурной человѣкъ въ современномъ обществѣ.

Развивая свою мысль, Маликовъ не замѣтилъ, какъ мы просидѣли съ нимъ всю ночь и какъ наступило утро. Новый день также прошелъ съ разговорами о «пассивномъ протестѣ» и божественной душѣ.

— Христіанинъ,—говорилъ Маликовъ,—относится даже къ дурному человѣку какъ бы къ недостаткамъ своего собственнаго тѣла, понимая, что они оба—части одного человѣчества, что всѣ люди суть атомы соціальнаго организма, боготворимаго нынѣ мною. Я убѣжденъ, что многіе русскіе революціонеры переродятся, если увидятъ и поговорятъ со мною!—воскликнулъ онъ.—Вонъ, на дняхъ Николай Васильевичъ Чайковскій получаетъ маленькія деньги, и это будетъ фондомъ для нашего братства.

— Но,—усомнился я,—Чайковскій—это совсѣмъ другого толка человѣкъ... Едва ли онъ сочувственно отнесется къ проповѣди о развитіи пассивныхъ сторонъ у людей въ борьбѣ со зломъ и безразличной любви, одинаковой и къ камчадаламъ, и къ европейцамъ, и къ Каткову, и къ Чернышевскому.

— Увидите,—перебилъ Маликовъ.—Чайковскій на дняхъ пріѣдетъ ко мнѣ. Я увѣренъ въ немъ заочно. Это чуткій и свободный умъ, но порабощенный человѣконенавистничествомъ во имя передѣлки политическихъ формъ. Даю вамъ слово, что заодно со мною будутъ и другіе нигилисты. Они не могутъ быть глухи къ столь наглядному превосходству божественнаго ученія передъ идеями Бакунина и Лаврова.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, я засталъ у Маликова нѣсколько пріѣзжихъ лицъ изъ Петербурга, извѣстныхъ мнѣ своимъ «крайнимъ направленіемъ». Нѣкоторые изъ нихъ лежали на диванахъ съ компрессами на головѣ, другіе жаловались на лихорадку, у третьихъ глаза были заплаканы, но на всѣхъ лицахъ сіяло счастье и блаженство раскаявшихся и прощенныхъ грѣшниковъ. Маликовъ сидѣлъ за круглымъ столомъ, только-что кончивши свою проповѣдь,

усталый, но торжествующій и счастливый. Въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ ходилъ изъ угла въ уголъ Чайковскій.

— Видите,— указалъ на него Маликовъ рукой:—я говорилъ вамъ...

— Что же?

— Въ немъ пробуждается божественная душа. Въ ней происходитъ борьба между ветхимъ и обновленнымъ человѣкомъ.

Въ это время къ намъ подошелъ Чайковскій и, показывая на одну изъ главъ Евангелія, сталъ приводить изъ нея цитаты...

— Ну да, ну да!—радостно воскликнулъ Маликовъ:—вы приводите эти мѣста въ защиту моего ученія. Это явный признакъ, что новый человѣкъ побѣдилъ въ васъ ветхаго. Вы нашъ! Нашъ!

Чайковскій рылся по всей Библіи, и я постоянно слышалъ восклицанія: «Богъ—это любовь; должно поклоняться Богу другъ въ другѣ; то, что сотворишь твоему ближнему, то сотворилъ ты Мнѣ», и т. д. Наконецъ, Чайковскій сказалъ:

— Когда я слышу стройное міровоззрѣніе, то я тотчасъ же плѣняюсь логическими построеніями и художественностью рѣчи, забывая собственные аргументы и свой собственный идеалъ. Если меня накрыть въ эту минуту на мѣстѣ, я ничего не найду въ защиту своей собственной программы. Но вы не пользуйтесь этой слабостью. Дайте мнѣ день или два на размышленіе. Я сообщу вамъ изъ Москвы мое рѣшеніе.

Чайковскій, прощаясь, былъ очень взволнованъ. Я видѣлъ его въ первый разъ. Впослѣдствіи его именемъ, за предъидущую его дѣятельность, окрестили цѣлый кружокъ молодыхъ людей («чайковцы»); но уже въ 1874 году Чайковскій присталъ къ Маликову, отрицая вражду и насильственныя мѣры. Къ Маликову пристало много лицъ, бывшихъ ранѣе иного образа мыслей. Я видѣлъ ихъ впослѣдствіи, и всѣ они производили чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Одинъ изъ эмигрантовъ, впослѣдствіи амнистированный О. И. Каблицъ-Юзовъ, признавался мнѣ, что иногда ему казалось, будто бы онъ, встрѣтясь съ нимъ въ Лондонѣ,

имѣлъ съ нимъ болѣе солидарности и нравственной близости, чѣмъ со многими своими единомышленниками. Слѣдуетъ сказать, что Маликовъ въ томъ же 1874 году былъ арестованъ и, находясь въ тюрьмѣ, съумѣлъ дать знать о своемъ положеніи въ Петербургѣ своему бывшему профессору, который тотчасъ повліялъ на ускореніе судебнаго производства надъ нимъ и, конечно, главнымъ образомъ, своимъ вліяніемъ на слѣдственную коммиссію содѣйствовалъ освобожденію Маликова изъ тюрьмы. Въ коммиссіи Жихарево-Слезкинской по дѣлу о пропагандѣ въ 36-ти губерніяхъ (процессъ 193-хъ) жандармскій майоръ Ч. говорилъ мнѣ:

— Мы арестовали Маликова и привезли его въ Москву. На допросѣ его собрались: прокуроръ Жихаревъ, генералъ-майоръ Слезкинъ и другіе члены нашей коммиссіи. Всѣ мы были въ высшей степени заинтересованы личностью арестованнаго. Когда его ввели къ намъ, онъ заговорилъ о Богѣ, о соціальномъ организмѣ, которому и великіе, и малые люди одинаково нужны, какъ каждому изъ насъ нуженъ не только головной мозгъ, но и любой палецъ руки... Мы встали съ своихъ мѣстъ и протянули Маликову руки. Онъ тотчасъ же былъ освобожденъ. Но,—продолжалъ майоръ,—провожая его съ полнымъ уваженіемъ къ нему лично, мы не могли ему разрѣшить право проповѣди... Молодежь не съумѣетъ найти должной границы въ этой новой религіи, и, вслѣдствіе увлеченія, непремѣнно извратитъ ее. Мы ему запретили пропаганду.

Вслѣдствіе этого запрещенія, Маликовъ и его послѣдователи эмигрировали въ Америку, для устройства тамъ коммунистической общины. Читая обвинительный актъ по процессу 193-хъ, я встрѣтилъ тамъ слѣдующую фразу: «Тепловъ съ Аитовымъ (артиллерійскіе офицеры) поѣхали въ Орелъ къ Маликову, основателю «богочеловѣческой религіи». Въ Муромѣ Тепловъ былъ арестованъ, причемъ у него отобраны были выписки изъ Св. Писанія» (стр. 183). У базельскаго профессора Туна о Россіи мы читаемъ: «Вокругъ Маликова, Клячко и Свитскаго группировался десятокъ-другой единомышленниковъ, которые утверждаютъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть хорошія качества: любовь къ ближнему, готовность всѣмъ пожертвовать для счастія другихъ. Эта «божья искра» замѣчается и въ простомъ

человѣкѣ, и лежитъ въ основѣ равенства и братства. Согласно своимъ убѣжденіямъ, Маликовъ пытался, будучи арестованъ, раздуть въ прокурорѣ эту искру въ пламя любви къ ближнему. Въ этомъ онъ достигъ нѣкотораго успѣха: прокуроръ призналъ его сумасшедшимъ и не препятствовалъ маликовцамъ перебраться въ Америку. Всѣ попытки основать тамъ земледѣльческія коммунистическія колоніи не удались. Спустя два-три года, претерпѣвъ большую нужду, они возвратились въ Европу». Въ газетѣ «Новое Время» отъ 20 августа 1903 года, за № 9866, я прочелъ слѣдующее: «И. Тургеневу указали на одного русскаго уроженца, бывшаго когда-то въ Америкѣ съ Фреемъ, а въ то время, къ которому относятся настоящія строчки (1879 г.), жившаго въ Парижѣ. Русскій, о которомъ идетъ рѣчь (человѣкъ лѣтъ 35-ти), принадлежитъ къ числу предвѣстниковъ «толстовства», къ сторонникамъ земледѣльческаго труда и личнаго самоусовершенствованія. Тургеневъ очень цѣнилъ и уважалъ «американца».

II.

Прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ Маликовымъ и, по обстоятельствамъ моей личной жизни, не надѣялся болѣе встрѣтиться съ нимъ. Однако, въ 1878 или 1879 году, лѣтомъ, я узналъ о его возвращеніи изъ Америки и, въ день отъѣзда его изъ Москвы въ Пермь, на службу въ правленіе желѣзной дороги, встрѣтился съ нимъ на вокзалѣ. Радости моей не было конца... Вѣдь онъ былъ одинъ изъ тѣхъ мучениковъ отвлеченныхъ идей, которымъ и я обязанъ лучшими чувствами въ моей жизни. Онъ былъ съ молодой женой (Клавдія Степановна Пругавина, сестра извѣстнаго писателя) и цѣлой кучей дѣтей. Нѣкоторыя изъ нихъ родились въ Америкѣ, а другія были моими маленькими знакомыми по Орлу отъ первой жены Маликова. Я могъ только обнять его, но не имѣлъ времени спросить его о пережитыхъ испытаніяхъ и будущихъ намѣреніяхъ. Дѣтей надо было усаживать въ вагонъ, и поѣздъ уже готовился тронуться. Прошло 18 лѣтъ, и вмѣстѣ съ ними—моя молодость...

Въ октябрѣ 1896 г. я вновь встрѣтился съ Маликовымъ. Я жилъ въ Петербургѣ, счастливый и своими воспомина-

ніями, и тѣмъ, что могъ жить у себя на родинѣ, а не скитаться на чужбинѣ или медленно умирать въ Якутскѣ. Трудно передать волненіе, охватившее меня при новой встрѣчѣ съ Маликовымъ у меня на квартирѣ.

Разговорамъ не было конца...

— Точно опять въ Орлѣ... Помните, на берегу Оки, наши всенощныя бдѣнія о богочеловѣчествѣ, о соціальномъ организмѣ, въ которомъ не можетъ быть враговъ и обвинителей... Какъ все это еще близко!.. Точно ничто не измѣнилось съ тѣхъ поръ.

— А зачѣмъ мѣняться?—мягко спросилъ. Маликовъ.— Настроеніемъ человѣкъ не долженъ мѣняться... Скорбный душой любить ближнихъ онъ можетъ и въ ранней молодости, и въ старости.

Онъ продолжалъ говорить, и въ то же время каждый изъ насъ невольно наблюдалъ другъ друга. Маликову было уже лѣтъ пятьдесятъ-шесть, и сѣдина покрывала его голову. Взглядъ сѣрыхъ глазъ подъ густыми нависшими бровями не былъ, однако, старческимъ и усталымъ; въ минуты воодушевленія голосъ его звучалъ такъ же твердо и увѣренно, какъ и въ ранніе годы. Одѣтъ онъ былъ весьма скромно и пріѣздъ свой въ Петербургъ объяснилъ желаніемъ найти себѣ мѣсто въ министерствѣ земледѣлія.

— Можетъ быть, дадутъ гдѣ-нибудь въ провинціи управлять земледѣльческой фермой. То самое лицо, которое уже не разъ извлекало меня изъ тюремъ и ссылокъ, и теперь снабдило карточкой къ директору департамента земледѣлія.

Разговоръ нашъ очень скоро перешелъ къ тѣмъ днямъ въ Орлѣ, когда мы познакомились и затѣмъ разошлись по разнымъ дорогамъ.

— Что-жъ потомъ было съ вами?—спросилъ я.—Послѣ того, какъ вы уѣхали въ Америку? Я знаю только въ общихъ чертахъ.

— Подробности я долженъ разсказать по порядку,— отвѣчалъ онъ.—Трудно, однако, передать словами наши страданія... Мы пріѣхали въ Нью-Іоркъ цѣлой компаніей, гдѣ насъ уже ждалъ Чайковскій. Онъ отправился въ Америку ранѣе насъ и вступилъ въ переговоры съ «Прогрессивной коммуной» Вилльяма Фрея въ Канзасѣ.

Это съ Николаемъ Константиновичемъ Гейнсомъ?—спросилъ я?

— Да. Это его настоящая фамилія. Онъ родился въ Россіи въ 1839 году и получилъ въ ней воспитаніе. Но, увлекшись идеями Роберта Оуена, онъ уѣхалъ въ 1866 году изъ Россіи въ Америку съ цѣлью обновить человѣчество христіанскими общинами. Брошюра г. Рейнгардта («Необыкновенная личность») сильно идеализируетъ Фрея, какъ практическаго дѣятеля и мыслителя. Изъ моего пересказа о немъ вы во многомъ разочаруетесь въ этомъ мученикѣ отвлеченной системы, но въ то же время вы будете и удивляться ему. Въ Америкѣ онъ жилъ нѣкоторое время у «библейскихъ коммунистовъ» («перфекціонисты» отца Нойэса по ручью Онеиды). Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Миссури, въ общину «Union», гдѣ встрѣтился съ докторомъ Bricks'омъ, посвятившимъ его въ вегетаріянство. Послѣ распаденія «Union», Фрей вмѣстѣ съ Бриксомъ основали въ Канзасѣ «прогрессивную коммуну» («La progressiv») на собственной землѣ, съ типографіей и газетой. Его исповѣданіе позитивизма, какъ религіи, было очень близко къ нашимъ воззрѣніямъ, и наше сближеніе было такъ естественно.

Я досталъ изъ своей библіотеки брошюру Н. Рейнгарда: «Необыкновенная личность», въ которой прочелъ слѣдующее: «Онъ (Гейнсъ)—говоритъ другъ его E. S. Beesly—былъ преисполненъ въ то время тѣмъ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, который влечетъ иногда многихъ русскихъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ, отказаться отъ выгодъ и удобствъ своего положенія, чтобы раздѣлить судьбу бѣдныхъ людей. Только въ среднихъ вѣкахъ и можно найти подобные случаи, когда люди обезпеченные бѣжали въ монастыри, чтобы жить среди труда, лишеній и подвижничества, но эти люди дѣйствовали ради спасенія души своей... Русскіе энтузіасты одушевлены совсѣмъ инымъ чувствомъ: они одушевлены горячимъ желаніемъ улучшить положеніе бѣдныхъ, обездоленныхъ классовъ. Что бы ни думали о принципахъ этихъ людей, но нельзя не удивляться ихъ искренности и энтузіазму. Они обуздали нѣкоторые изъ самыхъ могучихъ эгоистическихъ инстиктовъ человѣческой природы, хотя и не извлекли изъ своей побѣды ничего существеннаго».

— Сначала,—продолжалъ Маликовъ,—мы отправили къ Фрею трехъ депутатовъ, въ числѣ которыхъ находился и я. Осень 1875 года была холодная и вѣтряная. Приближаясь къ пустынной мѣстности Канзаса, къ поселку Фрея, я ожидалъ встрѣтить рядъ хижинъ, обработанныя поля и счастливыя лица новыхъ христіанъ. Между тѣмъ мѣстность была дикая, и стоявшій передъ нами домъ сквозилъ щелями, и за нѣсколько шаговъ до него мы уже видѣли въ эти щели его обитателей и что они дѣлали. Они всѣ защищались отъ холода, кто чѣмъ могъ. Самъ Фрей вышелъ къ намъ на встрѣчу въ солдатской шинели и больнымъ лихорадкой. Въ такой же шинели была и его жена (сестра Славинскаго, писавшаго объ Америкѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ»), съ грустнымъ и унылымъ, отрѣшившимся отъ всего земного, выраженіемъ лица. Оно было исполнено страданія и какъ бы затаеннаго страха передъ будущимъ. Одни дѣти смотрѣли на насъ во всѣ глаза съ любопытствомъ, свойственнымъ ихъ возрасту. Солдатскія шинели въ большомъ количествѣ были пріобрѣтены Фреемъ во время ихъ распродажи по дешевымъ цѣнамъ, послѣ прекращенія войны за освобожденіе. Домъ его, просторный, но выстроенный неумѣло, былъ крытъ крышей, безъ потолка. Сѣрое небо виднѣлось черезъ эту крышу и еще болѣе свидѣтельствовало о неумѣніи поселенцевъ строить удобныя жилища. Впослѣдствіи, на другомъ уже мѣстѣ, наше строительное неумѣніе повлекло къ тому, что изъ дома балка упала сверху на г-жу Фрей и сильно изуродовала ей лицо. Это жалкое состояніе колоніи произвело на меня удручающее впечатлѣніе и, кажется, сообщилось моимъ спутникамъ. Мы не ждали цвѣтущихъ фермъ, но не хотѣли видѣть безнадежныхъ монашескихъ лицъ «альтруистовъ». Какъ это не вязалось съ моимъ идеаломъ!.. Я былъ радостенъ и возрожденъ къ трудовой жизни новымъ ученіемъ любви, а здѣсь одни терніи изъ-за идеи... Такое впечатлѣніе производила «прогрессивная коммуна» внѣшнимъ видомъ жилищъ и обывателей. Мы, русскіе, начитавшіеся Фурье, Сенъ-Симона, Оуэна и евангелистовъ, ожидали въ новыхъ людяхъ Америки встрѣтить не только новыхъ людей, но и культуртрегеровъ, а въ дѣйствительности предъ нами были нищіе, мнящіе облагодѣтельствовать міръ своимъ «совершенствомъ».

Это впечатлѣніе еще болѣе усиливалось въ насъ, когда мы пожили нѣсколько дней въ коммунѣ и ближе познакомились съ послѣдователями Фрея. Мы замѣтили тотчасъ не только матеріальную бѣдность «прогрессивной» коммуны, но и умственную бѣдность нѣкоторыхъ ея обывателей. Самъ Фрей былъ энтузіастъ и болѣе очаровалъ насъ нравственной цѣльностью, чѣмъ всестороннимъ образованіемъ и діалектикой. Мы пріѣхали изъ Россіи въ Америку съ послѣднимъ словомъ науки: мы знакомы были не только съ сочиненіями міровыхъ ученыхъ, но на нашихъ глазахъ развивалось превращеніе англійскаго пролетаріата (рочдэльскіе піонеры) черезъ производительныя ассоціаціи въ буржуа-предпринимателя и акціонера; на нашихъ глазахъ республика предала отечество внѣшнему врагу и разстрѣливала въ Парижѣ рабочее сословіе и т. д. Мы знали многое, но не знали главнаго: самихъ себя. Мы считали себя «совершенствомъ», значительно лучше ветхаго міра, и не замѣчали, какъ мы мало подготовлены къ тому строю жизни, который исповѣдывали; какъ мы слабы и ничтожны даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обыкновенные смертные отлично справляются. Столкновеніе съ Фреемъ, Бриксомъ, Трюаномъ и другими «прогрессивными коммунистами» открыло намъ ихъ слабыя стороны, а не наши собственныя. За исключеніемъ Фрея, они были менѣе образованы, чѣмъ мы, обладавшіе университетскимъ образованіемъ и энциклопедической начитанностью. Они придавали значеніе такимъ мелочамъ, которыя насъ не занимали, и нужна была энергія и идеализація Фрея, чтобы эти пустяки казались принципіальными. Мы присутствовали на ихъ общемъ собраніи при чтеніи отчетовъ и были поражены бѣдностью инвентаря и числомъ, въ размѣрѣ трехъ-четырехъ, подписчиковъ на газету Фрея.

— Очевидно, они не имѣютъ никакого значенія среди американцевъ,—замѣчали мы, и удивлялись, какъ сами они этого не замѣчаютъ. Они всѣ тотчасъ же выростали въ своихъ глазахъ, когда рѣчь заходила о прогрессивной коммунѣ. Только нашъ европейскій, непривычный еще къ бѣдности, глазъ замѣчалъ всю тяжесть и страданія, которыя они несли по обязанности, импонируемые Фреемъ и возбуждаемые имъ искренно и сильно.

— Какая это «прогрессивная коммуна»,—сказали мы, когда вернулись къ товарищамъ:—это смѣшно даже... Они пускай къ намъ идутъ, а не мы къ нимъ... Что же морочитъ-то себя! Вотъ мы устроимся и покажемъ имъ, какъ надо жить и чего можно достигнуть въ общежитіи съ богочеловѣками.

Мы купили, независимо отъ Фрея, землю и предложили ему переселиться къ намъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Наступилъ моментъ и намъ, русскимъ мечтателямъ семидесятыхъ годовъ, показать себя на дѣлѣ: насколько мы лучше своихъ соотечественниковъ въ ихъ «прогрессивной коммунѣ».

Лицо Маликова стало еще грустнѣе.

— Еслибъ можно было всего этого не вспоминать,—воскликнулъ онъ...—Ахъ, какъ много ушло жизни безъ пользы для людей, и съ какимъ стыдомъ вспоминаешь многіе моменты этой жизни! Нечего скрывать отъ самого себя горькую истину. Достаточно безъ толку ухлопано силъ по тюрьмамъ и ссылкамъ, да не меньше ихъ ушло и на философствованіе въ Америкѣ о богочеловѣкахъ, при ничтожности поступковъ со стороны послѣднихъ. Это пора уже сказать на поученіе будущимъ мученикамъ космополитизма.

— Хорошо,—перебилъ я.—Теперь скажите мнѣ о внутренней жизни коммуны и о вашемъ бѣгствѣ оттуда обратно въ Россію.

— Огромное несчастье нашей коммуны заключалось, между прочимъ, и въ томъ, что Фрей подавлялъ насъ всѣхъ своимъ столпничествомъ и лишилъ на первыхъ порахъ всякой критики по отношенію къ живой дѣйствительности. Отрицатель искусственной цивилизаціи, онъ устроилъ въ коммунѣ самую искусственную жизнь, которая измучила насъ всѣхъ и въ концѣ концовъ разогнала въ разныя стороны. Критицизмъ и исповѣдь ничему не помогли...

— Вотъ интересно это прослѣдить...

— Конечно,—продолжалъ Маликовъ:—главная причина все-таки въ томъ, что мы сами были плохими работниками на землѣ, а пользоваться другими источниками жизни мы не хотѣли. Постройки наши были холодныя, жалкія, со щелями въ стѣнахъ и крышахъ; коровъ выдаивать до конца никто не умѣлъ, и многихъ изъ нихъ мы перепортили на первыхъ порахъ; одежда, которую мы шили сами, сидѣла мѣшкомъ; пищу приготовляли невкусно; провизіи не умѣли

сохранять и портили ее... Словомъ, непрактичность во всемъ поражающая. Дѣловому человѣку было бы гадко смотрѣть на этихъ работниковъ, ковыряющихъ землю, вмѣсто глубокой вспашки; скашивающихъ траву съ опасеніемъ подрѣзать косой ноги передовыхъ; колющихъ дрова съ опасеніемъ тесануть топоромъ себя самого по рукѣ или ногѣ и т. д. Все въ этомъ родѣ. Вотъ на живомъ-то дѣлѣ мы и показали себя, наше... совершенство. Невольно вспоминается Щедринскій мужикъ, прокормившій двухъ генераловъ, и котораго намъ здѣсь недоставало. Но это между прочимъ. Вѣдь мы потому и покинули Россію, что хотѣли обойтись безъ мужика и воображали себя къ тому подготовленными книжками да восторженными о томъ разговорами. Обѣдненіе внѣдрялось все болѣе и болѣе въ нашу ферму...

— Необходимо установить для человѣческаго организма минимумъ жизненныхъ потребностей, — повторялъ Фрей мысль Флеровскаго изъ «Азбуки соціальныхъ наукъ», когда мы отчаявались устроиться хозяйственнымъ способомъ.

Вотъ мы и принялись выработывать этотъ «минимумъ», и ломали себѣ головы, спорили и мирились изъ-за каждаго лишняго куска сахара и стакана чая. Мы стали всѣ мучениками не только идей, возникавшихъ въ нашей средѣ, но и простой нужды. Самъ Фрей въ послѣдовательности доходилъ всегда до абсурда. Находя въ прогрессѣ много ложныхъ потребностей, онъ искалъ исключительно природнаго и необходимаго.

Квашенаго тѣста онъ не признавалъ, и дѣлалъ изъ простой муки съ водой длинную палку, и запекалъ ее. Эту гигіеническую «шишку Фрея», какъ мы ее звали, онъ ѣлъ по кусочкамъ и избѣгалъ другой пищи.

— Но вѣдь и зерно, — говорили ему, — нужно выбить изъ колоса. Зеленымъ его прямо съ колосомъ вы не ѣдите, а обрабатываете...

— Все равно. Оно само упало бы изъ колоса, когда бы созрѣло,—отвѣчалъ Фрей.

— Ну, а чтобы размолоть зерно — нужны жернова... Тоже искусство.

— Это механическое приспособленіе. Въ природѣ механическія силы существуютъ, и я ихъ не отрицаю.

Соль и сахаръ, по Фрею, были искусственными, въ природѣ не существующими продуктами, и потому онъ отрицалъ ихъ.

— Безъ соли въ пищѣ погибаетъ и человѣкъ, и животное,—замѣчали ему.

— Это мы такъ извратились цивилизаціей и вмѣстѣ развратили своихъ животныхъ, что гибнемъ безъ соли, а природа не нуждается въ ней, и въ природѣ мы не найдемъ себѣ соли и сахару.

— Но мы найдемъ сахаръ въ плодахъ, а соль—въ другихъ продуктахъ... Не все ли равно: въ натуральномъ видѣ мы ѣдимъ ее, или искусственно добываемъ ее?

— Не все равно! — отвѣчалъ упрямо Фрей. — Если въ природѣ она существуетъ, то она здорова; а въ искуственномъ видѣ—она вредна, но только человѣкъ пріучилъ себя къ ней.

— А въ Сибири охотники бьютъ дикихъ козъ, заманивая ихъ на соль... Совсѣмъ не цивилизованныхъ... Настоящихъ дикихъ козъ! Обыкновенно посыпаютъ солью луга, и козы приходятъ лизать ее.

— Не слышалъ...

— Мало ли, мистеръ Фрей, чего вы не слыхали. Прочтите объ этомъ въ «Запискахъ» Черкасова.

— И читать не хочу. Я знаю, что все искусственное удаляетъ человѣка отъ природы, а природа лучше насъ знаетъ, что̀ хорошо, что̀ дурно. Вотъ, мы придумали себѣ бѣлое бѣлье, да еще крахмаленное. Бѣлое—оно грязнится, и его постоянно стирать надо, и кому-нибудь крахмалить для васъ. Всѣ эти наряды, украшенія, архитектура и т. д. заставляютъ другихъ работать на насъ; а заставлять массы людей работать за васъ, портить свои вкусы для васъ и убивать свои силы для удовлетворенія вашихъ вкусовъ—не хорошо и вредно.

— Но развивая вашу идею, придется людямъ ходить голыми, по бывшему примѣру у васъ въ коммунѣ. Безъ искусства нельзя сшить ни сапогъ, ни пальто.

— А я ничего не имѣю противъ уничтоженія европейскаго костюма,—храбро заявилъ Фрей.—Мистеръ Трюманъ ходилъ у насъ въ «прогрессивной коммунѣ» голымъ и работалъ въ полѣ голымъ, но американцы по сосѣдству воспротивились, а мы позволяли и привыкали къ нему. Сосѣднія фермы заявили, что не хотятъ встрѣчать его оголеннымъ. Это все ихъ искусственная цивилизація. Она вся

извращена и мила только меньшинству. Русскія крестьянки съ голыми ногами и высоко подобранными юбками не смущаютъ собой мужиковъ,—это я понимаю и это свидѣтельствуетъ чистоту ихъ нравовъ. А познакомьте эту бабу съ искусствомъ прикрывать свои ноги — она испортится... И гдѣ больше искусства, тамъ и порчи больше. Мясо, напр., требуетъ большого искусства приготовить его вкусно къ столу, и посмотрите: еслибы всѣ ѣли его, то его не хватило бы даже больнымъ. Сама природа вещей требуетъ, чтобы люди отказались даже отъ искусственной пищи и чтобы каждый былъ вегетаріанцемъ.

Вопросъ о вегетаріанцахъ разработанъ былъ Фреемъ болѣе тщательно, и онъ легко овладѣвалъ вниманіемъ слушателей, когда касался его. Извѣстно, что въ послѣднюю поѣздку 1886 года въ Россію онъ былъ у Л. Н. Толстого и обратилъ его въ вегетаріанство. Авторъ «Необыкновенной личности» старается смягчить аскетическую натуру Фрея чисто отвлеченными и произвольными представленіями объ аскетическомъ типѣ человѣка. Въ брошюрѣ о немъ Рейнгардта сказано слѣдующее:

«Несмотря на крайнее воздержаніе Гейнса и его компаніоновъ, — ихъ нельзя назвать аскетами. Аскетъ съ презрѣніемъ относится къ тѣлу, старается умертвить всѣ физическія потребности. Но вслѣдствіе насильственнаго умерщвленія послѣднихъ у аскета развивается мрачный, злобный характеръ, съ придаткомъ еще необыкновеннаго самомнѣнія; злоба его очень часто проявляется въ строгомъ отношеніи къ людскимъ слабостямъ, а самомнѣніе — въ стремленіи къ возвеличенію собственной личности, въ презрительномъ отношеніи къ людямъ, отношеніи, скрываемомъ подъ маскою смиренія. Гейнсъ ничѣмъ не походилъ на подобныхъ лицъ; онъ не думалъ объ умерщвленіи физическихъ потребностей, но считалъ необходимымъ ограничить ихъ въ той нормѣ, которая достаточна только для поддержанія и сохраненія организма. Онъ полагалъ, что такой режимъ, содѣйствуя поддержанію физическихъ силъ, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ развитію нравственныхъ качествъ. Кромѣ того, Гейнсъ всегда отличался веселымъ расположеніемъ духа; строгій къ себѣ, онъ былъ необыкновенно снисходителенъ къ другимъ».

— По моему, — продолжалъ Маликовъ, — Фрей на живомъ дѣлѣ доказалъ свой собственный аскетизмъ, достаточно краснорѣчивый... Его маленькая дочка Белла тоже не ѣла мяса и не употребляла соли. Какъ-то я нечаянно разсыпалъ соль по столу, и, вижу, Белла собираетъ ее пальчикомъ и облизываетъ его... — Что ты, Беллочка, дѣлаешь? — восклицаю я, и пододвигаю къ ней солонку: — возьми, сколько хочешь.

— Нѣтъ, мистеръ Маликовъ, это я такъ... Я не буду. Я шалила,—произнесла она, сконфузившись.

Такъ мнѣ было ее жаль,—но нарушить отцовскія права Фрея надъ ней я не могъ.

Маликовъ продолжалъ:

— Измучилъ всѣхъ насъ Фрей своей системой... Иногда онъ мнѣ казался совершенно сумасшедшимъ человѣкомъ. Любопытны были его уроки съ дочерью. Онъ задавалъ ей слѣдующія задачи: двадцать пять биллiоновъ, двѣсти милліоновъ и сто-двадцать-восемь тысячъ-триста-пятьдесятъ-три единицы помножить на тысячу двѣсти-сорокъ-три билліона, три милліонна, сорокъ-девять единицъ... Я не шучу. Все такія числа. Другихъ задачъ не было. Это, видите ли, ближе къ природѣ: нужно вниманіе и терпѣніе, чтобы вѣрно рѣшить такую задачу; а прочія задачи—искусственныя и не развиваютъ въ человѣкѣ его лучшихъ способностей. Плачетъ дѣвочка, слышимъ, а отецъ ходитъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ и повторяетъ:

— Пиши же, Белла: ты знаешь таблицу умноженія, и только не хватаетъ у тебя вниманія и аккуратности. Развивай въ себѣ эти стороны и не будь неряхой въ работѣ. Теперь ты невнимательна къ правиламъ умноженія и дѣлаешь ошибки; вырастешь большая — будешь по привычкѣ невнимательна къ правиламъ жизни и совершатъ пороки. Теперь ты пачкаешь тетрадь чернилами, а потомъ будешь пачкать душу свою и поганить ее.

Слышно, дѣвочка еще болѣе рюмитъ отъ этихъ словъ и всхлипываетъ горькими слезами.

— Белла,—замѣчаетъ Фрей сдержаннымъ голосомъ: — перестань и рѣшай задачу. Право, иначе, я вылью на тебя ведро воды.

Белла громко рыдаетъ, и вдругъ мы слышимъ какой-то плескъ и тотчасъ же раздирающій крикъ дѣвочки. Влетаемъ въ комноту и застаемъ Фрея съ пустымъ ведромъ въ рукахъ.

— Вы, мистеръ Фрей, идіотъ! Вы идіотъ!

— Господа,— оправдывался онъ:— долженъ же я былъ сдержать свое слово. Иначе, что же ребенокъ подумаетъ обо мнѣ? Я пригрозилъ облить ее водой и—сдержалъ слово.

— Вы мученикъ ложной системы, мистеръ Фрей, и замучили ею свою жену и дѣвочку.

— Это ужъ позвольте... Это—мое убѣжденіе. Въ среду мы займемся на митингѣ критицизмомъ, и тогда публично обвиняйте меня, а я буду защищаться.

Онъ начиналъ обижаться, но утѣшался по средамъ «критицизмомъ». На митингѣ каждый имѣлъ право критиковать другъ друга и обличать его недостатки.

III.

Наша идея публичной критики и публичнаго осужденія доходила до смѣшного. Критика вращалась на томъ, что такой-то или какая-то на дежурствѣ плохо вымыла сковородку, много времени идетъ на отдыхъ и т. д. Мелочи эти раздражали насъ, и тѣмъ не менѣе, послѣ критицизма, наступала очередь публичной исповѣди. Кто-нибудь самъ добровольно каялся въ своихъ грѣхахъ передъ коммуной, то онъ гнѣвался на товарища за его придирчивость, и теперь считаетъ нужнымъ просить у него прощенія; то онъ дурно отзывался о другомъ товарищѣ, и тоже считаетъ себя виноватымъ, и т. д.

— Чадимъ мы! Чадимъ!—восклицалъ я съ омерзѣніемъ— Вмѣсто божьяго дѣла, мы чадимъ, какъ догорѣвшая лампадка.

— Что же дѣлать?—восклицалъ Чайковскій.

— Бѣжать!—въ отчаяніи отвѣчалъ я.—Бѣжать изъ этого добровольнаго ада.

На замѣчаніе о бѣгствѣ изъ коммуны, Фрей упрямо замѣчалъ:

— Такой-то выходъ, мистеръ Маликовъ, всякій укажетъ. Бѣжать! Нѣтъ, не бѣжать, а «сломаться надо». Сломать въ

себѣ ветхаго человѣка, чтобы онъ былъ годенъ для коммуны. Сломать сепаратиста въ себѣ и сдѣлать общинника... Коммуна—послѣднее слово жизни, но мы не годны къ ней.

— Что же дѣлать, чтобы вырости до нея?

— Открыться другъ другу во всемъ...

— Мистеръ Фрей!.. Чтобы человѣкъ былъ открытой книгой для другого, надо заслужить его любовь и чтобы онъ чувствовалъ потребность открыть свою душу всѣмъ. По заказу этого нельзя дѣлать.

— Пусть чаще исповѣдуется передъ нами публично, и не обижается на критицизмъ...

— Ахъ, мистеръ Фрей, оставьте судить насъ Христу на небѣ! Онъ—любовь, а всѣ мы жестоки и засудимъ другъ друга.

— Мистеръ Маликовъ! Мы тоже будемъ милосердны, если живемъ во Христѣ и не лжемъ, что исповѣдуемъ его ученіе. Я хочу предложить коммунѣ обсудить еще новые вопросы и оживить нашу духовную жизнь. Зачѣмъ, напримѣръ, шепчутся мужъ съ женой?—Значитъ, между ними есть интересы выше общественныхъ.

— Разумѣется...

— То-есть, какъ же это такъ?

— Очень просто: я люблю жену больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ.

— Этого не должно быть. Не должно. Вѣдь когда мужъ съ женой идутъ парочкой куда-то отдѣльно отъ прочихъ,— значитъ, они навѣрное перемываютъ бока намъ, и мы должны ихъ исправить «критицизмомъ», или они сами должны исповѣдываться передъ нами всякій разъ, когда они были индивидуалистически настроены.

— О, ужасъ, мистеръ Фрей! Вы по-сектантски разсуждаете, а мы, простые и русскіе люди, такой жизни не вынесемъ. Чтобы мужу съ женой нельзя было имѣть своихъ личныхъ интересовъ и разговоровъ—да это хуже католическаго монастыря!

— Нетерпѣніе, мистеръ Маликовъ. Нетерпѣніе у васъ. Надо дождаться плодовъ коммуны. Подождите и вы увидите, чѣмъ мы станемъ.

— Зачадимъ другъ друга, мистеръ Фрей, и ничего не выйдетъ хорошаго изъ этого преслѣдованія другъ друга съ цѣлью самосовершенствованія.

— Что вы говорите! — запальчиво восклицалъ онъ.— Какъ ничего хорошаго не выйдетъ? Я по себѣ чувствую, что сталъ другимъ. Я былъ офицеромъ генеральнаго штаба въ Россіи и напыщеннымъ молодымъ человѣкомъ, а теперь развѣ я такой?

— Этого можно было бы достигнуть и не въ Америкѣ...

— Да гдѣ же, гдѣ? Гдѣ можно было бы достигнуть той степени совершенства, какая есть въ насъ? У себя на родинѣ я могъ сдѣлаться революціонеромъ или приказнымъ, но никогда послѣдователемъ ученія Конта объ обоготвореніи человѣчества.

Энтузіазмъ Фрея заражалъ и насъ, и мы опять начинали вѣрить въ то, что мы призваны возродить человѣчество и удивить его христіанскимъ образомъ нашей жизни. Безъ Фрея, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, мы бы скорѣе поняли, что разговорами нельзя совершенствоваться, а дѣлъ за нами никакихъ еще не было: не только городовъ, но и собственнаго хутора мы не выстроили себѣ, какъ слѣдуетъ, а внутреннія между нами отношенія то-и-дѣло требовали «критицизма» и «исповѣди»...

— Вы хуже монаха III-го вѣка, мистеръ Фрей! восклицалъ я, и не зналъ, что предпринять.

— Терпѣніе! терпѣніе! — твердилъ Фрей, утоляя свой голодъ «гигіенической шишкой», ломая ее по кусочкамъ и снова пряча въ карманъ.—Плоды коммунальной жизни потомъ будутъ... Послѣднее слово жизни: коммуна.

Онъ дѣйствительно вѣрилъ въ нее и показывалъ намъ собою примѣръ высокаго самоотверженія для общины рядомъ съ мученичествомъ изъ-за крайней послѣдовательности отвлеченной системы. Помню зимнюю ночь съ рѣзкимъ вѣтромъ. Мы всѣ были дома, но и здѣсь холодъ давалъ себя чувствовать намъ. Плохо проконопаченный домъ и неважная одежонка не защищали насъ отъ сквозняковъ, и всѣ мы грѣлись у печи.

— Дрова всѣ!—въ отчаяніи произнесъ Чайковскій.

— Yes! — воскликнули мы, и стали съ полу подбирать щепки и бросать ихъ въ печь.

Огонь быстро поглотилъ тощій и сухой матеріалъ.

— Плохо безъ дровъ... Придется подрогнуть ночью. До завтра погода не перемѣнится... А ѣхать въ лѣсъ за дровами—жутко... Лучше здѣсь позябнуть до утра.

— Господа!—воскликнулъ Фрей:—пустите меня за дровами. Я поѣду.

— Ну, что вы!

— Да, да, пустите...

— Въ такой холодъ-то? Да лошадь не пойдетъ. Вѣдь не замерзнемъ до завтра... Утромъ и дровъ достанемъ.

— Ай, нѣтъ. До утра еще долго, и что за охота зябнуть! Я поѣду. Позвольте мнѣ.

Онъ такъ умолялъ пустить его, что мы наконецъ всѣ согласились.

— Это онъ примѣръ показываетъ коммунѣ,—замѣтила моя жена.—Вотъ, всѣ мы боялись мороза и вѣтра, а онъ, подвязавъ платочекъ, вмѣсто шапки на голову, и въ своей голубой, солдатской шинели ѣдетъ въ лѣсъ за дровами для насъ. Это все на пользу коммуны. Примѣръ людямъ.

Одно время мы всѣ ухватились за Фрея, какъ за якорь спасенія.

— Онъ спасетъ коммуну своей преданностью и вѣрностью идеямъ о самосовершенствованіи,—думали мы;—но ко всѣмъ предыдущимъ невзгодамъ скоро присоединился къ намъ еще «женскій вопросъ», тоже не мало надломившій наши силы. За всѣмъ тѣмъ мы были вполнѣ семейными людьми. Американцы пріѣзжали къ намъ и деликатно освѣдомлялись: не «фри-ловеры» ли мы (послѣдователи свободной любви)? Тонко спрашиваютъ:—Эта лэди кто же такая?—Жена мистера Чайковскаго,—говоримъ.—А эта лэди?—Жена Фрея.—А эта?—Жена Маликова.—А эти дѣти?—Такого-то,—отвѣчаемъ, и т. д. Разузнавъ, что каждый здѣсь имѣетъ свою жену и дѣтей, насъ оставили въ покоѣ. Американцы въ религіозномъ и семейномъ отношеніяхъ—строгій народъ. Нигдѣ такъ не поставлены высоко религія и семья, какъ здѣсь. Безбожниковъ и развратниковъ никто не потерпитъ по сосѣдству съ собой. Вѣрь во что хочешь, но только не говори, что у тебя нѣтъ никакой религіи; а половая распущенность немыслима даже у Бриггама Юнга или Ноэсса (см. о нихъ «Новая Америка» Диксона). Едва уладили мы нѣкоторыя затрудненія въ сердечныхъ своихъ дѣлахъ, какъ вдругъ напала на насъ тоска по родинѣ и потребность служить ей... А милая родина продолжала стоять передъ нашими духовными очами съ каждымъ днемъ

все отчетливѣе и отчетливѣе. По ночамъ стали бредить ею... То русскую гармонію слышишь, то пѣсни деревенскія, то чудятся наши нивы, покосы, да ширь поднебесная съ жаворонками и ласточками... Въ слезахъ просыпаешься и зовешь жену: — На родинѣ былъ, говорю, и слышу — она плачетъ... Дѣти встанутъ и заберутся къ намъ на кровати, а мы боимся слово произнесть, сознавая, что оставляемъ дѣтей безъ отечества, ничѣмъ не плѣняя ихъ на чужбинѣ. Лихорадки стали одолѣвать насъ; безсонница напала. Глаза болѣть начали отъ слезъ и нервныхъ страданій... Доктора пригласить хотѣли нѣкоторые изъ насъ. Фрей на дыбы: ни за что. «Это наши грѣхи и заблужденія перешли въ болѣзнь; освободитесь отъ перваго—и будете здоровы. Оставайтесь въ коммунѣ и забудьте Россію». Не помню, что тамъ уже онъ развивалъ въ пользу леченія болѣзней духовно, но только хининъ въ то время былъ бы для насъ необходимѣе.

— Однако, по поводу *духовнаго леченія* и Л. Н. Толстой держится того мнѣнія, что, «живя въ заблужденіи, надо знать, что живешь въ болѣзни, которая если еще не появилась, то неизбѣжно появится. Важно еще то, что всякій человѣкъ, подвергаясь болѣзнямъ, несетъ отвѣтственность за заблужденія другихъ, и предковъ, и современниковъ, и что каждый, живя въ заблужденіи, вноситъ болѣзнь и страданія въ другихъ, въ потомковъ и современниковъ. И что каждый, живя безболѣзненно, обязанъ этимъ добрымъ людямъ; и что каждый, освобождаясь отъ заблужденій, излечиваетъ не одного себя, а и потомство, и современниковъ» (изъ частной переписки Л. Н. Толстого).

— Ну, вотъ это самое! — воскликнулъ Маликовъ, когда я процитировалъ приведенныя строки изъ письма Л. Н. Толстого къ одному изъ его пріятелей.—Вѣдь Левъ Николаевичъ, по моему, «нигилистъ заднимъ числомъ». Когда я у него былъ и услышалъ его рѣчи о непротивленіи злу силой и т. д., то все это было ранѣе его говорено и мною, и Фреемъ, и другими... Но, разумѣется, онъ—геній, и послѣднее слово осталось за нимъ. Мы его предтечи, но только теперь я такъ рѣзко разошелся съ нимъ во взглядахъ на жизнь... Я вѣдь теперь строго-православный человѣкъ... Весьма далекъ отъ Гегеля и Конта, чтобы выводить изъ ихъ сочиненій христіанскія правила...

IV.

— Сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ, что надо изъ Америки бѣжать обратно въ Россію. Разочаровались мы въ самихъ себѣ и всѣ свои силы растратили на критицизмъ и исповѣди, а созданіе нравственной колоніи не подвинулось впередъ. Можетъ быть, мы прожили бы въ Америкѣ долѣе, если бы не питали незамѣтно для самихъ себя нѣжной привязанности къ отдаленной родинѣ. Мы не предчувствовали самихъ себя на чужбинѣ, а между тѣмъ психологическій элементъ въ исторіи нашей колоніи играетъ немаловажную роль. Онъ былъ заключительнымъ въ ней актомъ.

Какъ только мы поняли, что болтать по-англійски—еще не значитъ чувствовать по-англиски, такъ и выяснилось намъ наше отчужденное положеніе въ Америкѣ.

— Мы никогда не сольемся съ этой страной,—первымъ воскликнулъ я.—Американцы терпятъ насъ, потому что мы, изъ-за отрицанія искусственной цивилизаціи, все-таки не ходимъ въ городахъ голыми и у себя въ частной жизни не фри-ловеры... Они съ нами вѣжливы и любезны, но чортъ ихъ знаетъ, что они тамъ, между своими, думаютъ о насъ и что у каждаго у нихъ на душѣ. Въ Россіи я бы узналъ по лицу человѣка и по тону голоса, врагъ онъ мнѣ или другъ; а по лицу американца я никогда не научусь читать, жуликъ онъ, или онъ считаетъ меня самого жуликомъ? Это убійственно—жить въ такой средѣ.

— Да,—поддержалъ меня Чайковскій:—въ Россіи я издали по физіономіи узнаю чиновника, по платью—купца и мужика, а здѣсь намъ долго не привыкнуть различать людей и чувствовать себя своимъ человѣкомъ среди нихъ.

— Мы почву теряемъ,—соглашались и прочіе колонисты.—Вотъ онъ, вашъ космополитизмъ, мистеръ Фрей.

Помню, въ одну изъ такихъ минутъ, моя жена, со слезами на глазахъ, прочла стихотвореніе Лермонтова: «Люблю отчизну я, но странною любовью...» Что сдѣлалось съ нами, когда она закончила стихотвореніе!.. Даже дѣти были блѣдны и испуганы тѣмъ, что мы зарыдали и бѣжали изъ дому. Каждый хотѣлъ остаться наединѣ, и затѣмъ, сойдясь вновь, мы уже боялись напоминать другъ другу о Россіи, точно это была глубокая сердечная рана, которую всѣ знаютъ и

не говорятъ о ней. Такъ мы тосковали по родинѣ. Такъ не навидѣли мы подъ конецъ космополитизмъ. «Гдѣ родился, тамъ и пригодился»,—говоритъ русскій мужикъ, и мы это почувствовали на себѣ, какъ только испытали разлуку съ родиной и жизнь среди иностранцевъ Въ голову не приходило намъ ранѣе, что тоска по родинѣ можетъ развиться въ болѣзнь, и тогда откажешься на чужбинѣ отъ всѣхъ «послѣднихъ словъ науки», чтобы только не разлучаться съ отчизной. Чаще и чаще возникали среди насъ разговоры о возвращеніи въ Россію.

— Мы здѣсь только чадимъ догорѣвшимъ въ лампадкѣ масломъ,—восклицалъ и Чайковскій.—Вы, мистеръ Фрей, иногда мнѣ кажетесь умнымъ человѣкомъ, а иногда—хуже византійскаго попа. Это «послѣднее слово жизни—коммуна» не дается намъ.

Во мнѣ онъ находилъ горячее сочувствіе своему отчаянію.

— На живомъ дѣлѣ,—замѣчалъ я во всеуслышаніе,—мы оказались совсѣмъ «не совершенствомъ», а такими же жалкими и слабыми людьми, какъ и прочіе. Мы не только не показали имъ примѣръ того, какъ надо работать, но и настроеніемъ своимъ въ сношеніяхъ между собой мы не можемъ похвастаться. Мы истязали себя подвижничествомъ, и никто ему не будетъ слѣдовать; а истязали себя потому, что негодны безъ государства для новой, на своихъ собственныхъ ногахъ, жизни. Мы всѣ воспитались подъ опекой организованнаго порядка и на его счетъ питались и выросли; поздно уже становиться на свои ноги, какъ это обнаруживается теперь на живомъ дѣлѣ. Мы—дѣти стараго міра, и должны вернуться туда же.

Фрей истощилъ всѣ свои силы, чтобы удержать насъ въ коммунѣ. Онъ поступился даже нѣсколькими принципами. Было время, когда онъ раздѣлялъ мой взглядъ о «пассивномъ протестѣ» и необходимости бороться со зломъ любовью, великодушіемъ и собственной мукой за него. Когда же меня осѣнила мысль о томъ, что человѣкъ, кромѣ души, имѣетъ еще грѣшное тѣло, и что послѣднее убѣждается и направленной противъ него силой, то Фрей создалъ «пассивное насиліе», о которомъ и писалъ Толстому въ слѣдующихъ словахъ...

Маликовъ развернулъ брошюру Рейнгардта и прочелъ въ ней извлеченіе изъ упомянутаго письма: «Безусловно отрицая активное насиліе, направленное противъ кого-либо во имя исправленія отъ зла, мы въ то же время признаемъ необходимость *пассивнаго насилія*, когда сильный человѣкъ становится между лицомъ, наносящимъ вредъ, и слабымъ существомъ, чтобы защитить послѣднее. Даже если человѣкъ убѣжденъ, что всякое физическое противодѣйствіе злому дѣйствію есть зло, даже и тогда онъ долженъ всѣми зависящими отъ него средствами защищать слабаго, потому что безучастное отношеніе къ насилію, совершаемому надъ слабымъ, есть еще большее зло. Поставленный въ необходимость допустить насиліе надъ злымъ, онъ долженъ изъ двухъ золъ выбрать меньшее, такъ какъ насиліе надъ злымъ, даже погибель его, будетъ менѣе вредна для человѣчества, чѣмъ страданія или погибель слабаго существа, нуждающагося въ защитѣ».

— Разумѣется,—сказалъ Маликовъ, положивъ брошюру на прежнее ея мѣсто:—это было уже совершенно мірское ученіе о борьбѣ со зломъ силой, но только подъ именемъ «меньшаго зла». Въ мечтательный періодъ моей проповѣди о богочеловѣкахъ, я не допускалъ мысли о выборѣ изъ двухъ какого-либо зла, а прямо указывалъ на любовь къ людямъ во всѣхъ случаяхъ. Фрей удерживалъ насъ всѣми силами въ Америкѣ, но эти силы имѣли уже минутную власть надъ нами. Къ духовному леченію насъ онъ придумалъ частыя бани тоже на философско-христіанской подкладкѣ. Постоянная чистота тѣла должна была вліять на остроту и воспріимчивость чувствъ, необходимыхъ для исправленія жизни. Но и бани наши были устроены по-фреевски: чтобы не было въ нихъ ничего искусственнаго, мы наливали бочки водой и накаливали въ печи камни докрасна. Затѣмъ опускали ихъ въ бочку съ водой и сами туда садились. Такъ мы умягчали свою душу,— горько усмѣхнувшись, замѣтилъ Маликовъ.— Этой же баней мы лечили себя и отъ грѣховъ, и отъ лихорадки, пока, однажды, Чайковскій не выскочилъ изъ бочки и не закричалъ:—Хинину мнѣ! хинину давайте!

Мелочность нашихъ дѣлъ становилась все очевиднѣе для коммуны. Наконецъ, разговоры перестали занимать насъ

и смолкли. Ни критицизмъ, ни добровольная исповѣдь, ни гимны къ восходящему солнцу, ни духовное леченіе въ банныхъ бочкахъ—не заглушали уже сознанія о томъ, что мы всѣмъ этимъ только тѣшимъ самихъ себя, какъ и современные толстовцы, воображающіе отъучить человѣка отъ пороковъ резиновыми калошами и травяной пищей...

Наконецъ и Фрей сказалъ намъ:

— Уѣзжайте!.. А я буду хранить ключи отъ хозяйства здѣсь и ждать обратно васъ къ себѣ. Я останусь ключникомъ здѣсь, и вѣрю, что выше коммуны ничего не можетъ быть на свѣтѣ, и что, по минованіи острой боли на первыхъ порахъ разлуки съ родиной, вы опять пріѣдете сюда. Я—ключникъ, и хозяйство ждетъ васъ.

— Бѣдный мечтатель! Такъ и не дождался онъ насъ. Я уѣхалъ съ семьей въ Россію и поступилъ въ Пермь на желѣзнодорожную службу, Чайковскій оставался нѣкоторое время еще въ Америкѣ, переходя изъ одного штата въ другой, и, наконецъ, переѣхалъ въ Лондонъ, примкнувъ къ общеевропейскимъ движеніямъ. Не легко было ему разставаться съ идеями о христіанской коммунѣ, и еще труднѣе было примкнуть къ интересамъ европейскаго пролетаріата и отказаться отъ работы въ Россіи надъ ея историческими задачами. Не легко было ему осилить себя, и какъ бы онъ былъ счастливъ промѣнять тогда свое положеніе въ Лондонѣ на самое скромное гдѣ-нибудь въ уголкѣ Россіи... Удивительное это дѣло: величайшими патріотами мы чувствуемъ себя на чужбинѣ!

Чайковскій, по словамъ Маликова, чрезвычайно страдалъ тоской по родинѣ, въ особенности когда коммуна въ Америкѣ распалась и онъ навсегда поселился въ Лондонѣ.

— Его письма ко мнѣ, — сказалъ Маликовъ, — были ужасны. Онъ нигдѣ прямо не просилъ меня хлопотать о возвращеніи его въ Россію, потому что не надѣялся на возможность вернуться домой. Но я читалъ его письма о томъ, какъ онъ боленъ, какъ сейчасъ жена подняла его съ полу въ обморочномъ состояніи, и т. д.,—и я понималъ причину его нездоровья. Онъ и самъ говорилъ, что еслибы ему удалось взглянуть еще разъ на родину, то онъ былъ бы и здоровъ и счастливъ. Одно изъ его писемъ такъ было трогательно, что я послалъ его въ Петербургъ, къ тому самому

лицу, къ которому всегда обращался въ самыя трудныя минуты своей жизни. Я получилъ отвѣтъ, общій смыслъ котораго я помню приблизительно. «Вижу,—писалъ онъ:—вашъ пріятель боленъ, да и всѣ вы больны... Лечить васъ нужно, но лечить умѣло. Я все думаю, что̀ бы сдѣлать для вашего пріятеля. Вы пишете, что онъ хочетъ переѣхать изъ Лондона въ Парижъ. Вотъ я и направлю тогда къ нему довѣренное лицо, живущее въ Парижѣ. Онъ сообщитъ мнѣ о Чайковскомъ необходимыя свѣдѣнія, и сообща что-нибудь придумаемъ для его возвращенія на родину». Къ несчастію, — прибавилъ Маликовъ, — Чайковскій въ Парижъ не поѣхалъ, а понесла его нелегкая, кажется, въ Италію, затѣмъ обратно въ Лондонъ, гдѣ и до сихъ поръ онъ проживаетъ, грустно разговаривая съ своей дочкой: «Мы, Варюшка, съ тобой революціонеры, да безрогіе»...

Что касается Фрея, то и онъ вскорѣ переѣхалъ въ Лондонъ. Въ брошюрѣ г. Рейнгардта мы читаемъ объ этомъ слѣдующее:

«Гейнсъ съ своей семьей и съ своими учениками, которые слѣдовали за нимъ изъ Америки, помѣстился въ самой отдаленной части Лондона: всѣ они наняли общую квартиру и стали жить на братскихъ началахъ. Все, что каждый имѣлъ или зарабатывалъ, обращалось въ общую кассу. Каждый обязанъ былъ работать сообразно своимъ силамъ и участвовалъ въ общемъ имуществѣ сообразно своимъ потребностямъ, которыя, однакоже, были очень ограниченны. Эта скромная община завела небольшую типографію, на которую Фрей возлагалъ большія надежды относительно того, что она доставитъ для всѣхъ членовъ общины средства къ существованію, но эти надежды были напрасны, пототу что типографія, находясь въ отдаленной и бѣдной части Лондона, большой работы не находила. Чтобы увеличить свой доходъ, община занялась еще и приготовленіемъ особеннаго хлѣба, который находилъ сбытъ между вегетаріанцами Лондона; но успѣшности сбыта препятствовала опять-таки отдаленность пекарни. Начиная съ Гейнса, всѣ члены этой общины отличались необыкновенной простотой жизни и умѣренностью въ своихъ потребностяхъ. Они употребляли два раза въ день самую скудную пищу, не допуская при этомъ никогда мяса, чая, кофе и

алкоголя во всевозможныхъ видахъ. Содержаніе человѣка не превышало въ общинѣ Гейнса восьми су, а въ времена особенно критическія, при плохихъ доходахъ отъ типографіи и пекарни, доходило даже до шести. Но и при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Гейнсъ находилъ возможнымъ удѣлять кое-что въ пользу благотворительности и принимать участіе во взносахъ въ кассу позитивистскаго общества, считая это своей нравственной обязанностью. Такая жизнь, какую вели Фрей съ своей семьей и съ своими компаніонами, возбуждала удивленіе даже англійскихъ рабочихъ, которые видѣли около себя, да и сами испытали крайнюю бѣдность. Но не всѣ компаніоны вынесли подобную жизнь: одни уѣхали въ Америку, а другіе захворали».

У самого Фрея къ болѣзни сердца присоединилась болѣзнь легкихъ, и 5 ноября 1888 года его не стало.

Въ Англіи смерть Фрея почтили члены многихъ ученыхъ обществъ теплымъ словомъ, а у насъ о немъ почти ничего неизвѣстно въ образованномъ обществѣ. Между тѣмъ, Фрей являетъ собою типичнаго и благороднѣйшаго представители отвлеченной системы; «vivre pour autrui». Умеръ онъ, какъ сказано, въ страшной бѣдности, а дочка его, Белла, вскорѣ стала ярой католичкой... Въ Америкѣ она ничего не слышала о религіи, а все только о коммунѣ; а въ Англіи она увидѣла католицизмъ и плѣнилась его торжественностью и могуществомъ надъ народами. То же самое случилось, говорятъ, и съ дочерью Герцена, когда она уже взрослой въ первый разъ пришла въ храмъ и упала въ обморокъ отъ волненія охватившихъ ее чувствъ.

V.

— Теперь, Александръ Капитоновичъ,—сказалъ я,—мнѣ становится яснымъ процессъ, который привелъ васъ на старый путь къ православію, и вы нашли здѣсь спасительный портъ для своего корабля въ буряхъ житейскаго моря.

— Да,—увѣренно и радостно воскликнулъ Маликовъ:—я вошелъ въ портъ. Конецъ мыканью. «Отче нашъ» и «Символъ православной вѣры»—вотъ чего недоставало для жаждущихъ познать Бога-Отца, Сына-Христа и Духа Святого, а черезъ нихъ—наши обязанности къ людямъ. Я подробно

скажу вамъ о себѣ, какъ я былъ спасенъ отъ сумасшествія или преступленія. Это было въ 1881 году... Тяжело мнѣ давалась истина. Ахъ, какъ тяжело! Послѣ того, какъ тріада Гегеля и христіанство Конта не научили меня христіанству, я былъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ. Я не зналъ, что думать о какомъ-либо вопросѣ или событіи. Съ нигилистической точки зрѣнія я уже отвыкъ обсуждать жизнь, а научную мы провѣряли въ Америкѣ съ Фреемъ, и ничего изъ нея не вышло. Довольствоваться скептицизмомъ я не могъ уже въ силу страстности моей натуры. Мнѣ нужно было твердое основаніе для жизни, а не скептицизмъ. Ученіе Л. Н. Толстого было повтореніемъ моего прошлаго и дальнѣйшимъ его развитіемъ въ болѣе талантливой формѣ. Я искалъ новой точки опоры и, наконецъ, нашелъ ее въ православіи. Я перепугалъ всѣхъ своихъ домашнихъ восторгомъ и радостью, когда вдругъ громко провозгласилъ молитву святого Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не дажди ми. Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви даруй ми, рабу Твоему». Едва я произнесъ эти святыя слова, мнѣ вдругъ стало ясно, чего собственно не хватало намъ въ американской коммунѣ и чего недостаетъ мнѣ самому въ настоящее время. Я вдругъ нашелъ себѣ опять цѣль жизни и мгновенно сталъ счастливымъ. Я былъ ранѣе празднословъ, мечтателенъ и унылъ, жизнелюбъ, а теперь я понялъ, что въ цѣломудріи съ женщиной, смиренномудріи передъ каждымъ смертнымъ, въ терпѣніи и любви заключается наша побѣда надъ собою, и что мы всѣ были до сихъ поръ очень далеки отъ этого. Мы сдѣлали сами себя совершенствомъ, поклонялись человѣку и молились ему, а онъ—червь, какъ былъ, такъ и остался. «Владыкѣ живота моего» — вознеси молитвы о цѣломудріи, смиренномудріи и любви! Такъ немного нужно для истиннаго прогресса!—воскликнулъ Маликовъ, воодушевляясь.—Нѣсколько словъ... Какихъ словъ!.. Ни одна наука не говорила такія слова, а они формулируютъ собою всѣ науки вмѣстѣ. Какъ только я почуялъ, что мудрость сокрыта въ священномъ преданіи и писаніи, такъ тотчасъ же православіе овладѣло моей душой съ неодолимой силой. Нѣтъ науки выше его; нѣтъ искусства, которое бы

сравнилось съ художественностью и выразительностью священнаго текста; нѣтъ выше обязанности на землѣ, чѣмъ обязанность православнаго священника, замѣстителя Христа...

На этотъ разъ увлеченіе Маликова православіемъ заинтересовало меня болѣе, чѣмъ весь его предыдущій разсказъ о тебѣ. Я сталъ дѣлать ему возраженія и вопросы.

Онъ энергично продолжалъ:

— Я вѣрю въ Бога Отца, Вседержителя; въ Іисуса Христа Сына Божія, нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчившагося; въ Духа Святаго, Господа Животворящаго и въ Соборную, Апостольскую Церковь. Вотъ мое православіе. Очеловѣченіе Христа — не исключаетъ Его божественности... Въ православномъ ученіи о Богѣ такъ все ясно и убѣдительно для тѣхъ, кто ищетъ Бога и любитъ Его. Но прежде нужно полюбить Его, а потомъ вы и увѣруете въ Него... Точно такъ, какъ въ личной жизни: мы вѣримъ въ женщину только тогда, когда полюбимъ ее всѣми силами души. Полюбите же Бога-Отца, Сына и Святаго Духа. Богъ реализировался трояко, и здѣсь чуда столько же, сколько всюду его и въ нашемъ собственномъ бытіи на землѣ, и въ исчезновеніи съ нея. На землѣ все чудо, и троичность Бога — такое чудо, котораго нельзя не любить. А полюбите — будете вѣрить и молиться Ему. Но вы и полюбите Его! Все человѣчество полюбитъ православнаго Бога... Если теперь исламъ или буддійское исповѣданіе числитъ за собою болѣе адептовъ, чѣмъ православіе, то будущее принадлежитъ все-таки православію. Вы еще не чувствуете, какъ все въ православной вѣрѣ нужно человѣку... Вы не до конца испытали опасность потерять ясность ума, а я знаю это горе... Только православіе спасетъ меня и успокоитъ и умъ мой, и душу, но не люди. Они жестоки, и не ихъ боготворить слѣдуетъ, но то, что выше ихъ, безсмертнѣе и человѣчнѣе человѣка... На землѣ мы только въ гостинницѣ. Проживемъ мы здѣсь два-три дня, и стоитъ ли для нихъ такъ устраиваться, и такъ дорожить авторитетами науки, мнѣніями друзей и т. д.?

— О чемъ же тогда заботиться, Александръ Капитоновичъ?

— О душѣ, другъ мой. Не поганьте ее этими заботами объ «общихъ условіяхъ жизни» и перенесите центръ тя-

жести въ душу свою. Многое, что теперь творится для «общихъ условій жизни», покажется тогда и гнуснымъ, и безчеловѣчнымъ.

— Вы говорите какъ Толстой...

— Съ тѣхъ поръ, какъ Толстой передѣлалъ Евангеліе, я пересталъ Его любить, перебилъ меня Маликовъ. Я понялъ сатанинскую гордыню этого человѣка...

Маликовъ всегда при этомъ раздраженно вспоминалъ эпизодъ о томъ, какъ Левъ Николаевичъ приступалъ къ обсужденію Евангелія съ точки зрѣнія свободы совѣсти.

— Когда Левъ Николаевичъ задумалъ это дѣло, то собралъ насъ нѣсколько человѣкъ, — разсказывалъ А. К. Между нами былъ нѣкто Орловъ, человѣкъ уважаемый всѣми и имѣвшій связи съ самыми высшими и самыми низшими слоями московскаго общества. Левъ Николаевичъ тоже любилъ Орлова, но только не любилъ, когда онъ бывалъ выпивши. А это съ нимъ случалось нерѣдко. Но въ упомянутый вечеръ Орловъ былъ трезвъ. Когда Толстой привелъ свои доводы на передѣлку Евангелія и просилъ совѣта какъ приступить къ передѣлкѣ его, возникъ оживленный споръ. Никто не замѣтилъ, какъ Орловъ вышелъ. Къ концу бесѣды вдругъ отворяется дверь, входитъ Орловъ, и прямо направляется къ Льву Николаевичу.

— А, что дорогой, Левъ Николаевичъ, вѣдь вы должны согласиться, что святая книга можетъ быть написана только святымъ человѣкомъ,—началъ онъ заплетающимся языкомъ.

Всѣ смутились, и главное удивились, когда и какъ успѣлъ напиться Орловъ.

— Да, конечно,—отвѣтилъ ему Левъ Николаевичъ своимъ всегда ласковымъ, но уже нѣсколько взволнованнымъ тономъ,—нужно быть нравственно чистымъ и, главное, съ высокими духовными качествами.

— Кто-же изъ насъ можетъ это сдѣлать?— продолжалъ Орловъ.

— А вотъ я и пригласилъ всѣхъ посовѣтоваться.

— Такъ знайте-же, что это дѣло я беру на себя, буду его дѣлать одинъ и непремѣнно въ такомъ видѣ, каковъ я есть сейчасъ. Вы меня поняли, господа?—заключилъ Орловъ, обращаясь ко всѣмъ остальнымъ.—Эхъ, вы!.. закончилъ онъ и вышелъ.

Съ тѣхъ поръ, продолжалъ А. К., Левъ Николаевичъ никогда больше не поднималъ разговора объ этомъ и мы считали, что вопросъ Орловымъ исчерпанъ, потому что никто не чувствовалъ себя святымъ. Однако вышло не такъ. Толстой взялся за работу одинъ...

(Приведено въ газетѣ: «Приволжскій Край» 1904 г., № 101).

Желая продолжать на эту тему разговоръ съ Маликовымъ, я опять повторилъ ему, что онъ самъ иногда говоритъ о религіозныхъ предметахъ не съ точки зрѣнія догматовъ, а по внутреннему убѣжденію совѣсти, какъ Толстой...

Онъ горячо перебилъ меня:

— Во многомъ да, а больше—нѣтъ... Толстовцемъ я былъ тогда, когда и самъ Толстой имъ не былъ. Тогда, въ семидесятыхъ годахъ, я изъ христіанства создалъ какое-то сентиментальное ученіе о непротивленіи и любви ко всѣмъ; а теперь, съ переходомъ въ православіе, я вижу, что ученіе Христа мощно не только духомъ, но и тѣломъ. Государство также нуждается въ Богѣ, а Л. Толстой не нуждается въ государствѣ. Организовать добро принудительно—онъ не допуститъ въ своей философіи. А между тѣмъ Христосъ противъ зла ополчается, какъ настоящій воинъ: торгашей изгоняетъ силой изъ храма, безплодную смоковницу приказываетъ сжечь, зерна ссыпать въ амбары, а солому спалить... Вотъ и преподобный Сергій благословилъ именемъ Христа Дмитрія Донского на татаръ, а они двѣсти лѣтъ были нашимъ законнымъ правительствомъ. Значитъ, этому праведнику не запрещало ученіе Христа обнажать мечъ тамъ, гдѣ это было нужно... «Лежитъ сей на паденіе и возстаніе многихъ», сказалъ Симеонъ Богопріимецъ, а мы какое-то непротивленіе проповѣдуемъ. Христіанство превратили въ сентиментализмъ, тогда какъ оно животворитъ и личность, и государство.

— Но въ государствѣ нужны и суды, и тюрьмы, и наказанія...

— Что же изъ этого? Въ человѣкѣ гуляетъ не только доброе, но и злое. Вотъ и бей послѣднее палкой и тюрьмой... Чего же это церемониться съ плотью-то, когда она манитъ меня на грѣхъ и преступленіе?! Мстить ей не надо и выме-

щать на ней свою злобу, а укротить ее и подчинить разуму—необходимо. Сочиненное Толстымъ христіанство этого не позволяетъ, а въ православіи строго различается христіанинъ отъ преступника, добродѣтельный человѣкъ отъ порочнаго. Послѣдній не имѣетъ права на потаканье ему. Пусть онъ почувствуетъ на себѣ всю силу гнѣва людей на его порокъ, и пусть онъ исправится. Непротивленіемъ мы его развратимъ еще болѣе и убьемъ совсѣмъ его пониманіе о дозволенномъ и недозволенномъ. Принудить его надо не нарушать интересы всѣхъ, если онъ самъ не догадывается. Для того и существуетъ государство, и православіе не противится принужденію человѣка къ добру силой.

— Въ этомъ духѣ,—сказалъ я,—проповѣдуетъ православіе въ русской журналистикѣ и Левъ Тихомировъ.

При упоминаніи о немъ, Маликову стало какъ-то не по себѣ.

— Вы какъ на него смотрите?—продолжалъ я.—Вѣрите ли вы въ его раскаяніе и преданность православію?

— Представьте, что не вѣрю,—грустно отвѣтилъ Маликовъ.—Говорятъ, что Тихомировъ подвергаетъ себя аскетизму, и все-таки я не вѣрю въ его православіе. Въ книгѣ «Почему я пересталъ быть революціонеромъ»—онъ признается, что по существу онъ не могъ быть измѣнникомъ въ революціонной партіи, такъ какъ никогда не раздѣлялъ всецѣло ея ученія, и потому переходъ его къ охранителямъ вполнѣ естественъ... Да, естественно не раздѣлять всецѣло ученіе революціонеровъ, но не естественно всецѣло раздѣлять ученіе реакціонеровъ, во главѣ которыхъ стоитъ теперь Л. Тихомировъ! Онъ даже въ религіозной сферѣ предлагаетъ прежде увѣровать въ попа, а потомъ въ Бога...

— Ваше ученіе о смыслѣ жизни тоже очень земное, Александръ Капитоновичъ. Оно и судитъ, и наказываетъ человѣка...

Маликовъ сердито сверкнулъ на меня глазами, но, сдержавшись, отвѣтилъ:

— Православіе—не сентиментализмъ Л. Н. Толстого. Оно должно побѣдить міръ...

— На чемъ же вы основываете такое предсказаніе?—спросилъ я.

— На природѣ православія. Оно вмѣщаетъ въ себѣ всякую философію, и въ ней найдутъ себѣ удовлетвореніе и фетишистъ, и магометанинъ, и аскетъ. Человѣкъ вѣдь въ одно время и фетишистъ, и магометанинъ, и христіанинъ-постникъ. Все это есть въ православіи: фетишистъ найдетъ богатую символистику, которой онъ и поклонится; магометанинъ встрѣтитъ благословеніе въ любви къ женщинѣ и право обнажить мечъ въ защиту своихъ интересовъ, но безъ мести врагу; аскетъ-постникъ встрѣтитъ идею человѣколюбія и воздержанія. Нѣтъ такой философіи, которую бы православіе не вмѣщало; нѣтъ людей, которыхъ бы оно не удовлетворяло, со всѣми своими формальностями... Вы ихъ не чувствуете еще... А вотъ къ моимъ годамъ, послѣ того, какъ жизнь помнетъ васъ и самую смерть будешь ждать съ любовью, вы почувствуете, что человѣку нужно все въ православіи: и духъ его, и формы. Такъ-то, — закончилъ Маликовъ свою бесѣду: — долго я блуждалъ вокругъ и около Бога, пока вдругъ не наткнулся прямо лицомъ къ лицу съ Нимъ. Со всякимъ это случается «вдругъ»... Самая встрѣча-то. Но чтобы почувствовать и полюбить Его при встрѣчѣ, нужны годы страданій и неослабленная потребность кого-нибудь любить, кому-нибудь вѣрить и чему-нибудь въ своей жизни молиться. Православіе—все даетъ человѣку и, въ свою очередь, беретъ его всего, съ наукою, съ государствомъ и безсмертной душой...

Я не сомнѣвался въ искренности Маликова и, главное, въ томъ, что онъ достигъ душевнаго порта и былъ счастливъ. Я зналъ, что по тѣмъ же путямъ, по которымъ онъ ходилъ всю жизнь, идетъ множество интеллигентныхъ людей. Православіе дѣтскихъ лѣтъ вытѣснялось у нихъ нигилизмомъ; нигилистическое направленіе перерождалось въ революціонное; послѣднее—въ метафизическое христіанство; а затѣмъ измученный человѣкъ сознательно переходилъ въ православіе, внося въ него всю силу неудовлетворенной жизни предыдущихъ лѣтъ, по народному замѣчанію, «что въ колыбелькѣ—то и въ могилку»... Этотъ типъ людей, ищущихъ всю жизнь правды, полагаю, не безъинтересенъ для характеристики нѣкоторой части русскаго общества за послѣдніе годы.

Смерть А. К. Маликова 8-го марта текущаго года вызвала въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 12-го марта слѣдующія сочувственныя строки:

«По отзывамъ лицъ, знавшихъ покойнаго, онъ былъ человѣкъ рѣдкихъ нравственныхъ достоинствъ и высокихъ душевныхъ качествъ. Отличаясь цѣльнымъ характеромъ, онъ до конца жизни сохранилъ неприкосновенными лучшія черты юношескаго идеализма. Послѣднее время покойный служилъ при постройкѣ полоцкъ-сѣдлецкой линіи, въ качествѣ агента по отчужденію имуществъ, и пользовался не только любовью своихъ сослуживцевъ, но и большимъ уваженіемъ среди мѣстнаго крестьянскаго населенія, съ которымъ ему много приходилось сталкиваться по дѣламъ службы и къ нуждамъ котораго онъ относился всегда внимательно. Умеръ А. К. Маликовъ отъ сыпного тифа, заразившись, при служебныхъ разъѣздахъ по деревнямъ виленской губерніи. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ интересныхъ и характерныхъ участниковъ и свидѣтелей провинціальнаго оживленія и подъема духа, охватившихъ русское общество въ семидесятыхъ годахъ. Послѣ покойнаго осталась большая семья, въ томъ числѣ трое малолѣтнихъ дѣтей, безъ всякихъ средствъ существованія».

Въ заключеніе нашихъ воспоминаній о «семидесятникахъ», въ лицѣ «маликовцевъ», не безъинтересно будетъ привести о нихъ мнѣніе Л. Н. Толстого, предшественниками котораго они несомнѣнно были и съ которымъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Москвѣ мнѣ пришлось разговориться о нихъ. Его мнѣніе о нихъ я помѣстилъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ, вскорѣ послѣ смерти А. К. Маликова, и теперь повторю изъ того некролога нижеслѣдующія слова Л. Н. Толстого:

Все, что отвращаетъ человѣка отъ насилій и отъ свободы страстей къ дисциплинѣ надъ собственной природой,— имѣетъ непосредственную связь. За Маликовымъ всегда останется заслуга въ томъ, что онъ почувствовалъ всю мерзость прежней жизни, и его потянуло къ христіанской, вопреки господствующимъ въ то время мнѣніямъ о прогрессѣ... Такіе люди мнѣ милы. Но Маликовъ не остановился на этомъ, и какъ въ Америкѣ, такъ и въ Россіи, его послѣдователи приравняли божественное ученіе къ земному; предметъ вѣры обратился у нихъ въ средство для достиженія

временныхъ и житейскихъ цѣлей: въ Америкѣ—для устройства коммунистической колоніи, а совершенствованіе духа ушло куда-то въ сторону... Въ семидесятыхъ годахъ очень злоупотребляли Евангеліемъ для общественныхъ цѣлей: то для бунта, то для мирной коммуны. Забывалось, что евангелизмъ—долженъ быть дѣломъ личнаго для каждаго человѣка совершенствованія... Восходитъ эта потребность возрожденія къ человѣку таинственно; онъ начинаетъ стремиться къ нравственной чистотѣ и удаленію отъ участія въ худыхъ дѣлахъ... Вотъ тутъ Евангеліе ему и нужно. Въ семидесятыхъ годахъ эту святую книгу превратили во внѣшнее условіе нашей жизни, а для души ничего не оставили. Я часто думалъ,—оживленно воскликнулъ Толстой:—отчего это христіанское движеніе семидесятыхъ годовъ сошло на нѣтъ? «Маликовцы» уѣхали въ Америку и потомъ вернулись въ Россію совершенно обезличенными людьми... Не стоило ѣздить такъ далеко, чтобы исповѣдывать то, чѣмъ они теперь, на старости лѣтъ, «утѣшаются». Когда всѣ люди станутъ христіанами, то и всѣ общественныя цѣли—«для другихъ людей»—осуществятся сами собою; но люди достигнутъ этого только тогда, когда увлеченіе евангельскимъ ученіемъ будетъ нужно имъ само по себѣ, а не только ради соціальныхъ цѣлей. Послѣднія могутъ и не осуществиться, но евангельское ученіе должно остаться для человѣка на всю жизнь. Въ средѣ «маликовцевъ» смотрѣли, насколько мнѣ извѣстно, иначе на возрожденіе человѣка. Когда они не могли устроиться въ Америкѣ, по недостатку умѣнья трудиться въ коммунѣ и жить въ мирѣ между собой, они вернулись въ Россію безъ Евангелія. Разстроилась коммуна—и все дѣло ихъ растроилось... Вотъ какъ мнѣ представляется это дѣло Маликова, умолкшее въ русскомъ обществѣ такъ быстро и безъ преемственности. Еслибы эти люди ставили евангельское самосовершенствованіе дѣломъ личнымъ и обязательнымъ для каждаго человѣка, чтобы его вѣрованіе не шло въ разрѣзъ съ его образомъ жизни, то такое дѣло не могло бы имѣть конца и жило бы въ нихъ самихъ и по возвращеніи на родину, привлекая на свой свѣтъ множество другихъ людей. Но они, по возвращеніи въ Россію, слились по своимъ убѣжденіямъ съ большинствомъ людей и затерялись среди нихъ...

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Содержаніе.

	стр.
Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ	3
Порфирій Ивановичъ Войнаральскій	172
«Мерзлый русскій»	213
Изъ тайговой жизни	233
Въ народѣ	255
Карійка	267
Наша Вандея	281
Первый въ Россіи санкюлотъ	285
Предшественники Льва Николаевича Толстого	291

Библиотека
Института [illegible]